

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1 / 2026

THE SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 1 / 2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, проф.

Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук

Волков Владимир Алексеевич, докт. ист. наук, проф.

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук

Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф.

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф.

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф.

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф.

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

THE SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015
SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov
Editor-in-Chief

Maksim Zhikh
Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin
Managing Editor

Irina Lobacheva
Editor-Translator

PhD in History, Professor German Artamonov

Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev

Doctor of History, Professor Vladimir Volkov

PhD in History Lidia Groth

Doctor of History Vladimir Kulakov

Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov

Doctor of History, Professor Alexander Maiorov

Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov

Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin

* * *

E-mail: mail@histformat.com
Website: <http://histformat.com/>

ПОПЕЧИТЕЛИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»

2026:

Анзимиров Лев Владиславович
Барейша Илья Сергеевич
Вотрин Дмитрий Вячеславович
Грот Лидия Павловна
Ковпак Алиса Игоревна
Кондорский Борис Михайлович
Матвейчев Олег Анатольевич
Мовилов Дмитрий Вячеславович
Назин Сергей Владимирович
Савенко Виктория Викторовна
Таймасова Людмила Юлиановна
Тарло Антон Евгеньевич
Чистяков Николай Дмитриевич
Шилов Мстислав Вячеславович
Шиловский Максим Александрович
Шохин Александр Вячеславович
Щербинина Екатерина Викторовна

**Редакция «Исторического формата» благодарит всех,
кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру»,
и персонально:**

Базлова Григория Николаевича
Вассина Игоря Борисовича
Козлова Александра Васильевича
Лебедеву Маргариту Валерьевну
Максименко Георгия Захаровича
Пайора Евгения Викторовича
Попова Олега Юрьевича
Самусева Дмитрия Николаевича
Смирнова Владимира Александровича
Суржика Дмитрия Викторовича
Тимкина Сергея Леонидовича
Фролова Ивана Викторовича

Научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: <http://histformat.com/donate/>

<http://histformat.com/donate/>

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<u>ПАМЯТИ АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА БОГДАНОВА</u> <u>IN MEMORY OF ANDREY PETROVICH BOGDANOV</u>	10
В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова <u>ЖЕЛЕЗО – ЧЕЛОВЕК – СОЦИУМ</u> Vladimir Zavyalov, Nataliya Terekhova <u>IRON – HUMAN – SOCIETY</u>	11
В.И. Кулаков <u>КОМПЛЕКСЫ С ЗАСТЕЖКАМИ ТИПА TIERKOPFFIBEL В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ ЭПОХИ МЕРОВИНГОВ</u> Vladimir Kulakov <u>ASSEMBLAGES WITH TIERKOPFFIBEL-TYPE BROOCHES IN THE SOUTH-EASTERN BALTIC OF THE MEROVINGIAN PERIOD</u>	22
В.И. Меркулов, И.Л. Рожанский <u>К ИДЕНТИФИКАЦИИ ОСТАНКОВ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АГАФИИ ВСЕВОЛОДОВНЫ И ДРУГИХ РЮРИКОВИЧЕЙ,</u> <u>ПОГИБШИХ ПРИ ОСАДЕ ГОРОДА ВЛАДИМИРА ВОЙСКОМ БАТЫЯ В 1238 ГОДУ</u> Vsevolod Merkulov, Igor Rozhanskii <u>ON THE IDENTIFICATION OF THE REMAINS OF GRAND PRINCESS AGAFIA VSEVOLODOVNA AND OTHER RURIKIDS</u> <u>WHO PERISHED DURING THE SIEGE OF VLADIMIR BY BATU'S ARMY IN 1238</u>	33
Д.С. Логинов <u>ФИННО-УГРЫ, БАЛТЫ И СЛАВЯНЕ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.</u> Dmitry Loginov <u>FINNO-UGRIANS, BALTS, AND SLAVS IN THE RYAZAN OKA REGION IN THE 1st MILLENNIUM CE</u>	39
Л.П. Грот <u>ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ НОРМАНИЗМА ЮХАННЕС МАГНУС И ПЕРВЫЙ АНТИНОРМАНИСТ ШВЕЦИИ ОЛАУС ПЕТРИ</u> Lydia Grot <u>THE SPIRITUAL FATHER OF NORMANISM JOHANNES MAGNUS AND SWEDEN'S FIRST ANTI-NORMANIST OLAUS PETRI</u>	53
С.В. Томсинский <u>ЛЕНИНГРАДСКИЙ НЕОНОРМАНИЗМ. ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БЕРЕГА ОБЕТОВАННЫЕ</u> Sergey Tomsinsky <u>LENINGRAD NEO-NORMANISM. PART FOUR. THE PROMISED SHORES</u>	73
В.Д. Пузанов <u>ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX-XX В.</u> Vladimir Puzanov <u>PROBLEMS OF THE INCORPORATION OF SIBERIA INTO THE RUSSIAN STATE IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS</u> <u>OF THE LATE 19th and 20th CENTURIES</u>	119
Л.В. Анзимилов <u>АТРИБУЦИЯ ПАРНЫХ КУПЕЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ ИЗ СОБРАНИЯ РЯЗАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ</u> Lev Anzimirov <u>ATTRIBUTION OF PAIRED MERCHANT PORTRAITS FROM THE COLLECTION OF THE RYAZAN ART MUSEUM</u>	125

И.Ю. Васильев

КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ

Igor Vasilyev

SURVIVAL COLLECTIVES OF THE KUBAN COSSACKS: THE ECONOMIC FUNCTION 135

С.Н. Азбелев

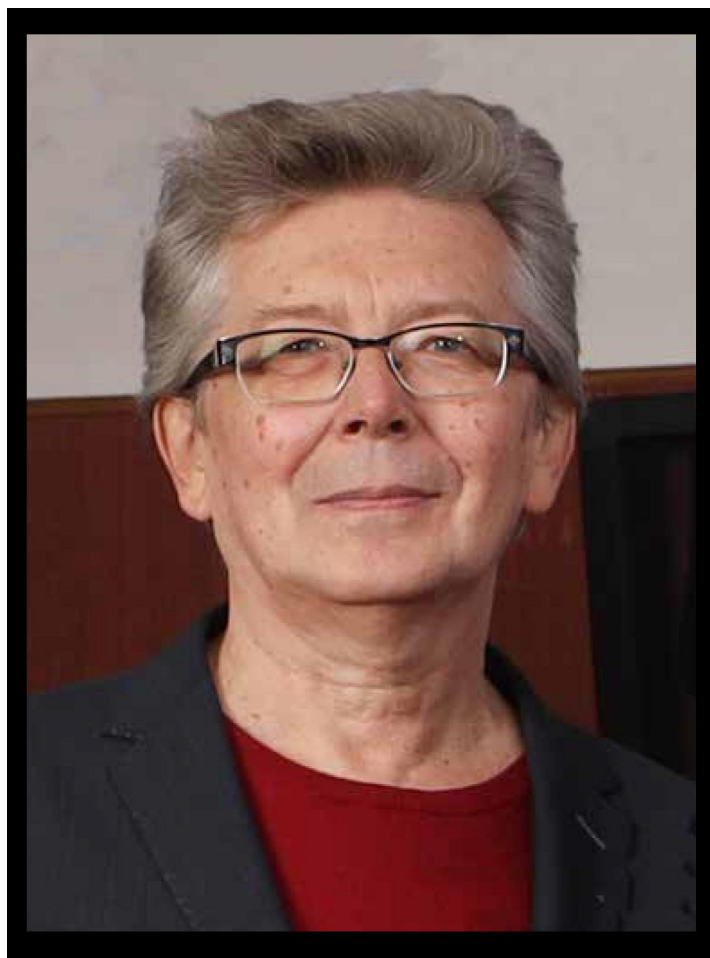
БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XIV-XV СТОЛЕТИЙ

Sergey Azbelev

BYLINY AND HISTORICAL EVENTS OF THE 14th-15th CENTURIES 140

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL. 147

БОГДАНОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ

(28.12.1956 – 28.02.2026)

28 февраля 2026 г. скончался Андрей Петрович Богданов – доктор исторических наук, крупнейший исследователь истории России XVII века. Научная деятельность А.П. Богданова была тесно связана с Институтом российской истории РАН, в котором он прошёл путь от младшего до ведущего научного сотрудника Центра по изучению отечественной культуры.

Познакомиться с Андреем Петровичем довелось свыше двадцати лет назад на одной из конференций в ИРИ РАН. С тех пор поддерживали контакт, обменивались соображениями. С 2018 г. А.П. Богданов стал членом редколлегии журнала «Исторический Формат», высоко оценивая нашу работу.

А.П. Богданов занимался широким кругом проблем источниковедения, политической и военной истории России, истории Церкви, культуры и общественной мысли. Среди его основных трудов можно перечислить «От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века», «Московская публицистика XVII века», «Александр Невский», «А.В. Суворов. Правила военного искусства», «Царь-реформатор Фёдор Алексеевич: старший брат Петра I», двухтомник «Русские патриархи. 1589-1700» и многие другие.

Незадолго до смерти Андрей Петрович радостно поздравлял всех нас с 10-летним юбилеем «Исторического Формата». Он так и написал: «Ура! 10 лет – огромный срок для научного журнала в наше время». И это действительно так. Теперь А.П. Богданов навсегда с нами. Светлая память!

ЖЕЛЕЗО – ЧЕЛОВЕК – СОЦИУМ

В.И. Завьялов¹, Н.Н. Терехова²

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: v_zavyalov@list.ru

¹SPIN-код: 1138-6315

²SPIN-код: 4367-0850

АННОТАЦИЯ

В статье представлена авторская концепция культурно-исторического развития технологии железопроизводства. Рассмотрены результаты изучения истории становления железной индустрии в Евразии. Динамика развития черной металлургии отражает общую закономерность познания человеком процесса превращения веществ под воздействием высоких температур. Суммируя накопленные к настоящему времени археометаллургические данные, можно заключить, что первоначальное знакомство с изделиями из черного металла, как правило, не приводит к становлению собственного производства. Лишь появление населения, владеющего этой технологией, создает предпосылки для возникновения местной железообработки. В целом, можно рассматривать черную металлургию с момента ее открытия и освоения, как базисную основу развития человеческого общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Железный век, Северная Евразия, железо, артефакты, технология, производство, социум.

IRON – HUMAN – SOCIETY

Vladimir Zavyalov, Nataliya Terekhova

Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, The Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: v_zavyalov@list.ru

ABSTRACT

The article presents the author's concept of the cultural and historical evolution of iron production technology. It examines the results of research into the emergence and development of the iron industry in Eurasia. The dynamics of the development of ferrous metallurgy reflect a general pattern in how humans have come to understand the transformation of substances under high temperatures. Summarizing the archaeometallurgical data accumulated to date, it can be concluded that initial contacts with ferrous-metal objects do not typically lead to the emergence of independent local production. Only the appearance of a population proficient in this technology creates the prerequisites for the development of a local ironworking industry. In general, ferrous metallurgy can be viewed as the foundational basis for the development of human society since the time of its discovery and mastery.

KEYWORDS: Iron Age, Northern Eurasia, iron, artifacts, technology, production, society.

Исследование выполнено в рамках темы НИОКТР ИА РАН № 126011315527-2

«Производство железа было величайшим из событий в истории человеческого опыта, не знающим ничего сходного и не имеющим себе равного, в сравнении с которым все другие изобретения и открытия представляются незначительными или, по крайней мере, подчиненными». Эти слова Льюиса Моргана как нельзя лучше иллюстрируют то значение, которое имело железо для развития цивилизации.

Процесс открытия и освоения черного металла давно привлекает внимание ученых как в историко-техническом, так и в социально-экономическом аспектах. Проблемам становления железообрабатывающего производства в различных регионах Евразии уделяется большое внимание как со стороны специалистов по ар-

хеометаллургии, так и археологов. При этом основным методом изучения кузнечного ремесла является метод археометаллографии, внедренный в археологию Борисом Александровичем Колчиным (Колчин 1953; 1959). Суть этого метода заключается в микроскопическом изучении структуры артефакта, что позволяет реконструировать технологию изготовления, материал и рабочие свойства предмета.

Основываясь на работах наших предшественников, обобщив накопленный в лаборатории естественнонаучных методов РАН банк аналитических данных по технологии изготовления древних предметов из железа и стали в настоящей статье мы представляем авторскую концепцию культурно-исторического развития техно-

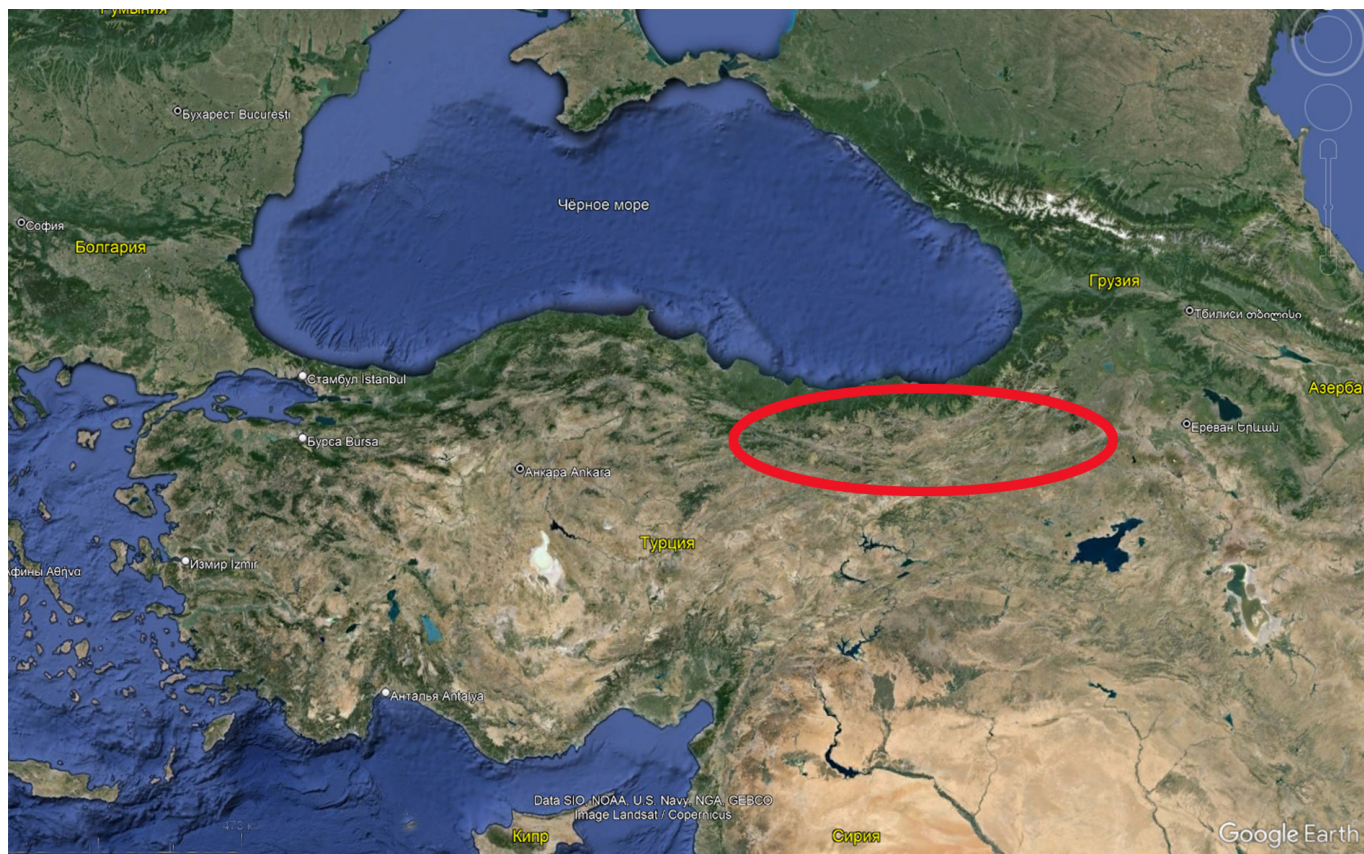

Рис. 1. Гипотетический регион первоначального освоения черной металлургии

логии железнотрудуводства в Северной Евразии. Следует подчеркнуть, что динамика развития черной металлургии, как и металлургии бронзы, отражает общую закономерность познания человеком процесса превращения веществ под воздействием высоких температур, то есть переход из одного состояния (руда) в другое (металл).

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос, что позволило железу вытеснить бронзу из сферы производства орудий труда и оружия. Основная причина кроется в физических свойствах черного металла. Железо наиболее распространенный на Земле металл после алюминия. В череде превращений элементов друг в друга оно является конечной точкой. Именно этим и объясняется высокое распространение железа в природе. Это позволило железу ликвидировать зависимость большинства сообществ от немногочисленных центров производства цветного металла: медь и бронза представляли в эпоху палеометалла наиболее прогрессивный в технологическом плане продукт производства. Но сменившее их железо кроме распространённости на всей территории ойкумены, обладало целым рядом преимуществ: оно было тверже, более износостойко, позволяло получать и сохранять более острые лезвия.

Открытие и развитие технологии обработки черных металлов имеет кардинальное значение в обеспечении жизнедеятельности человека. Отсюда ясно, что изуче-

ние этого явления следует рассматривать как актуальную проблему в развитии различных социумов. По словам Л. Моргана, именно освоение железа стало основным фактором перехода от варварства к цивилизации (Морган 1934: 28).

Развитие железной индустрии расширило возможности повышать жизненный уровень общества. Наиболее наглядно это проявилось в лесной зоне, где железные орудия способствовали совершенствованию таких отраслей как сельское хозяйство, домостроительство, военное дело. С распространением железного топора и наральника стало возможным развивать пашенное земледелие, требовавшее вырубki лесных массивов и обработки тяжелых почв. Железный инструментарий по обработке древесины сделал возможным возводить прочные наземные постройки. Развитие черной металлургии предоставило воинам более качественное в технологическом плане оружие и защитный доспех.

Аналитические (металлографические) данные позволяют отнести начало металлургического производства железа к концу III – началу II тыс. до н.э. Именно к этому времени относятся достоверно определяемые изделия, имеющие металлургическое происхождение (Аканута 2003; 2006; Muhly et al. 1985: 77-79).

Мы придерживаемся моноцентрического взгляда на открытие способов получения железа и разделяем мнение тех исследователей, которые считают прародиной черной металлургии Анатолию (рис. 1). В этом

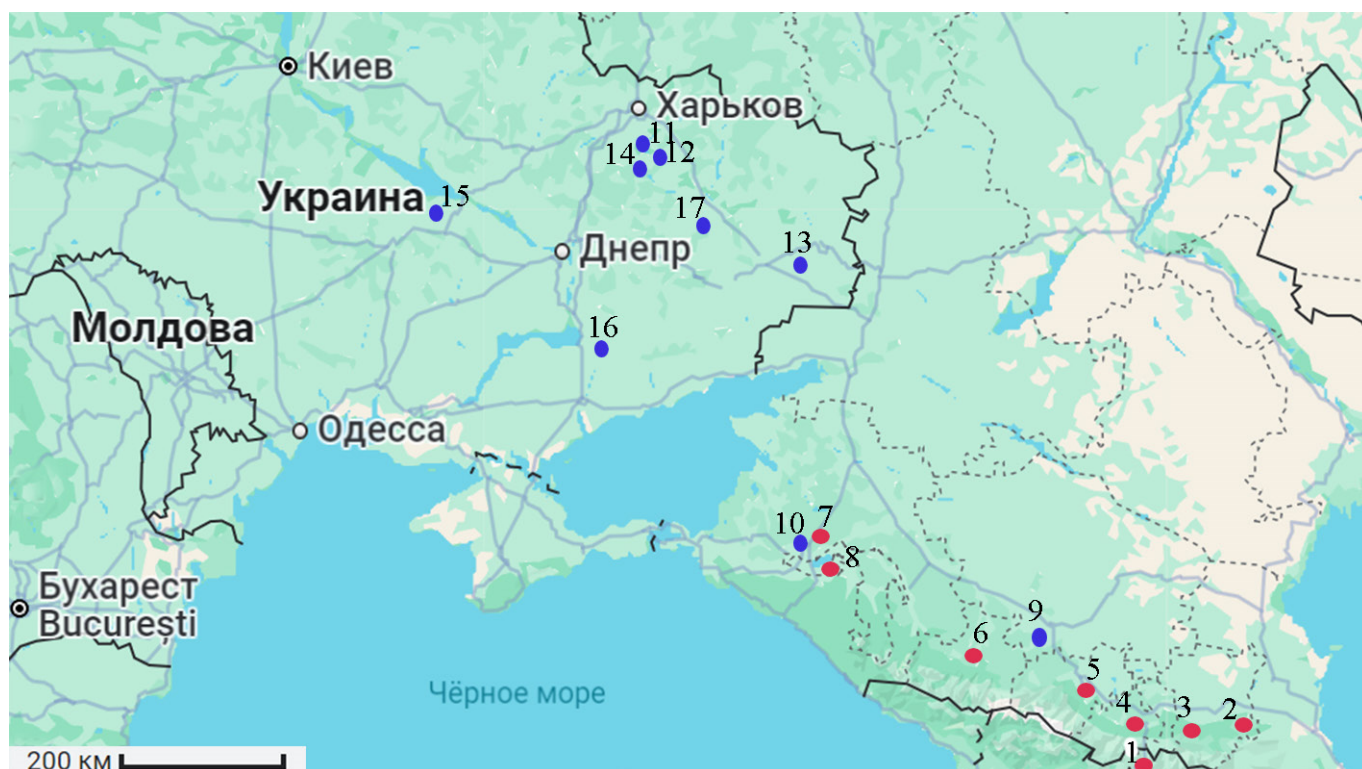

Рис. 2. Расположение памятников Восточноевропейской (синие точки) и Закавказской (красные точки) производственных моделей переходного периода от бронзы к железу: могильники: 1 – Тлийский; 2 – Сержень-Юрт; 3 – Луговой; 4 – Нартан; 5 – Аллерой; 6 – Уллубаганалы II; 7 – Келермесский; 8 – Фарс; 9 – Клин Яр; 10 – Пшиш; поселения: 11 – Любовка; 12 – Тимченки; 13 – Вишневый Дол; 14 – Великая Тополяха; 15 – Суботово; 16 – Ташлык I; 17 – Бондариха

регионе существовали объективные условия, такие как опыт работы с цветными металлами, целенаправленный поиск и осознание свойств рудных минералов, способных превращаться в металл, пиротехнические сооружения, достижение высоких температур за счет искусственного дутья, освоение углежжения. Лингвистическим подтверждением этому является свидетельство Аристотеля о зарождении металлургии железа в стране халибов-хатти (Иванов 1983: 100), населявших Анатолию в III – нач. II тыс. до н.э.

Рассматривая проблему начального этапа освоения человеком черного металла, нельзя обойти вопрос об использовании метеоритного железа. По мнению ряда исследователей, знакомство с метеоритным железом послужило предпосылкой к освоению железа металлургического (Иванов 1983: 39; Maddin 1984).

Хотя знакомство человека с метеоритным железом (конец IV тыс. до н.э.) произошло раньше освоения способа металлургического получения черного металла, на наш взгляд эти процессы не были связаны. Обработка метеоритов ограничивалась лишь механическим воздействием с целью трансформации формы и никак не увязывалась с процессом превращения веществ. Следует иметь в виду, что использование такого материала как метеоритное железо не могло быть сколько-нибудь регулярным (Бидзиля и др. 1983: 9; Coghlan 1956: 36). Во-первых, железные метеориты составляют

незначительную часть всех выпавших на Землю болидов, среди которых преобладают каменные. Во-вторых, локализовать место падения метеорита было возможно только для сравнительно крупного тела. И, наконец, древние металлурги могли использовать лишь небольшие фрагменты метеорита, поскольку имеющиеся в их распоряжении инструменты не позволяли откалывать или отпиливать куски от многокилограммовых метеоритов. Таким образом, изготовление предметов из метеоритного железа носило случайный и спорадический характер и не способствовало выработке навыков обработки железа и зарождению идеи металлургического получения этого металла (Арешян 1976: 87).

Ряд исследователей считает, что переход от производства бронзовых орудий к индустрии железа обусловлен открытием в конце II тыс. до н.э. специфических приемов обработки железа (цементация и термообработка), в несколько раз повышавших механические свойства черного металла по сравнению с бронзой (Muhly 2003; Pickles 1988). Однако из результатов многочисленных экспериментов и металлографических анализов древнейших железных изделий железных изделий из слоев периода поздней бронзы Аладжа Хююка, Богазкея (Crew, Salter 1991: 21; Kmošek 2015; Moorey 1994: 278; Pleiner 2000: 132; Pleiner 2006: 226; Snodgrass 1980: 338; Wang, Crew: 2009: 400), известно, что металл, получаемый древними металлургами представлял

не чистое железо (структурная составляющая феррит), а сырцовую (неравномерно науглероженную) сталь (Notis et al. 1986: 276; Tylecote et al. 1971; Erb-Satullo 2019: 577), которая по твердости вполне могла быть сопоставима с бронзой. По данным Р.Ф. Тайлекота, «клинок из неравномерно науглероженной малоуглеродистой стали тверже и более ковкий, чем отлитый из бронзы» (Tylecote 1976: 40). Таким образом, еще до открытия способов искусственного получения стали путем цементации и термообработки имелись предпосылки для вытеснения бронзы железом.

Итак, на рубеже II – I тыс. до н.э. на территории Восточного Средиземноморья железо становится основным материалом при производстве орудий труда и оружия («working iron» по Э. Снодграссу – см. Snodgrass 1980). Позднее, в начале I тыс. до н.э., железная индустрия распространяется на Закавказье, Северный Кавказ, Балканы, Центральную и Западную Европу, Северное Причерноморье, Иран, Индию. Это маркирует наступление эры железа.

Народы Восточной Европы и Сибири вступают в эпоху железного века в I тыс. до н.э. Этот процесс не был ни единовременным, ни поступательным. Так, если для регионов Северного Кавказа и Северного Причерноморья эпоха железа наступает уже в VIII в. до н.э., то население таежной зоны, Среднего Енисея осваивает железо лишь в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э., а в некоторых отдаленных регионах и позже. Периоды технологических новаций сменялись застоем и даже регрессом в производственной сфере. Эта неоднородность отразилась в формировании различных традиций (моделей) обработки черного металла, что фиксируется уже на самых ранних этапах становления железной индустрии (рис. 2) (Завьялов, Терехова 2019а).

На основании металлографических данных мы можем говорить о том, что в начале I тыс. до н.э. на территории Восточной Европы в сфере получения и обработки черных металлов формируются две модели. Одна из них – Восточноевропейская – представлена материалами памятников степной и лесостепной зоны Восточной Европы (Клин Яр III, Пшиш, Кубанский и Псепупский могильники, Софиевка, Верхний Бишкинь, Субботово). Она характеризуется использованием простых технологических приемов – формовка изделий из железа или сырцовой малоуглеродистой стали, то есть непосредственного продукта сыродутного процесса. Другая модель – Закавказская – прослежена по материалам из памятников Фарс, Сержень-Юрт, Тлийский могильник. Характерная особенность этой модели заключается в использовании таких специфических для обработки черного металла приемов как цементация и термообработка (главным образом мягкая закалка), что позволяло значительно повышать механические свойства изделий.

Первая модель формировалась в сфере гальштатских производственных традиций, использующих простейшие способы обработки металлургического сырья. Приемы улучшения свойств железных предметов (цементация, термообработка) здесь не фиксируются. Вторая модель характеризуется использованием разноо-

бразных высокотехнологичных для раннего железного века приемов, которые были открыты в Малой Азии в конце II тыс. до н.э.

Есть все основания связывать существование двух различных технологических моделей при едином источнике знаний о способах получения и обработки черных металлов с исторической ситуацией. Именно в XIII–XII вв. до н.э., когда были открыты инновационные способы обработки железа, в Восточном Средиземноморье из-за нашествия «народов моря» разрушаются торговые и культурные связи. Поэтому распространения новых технологий в западном направлении (в Европу) не происходит. В то же время путь в «северо-восточном» направлении – в Закавказье и на Северный Кавказ – оставался открытым. Исследователи справедливо рассматривают этот регион ключевым в понимании истории железной металлургии (Erb-Satullo et al. 2020: 2). Можно считать установленным, что железо на Кавказе получило широкое распространение в первой половине I тысячелетия до н.э., но начало внедрения нового металла может быть отнесено к концу II тысячелетия до н.э. Проведенные металлографические исследования позволили установить, что предметы изготавливались из различных сортов стали – мягкой (сыродутной) и твердой (цементированной) (Тавдзе и др. 1977; Завьялов, Терехова 2024).

Следует отметить, что индустрия железа быстро распространяется среди народов Кавказа. Уже в ранних погребениях Тлийского могильника кобанской культуры (XII – X вв. до н.э.) представлены железные артефакты (Вознесенская 1975). В основном это украшения (фибулы, пряжки). Но уже в погребениях X–IX вв. до н.э. появляются железные оружие и орудия труда.

Распространение в Восточной Европе высоких технологий обработки черного металла происходит в середине I тыс. до н.э. и тесно связано с развитием железообрабатывающего производства в Закавказье и на Северном Кавказе. Существенную роль в этом процессе сыграли скифские походы в Закавказье, что способствовало распространению новых технологий (Завьялов, Терехова 2025: 70).

Имеющиеся в нашем распоряжении аналитические материалы убедительно свидетельствуют о том, что зарождение железообработки в лесной полосе Восточной Европы проходило под воздействием внешних факторов. При этом в Волго-Камском регионе (ананьинская культурно-историческая область) кавказский импульс привел лишь к знакомству местного населения со способами получения черного металла и простейшими приемами его обработки. Высокотехнологичные приемы обработки железа и стали, хорошо известные кавказским мастерам, не вошли в производственную культуру местного населения (Завьялов и др. 2009: 68).

В Волго-Окском регионе (дьяковская культура) определяющую роль в становлении местного железообрабатывающего производства сыграл, по всей видимости, балтский производственный импульс (Завьялов и др. 2009: 166).

Причины различий в формировании ананьинской и дьяковской производственных моделей заключа-

ются, на наш взгляд, в степени инкорпорированности в местную среду носителей технологических инноваций. Что касается Волго-Камского региона, то, на основании археологических данных известно о существовании развитых торговых контактов между ананьинцами и населением Кавказа. Имеются свидетельства, что с Кавказа на Среднюю Волгу попадали не только вещи, но и люди (в том числе, добавим от себя, и ремесленники). Доказательством этого, как показала Н.Л. Членова, являются надгробные памятники (новомордовские стелы), на которых изображено типично кавказское оружие (Членова 1988: 3-5). Однако пребывание на Средней Волге выходцев с Кавказа, видимо, не было постоянным и внедрения их в местную среду не происходило. Не произошло и передачи в чуждую среду технологических секретов.

Другая этнокультурная ситуация складывалась в Волго-Окском регионе. Как уже было отмечено, здесь фиксируется инфильтрация в местную среду нового (балтского) населения. Внедрение в местную среду пришлового населения повлекло за собой и внедрение производственной модели, носителями которой являлись балты.

Особое значение в истории развития железообрабатывающего производства Северной Евразии занимает скифский период. Значимость скифской эпохе придает тот факт, что она демонстрирует становление государственности у кочевников. Отражением этого процесса является появление городов – ремесленных центров на территории степной Скифии.

Особенностью скифского периода в Восточной Европе является сосуществование двух взаимосвязанных групп с различным хозяйственным укладом: степные кочевники (собственно скифы) и оседлые обитатели лесостепи (с признаками скифской материальной культуры). Необходимые продукты ремесленного труда скифы получали у лесостепных племен, главным образом за счет обмена и/или военных набегов и посредством торговых контактов с греческими городами Причерноморья. Качественный скачок в развитии скифского общества приходится на конец V – первую половину IV в. до н.э., когда начинается процесс перехода части степного населения к оседлому и полuosедлому образу жизни, появляются города и формируются основы государственности.

Культурно близкие степным скифам лесостепные племена демонстрируют иную картину экономического развития. Основу ее составляли земледелие, скотоводство и ремесло, сконцентрированное на городищах – крупных производственных центрах (Бельское, Коломенское, Трахтемировское городища).

При изучении производственной культуры кочевых народов одним из принципиальных является вопрос о возможности существования в среде кочевников сложных технологических производств (в частности, металлургии и металлообработки).

По поводу этой проблемы у археологов нет единого мнения. Так, К.Ф. Смирнов считал, что кочевники (сарматы) были искусными кузнецами и занимались разработкой железных руд (Смирнов 1964: 60-62). С другой

стороны, М.Г. Мошкова полагает маловероятным, «чтобы кочевники... занимались бронзолитейным или железоделательным промыслом» (Мошкова 1989: 205).

Исходя из нашего многолетнего опыта изучения металлургической и кузнечной продукции, а также на основании проведения серии экспериментальных работ (Завьялов, Раткин 2009; Завьялов, Терехова 2021; Завьялов, Терехова 2023; Zavyalov 2018), мы придерживаемся мнения о том, что менталитет кочевников, их образ жизни не способствовали становлению в местной среде подобных сложных производств, которые требовали стационарных условий работы (длительные временные затраты на получение сырья и топлива, сложные пиротехнические сооружения, набор инструментов, специальных приспособлений и т.д.). При кочевом образе жизни приходилось довольствоваться нестабильными способами получения ремесленной продукции у оседлого населения (либо за счет торговли или обмена, либо за счет прямого грабежа, либо за счет дани). В частности, по мнению исследователей, изделия из металла поступали к скифам, главным образом, из поселений скифоидных племен Лесостепи (Гаврилюк 1989: 94).

Археометаллографические данные свидетельствуют о том, что Степная и Лесостепная зоны Скифии представляют две разные производственные модели, сформировавшиеся под влиянием различных инокультурных традиций (Завьялов, Терехова 2019б).

К моменту сложения крупного производственного центра в лесостепной зоне (Бельское городище) местное население уже было знакомо с простейшими приемами обработки железа (Шрамко и др. 1977; Шрамко, Буйнов 2012). Таким образом, формирование модели здесь было основано на сочетании местных и инновационных производственных традициях. Что касается инокультурного воздействия, то в формировании лесостепной модели существенную роль сыграли кавказский и античный производственные импульсы.

В степном производственном центре (Каменское городище) железообрабатывающее производство сложилось в условиях минимального предшествующего технологического опыта. Сложению кузнечных традиций не препятствовал местный производственный стереотип. Мы не видим постепенного развития технологических приемов от простых к сложным. Здесь появляются высокотехнологичные приемы внезапно и сразу. Есть все основания связывать становление черной индустрии с кавказским производственным импульсом. В частности об этом может свидетельствовать появление на Каменском городище таких приемов, как искусственное получение стали и особые виды термообработки (мягкая закалка, нормализация), широко представленные именно среди материалов из кавказских памятников (Завьялов, Терехова 2017).

Достаточно хорошо в аналитическом плане представлена и другая группа кочевников – сарматы. Уже на ранних этапах истории сарматов (VII-V вв. до н.э.) в их среде появляются изделия, изготовленные в высокотехнологичных приемах, которые можно связывать с кавказскими производственными традициями.

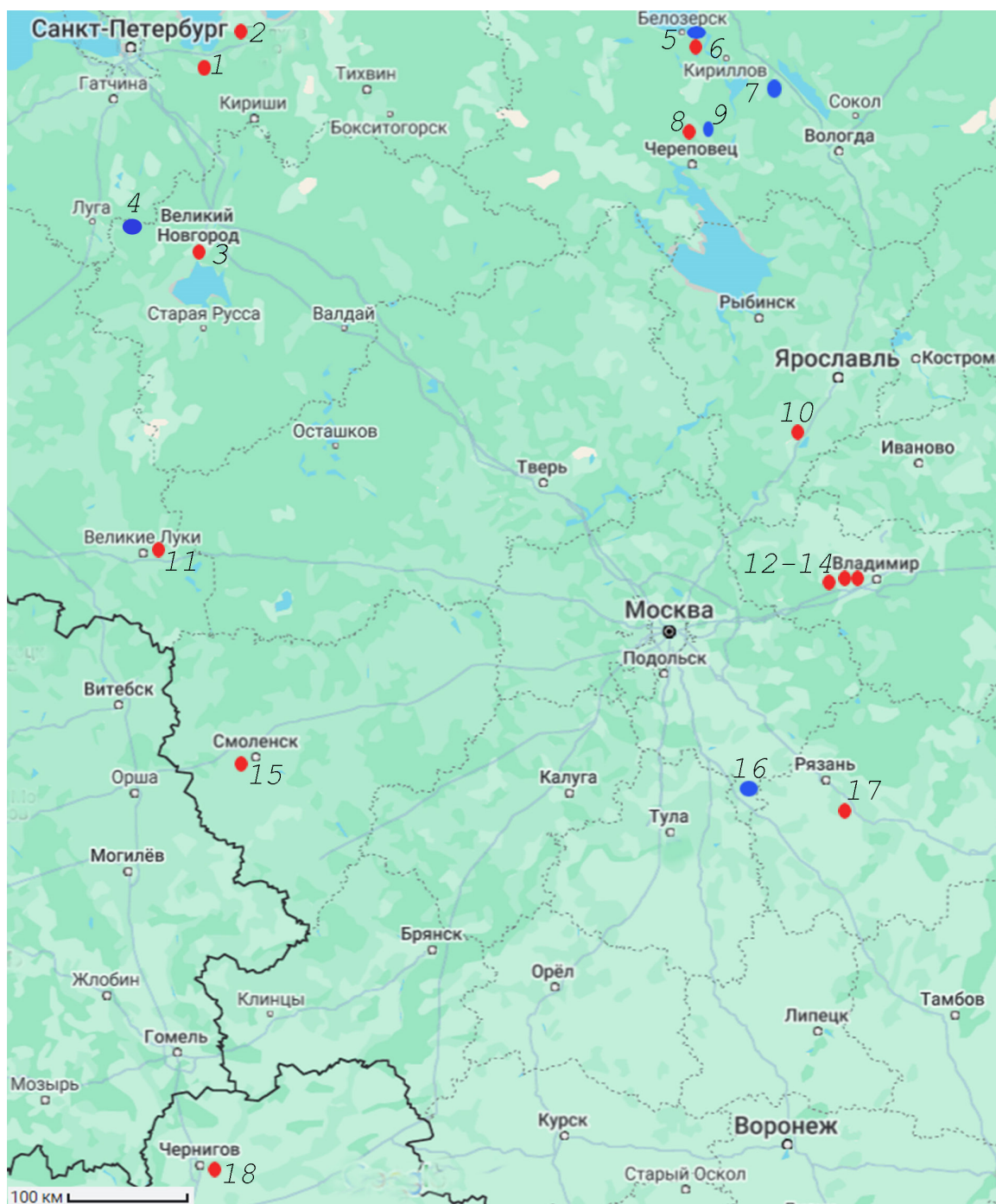
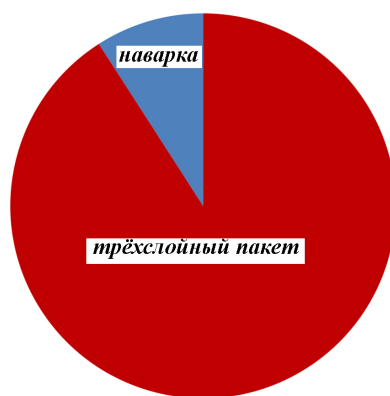

Рис. 3. Карта памятников IX – начала XII в., на которых преобладали трехслойные ножи (учтены памятники, где количество таких ножей превышает десять экз.). Красные точки – северо-европейский вариант, синие точки – восточноевропейский вариант: 1 – Старая Ладога; 2 – Приладожские курганы; 3 – Новгород; 4 – Передольский погост; 5 – Белоозеро; 6 – Крутик; 7 – Монино на Кубенском озере; 8 – Луковец; 9 – Кривец; 10 – Ростов; 11 – Городок на Ловати; 12 – Суздаль; 13 – селище Гнездилово; 14 – Введенское селище; 15 – Гнездово; 16 – селище Сосновка IV; 17 – Старая Рязань; 18 – Шестовицкие курганы

В более поздний период – прохоровская культура (IV–II вв. до н.э.) фиксируется негативная трансформация технологии производства железных изделий, а именно, преимущественное использование простых технологических приемов. Этот факт можно рассматривать как изменение в прохоровское время источника поступления изделий из черного металла в среду сарматов (Завьялов, Терехова 2019б).

Большой интерес с точки зрения распространения технологии обработки черного металла представляет

регион Южной Сибири. На основании аналитических данных можно говорить о двух ключевых факторах в истории становления железной индустрии в этом регионе. В V–III вв. до н.э. здесь впервые фиксируется появление железных артефактов, привнесенных в местную среду пришлым населением (возможно, саками). Однако это не послужило толчком к возникновению самостоятельного железообрабатывающего производства. Во II в. до н.э. – I в. н.э. в период экспансии хунну отмечено становления местного железопроизводства

вторая половина X - XI в.

XII в.

Рис. 4. Соотношение трехслойного пакета и наварки в Новгороде во второй половине X – XI в. и в XII в. (по: Завьялов, Розанова 1990)

под влиянием пришлых мастеров, которые внедрили опыт получения и обработки черного металла. Есть основания полагать, что эти мастера были связаны с ремесленными центрами Восточного Туркестана (Завьялов, Терехова 2015).

Особый интерес в истории железопроизводства представляет период образования государства. Подобный процесс рассмотрен на примере Древней Руси. Государство в процессе развития технологических процессов играет роль катализатора. Исторические изыскания свидетельствуют о том, что сам факт возникновения государственности оказывает заметное влияние на все стороны жизни социума. Это особенно ярко проявляется в ремесленном производстве. В этом плане особую роль играет возникновение городского ремесла, для которого характерны стандартизация продукции, унификация технологических приемов, приоритет определенных технологий при изготовлении отдельных видов изделий.

Характерной чертой городского ремесла, как показывают археометаллографические исследования, является приоритетное использование высокотехнологичных приемов, таких, как например, трехслойный пакет. При этом надо подчеркнуть, что подобная технология не была известна в предшествующий период на территории Восточной Европы. Ее распространение носило

взрывной характер и было связано с активизацией торговли по Великому Волжскому и Днепровскому путям.

Важно отметить, что анализ археометаллографических данных (такой категории как ножи) свидетельствует о существовании на территории Древней Руси в X-XII вв. наряду с «классическим» (североевропейским) вариантом трехслойной технологии восточноевропейского варианта, который являлся попыткой местных мастеров освоить новую технологию (рис. 3).

В середине XII в. в связи с общим экономическим подъемом древнерусского государства (рост городов, расширение рынка сбыта продукции городского ремесла) в железообработке происходит резкая смена технологических приоритетов. Формируется новый технико-технологический стереотип: технология трехслойного пакета сменяется технологией наварки, истоки которой прослеживаются на славянских памятниках государственного периода.

Таким образом, в истории становления железной индустрии Древней Руси можно выделить две традиции. Одна из них – скандинавская (трехслойный пакет) – наиболее ярко проявила себя в формирующемся городском ремесле. Другая – славянская (наварка) – сохраняла свое значение на славянских поселениях. Однако скандинавская традиция не оказала существенного влияния на дальнейшее развитие древнерусской

Суммируя накопленные к настоящему времени археометаллургические данные, можно заключить существование следующей закономерности в истории

Арешян 1976 - А

- Coghlan 1956 - Coghlan H.H. Notes on Prehistoric and early iron in the Old World. Oxford: University press, 1956. 220 s.
- Crew, Salter 1991 - Crew P., Salter C.J. Comparative data from iron smelting and smithing experiments // *Materiały archeologiczne*. 1991. XXVI. S. 15-22.
- Erb-Satullo 2019 - Erb-Satullo N.L. The Innovation and Adoption of Iron in the Ancient Near East // *Journal of Archaeological Science*. 2019. 27. S. 557-607.
- Erb-Satullo et al. 2020 - Erb-Satullo N.L., Jachvliani D., Kakhiani K., Newman R. Direct evidence for the co-manufacturing of early iron and copper-alloy artifacts in the Caucasus // *Journal of Archaeological Science*. 2020. 123. S. 1-15.
- Kmošek 2015 - Kmošek J. Archeometalurgický průzkum produktů z experimentální tavby železa v rekonstrukci šachtové pece se zahloubenou nístějí // *Archeologia technica*. 24. Brno. 3. 2015. S. 25-39.
- Maddin 1984 - Maddin R. The Early Blacksmith // *The Crafts of the Blacksmith*. Belfast: The Ulster Museum, 1984. S. 7-17.
- Moorey 1994 - Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. The Archaeological Evidence. Oxford: Clarendon Press, 1994. 415 s.
- Muhly 2003 - Muhly J.D. Metalworking/mining in the Levant // *Near Eastern Archaeology: A Reader*. Winona Lake. Indiana: Eisenbrauns, 2003. S. 174-183.
- Notis et al. 1986 - Notis M.R., Pigott V.C., McGovern P.E., Liu K.H., Swann C.P. The archaeometallurgy of the Iron IA steel // McGovern P.E. (ed.), *The Late Bronze and Early Iron Ages of Central Transjordan: The Baq'ah Valley Project, 1977-1981*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1986. S. 272-278.
- Pickles 1988 - Pickles S. Metallurgical Changes in Late Bronze Age Cyprus // *Occasional Paper No 17*. Edinburgh: University of Edinburgh, 1988. 40 s.
- Pleiner 2000 - Pleiner R. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav AV ČR, 2000. 400 s.
- Pleiner 2006 - Pleiner R. Iron in Archaeology. Earle European Blacksmiths. Praha: Archeologický Ústav AV ČR, 2006. 384 s.
- Snodgrass 1980 - Snodgrass A.M. Iron and early metallurgy in the Mediterranean // *The Coming of the Age of Iron*. New Haven; London: Yale University Press, 1980. S. 335-374.
- Tylecote 1976 - Tylecote R.F. A History of Metallurgy. London, 1976. 181 s.
- Tylecote et al. 1971 - Tylecote R.F., Austin J.M., Wraith A.E. The mechanism of the bloomery process in the shaft furnaces // *Journal of the Iron and Steel Institute*. 1971. 209. S. 243-363.
- Wang, Crew 2009 - Wang Q., Crew P. Three ores, three irons and three knives // *The World of Iron*. London: Archetype, 2013. S. 393-401.
- Zavjalov 2018 - Zavjalov V.I. Modelling of bloomery processes in a medieval Russian furnace // *Archeologické rozhledy*. 2018. LXX. S. 450-456.

REFERENCES

- Akanuma 2003 - Akanuma H. Further archaeometallurgical study of 2nd and 1st millennium BC iron objects from Kaman-Kalehöyük, in: *Anatolian Archaeological Studies, Kaman-Kalehöyük, 2003*, XII, pp. 137-149 [in English].
- Akanuma 2006 - Akanuma H. Changes in Iron Use during the 2nd and 1st Millennia B.C. at Kaman-Kalehöyük, Turkey: Composition of Iron Artifacts from Stratum III and Stratum II, in: *Anatolian Archaeological Studies, Kaman-Kalehöyük, 2006*, XV, pp. 207-222 [in English].
- Areshyan 1976 - Areshyan G.E. ZHelezo v kul'ture drevnej Perednej Azii i bassejna Egejskogo morya (po dannym pis'mennyh istochnikov) [Iron in the culture of ancient Western Asia and the Aegean basin (according to written sources)], in: *Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology]*, 1976, № 1, pp. 87-99 [in Russian].
- Bidzilya i dr. 1983 - Bidzilya V.I., Voznesenskaya G.A., Nedopako D.P., Pan'kov S.V. Istoriya chernoj metallurgii i metalloobrabotki na territorii USSR (III v. do n.e. – III v. n.e.) [The history of ferrous metallurgy and metalworking in the territory of the Ukrainian SSR (III century BC – III century AD)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 110 p. [in Russian].
- CHlenova 1988 - CHlenova N.L. O kul'turnoj prinalozhnosti Starshego Ahmylovskogo mogil'nika, novomordovskih stelah i «otdelivshih skifov» [About the cultural affiliation of the Senior Akhmylovsky burial ground, the Novomordovsk steles and the "separated Scythians"], in: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports from the Institute of Archaeology]*, 1988, Vol. 194, pp. 3-11 [in Russian].
- Coghlan 1956 - Coghlan H.H. Notes on Prehistoric and early iron in the Old World, Oxford, University press Publ., 1956, 220 p. [in English].
- Crew, Salter 1991 - Crew P., Salter C.J. Comparative data from iron smelting and smithing experiments, in: *Materiały archeologiczne*, 1991, XXVI, pp. 15-22 [in English].
- Erb-Satullo 2019 - Erb-Satullo N.L. The Innovation and Adoption of Iron in the Ancient Near East, in: *Journal of Archaeological Science*, 2019, 27, pp. 557-607 [in English].
- Erb-Satullo et al. 2020 - Erb-Satullo N.L., Jachvliani D., Kakhiani K., Newman R. Direct evidence for the co-manufacturing of early iron and copper-alloy artifacts in the Caucasus, in: *Journal of Archaeological Science*, 2020, 123, pp. 1-15 [in English].
- Gavrilyuk 1989 - Gavrilyuk N.A. Domashnee proizvodstvo i byt stepnykh skifov [Home production and life of steppe Scythians], Kiev, Naukova dumka Publ., 1989, 112 p. [in Russian].
- Ivanov 1983 - Ivanov Vyach.Vs. Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvanij metallov [The history of Slavic and Balkan metal names], Moscow, Nauka Publ., 1983, 197 p. [in Russian].
- Kmošek 2015 - Kmošek J. Archeometalurgický průzkum produktů z experimentální tavby železa v rekonstrukci šachtové pece se zahloubenou nístějí [Archeometallurgical study of products from experimental iron smelting in a reconstructed shaft furnace with a sunken hearth], in: *Archeologia technica [Technical Archaeology]*, 24, Brno, 3, 2015, pp. 25-39 [in Czech].
- Kolchin 1953 - Kolchin B.A. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevnej Rusi [Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Russia], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, 280 p. [in Russian].

- Kolchin 1959** - Kolchin B.A. ZHelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo [The ironworking craft of Novgorod the Great], in: Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ekspedicii [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition], Vol. II, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, pp. 7-120 [in Russian].
- Maddin 1984** - Maddin R. The Early Blacksmith, in: The Crafts of the Blacksmith, Belfast, The Ulster Museum Publ., 1984, pp. 7-17 [in English].
- Moorey 1994** - Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. The Archaeological Evidence, Oxford, Clarendon Press Publ., 1994, 415 p. [in English].
- Morgan 1934** - Morgan L. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii [Ancient society or a study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization], Leningrad, Institut narodov Severa Publ., 1934, 350 p. [in Russian].
- Moshkova 1989** - Moshkova M.G. Srednesarmatskaya kul'tura [The Middle Armenian culture], in: Arheologiya SSSR. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Archeology of the USSR. The steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 177-190 [in Russian].
- Muhly 2003** - Muhly J.D. Metalworking/mining in the Levant, in: Near Eastern Archaeology: A Reader. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns Publ., 2003, pp. 174-183 [in English].
- Notis et al. 1986** - Notis M.R., Pigott V.C., McGovern P.E., Liu K.H., Swann C.P. The archaeometallurgy of the Iron IA steel, in: McGovern P.E. (ed.), The Late Bronze and Early Iron Ages of Central Transjordan: The Baq'ah Valley Project, 1977-1981, Philadelphia, University of Pennsylvania Museum Publ., 1986, pp. 272-278 [in English].
- Pickles 1988** - Pickles S. Metallurgical Changes in Late Bronze Age Cyprus, in: Occasional Paper, No 17, Edinburgh, University of Edinburgh Publ., 1988, 40 p. [in English].
- Pleiner 2000** - Pleiner R. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters, Praha, Archeologický Ústav AV ČR Publ., 2000, 400 p. [in English].
- Pleiner 2006** - Pleiner R. Iron in Archaeology. Earle European Blacksmiths, Praha, Archeologický Ústav AV ČR Publ., 2006, 384 p. [in English].
- SHramko i dr. 1977** - SHramko B.A., Fomin L.D., Solncev L.A. Nachal'nyj etap obrabotki zheleza v Vostochnoj Evrope (doskifskij period) [The initial stage of iron processing in Eastern Europe (pre-Scythian period)], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1977, № 1, pp. 57-74 [in Russian].
- SHramko, Bujnov 2012** - SHramko I.B., Bujnov YU.V. Perekhod ot bronzy k zhelezu v Dnepro-Donckoj lesostepi [The transition from bronze to iron in the Dnieper-Donetsk forest-steppe], in: Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook], № 2, Saint-Petersburg, 2012, pp. 309-332 [in Russian].
- Smirnov 1964** - Smirnov K.F. Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura savromatov [The Sauromats. Early history and culture of the Sauromatians], Moscow, Nauka Publ., 1964, 379 p. [in Russian].
- Snodgrass 1980** - Snodgrass A.M. Iron and early metallurgy in the Mediterranean, in: The Coming of the Age of Iron, New Haven; London, Yale University Press Publ., 1980, pp. 335-374 [in English].
- Tavadze i dr. 1977** - Tavadze F.N., Sakvarelidze T.N., Abesadze C.N., Dvali T.A. K istorii zheleznoho proizvodstva v drevnej Gruzii [Towards the History of iron production in Ancient Georgia], in: Restavraciya, konservaciya, tekhnologiya muzejnyh eksponatov [Restoration, conservation, technology of museum exhibits], Vol. 2, Tbilisi, 1977, pp. 5-61 [in Russian].
- Tylecote 1976** - Tylecote R.F. A History of Metallurgy, London, 1976, 181 p. [in English].
- Tylecote et al. 1971** - Tylecote R.F., Austin J.M., Wraith A.E. The mechanism of the bloomery process in the shaft furnaces, in: Journal of the Iron and Steel Institute, 1971, 209, pp. 243-363 [in English].
- Voznesenskaya 1975** - Voznesenskaya G.A. Tekhnologiya proizvodstva zheleznyh predmetov Tlijskogo mogil'nika [The technology of production of iron objects of the Tlian burial ground], in: Ocherki tekhnologii drevnejshih proizvodstv [Essays on the technology of ancient industries], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 76-116 [in Russian].
- Wang, Crew 2009** - Wang Q., Crew P. Three ores, three irons and three knives, in: The World of Iron, London, Archetype Publ., 2013, pp. 393-401 [in English].
- Zav'yalov 2018** - Zav'yalov V.I. Modelling of bloomery processes in a medieval Russian furnace, in: Archeologické rozhledy, 2018, LXX, pp. 450-456 [in English].
- Zav'yalov i dr. 2009** - Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. Istoriya kuznechnogo remesla finno-ugorskih narodov Povolzh'ya i Predural'ya. K probleme etnokul'turnyh vzaimodejstvij [The history of blacksmithing of the Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals. On the problem of ethnocultural interactions], Moscow, Znack Publ., 2009, 264 p. [in Russian].
- Zav'yalov, Ratkin 2009** - Zav'yalov V.I., Ratkin M.A. Opyty po modelirovaniyu syrodutnogo processa: itogi poslednih let [Experiments on modeling the cheese-making process: the results of recent years], in: Verhnee Podon'e: Arheologiya. Istoriya [Upper Don region: Archeology. History], Vol. 4, Tula, Kulikovo pole Publ., 2009, pp. 110-117 [in Russian].
- Zav'yalov, Rozanova 1990** - Zav'yalov V.I., Rozanova L.S. K voprosu o proizvodstvennoj tekhnologii nozhej v drevnem Novgorode [On the issue of knife production technology in ancient Novgorod], in: Materialy po arheologii Novgoroda [Materials on the archeology of Novgorod], 1988, Moscow, Novgorodskaya arheologicheskaya ekspediciya Publ., 1990, pp. 154-186 [in Russian].
- Zav'yalov, Terekhova 2015** - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. K probleme stanovleniya zheleznoj industrii na Srednem Enisee (tekhnologicheskij aspekt) [Towards the problem of the formation of the iron industry on the Middle Yenisei (technological aspect)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports from the Institute of Archaeology], 2015, Vol. 238, pp. 212-228 [in Russian].
- Zav'yalov, Terekhova 2017** - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. Stanovlenie kuznechnogo remesla v stepnoj Skifii (na primere Kamenskogo gorodishcha) [The formation of blacksmithing in steppe Scythia (on the example of the Kamensk settlement)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports from the Institute of Archaeology], 2017, Vol. 248, pp. 317-331 [in Russian].

Zav'yalov, Terekhova 2019a - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. K probleme rasprostraneniya tekhnologicheskikh znaniy v oblasti zhelezoobrabotki [On the problem of spreading technological knowledge in the field of ironworking], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archeology], 2019, № 3, pp. 19-25 [in Russian].

Zav'yalov, Terekhova 2019b - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. Tekhnologicheskie transformacii v proizvodstve klinkovogo oruzhiya sarmatov [Technological transformations in the production of Sarmatian bladed weapons], in: Stratum plus, 2019, № 4, pp. 313-320 [in Russian].

Zav'yalov, Terekhova 2021 - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v lesnoj i lesostepnoj zone Volgo-Ural'ya v IX-II vv. do n.e. [Ferrous metallurgy and metalworking in the forest and forest-steppe zone of the Volga-Urals in the IX-II centuries BC], in: Arheologiya Volgo-Ural'ya [Archeology of the Volga-Urals], Vol. III, Kazan, Institut arheologii AN RT Publ., 2021, pp. 365-372 [in Russian].

Zav'yalov, Terekhova 2024 - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. Kavkaz i razvitie chernoj metallurgii i metalloobrabotki v Vostochnoj Evrope [The Caucasus and the development of ferrous metallurgy and metalworking in Eastern Europe], in: Istoricheskij format [Historical format], 2024, № 3-4, pp. 21-30 [in Russian].

Zav'yalov, Terekhova 2025 - Zav'yalov V.I., Terekhova N.N. Chernyj metall v proizvodstvennoj kul'ture drevnih narodov [Ferrous metal in the industrial culture of ancient peoples], Moscow, Taus Publ., 2025, 193 p. [in Russian].

Завьялов Владимир Игоревич

– Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Zavyalov

– Doctor of historical sciences, lead research associate at the Laboratory of Natural Sciences Institute archaeology RAS (Moscow, Russia).

v_zavyalov@list.ru

Терехова Наталия Николаевна

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Москва, Россия).

Natalia Terekhova

– Candidate of historical sciences, senior research associate at the Laboratory of Natural Sciences Institute archaeology RAS (Moscow, Russia).

v_zavyalov@list.ru

КОМПЛЕКСЫ С ЗАСТЕЖКАМИ ТИПА TIERKOPFFIBEL В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ ЭПОХИ МЕРОВИНГОВ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
<http://orcid.org/0000-0001-7482-5070>
SPIN-код: 3764-2260

АННОТАЦИЯ

В статье выясняется социальный статус балтов, владевших в эпоху Меровингов фибулами скандинавского производства. Выдвинутое автором этих строк ранее предположение о прусских мужчинах, ставших адресатами получения скандинавских псевдо-арбалетовидных фибул, оказалось вполне справедливым. Владельцы роскошных скандинавских звериноголовых фибул, судя по составу их погребального инвентаря, принадлежали к социальной верхушке прусского общества эпохи Меровингов. Очевидно, что иноплеменные невесты были доступны лишь представителям аристократической верхушки общин, возможно, получавших их не только благодаря своему высокому социальному положению, но и благодаря выплатам определенных материальных средств (аналог калыма у тюркских народов). Показанный в статье сюжет матримониального характера в сущности повторяет контакты того же рода между эстиями и германцами начала нашей эры. Тем самым члены древнегерманских сообществ старались укрепить свои позиции в Янтарном крае, ориентируясь на свое прочное место в добыче и торговле янтарем. Хронологический диапазон использования арбалетовидных звериноголовых фибул, восходящих к трехлучевым фибулам с аналогичным декором, охватывает кон. V – нач. VII вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-восточная Балтия, звериноголовые фибулы, пруссы, скандинавы, эпоха Меровингов.

ASSEMBLAGES WITH TIERKOPFFIBEL-TYPE BROOCHES IN THE SOUTH-EASTERN BALTIC OF THE MEROVINGIAN PERIOD

Vladimir Kulakov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, 19 The Dmitry Ulyanov Street
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT

The article explores the social status of the Balts who owned Scandinavian-made brooches during the Merovingian period. The hypothesis previously advanced by the author of these lines—that the recipients of Scandinavian pseudo-crossbow-shaped brooches were Prussian men—has proved to be well founded. Judging by the composition of their burial inventories, the owners of luxurious Scandinavian animal-headed brooches belonged to the social elite of Prussian society of the Merovingian era. Evidently, foreign brides were available only to representatives of the aristocratic elite of the communities. These elites may have acquired such brides not only by virtue of their high social status, but also through the payment of certain material resources (analogous to the bride price, or *kalym*, among Turkic peoples). The matrimonial plot presented in the article essentially mirrors similar contacts between the Aesti and the Germans at the beginning of the Common Era. By doing so, members of ancient Germanic communities sought to strengthen their positions in the Amber Coast, focusing on securing their solid role in the extraction and trade of amber. The chronological range of the use of crossbow-shaped animal-headed brooches, which derive from three-rayed fibulae with similar decoration, spans from the late 5th to the early 7th centuries.

KEYWORDS: Southeastern Baltic, animal-headed brooches, Prussians, Scandinavians, Merovingian era.

Арбалетовидные фибулы с маской зверя на ножке (тип Tierkopffibel) являются одним из ярких признаков прусской археологической культуры эпохи Меровингов. Историография этих фибул в моей большой статье,

посвященной хронологии и интерпретации данных находок (Кулаков 2012: 131, 132). Там же сформирована типология таких застёжек, в их массиве базируясь в основном на способах оформления маски зверя, выделе-

но две группы (рис. 1). В подгруппе 2 вместе с литыми псевдо-арбалетовидными фибулами показаны и примеры некоторых пальчатых фибул, также снабженных на ножках маской зверя. В предлагаемой статье ставится задача изучения вещевых комплексов, в составе которых встречены фибулы типа Tierkopffibel и предпринимается попытка выявления социального статуса владельцев и владелиц данного украшения.

Используемые в данной статье погребальные комплексы объединяет наличие в их составе арбалетовидных (как составной конструкции, так и литых в единой форме, т.е. – псевдо-арбалетовидных) с маской зверя (изредка – с двумя масками) на ножке. Название «маска зверя» в данном случае условно, ибо эта маска сформирована раннесредневековыми германскими ювелирами из двух профильных головок хищных птиц, важной части древнегерманской культовой композиции «Один и вороны» (Кулаков 1990: 209). Текстовые описания упомянутых погребальных комплексов представлены ниже в алфавитном порядке.

Каталог арбалетовидных и псевдо-арбалетовидных фибул со звериным орнаментом на ножке и их прототипов (Кулаков 2012: 159-162).

1. Altenerding (München, Deutschland), погр. 421. Арбалетовидная фибула длиной 6,0 см, бронза позолоченная. Обнаружена в женском трупоположении вместе с пластинчатой арбалетовидной фибулой, парой булавок, с гривной (рис. 2-5). Считается, что здесь обе фибулы крепили на плечах погребенной женщины одежду типа «пеплос» в соответствии с традициями древних западных германцев римского времени. Дата – ок. 510-530 гг. Обе фибулы, встреченные в этом комплексе, считаются произведенными на территории совр. Швеции (Koch 1999: 180, 181).

2. Daumen/Tumiany, woj. Mazursko-Warmińskie Polski, погр. 38, Псевдо-арбалетовидная литая фибула длиной 5 см, серебро (?) (рис. 3). Обнаружена в урновом трупосожжении, содержавшем останки мужчины и женщины. К мужскому комплексу здесь относились железная шпора, нож с костяной резной рукоятью в ножнах с бронзовыми деталями, остатки поясного набора с пряжками и с железным наконечником ремня. Возможно, мужчине принадлежала и упомянутая выше псевдо-арбалетовидная фибула. К женскому комплексу относились пара бронзовых плакированных серебром круглых фибул, ожерелье из желтых пастовых бусин и пружинных, биспиральных и треугольных подвесок, пара бронзовых малых пряжек, два наконечника ремня. Дата – ок. 650-674 гг. Ножка фибулы была обнаружена среди остальных предметов из экспозиции Музея «Пруссия» в форте № 3 и ныне хранится в фондах КОИХМ (Кулаков 1989: 190, рис. 6d).

3. Daumen/Tumiany, погр. 150. Псевдо-арбалетовидная литая фибула длиной 5,4 см, бронза (рис. 4,1). Обнаружена в мужском (судя по набору инвентаря) трупосожжении с серебряной пряжкой, с двумя бронзовыми пряжками, бронзовым наконечником ремня, ножом, пластинчатой шпорой. Дата – ок. 555-600 гг. (Кулаков 1989: 53, рис. 6).

4. Daumen/Tumiany, случайная находка. Псевдо-арбалетовидная литая фибула, длина 8,3 см, серебро с позолотой (рис. 5). Inv. Nr in Prussia-Museum V.95.7363 (20).

5. Eisselbitten/Сиренево (Зеленоградский р-н Калининградской обл., Россия), случайная находка. Фрагмент бронзовой арбалетовидной фибулы, длина ножки 9 см. (Tischler, Kemke 1902: 27, Taf. IV,20).

6. Geystauti, Liepāja raj., Latvija, кург. 2. Арбалетовидная фибула длиной 6 см, серебро. Обнаружена в кургане вместе с двумя фибулами, с бронзовой, покрытой серебром фибулой с расширенным концом типа Bitner-Wróblewska VII и обломком однотипной (?) фибулы, с гривной и браслетом с расширенными гранеными концами, двумя железными пряжками, однолезвийным мечом, железным пинцетом, лепным сосудом. Судя по характеру инвентаря, в кургане были похоронены мужчина-воин и женщина (Asaris, Muižnieks, Rādiņš, Virse, Žīre 2008: 40. tabula, 16-27). Дата – VI в. (Apals, Atgāzis, Daiga, Deņisova 1974: 208).

7. Gråborg, Sverige. Ножка арбалетовидной фибулы, длина 8,3 см, бронза (?) с позолотой (Werner 1970: 79, Taf. 8,3).

8. Gr. Waldeck/Осокино (Багратионовский р-н Калининградской обл.). Случайная находка на могильнике. Арбалетовидная фибула длиной 5,3 см, серебро с золочением (рис. 6,1). Inv. Nr Prussia-Museum V.424.8803 (Kurt Voigtman).

9. Grobiņa, Latvija, клад 1831 г. Псевдо-арбалетовидная литая фибула (пружина утрачена) бронзовая длиной 14,4 см (рис. 7). Найдена в 1831 г. в составе клада вместе с серебряной псевдо-арбалетовидной фибулой со стилизованными звериными головками (Asaris, Muižnieks, Rādiņš, Virse, Žīre 2008: 125).

10. Kirpehnen/Поваровка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), погр. 300. Арбалетовидная фибула типа Duratón со спиральным декором на ножке длиной 9,4 см (часть пружины утрачена), бронза (?) (Kurt Voigtman: PM-A 1730/1).

11. Ksp. Grötlingbo (Gotland, Sverige). Псевдо-арбалетовидная литая фибула длиной 3,5 см, прототип фибул типа Tierkopffibel, бронза. Дата – ок. 550-600 гг. (Nerman 1969: Taf. 2,18).

12. A – Griezies Dzirnava (raj. Saldus, Latvija), арбалетовидная фибула длиной 10 см, бронза, одно из наверший пружины отсутствует. Дата – VI в. В – погр. 17 могильника Jaunsvirlaukas Kakuzeni, Latvija – псевдо-арбалетовидная литая фибула длиной 8 см, бронза (Vaska 2008: 3 att.).

13. Plinkaigalis (Kėdainiai raj., Lietuva), погр. 106. Арбалетовидная фибула длиной 7,12 см, серебро с позолотой (рис. 4,2). Обнаружена в мужском трупоположении у правого бедра покойного острием в сторону от костяка. Сопутствующий инвентарь: железная пряжка, однолезвийный меч, нож с костяной орнаментированной рукоятью, втульчатый топор и прочий инвентарь. Дата – VI в. (Kazakevičius 1983: 196, fig. 1,3).

14. (Adlig-)Popelken/Холмы (Гвардейский р-н Калининградской обл.), погр. VI. Псевдо-арбалетовидная литая фибула длиной 6,6 см, серебро с позолотой (рис.

8,2). Inv. Nr Prussia-Museum III.382.2412. Обнаружена в погребении вместе с серебряной гривной (Kurt Voigtman).

15. Preussen. Псевдо-арбалетовидная литая фибула без конкретного места находки длиной 5,2 см, бронза. (Kurt Voigtman).

16. Schlakalken-III/Ярославское (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), погр. 25. Арбалетовидная фибула длиной 4,8 см, бронза с покрытием серебром (рис. 6). Inv. Nr Prussia-Museum OPM 15488. Обнаружена в трупосождении с бронзовыми (?) тордированной гривной и пряжкой вар. Кулаков 1.2a (Kurt Voigtman).

17. Widgirren/Vidgiriai (Šylutės raj. Lietuva), погр. 2. Арабетовидная фибула длиной 9 см, серебро с чернением и частичным золочением (рис. 9). Обнаружена в мужском трупоположении с 4-мя арбалетовидными фибулами типа Duratón, с наконечниками копья и дротика, двумя ножами-кинжалами, с обломком тордированной гривны, браслетом с расширяющимися концами типа Szentendre, косой (Кулаков 1990: 208).

18. Widgirren/Vidgiriai (Šylutės raj. Lietuva), погр. 30. Арбалетовидная фибула длиной 7,7 см, серебро, стержень пружины железный (рис. 9,2). Обнаружена в мужском трупоположении в деревянном «саркофаге» с четырьмя арбалетовидными фибулами типа Duratón, с гривной из двух тордированных дротов, браслетом типа Szentendre, бронзовой оковкой питьевого рога, 24-мя деревянными остриями (колки для растяжки шкур пушных зверей), бронзовыми спиралями на куске шерстяной ткани и прочим инвентарем (Šimėnas 2006: 56).

19. Widgirren/Vidgiriai (Šylutės raj. Lietuva), погр. 32. Псевдо-арбалетовидная литая фибула длиной 7,0 см, серебро (рис. 9). Обнаружена в мужском трупоположении с ножом-кинжалом и двумя пряжками (?) (Šimėnas 2006: 80a).

20. Warnikam/Первомайское (Багратионовский р-н Калининградской обл.), погр. 65. Арбалетовидная фибула типа AVI,2, длиной 6,7 см, бронза. Обнаружена в мужском трупоположении с рассеянными обломками кальцинированных костей вместе с сосудом-приставкой, большим наконечником копья, фрагментом золотой пластины (обкладка питьевого рога?), украшенной изображениями «эроты в борьбе с кабанами и пантерами» и «группа охотников, разделенных деревьями», со стеклянными кубком типа Eketorp 8, аналогичным (?) кубком, разбитым при его обнаружении. Дата – ок. 500-530 гг. (Кулаков 2012: рис. 5).

21. Wogau/Лермонтово (Багратионовский р-н Калининградской обл.), погр. 7. Арбалетовидная фибула типа Duratón длиной 4,8 см, серебряная с чернением и частичным золочением (рис. 3). Обнаружена в урно-вом трупосождении с высоким глиняным пряслищем биконической формы, с ножом, имевшим отверстие в ручке, конец которой завернут в кольцо (бритва?) (Кулаков 2012: рис. 6)].

22. Фонды КОИХМ (Prussia-2). Арбалетовидная фибула длиной 4,3 см, серебро с золочением. Практически полная аналогия фибуле № 21.

23. Юг России (Сев. Кавказ). Дата – IV в. н.э. (Амброз 1966: 74, 75, табл. 13,7).

24. Велико Тырново (Болгария). Фибула с S-видной петлей для крепления оси пружины длиной 7,6 см, бронза. Дата – IV в. (Гавритухин 2010: 49).

25. Helgö (Sverige). Разм. 13 x 7 см. Состоящий из трех частей фрагмент части глиняной двухсторонней формы, обнаруженной при раскопках остатков ювелирной мастерской. Форма была разрушена при извлечении отливки псевдо-арбалетовидной фибулы (Werner 1970: 79, Taf. 8,1).

Ранее автор этих строк выдвинул предположение о том, что литые фибулы типа Tierkopffibel изготавливались скандинавскими ювелирами и поступали, как показывает картографирование таких находок (рис. 10), на запад Балтии северянками, предназначенными в жены местным мужчинам (Кулаков 2012: 148). Спиралевидный орнамент на ножках таких фибул и «маска зверя» на конце ножки, при застегивании на одежде направленный вверх (как и игла фибулы) являлись символами плодородия, подтверждая упомянутый выше вывод.

Особое внимание привлекает наличие в интересующих нас комплексах шейных украшений. Древнейшее из них в нашем каталоге – золотые цепь с медальоном из клада А в Hammersdorf/Młoteczno (рис. 11). Этот клад (или, возможно – погребальный комплекс) безусловно принадлежал некоему высокому члену местной древнегерманской общности, пришедшей в нач. V в. на юго-западную окраину балтского мира. Иная форма шейного украшения – гривна – являлась показателем знатного происхождения их хозяина/хозяйки (Хомякова 2017: 74). При этом из 14 комплексов с текстовым описанием (остальные 11 фибул, представленных в Каталоге, обнаружены вне комплексов) 5 одиночных фибул найдены в погребении вместе с гривной (преимущественно – бронзовой). Как правило, инвентарь данных комплексов обилен и нередко включает предметы вооружения. Лишь в одном комплексе (Altenerding, погр. 421) псевдо-арбалетовидная фибула скандинавского происхождения обнаружена вместе с арбалетовидной фибулой также скандинавского происхождения и с парой булавок, что указывает на наличие здесь останков женщины.

Псевдо-арбалетовидные фибулы никогда не встречаются в комплексах с макетами деталей погребального инвентаря (фибулы с деревянными стержнями пружины, «гривны» малого диаметра, непросверленные янтарные бусины), характерными для рядовых членов прусских общин (Кулаков 2020: 101).

Хронологический диапазон использования арбалетовидных звериноголовых фибул, восходящих к трехлучевым фибулам с аналогичным декором – кон. V – нач. VII вв. (Кулаков 2012: 159-162).

Вышеизложенное позволяет с известной долей определенности утверждать то, что скандинавские литые псевдо-арбалетовидные фибулы изготавливались с целью вручения знатным западнобалтским женихам (в ряде случаев – воинам) их северными невестами. Этот уникальный процесс длился с нач. VI по нач. VII вв., соответствуя в Скандинавии эпохе Венделя. Отголоски

его, судя по находке фибулы в Grobiņa (рис. 7), достигли эпохи викингов.

Проделанная работа позволяет сделать следующие выводы:

1. Выдвинутое автором этих строк ранее предположение о прусских мужчинах, ставших адресатами получения скандинавских псевдо-арбалетовидных фибул, вполне справедливо.

2. Владельцы роскошных, нередко – серебряных с золочением звериноголовых фибул скандинавского производства, судя по составу их погребального инвентаря, принадлежали к социальной верхушке прусского общества эпохи Меровингов. Очевидно, что иноплеменные невесты были доступны лишь представителям аристократической верхушки общин, возможно, получавших их не только благодаря своему высокому социальному положению, но и благодаря выплатам определенных материальных средств (аналог калыма у тюркских народов).

3. Псевдо-арбалетовидные фибулы никогда не встречаются в комплексах с макетами деталей погребального инвентаря, характерными для рядовых членов прусских общин.

4. Показанный в статье сюжет матримониального характера в сущности повторяет контакты того же рода между эстиями и германцами начала нашей эры. Тем самым члены древнегерманских сообществ старались укрепить свои позиции в Янтарном крае, ориентируясь на свое прочное место в добыче и торговле янтарем.

5. Хронологический диапазон использования арбалетовидных звериноголовых фибул, восходящих к трехлучевым фибулам с аналогичным декором: кон. V – нач. VII вв. Существование таких фибул, изготовленных скандинавскими ювелирами, не выходит за пределы VI-VII вв.

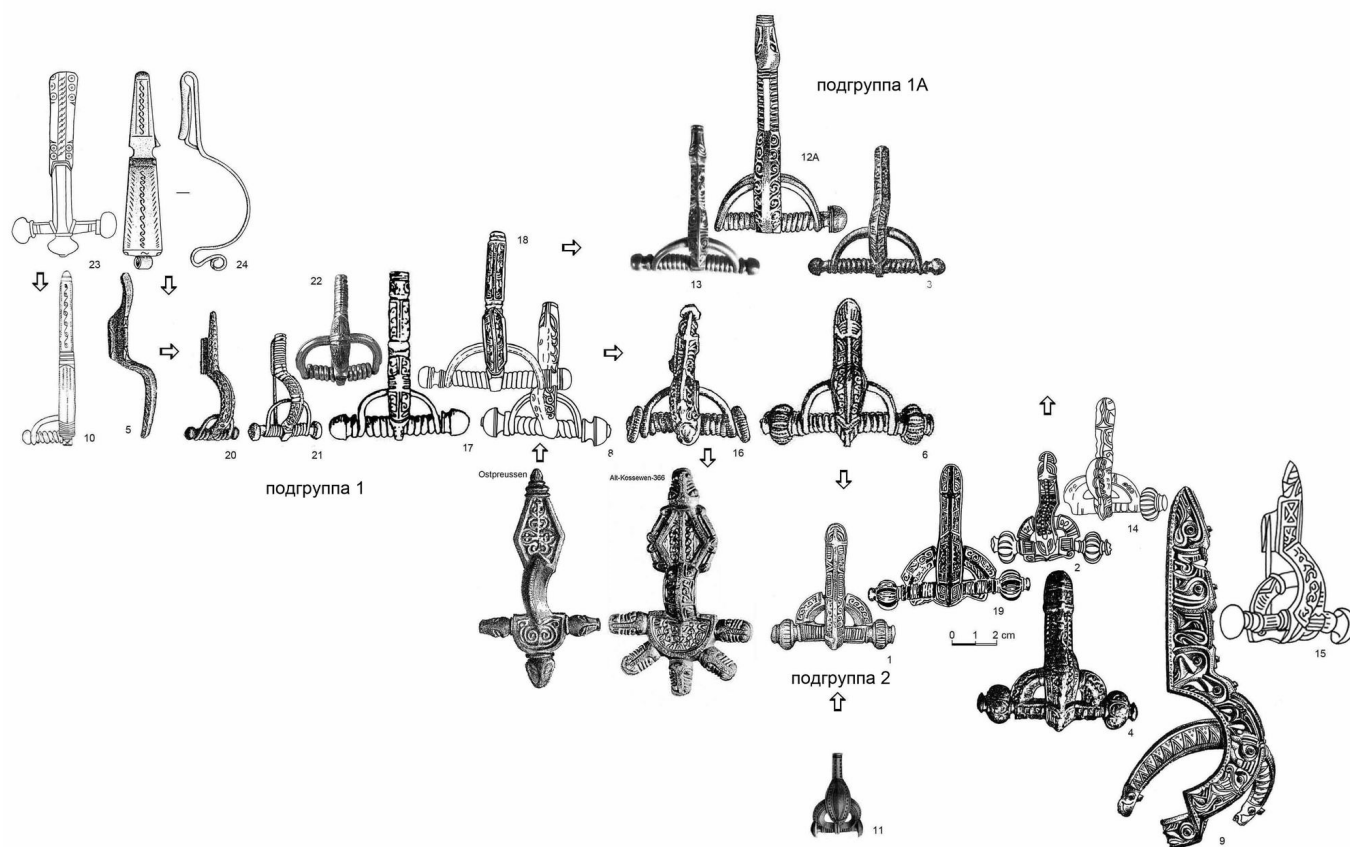

Рис. 1 Типология арбалетовидных фибул со звериными головами на ножке (нумерация – согласно КATALOGУ) (12, рис. 1)

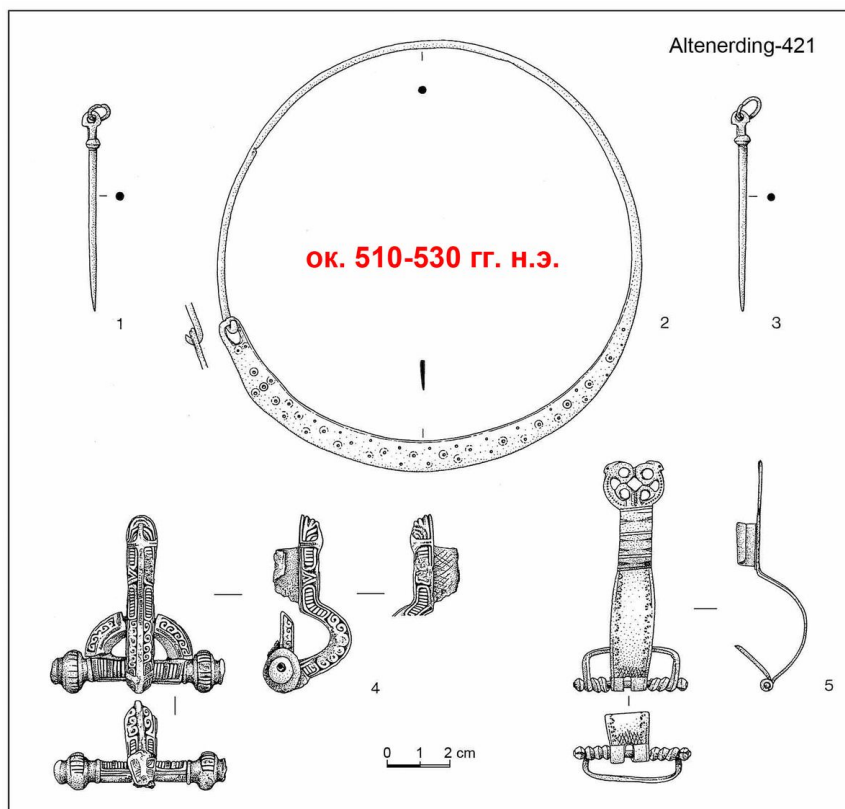

Рис. 2. Ранняя версия псевдо-арбалетовидной фибулы скандинавского изготовления – погр. 421 могильника Altertending (20, 79, Taf. 8)

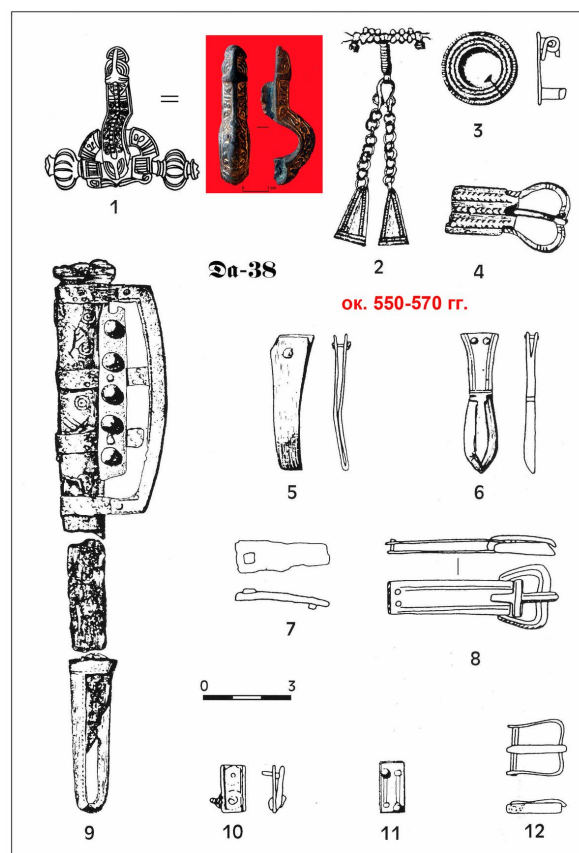

Рис. 3. Инвентарь в погр. 38 могильника Daumen/Tumiany, woj. Mazursko-Warmińskie Polski, включающий псевдо-арбалетовидную фибулу скандинавского происхождения (4, pl. LVII)

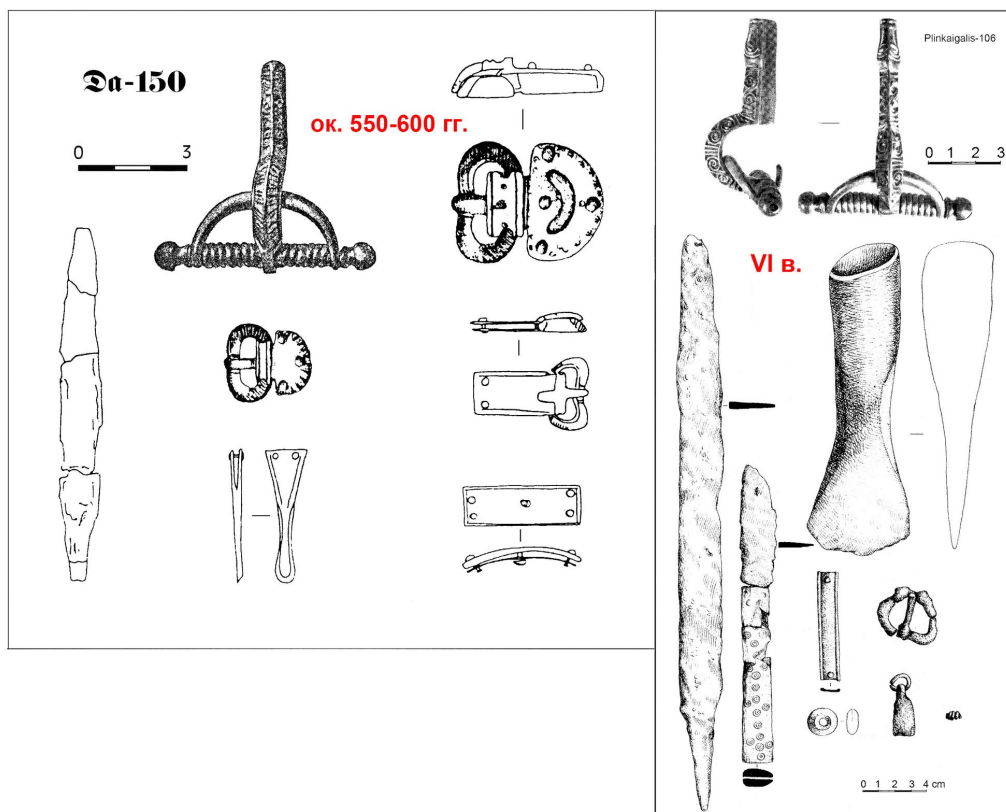

Рис. 4. Погребальные комплексы с поздними версиями звериноголовых фибул: 1 – погр. Da-150 Daumen/Tumiany; 2 – погр. 108 могильника Plinkaigalis, Kėdainiai raj., Lietuva (12, рис. 22, 23)

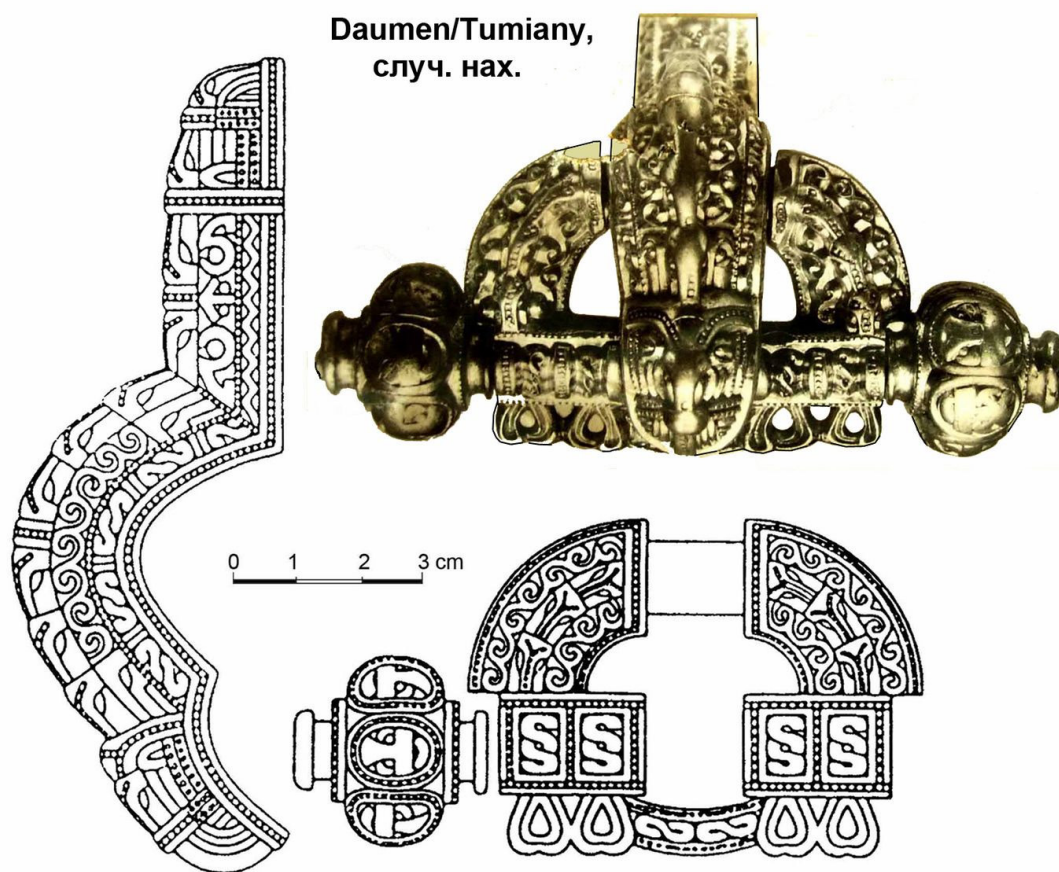

Рис. 5. Детали фибулы, случайная находка на могильнике Daumen/Tumiany [15]

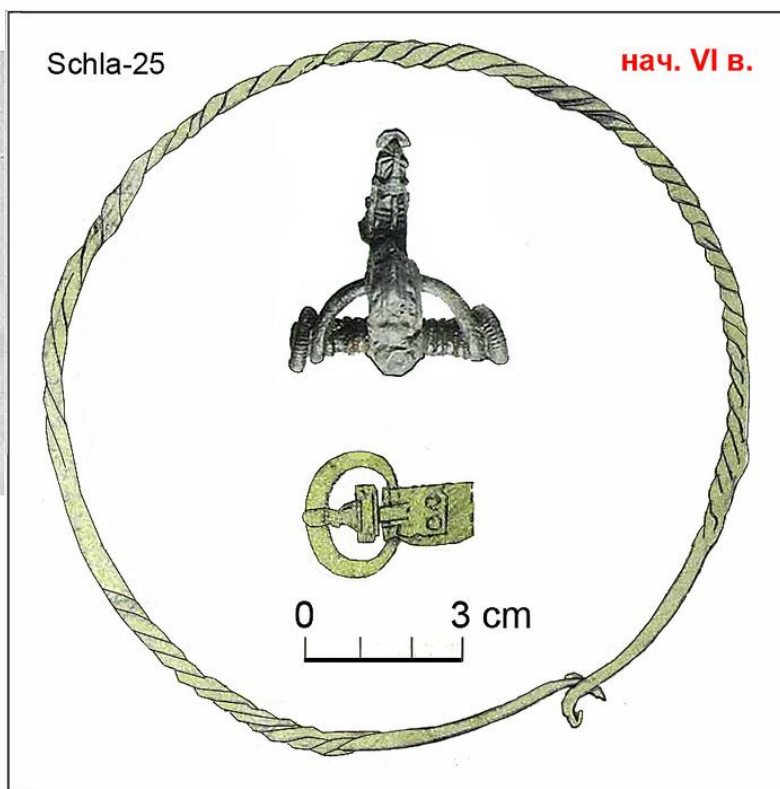
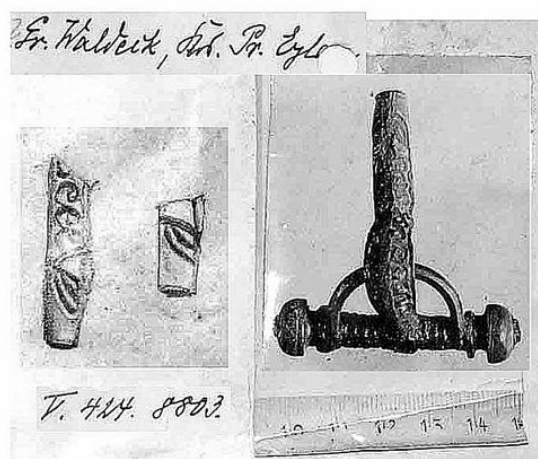

Рис. 6. Поздние фибулы из состава группы 1: 1 – Gr. Waldeck/Осокино, случайная находка; 2 – инвентарь погр. Schla-VI из могильника Schlakalken/Ярославское (1, 2-15)

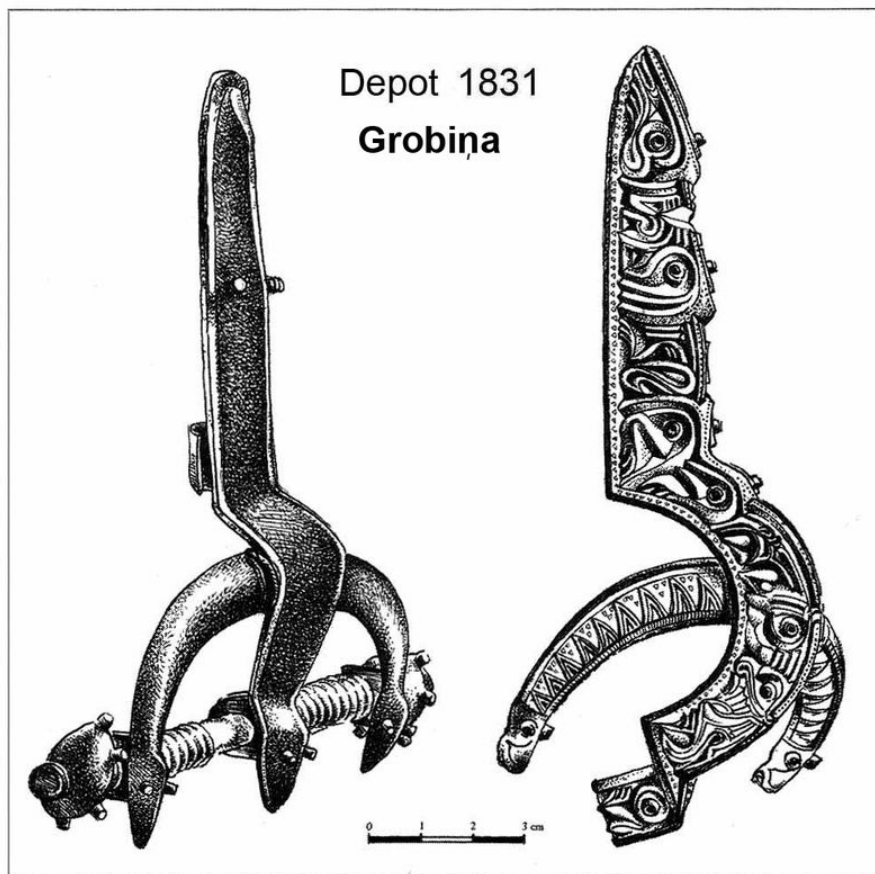

Рис. 7. Фибулы из клада 1831 г. в Grobiņa, Liepāja raj., Latvija (3, p. 125)

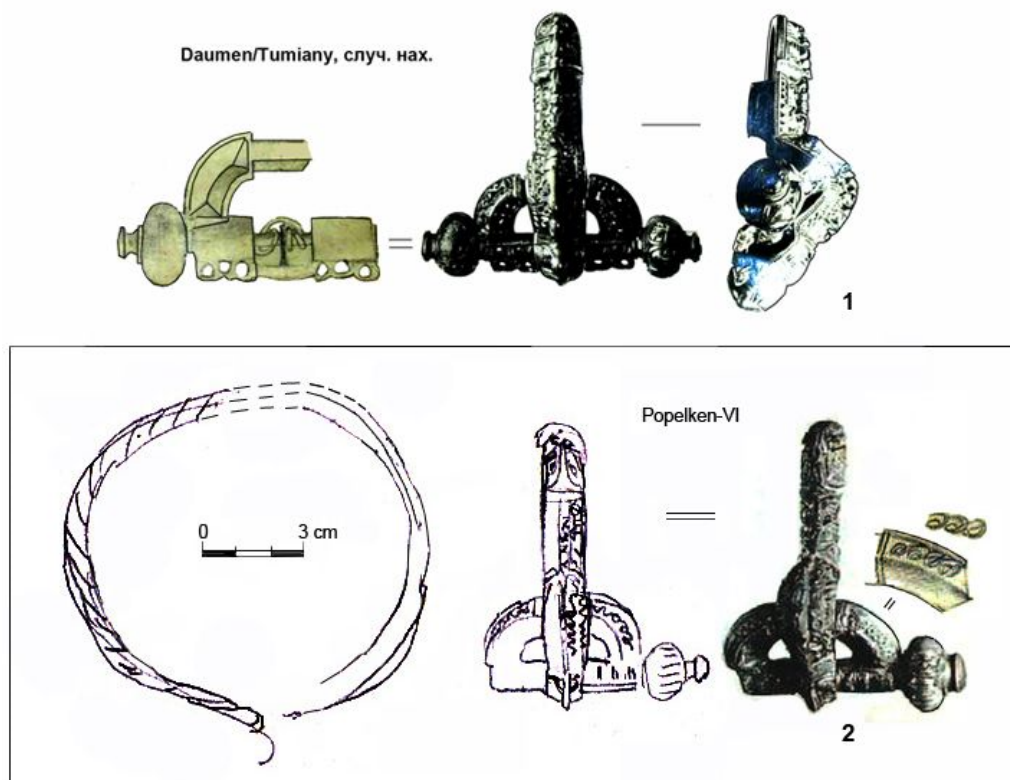

Рис. 8. Псевдо-арбалетовидные фибулы скандинавского изготовления: 1 – случ. находка на могильнике Daumen/Tumiany; 2 – инвентарь погр. Ро-VI могильника Popelken/Холмы (1, 2-15)

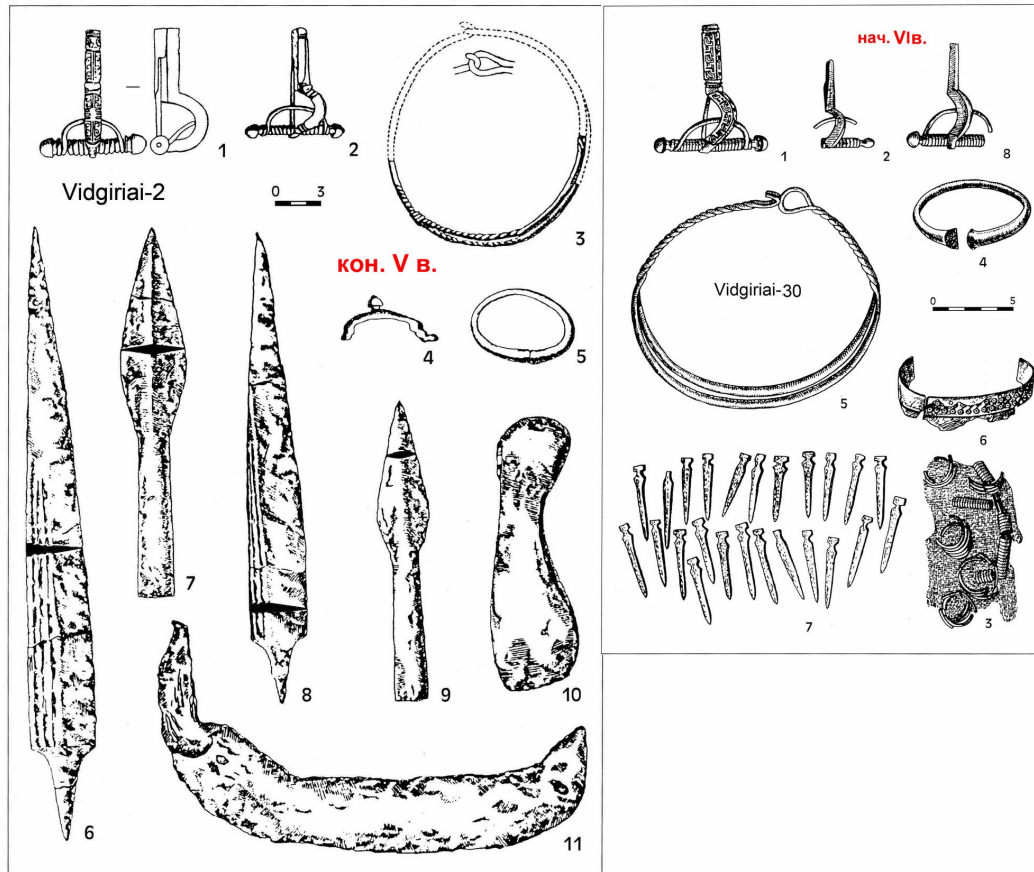

Рис. 9. Комплексы с фибулами группы 1: 1 – находки в погр. 2 могильника Vidgirren/Vidgiriai; 2 – находки в погр. 30 могильника Vidgirren/Vidgiriai (12, рис. 7, 8)

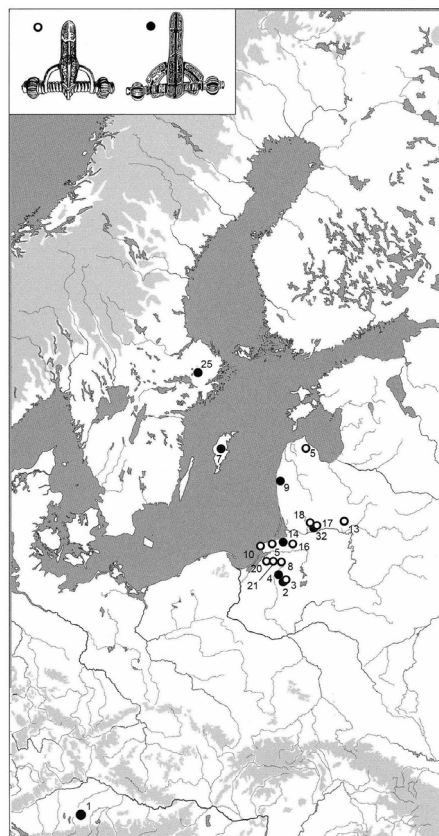

Рис. 10. Находки арбалетовидных фибул со звериным орнаментом: 1 – Altenerding, погр. 421; 2 – Daumen/Tumiany, погр. 38; 3 – Daumen/Tumiany, погр. 150; 4 – Daumen/Tumiany, случайная находка; 5 – Eisselbitten/Сиренево, случайная находка; 6 – Geystauti; 7 – Gräborg; 8 – Gr. Waldeck/Осокино; 9 – Grobina; 10 – Kirpehnen/Поваровка, погр. 300; 11 – Grötlingbo, Gotland; 12 – Latvija; 13 – Plinkaigalis, погр. 106; 14 – Popelken/Холмы, погр. IV; 15 – Preussen; 16 – Schlakalken/Ярославское, погр. 25; 17 – Vidgiriai, погр. 2; 18 – Vidgiriai, погр. 30; 19 – Vidgiriai, погр. 32; 20 – Warnikam/Первомайское, погр. 65; 21 – Wogau/Лермонтово, погр. 7; 22 – фонды КОИХМ, 23 – юг России; 24 – Велико Тырново; 25 – Helgö (12, рис. 16)

Рис. 11. Предметы из клада А в Hammersdorf/Młoteczno (13, рис. 3)

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз 1966 - Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР / Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 111 с.
- Гавритухин 2010 - Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. XIII. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 15-89.
- Кулаков 1989 - Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa: Institut atcheologii Uniwersytetu warszawskiego, 1989. С. 148-273.
- Кулаков 1990 - Кулаков В.И. «Звериноголовые» фибулы балтов (V-VII вв.) // Советская археология. 1990. № 2. С. 204-215.
- Кулаков 2012 - Кулаков В.И. Арбалетовидные фибулы со звериным орнаментом // Slavia Antiqua. T. LIII. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Naukowe, 2012. С. 131-163.
- Кулаков 2020 - Кулаков В.И. Макеты деталей погребального инвентаря в обряде эстиев и пруссов // История повседневности. 2020. № 3 (15). С. 100-110.
- Хомякова 2017 - Хомякова О.А. Комплекс женских украшения из могильника Большое Исаково-Lauth // Российская археология. 2017. № 3. С. 69-75.
- Apals, Atgāzis, Daiga, Deņisova 1974 - Apals J., Atgāzis M., Daiga J., Deņisova R. Latvijass PSR arheoloģija. Rīga: Zinātne, 1974. 368 s.
- Asaris, Muižnieks, Rādiņš, Virse, Žriņķis 2008 - Asaris J., Muižnieks V., Rādiņš A., Virse I., Žriņķis I. Kurši senatnē. Rīga: SIA "NIMS", 2008. 155 s.
- Bitner-Wróblewska 2001 - Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie, 2001. 258 s.
- Kazakevičius 1983 - Kazakevičius V. A rare animal-head cross-bow brooch from Plinkaigalis in Lithuania // Fornvännen. Vol. 78. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1983. S. 198-196.
- Koch 1999 - Koch U. Nordeuropäisches Fundmaterial in Graben Süddeutschland recht des Rheins // Völker an Nord- und Ostsee und die Franken. Bonn: Habelt, 1999. S. 175-194.
- Kulakov 2014 - Kulakov W.I. Zespół dwóch złotych naszyjników/pierścieni z Młoteczna (Hammersdorf) i grzywny typu R300 w królestwie nadbaltyckich // Pruthenia. Vol. IX. Olsztyn: Towarzystwo naukowe Pruthenia, 2014. S. 45-63.
- Kurt Vojgtman - Kurt Vojgtman Kartei, Prussia-Archiv, SMB-PK/Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, PM-IXc1.
- Nerman 1969 - Nerman B. Die Vendelzeit Gotlands. II. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhetsakademien, 1969. 600 s.
- Šimėnas 2006 - Šimėnas V. Etnokultūriniai procesai vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006. 138 s.
- Tischler, Kemke 1902 - Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902. 46 s.
- Vaska 2008 - Vaska B. Procesi zemgaļu ornamentā vidējā un vēlajā dzelzs laikmetā // Pētījumi zemgaļu senatnē. Rakstu krājums. Rīga: Zinātne, 2008. S. 127-149.
- Werner 1970 - Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Handel – Familienverbindung) // Early Medieval Studies. Vol. 2. Stockholm, 1970. S. 65-81.

REFERENCES

- Ambroz 1966 - Ambroz A.K. Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR / Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. D1-30 [Fibulae of the south of the European part of the USSR / Collection of archaeological sources. Issue D1-30], Moscow, Nauka Publ., 1966, 111 p. [in Russian].
- Apals, Atgāzis, Daiga, Deņisova 1974 - Apals J., Atgāzis M., Daiga J., Deņisova R. Latvijass PSR arheoloģija [Archaeology of the Latvian SSR], Rīga, Zinātne Publ., 1974, 368 p. [in Latvian].
- Asaris, Muižnieks, Rādiņš, Virse, Žriņķis 2008 - Asaris J., Muižnieks V., Rādiņš A., Virse I., Žriņķis I. Kurši senatnē [The Curonians in ancient times], Rīga, SIA "NIMS" Publ., 2008, 155 p. [in Latvian].
- Bitner-Wróblewska 2001 - Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period, Warszawa, Państwowe Muzeum Archeologiczne, Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie Publ., 2001, 258 p. [in English].
- Gavrituhin 2010 - Gavrituhin I.O. Vizantijskie podvyeznye fibuly s S-vidnoj petlej dlya osi pruzhiny. Nahodki k severu i vostoku ot Dunaya [Byzantine brooch brooches with an S-shaped loop for the spring axis. Finds to the north and east of the Danube], in: Arheologiya Vostochnoj Evropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i materialy. Ranneslavyanskij mir. Vyp. XIII [Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium A.D. Problems and materials. The Early Slavic World. Vol. XIII], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2010, pp. 15-89 [in Russian].
- Homyakova 2017 - Homyakova O.A. Kompleks zhenskih ukrasheniya iz mogil'nika Bol'shoe Isakovo-Lauth [A complex of women's jewelry from the Bolshoe Isakovo burial ground-Lauth], in: Rossiyskaya arheologiya [Russian Archeology], 2017, № 3, pp. 69-75 [in Russian].
- Kazakevičius 1983 - Kazakevičius V. A rare animal-head cross-bow brooch from Plinkaigalis in Lithuania, in: Fornvännen, Vol. 78, Stockholm, Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien Publ., 1983, pp. 198-196 [in English].
- Koch 1999 - Koch U. Nordeuropäisches Fundmaterial in Graben Süddeutschland recht des Rheins [Northern European finds in trenches in southern Germany east of the Rhine], in: Völker an Nord- und Ostsee und die Franken [Peoples on the North and Baltic Seas and the Franks], Bonn, Habelt Publ., 1999, pp. 175-194 [in German].

- Kulakov 1989 - Kulakov V.I.** Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ya konca V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878-1938 gg.) [Burial grounds of the western part of the Masurian Lake district in the late 5th – early 8th centuries. (based on the excavation materials of 1878-1938)], in: Barbaricum-1989, Warszawa, Institut atcheologii Uniwersytetu warszawskiego Publ., 1989, pp. 148-273 [in Russian].
- Kulakov 1990 - Kulakov V.I.** «Zverinogolovye» fibuly baltov (V-VII vv.) ["Animal-headed" fibulae of the Balts (V-VII centuries)], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1990, № 2, pp. 204-215 [in Russian].
- Kulakov 2012 - Kulakov V.I.** Arbaletovidnye fibuly so zverinym ornamentom [Crossbow-shaped fibulae with animal ornaments], in: Slavia Antiqua, Vol. LIII, Poznań, Poznańskie Towarzystwo Naukowe Publ., 2012, pp. 131-163 [in Russian].
- Kulakov 2014 - Kulakov W.I.** Zespół dwóch złotych naszyjników/pierścieni z Młoteczna (Hammersdorf) i grzywny typu R300 w krajach nadbaltyckich [A set of two gold necklaces/rings from Młoteczna (Hammersdorf) and a type R300 ingot in the Baltic countries], in: Pruthenia, Vol. IX, Olsztyn, Towarzystwo naukowe Pruthenia Publ., 2014, pp. 45-63 [in Polish].
- Kulakov 2020 - Kulakov V.I.** Makety detalej pogrebal'nogo inventarya v obryade estiev i prussov [Mock-ups of details of funeral equipment in the rite of the Esti and Prussians], in: Istoriya povsednevnosti [The history of everyday life], 2020, № 3 (15), pp. 100-110 [in Russian].
- Kurt Vojgtman - Kurt Vojgtman** Kartei, Prussia-Archiv, SMB-PK/Museum für Vor- und Frühgeschichte [Kurt Vojgtman file, Prussia Archive, SMB-PK/Museum of Prehistory and Early History], Berlin, PM-IXc1 [in German].
- Nerman 1969 - Nerman B.** Die Vendelzeit Gotlands. II. Tafeln [The Vendel Period of Gotland. II. Plates], Stockholm, Kungl. Vitterhetsakademien Publ., 1969, 600 p. [in German].
- Šimėnas 2006 - Šimėnas V.** Etnokultūriniai procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje [Ethnoculturally processes in Western Lithuania in the middle of the first millennium AD], Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla Publ., 2006, 138 p. [in Lithuanian].
- Tischler, Kemke 1902 - Tischler O., Kemke H.** Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt [East Prussian Antiquities from the Time of the Large Burial Grounds after Christ's Birth], Königsberg, In Kommission bei Wilh. Koch Publ., 1902, 46 p. [in German].
- Vaska 2008 - Vaska B.** Procesi zemgaļu ornamentā vidējā un vēlajā dzelzs laikmetā [Processes in Semigalian ornamentation in the middle and late Iron Age], in: Pētījumi zemgaļu senatnē. Rakstu krājums [Research on the Ancient Zemgalians. Collection of Articles], Rīga, Zinātne Publ., 2008, pp. 127-149 [in Latvian].
- Werner 1970 - Werner J.** Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Handel – Familienverbindung) [On the spread of early historical metalwork (workshop – traveling crafts – trade – family connections)], in: Early Medieval Studies, Vol. 2, Stockholm, 1970, pp. 65-81 [in German].

Кулаков Владимир Иванович

– Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Kulakov Vladimir Ivanovich

– Doctor of historical sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

К ИДЕНТИФИКАЦИИ ОСТАНКОВ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АГАФИИ ВСЕВОЛОДОВНЫ И ДРУГИХ РЮРИКОВИЧЕЙ, ПОГИБШИХ ПРИ ОСАДЕ ГОРОДА ВЛАДИМИРА ВОЙСКОМ БАТЫЯ В 1238 ГОДУ

В.И. Меркулов¹, И.Л. Рожанский²

¹Проект «ДНК замечательных людей» (Москва, Россия)

e-mail: info@dna-academy.ru

Scopus Author ID: 55848349600

ResearcherID: E-5671-2014

<http://orcid.org/0000-0003-0555-0813>

SPIN-код: 1519-7585

²Проект «ДНК замечательных людей» (Цукуба, Япония)

e-mail: info@dna-academy.ru

Scopus Author ID: 6602811767

Researcher ID: M-8875-2018

<http://orcid.org/0000-0002-7571-7626>

SPIN-код: 9823-3659

АННОТАЦИЯ

В этом материале на основе анализа средневековых династических связей и результатов ДНК-тестирования представителей династии Пястов делается наблюдение о предполагаемой митохондриальной гаплогруппе великой княгини Агафии Всеволодовны и ее сыновей, трагически погибших при осаде города Владимира войском Батыя в 1238 г. Полученные данные оставляют шанс идентифицировать их останки среди захоронений во владимирском Успенском соборе, если они сохранились. Также появляется возможность уточнения генеалогии князя Михаила Черниговского по материнской линии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Агафия Всеволодовна, Юрий Всеволодович, Рюриковичи, Пясты, Конрад Мазовецкий, Михаил Черниговский, ДНК-генеалогия, митохондриальная ДНК, древняя ДНК.

ON THE IDENTIFICATION OF THE REMAINS OF GRAND PRINCESS AGAFIA VSEVOLODOVNA AND OTHER RURIKIDS WHO PERISHED DURING THE SIEGE OF VLADIMIR BY BATU'S ARMY IN 1238

Vsevolod Merkulov¹, Igor Rozhanskii²

¹DNA of Remarkable People Project (Moscow, Russia)

e-mail: info@dna-academy.ru

²DNA of Remarkable People Project (Tsukuba, Japan)

e-mail: info@dna-academy.ru

ABSTRACT

Based on an analysis of medieval dynastic ties and DNA test results from members of the Piast dynasty, this study offers insights into the probable mitochondrial haplogroup of Grand Princess Agafia Vsevolodovna and her sons, who perished tragically during the siege of Vladimir by Batu's forces in 1238. The findings raise the possibility to identify their remains (should they still exist) among the burials in Vladimir's Uspenski Cathedral. Additionally, this opens the opportunity to refine the maternal genealogy of Prince Mikhail of Chernigov.

KEYWORDS: Agafia Vsevolodovna, Yuri Vsevolodovich, Rurikids, Piasts, Konrad of Masovia, Mikhail of Chernigov, DNA genealogy, mitochondrial DNA, ancient DNA.

Рис. 1. Миниатюра Лицевого летописного свода

В начале февраля 1238 г. войско хана Батия подошло к городу Владимиру. К тому времени уже было разорено Рязанское княжество, захвачены и сожжены Коломна и Москва, где попал в плен князь Владимир Юрьевич – младший сын великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Сам Юрий Всеволодович отправился на Волгу собирать войско. Во Владимире остались его жена Агафия, малолетняя дочь Феодора и другие сыновья – Всеволод и Мстислав с женами и детьми.

Подступив к крепостным стенам, ордынцы потребовали сдачи города и, получив отказ, убили перед Золотыми воротами, на глазах осажденных жителей пленного князя Владимира Юрьевича. Город был взят штурмом.

Агафия с другими женщинами и детьми укрылись в Успенском соборе, который подожгли захватчики – «и тако огнем без милости запалени быша», – сообщает

Лаврентьевская летопись (ПСРЛ: 197). Лицевой летописный свод дополняет детали той трагедии. Несчастные спрятались на полотах, под сводами собора, куда вел потайной ход. После безуспешной попытки выманить их оттуда «татарове же много древня наволочиша в церковь и около церкви зажгоша, они же с молитвою и с благодарением душа своя предаша Господеву, огнем сжегшися и мученическому лику причтошася» (ЛЛС: 371).

Спустя месяц великий князь Юрий Всеволодович тоже погиб в битве с ордынцами на реке Сити. Его брат Ярослав похоронил останки погибших в Успенском соборе, который был родовой усыпальницей владимирских князей. Сюда же перенесли останки Юрия, а позднее здесь упокоился и сам Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского.

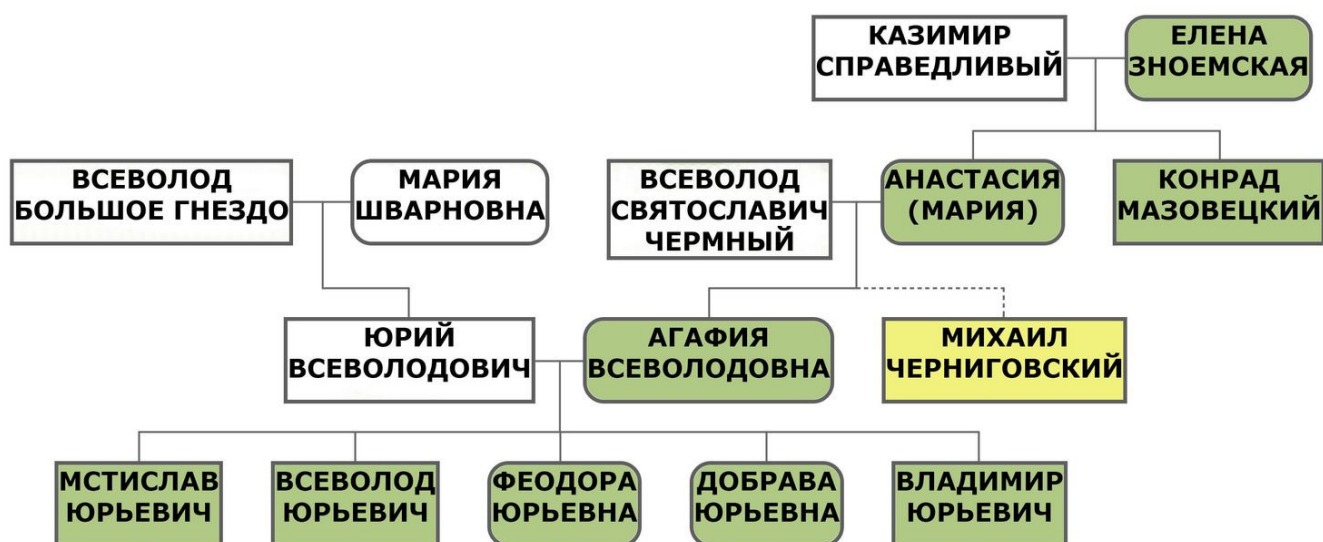

Рис. 2. Генеалогическое древо великой княгини Агафии Всеволодовны. Цветом выделены персоны в соответствии с наследованием мтДНК

Трагической участи в осажденном Владимире избежала лишь Добрава, выданная замуж до ордынского нашествия и/или же приписываемая к детям Юрия и Агафии ошибочно¹.

Архимандрит Порфирий (П.А. Виноградов) отмечал, что судя по сохранившимся надписям на стене, останки Агафии и заживо сожженных с ней женщин и детей оказались в более ранней гробнице великого князя Михаила Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, скончавшегося в 1176 г. По его предположению, гробница Агафии первоначально располагалась поблизости, но в ходе позднейшей перестройки собора все останки могли поместить в общее захоронение. В отдельной гробнице Успенского собора были похоронены сыновья Юрия Всеволодовича – Всеволод, Мстислав и Владимир, погибшие в 1238 г. (Порфирий 1903: 20-22, 46).

При реконструкции «некоторые гробницы опустили под пол храма, а некоторые и совсем упразднили, переложив находившиеся в них останки в сохраненные гробницы» (Порфирий 1903: 3-4). Гробница Агафии Всеволодовны была восстановлена в 1874 г. Позднее были восстановлены некоторые другие захоронения с указанием имен погребенных. Про обстройку Успенского собора во Владимире после ордынского разорения вплоть до конца XIX в. подробно писал Н.Н. Воронин (Воронин 1961: 354-360).

О дате и месте рождения Агафии достоверных сведений нет. В 1211 г. она вышла замуж за Юрия – сына Всеволода Большое Гнездо, «и бысть радость велика в Володимери граде» (ПСРЛ: 184). Венчание состоялось в том же Успенском соборе, где позднее Агафия приняла страшную смерть. Ее родители не уступали родственникам жениха в знатности – великий князь Киевский Всеволод Святославич Чермный и польская княгиня,

известная как Анастасия или Мария, сестра Конрада Мазовецкого.

В апреле 2026 г. было опубликовано масштабное исследование, посвященное ДНК-генеалогии Пястов. Палеогенетики проанализировали несколько десятков отобранных археологами образцов из захоронений и смогли идентифицировать 6 представителей династии, среди них – князя Конрада Мазовецкого (образец PIAST05 / PCA0665). Оказалось, что по отцовской линии он унаследовал Y-хромосомную гаплогруппу R1b-U152 > BY3549, а по материнской – митохондриальную гаплогруппу T2b2b1 (Zenczak 2026). Ту же митохондриальную ДНК должна была получить его сестра и передать своей дочери – Агафии Всеволодовне.

Гаплотип митохондриальной ДНК Конрада Мазовецкого выглядит следующим образом:

73G 263G 517G 709A 750G 930A 1438G 1888A 2706G 3107C 4216C 4769G 4917G 5147A 7028T 8697A 8860G 10463C 11242G 11251G 11719A 11812G 12171G 13368A 14233G 14766T 14905A 15326G 15452A 15607G 15928A 16126C 16192T 16294T

Эта последовательность вместе с приватными мутациями 517G и 3107C относится к митохондриальной ветви T2b2b1, которая характеризуется определяющей мутацией 12171G. Согласно расчетам YFull, генеалогические линии современных представителей этой редкой ветви сходятся к общей прааматери, жившей около 1200 лет назад².

К другим ветвям митохондриальной гаплогруппы T2b принадлежит еще трое представителей династии Пястов:

PIAST01 (Болеслав III Кривоустый или его отец Владислав I Герман) – T2b4b;

¹ Дариуш Домбровский придерживается точки зрения, что имя старшей дочери Юрия Всеволодовича неизвестно, а Добрава (Дубравка) была дочерью Конрада Мазовецкого (Домбровский 2015).

² Электронный ресурс: <https://www.yfull.com/mtree/T2b2b1/> (Дата обращения – 08.08.2026).

Рис. 3. Ковчег со съемной крышкой с мощами князя Михаила Черниговского (фото с официального сайта Музея Московского Кремля)

PIAST10 (образец не атрибутирован) – T2b4b;
PIAST16 (Станислав Мазовецкий, сын Анны Радзивилл) – T2b > T2b69.

Существенное представительство митохондриальной гаплогруппы T2b в славянских правящих династиях дополняется предварительными результатами ДНК-тестирования останков Пржемысловичей. Несколько лет назад в репортаже чешского ТВ было анонсировано, что предполагаемая супруга князя Спытигнева, похороненная с ним на Пражском Граде под полом церкви Девы Марии, также относилась к этой гаплогруппе (образец UC_HGL_907)³. Научная статья пока не опубликована.

В последнее время появилось много усеченных данных по древнерусским образцам, для которых сообщалась лишь гаплогруппа предкового уровня. Однако митохондриальная гаплогруппа T2b идентифицируется редко. К примеру, к ней были отнесены два средневековых образца из курганного некрополя «Перевоз» на территории восточнославянского племени кривичей (Глубокский район, Витебская обл.) (Население Беларуси 2025: 289).

Необходимо отметить, что последовательность митохондриальной ДНК Конрада Мазовецкого полностью совпадает с результатами, полученными при тестировании образца HU52 из королевской базилики в Секеш-

фехерваре. На сайте FTDNA для них выделили собственную подветвь T2b2b1h⁴.

Венгерские авторы отнесли образец HU52 к Андрею (Андрашу) Галицкому (около 1210 г.р.), сыну короля Андраша II и Гертруды Меранской, младшему брату Белы IV (Kovács 2026). Но более вероятно, что это Иштван Постум (1236 г.р.), сын Андраша II и Беатрисы Д'Эсте⁵. Оба принца родились немногим позже Конрада Мазовецкого (около 1187 г.р.), а потому имело бы смысл проверить пару HU52 – PIAST05 методом IBD. Для этих образцов ожидается не слишком дальнее родство по материнской линии.

Представленное наблюдение о возможной митохондриальной гаплогруппе великой княгини Агафии Всеволодовны, которую должны были унаследовать ее сыновья – князья Всеволод, Мстислав и Владимир Юрьевичи, а также дочь Феодора, трагически погибшие в 1238 г., оставляет шанс идентифицировать их останки среди захоронений Успенского собора во Владимире, если они сохранились. Редкость мтДНК-ветви с учетом указанных частных мутаций делает маловероятным случайное совпадение.

Предполагается, что дочь Казимира Справедливого и Елены Зноимской была матерью не только Агафии Всеволодовны, но и князя Михаила Черниговского,

³ Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=musDK9hWJl0> (Дата обращения – 08.08.2026).

⁴ Электронный ресурс: <https://discover.familytreedna.com/mtdna/T2b2b1h/tree> (Дата обращения – 08.08.2026).

⁵ Данная гипотеза сформулирована в научно-популярной статье И.Л. Рожанского, опубликованной 16.12.2025 по ссылке: <https://dna-academy.ru/stephen-posthumous/> Научная публикация готовится.

убитого в Орде в 1246 г. Если это действительно так, то при ДНК-исследовании его останков в будущем должна быть выявлена та же митохондриальная гаплогруппа T2b2b1. Для перекрестной проверки результата может использоваться анализ IBD-сегментов генома внука Михаила Черниговского – Белы Ростиславича (Рожанский 2025: 18-19), для которого ожидается четвертая степень родства с Конрадом Мазовецким.

Помимо прочего, это позволит прояснить смысл летописного свидетельства от 1238 г., повествующего о поездке Михаила Всеволодовича с сыном Ростиславом к Конраду Мазовецкому: «идоста Михаил и Ростислав к уеви своему в Ляхы и ко Кондратови» (ВГЛ: 59). Традиционно этот фрагмент переводится как «пошли тогда Михаил и Ростислав в Ляшскую землю, к дяде своему Кондрату (т.е. Конраду Мазовецкому – прим.)» (Памятники 1981: 295).

А.В. Журавель высказывал предположение, что Михаил Черниговский был сыном не Всеволода Святос-

лавича Чермного, а другого Всеволода Святославича – трубчевского князя, известного по «Слову о полку Игореве» как Буй-Тур Всеволод. Автор не вдавался в детали происхождения матери, указывая на силезскую или великопольскую ветвь Пястов, однако, принимал различие в имени (Анастасия или Мария) в пользу своей аргументации. Эта гипотеза подвергалась критике. В частности, С.Н. Келембет доказывал, что Михаил Черниговский все же был сыном Всеволода Святославича Чермного и Анастасии, дочери Казимира Справедливого, и родился в середине 80-х – начале 90-х гг. XII в. (Журавель 1995; 1996; Келембет 2017).

Поставить точку в дискуссии могли бы ДНК-генеалогические исследования. Останки князя Михаила Черниговского, причисленного к лику святых, покоятся в Архангельском соборе Московского Кремля.

ЛИТЕРАТУРА

ВГЛ - Волинско-Галицкая летопись. 1205-1292 гг. Львов, 1871.

Воронин 1961 - Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. Т. I. М., 1961.

Домбровский 2015 - Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.

Журавель 1995 - Журавель А.В. Происхождение князя Михаила Всеволодовича Черниговского // Из истории Брянского края: материалы юбилейной историко-краеведческой конференции. Брянск, 1995.

Журавель 1996 - Журавель А.В. Михаил Черниговский: соотношение жизни и жития // Святый князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернівці, 1996. С. 15-19.

Келембет 2017 - Келембет С. Михайло Всеволодович, великий князь Чернігівський і Київський: деякі питання походження, біографії та складу родини // Сіверянський літопис. 2017. № 1-2. С. 11-19.

ЛЛС - Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 5. 1217-1241 гг. М., 2014.

Население Беларуси 2025 - Васильев С.В., Марфина О.В., Лакиза В.Л. и др. Население Беларуси. Альбом в лицах – взгляд в прошлое: коллективная монография. М., 2025.

Памятники 1981 - Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Порфирий 1903 - Архимандрит Порфирий. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгининском девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители: с изображением одной гробницы и с приложением статьи «Обновление Владимирского кафедрального Успенского собора». Владимир, 1903.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.

Рожанский 2025 - Рожанский И.Л. ДНК исторических личностей: задачи и результаты // Исторический Формат. 2025. № 2. С. 10-26.

Kovács 2026 - Kovács B., Olasz J., Maróti Z. et al. Genetic identification of Árpád Dynasty members from the ossuary of the Royal Basilica at Székesfehérvár // iScience. Vol. 29. Issue 7. 116365. July 17. 2026.

Zenczak 2026 - Zenczak M., Handschuh L., Marcinkowska-Swojak M. et al. Genetic genealogy of the Piast dynasty and related European royal families // Nature Communications. 2026. Vol. 17. Article Number: 3224.

REFERENCES

Dombrovskij 2015 - Dombrovskij D. Genealogiya Mstislavichej. Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.) [Genealogy of the Mstislavichs. The first generations (before the beginning of the 14th century)], Saint-Petersburg, 2015 [in Russian].

Kelembet 2017 - Kelembet S. Mihajlo Vsevolodovich, velikij knyaz' Chernigivs'kij i Kiivs'kij: deyakі pitan'nya pohodzhennya, biografiі ta skladu rodini [Mikhail Vsevolodovich, Grand Duke of Chernigov and Kiev: some questions of origin, biography and family composition], in: Siverjans'kij litopis [The Siverjanskij Chronicle], 2017, № 1-2, pp. 11-19 [in Ukrainian].

Kovács 2026 - Kovács B., Olasz J., Maróti Z. et al. Genetic identification of Árpád Dynasty members from the ossuary of the Royal Basilica at Székesfehérvár, in: iScience, Vol. 29, Issue 7, 116365, July 17, 2026 [in English].

LLS - Licevoj letopisnyj svod XVI veka. Russkaya letopisnaya istoriya. Kn. 5. 1217-1241 gg. [The facial chronicle of the XVI century. Russian chronicle history. Book 5. 1217-1241], Moscow, 2014 [in Russian].

Naselenie Belarusi 2025 - Vasil'ev S.V., Marfina O.V., Lakiza V.L. i dr. Naselenie Belarusi. Al'bom v licah – vzglyad v proshloe: kollektivnaya monografiya [The population of Belarus. The album in faces – a look into the past: a collective monograph], Moscow, 2025 [in Russian].

Pamyatniki 1981 - Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek [Monuments of literature of Ancient Russia. XIII century], Moscow, 1981 [in Russian].

Porfirij 1903 - Arhimandrit Porfirij. Drevnie grobnicy vo Vladimirskom kafedral'nom Uspenskom sobore i Uspenskom Knyagininom devicheskomo monastyre i pogrebennye v nih knyaz'ya, knyagini i svyatiteli: s izobrazheniem odnoj grobnicy i s prilozheniem stat'i «Obnovlenie Vladimirskogo kafedral'nogo Uspenskogo sobora» [Archimandrite Porfiry. Ancient tombs in the Vladimir Cathedral of the Assumption and the Assumption Convent of the Princess and the princes, princesses and saints buried in them: with an image of one tomb and with the appendix of the article "Renovation of the Vladimir Cathedral of the Assumption"], Vladimir, 1903 [in Russian].

PSRL - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I. Lavrent'evskaya i Troickaya letopisi [The Complete collection of Russian Chronicles. T. I. Lavrentievskaya and Troitskaya chronicles], Saint-Petersburg, 1846 [in Russian].

Rozhanskij 2025 - Rozhanskij I.L. DNK istoricheskikh lichnostej: zadachi i rezul'taty [DNA of historical persons: problems and results], in: Istoricheskij Format [Historical Format], 2025, № 2, pp. 10-26 [in Russian].

VGL - Volynsko-Galickaya letopis'. 1205-1292 gg. [Volyn-Galician chronicle. 1205-1292], Lvov, 1871 [in Russian].

Voronin 1961 - Voronin N.N. Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi XII-XV vekov [Architecture of Northeastern Russia of the XII-XV centuries], Vol. I, Moscow, 1961 [in Russian].

Zenczak 2026 - Zenczak M., Handschuh L., Marcinkowska-Swojak M. et al. Genetic genealogy of the Piast dynasty and related European royal families, in: Nature Communications, 2026, Vol. 17, Article Number: 3224 [in English].

ZHuravel' 1995 - ZHuravel' A.V. Proiskhozhdenie knyazya Mihaila Vsevolodovicha CHernigovskogo [The origin of Prince Mikhail Vsevolodovich of Chernigov], in: Iz istorii Bryanskogo kraja: materialy yubilejnoj istoriko-kraevedcheskoj konferencii [From the history of the Bryansk region: materials of the anniversary historical and local history conference], Bryansk, 1995 [in Russian].

ZHuravel' 1996 - ZHuravel' A.V. Mihail CHernigovskij: sootnoshenie zhizni i zhitiya [Mikhail Chernigov: the relationship of life and living], in: Svyatij knyaz' Mihajlo CHernigivs'kij ta jogo doba [Holy Prince Mikhail of Chernigov and his time], CHernigiv, 1996, pp. 15-19 [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич

– Кандидат исторических наук, Проект «ДНК замечательных людей» (Москва, Россия).

Vsevolod Merkulov

– Candidate of historical sciences, DNA of Remarkable People Project (Moscow, Russia).

info@dna-academy.ru

Рожанский Игорь Львович

– Кандидат химических наук, Проект «ДНК замечательных людей» (Цукуба, Япония).

Igor Rozhanskii

– Candidate of chemical sciences, DNA of Remarkable People Project (Tsukuba, Japan).

info@dna-academy.ru

ФИННО-УГРЫ, БАЛТЫ И СЛАВЯНЕ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.

Д.С. Логинов

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольная, д. 9

e-mail: dimok_star@mail.ru

SPIN-код: 4499-8831

АННОТАЦИЯ

Становление Рязанской земли в качестве отдельной исторической области Древней Руси относится к относительно позднему времени по сравнению с другими территориями средневекового государства. Этому предшествовали сложные и неоднозначные процессы, еще далеко не полностью раскрытые исторической наукой. В I тыс. н.э. на рассматриваемой территории осуществлялось взаимодействие ряда этнических образований в рамках городецкой культуры и культуры рязано-окских могильников. Традиционное отнесение обеих финно-уграм не отражает сложности картины. Можно предполагать этническую неоднородность городецкого населения с преобладанием на территории Рязанского Поочья условно «балтского» элемента. Рязано-окская культура имела гетерогенное происхождение. Среди ее истоков помимо финно-угров надо предполагать также сарматский компонент. В IV-VII вв. происходило взаимодействие рязано-окцев с представителями ряда культур, причем с мощинцами и колочинцами оно имело характер непосредственных этнических контактов. Мощинская и колочинская культура определяются разными исследователями либо как балтские, либо как славянские; обе приняли участие в восточнославянском этногенезе. Бесспорно славянское проникновение в регион начинается в IX в. Исходной областью, из которой исходил импульс, могло быть Верхнее Поочье или Верхний Дон. Также существует вариант проникновения непосредственно с левобережья Среднего Днепра – из ареала волынцевской культуры. Вероятным маркером первоначального славянского ареала на Средней Оке является архаичная топонимия, часто атрибутируемая как балтская.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Рязанской земли, топонимия Рязанской земли, Древняя Русь, финно-угры, балты, славяне, городецкая культура, культура рязано-окских могильников, роменско-боршевская культура, волынцевская культура.

FINNO-UGRIANS, BALTS, AND SLAVS IN THE RYAZAN OKA REGION IN THE 1st MILLENNIUM CE

Dmitry Loginov

Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov

Russia, 390026, Ryazan, Vysokovoltynaya str., 9

e-mail: dimok_star@mail.ru

ABSTRACT

The emergence of the Ryazan land as a distinct historical region of Ancient Rus' dates to a relatively late period compared with other territories of the medieval state. It was preceded by complex and ambiguous processes that have not yet been fully uncovered by historical science. In the first millennium CE, a number of ethnic groups interacted within the territory under consideration in the framework of the Gorodets culture and the Ryazan-Oka burial grounds culture. The traditional attribution of both to the Finno-Ugrians fails to capture the complexity of the picture. It can be assumed that the population of Gorodets was ethnically diverse, with a predominance of what might be tentatively termed a "Baltic" element. The Ryazan-Oka culture had heterogeneous origins. In addition to Finno-Ugric groups, a Sarmatian component should also be considered among its sources. During the 4th-7th centuries, the Ryazan-Oka people interacted with representatives of various other cultures; in particular, contacts with the Moschiny and Kolochin cultures appear to have involved direct ethnic interaction. Different scholars have classified the Moschiny and Kolochin cultures as either Baltic or Slavic; both played a role in the East Slavic ethnogenesis. Undeniably, Slavic penetration into the region began in the 9th century. The initial area from which this impetus originated could have been the Upper Oka region or the Upper Don. There is also a possibility of direct penetration from the left bank of the Middle Dnieper

- from the area of the Volyntsevo culture. A likely marker of the initial Slavic presence along the Middle Oka is archaic toponymy, which is often attributed to Baltic languages.

KEYWORDS: history of the Ryazan land, toponymy of the Ryazan land, Ancient Rus', Finno-Ugrians, Balts, Slavs, Gorodets culture, Ryazan-Oka burial grounds culture, Romensko-Borshevsky culture, Volyntsevo culture.

Вопросы сложения и становления Древнерусского государства, формирования его населения в целом и древнерусской народности – в частности, особенности взаимодействия в ходе этого процесса различных этнических и племенных групп (восточнославянских, финно-угорских, балтских, варяжской и пр.) продолжают оставаться предметом дискуссий. В качестве факта политической истории Русь со всей очевидностью выступает в IX в. Но этому предшествовала длительная предыстория, детали которой по сей день известны нам довольно отрывочно. Между тем их верное понимание должно многое прояснить для решения в перспективе обозначенных выше проблем.

Рязанская земля совершенно справедливо определена В.В. Седовым в качестве «отдельной исторической области» Древней Руси наравне с Новгородской, Ростово-Суздальской, Киевской, Черниговской, Полоцкой, Смоленской, Галичской и Муромской землями (Седов 1999: 230-253). Ее становление приходится на относительно позднее время сравнительно с большинством других названных историко-территориальных образований (Седов 1999: 251). Однако этот процесс, естественно, начался не на пустом месте. Данные археологии и топонимики свидетельствуют об обитании до прихода восточных славян на территории, занятой позднее Рязанским княжеством, неоднородных иноэтничных субстратных групп населения, происхождение которых, взаимоотношения между собой и взаимодействие со славянами, как и маршруты продвижения последних на начальных этапах проникновения в регион, в достаточной степени не прояснены.

В 2025 г. автором была издана монография «Этническая история Рязанской земли в древности и раннем средневековье», в которой были обобщены данные письменных источников, археологии, исторической лингвистики, антропологии и исследований в области изучения палео-генетики и ДНК, касающихся этнической истории региона на длительном хронологическом отрезке от верхнего палеолита до образования Рязанского княжества (Логинов 2025). Впрочем, сама специфика предмета исследования, постоянное накопление новых данных неизбежно предопределяют более или менее промежуточный характер большинства получаемых выводов. В настоящей статье рассмотрим один из наиболее спорных и интригующих моментов, связанных с межэтническим взаимодействием в Рязанском Поочье в период, предшествующий и соответствующий самым ранним этапам истории Руси, а именно: вопрос о времени, обстоятельствах появления и возможностях разграничения здесь балтского и восточнославянского компонентов в контексте их взаимоотношений с другими этносами региона, прежде всего, финно-угорским.

Самые ранние археологические памятники на территории Рязанского Поочья, славянское происхождение которых бесспорно, относятся к IX веку (Археологическая карта России 1993: 27; Судаков, Буланкин, Иванов 2012; Иванов, Судаков 2023). Их появлению на территории региона в железном веке и раннем средневековье предшествует длительный период бытования городецкой культуры (на северо-западе области также родственной ей дьяковской) и культуры рязано-окских могильников. Отчасти об этническом характере дославянского населения позволяет судить сохранившаяся субстратная топонимия. При этом филологи достаточно единодушны в выделении двух бесспорных этнических групп в древней истории региона: финно-угорской и балтской (Никольский, Кононенко, Хрусталева 2009: 41).

Городецкая культура, нижняя хронологическая граница которой определяется, чаще всего, как VII-VI вв. до н.э., а верхняя, в зависимости от трактовки взаимосвязи с культурой рязано-окских могильников, – либо как II-III вв. н.э., либо как VII, VIII-IX вв. или даже рубеж I-II тыс. (Археологическая карта России 1993: 23; Ахмедов БРЭБ), занимала обширные территории лесостепи и современной южной границы смешанных и широколиственных лесов Волго-Окско-Донского междуречья по текущим к югу рекам, вторгающимся в степную часть Европейской России (Миронов 1995). Памятники ее обнаружены на территориях современных Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Липецкой, Воронежской областей, республик Марий Эл, Мордовия и Чувашия. Одна из локальных групп культуры – среднеокская – целиком располагается в Рязанской области (Археологическая карта России 1993: 23).

Традиционной в науке является точка зрения о финно-угорском этносе носителей городецкой культуры (Финно-угры и балты 1987: 67). Однако она стала преимущественно следствием механической обратной ретроспекции реалий раннего средневековья на период раннего железного века. Между тем среди характеризующих городецкую культуру (и близкую ей дьяковскую) черт весьма проблематично обнаружить какие-либо яркие особенности, специфичные конкретно для позднейших финно-угров. Если же обращаться к археологическим истокам общности, то ситуация окажется еще более неоднозначной.

Городецкую и дьяковскую культуры, наряду с рядом других, выводят из культуры сетчатой (также текстильной или ложнотекстильной) керамики, занимавшей в позднем бронзовом и начале раннего железного века лесную зону Восточной Европы от Эстонии и Финляндии до Прикамья. Южная граница по Дону доходила

до лесостепи (Сидоров 2013: 5). При этом переход, видимо, был опосредован стадией т.н. «памятников климентовского типа» (Миронов 1995)¹. Как обширный ареал сетчатой керамики, так и пестрота предшествующих ей субстратных компонентов (культура ямочно-гребенчатой керамики, волосовская, фатьяновская, балановская, абашевская, поздняяковская, чирковская, возможно, сейминско-турбинская культуры), их неоднородность в разных частях этого ареала заставляют серьезно сомневаться в ее этнической гомогенности. Вероятно, вопрос о языках носителей культуры должен решаться дифференцированно применительно к разным регионам ее распространения. Первоначально среди них можно предполагать и «палеоевропейские», и индоевропейские, и финно-угорские. Последние теоретически могут восходить к ямочно-гребенчатому и гребенчато-ямочному субстрату (проблема, впрочем, в недостаточной доказанности его сохранения до эпохи поздней бронзы), а также – к восточной части волосовского (где в сложении волосовской культуры еще в период неолита преобладающую роль сыграли носители волго-камской общности) (Эпоха бронзы 1987: 27; Неолит Северной Евразии 1996: 248 – 252). Можно говорить о том, что в рамках сетчатой культуры произошла определенная унификация пестроты, характерной для занятой ею территории в прошлом, но прочных оснований для заключения о том, что это повсюду случилось на базе финно-угорских языков, в общем-то, нет. Заметим, что конкретно на территории Рязанского Поочья предшествующим ей основным субстратом, видимо, был не ямочно-гребенчатый или волосовский, а поздняяковский.

Говоря о городецкой культуре, важно отметить что помимо «сетчатого» (или «постсетчатого» – климентовского, каширского и т.п.) субстрата большую роль в ее складывании сыграл бондарихинский суперстрат, во многом «ответственный» за ее отличия от дьяковской общности (Ставицкий 2010: 7-10). Бондарихинская культура относится к периоду финала бронзового и раннего железного века (примерно XII-VII вв. до н.э.). Ее памятники распространены в лесостепи Днепровского левобережья и Дона (в бассейнах Северского Донца, верхнего Дона и Цны, Оскола и Псела) (Курский край 2002: 105-111). В настоящее время в археологии преобладает балтская этническая идентификация носителей бондарихинской культуры, подкрепляемая отмечаемым филологами фактом наличия на территории ее бытования пласта древнебалтской гидронимии (при отсутствии надежных следов финно-угорской) (Буйнов 2004: 19-20). Таким образом ситуация с этнической интерпретацией городецкой культуры напоминает таковую с культурой сетчатой керамики. Она, очевидно, должна рассматриваться отдельно, применительно к каждой из основных зон распространения, разным локальным вариантам: северо-западной (среднеокской), северо-восточной (нижнеокской), центральной (мокшанско-цнинской), восточной (средневожской), юго-восточной (ниж-

невожской) и юго-западной (верхнедонской). Чисто умозрительно можно предположить, что если все же допускать финно-угорскую составляющую среди населения городецкого ареала, то вероятность его проявления должна возрастать по мере удаления от верховьев Дона, в частности, применительно к территории современной Рязанской области, – по направлению с юга-запада и запада на северо-восток и восток. Во всяком случае, при высокой доле гипотетичности последнего тезиса весьма вероятным следует признать предположение об этнической неоднородности городецкой культуры, наличии в ней балтского компонента (ниже, впрочем, пойдет речь о сложностях и значительной степени условности размежевания «балтского» и славянского применительно к древнейшим временам).

Первой (собственно, и последней) археологической общностью на территории Рязанского Поочья, наличие в которой значительного финно-угорского компонента можно считать бесспорно установленным на основе генетических связей и данных ономастики, является культура рязано-окских могильников.

Рязано-окские грунтовые могильники известны в долине Оки в районе несколько ниже устья р. Москва до низовьев рек Мокша и Цна (приток Мокши), в основном в пределах нынешней Рязанской области (Археологическая карта России 1993: 25). Нижняя хронологическая граница определяется рубежом I-II вв. н.э. (Археологическая карта России 1993: 25; Ахмедов, Белоцерковская, Румянцева 2007: 135, 273); в середине третьей четверти VII века происходит резкий упадок культуры, сопровождавшийся гибелью или прекращением функционирования большинства памятников. Однако исследования последних десятилетий дали специалистам основания говорить о доживании остатков рязано-окского населения на левом берегу Оки в Рязанском и Спасском районах и в рязанской части озерной Мещеры, а также на Правобережье – в Касимовском районе и, возможно, в северной части Шиловского – до X-XI вв. (Ахмедов 2010: 7-34; Ахмедов 2012б: 249). Таким образом оно застало начальные этапы бесспорно славянского проникновения в регион, очевидно выступив посредником при передаче субстратной топонимии.

К настоящему времени можно считать сохранившимися исключительно историографическое значение как гипотезы прошлого, видевшие в формировании рязано-окской культуры исключительно следствие вторжения извне, враждебного и фатально губительного для городецкого населения², так и те, в которых ее возникновение объяснялось просто как следствие эволюции местных традиций раннего железного века³. В свете исследований последних десятилетий ученые пришли к своего рода синтетическому варианту: внешний импульс имел место, но и городецкое население на территории Рязанского Поочья, не исчезло, а в значительной степени включилось в генезис новой общности (хотя

1 Возможно, речь должна идти даже о целом ряде переходных культур или традиций поздней бронзы – старта раннего железа: климентовской, каширской, культуре с «рябчатой» керамикой (Сыроватко 2013: 360-373).

2 Подобной точки зрения первоначально придерживался, например П.П. Ефименко (Ефименко 1926: 59-84).

3 Детально гипотеза была обоснована А.Л. Монгайтом (Монгайт 1961: 72, 74, 76).

остаётся открытым вопрос о занимаемом в ней месте и степени добровольности такого включения)⁴.

Ранним маркером указанного внешнего импульса считается Кошибеевский могильник, расположенный на правом берегу Цны в 4,5 км от ее впадения в Мокшу (на территории современного Сасовского района Рязанской области). Начало его функционирования относят к концу II – первой половине III века, а завершающая стадия датируется IV-V веками (Кемаев 2011: 120-127). Истоки многих характерных особенностей, присущих кошибеевским древностям, в свою очередь, возводят к т.н. писеральско-андреевскому типу памятников начала I тыс. (известны в пределах современных Марий Эл, Мордовии и Нижегородской области), иногда выделяемому в андреевскую культуру (Писеральско-Андреевский тип памятников 2009: 623).

Отметим, что андреевская культура уже характеризуется выраженной этнической неоднородностью, прослеживаемой как в вещевом инвентаре, так и в особенностях похоронных обрядов. Она получила название по одному из наиболее ярких памятников – Андреевскому кургану I-II вв. (современный Большеигнатовский район Мордовии). В его древностях проявились черты местной городецкой (ранее испытывавшей ананьинское влияние) культуры (в керамике), прикамской пьяноборской (особенно в украшениях женского костюма), а также сарматского мира (в погребальных обычаях и вооружении) (История Мордовии 2001: 31-32; Ахмедов БРЭа). Финно-угорскую составляющую можно увязывать с определенными оговорками (особенно в случае с городецким субстратом), с первыми двумя элементами. Вместе с тем, судя по всему, иранский компонент изначально был главенствующим в социальном плане. Как отмечал В.В. Гришаков: «Захоронения в могильниках «спутников-рабов», преднамеренно умерщвленных в ходе погребального ритуала, воинские трофеи в виде связок из человеческих верхних челюстей, подчеркнутый размах погребальных сооружений – яркие свидетельства особого положения в обществе погребенных здесь воинов» (История Мордовии 2001: 32). В.В. Ставицкий склонен объяснять отмечаемое археологами наличие античных импортов, а также некоторых элементов римского вооружения в материалах Андреевского кургана и других относящихся к культуре захоронений, участием сарматов-аорсов⁵ и их вероятных союзников в военных действиях против бывшего боспорского царя Митридата VIII в 45-49 гг. н.э. на стороне Римской империи (Ставицкий 2017: 249, 252). Именно с наследием аорсов или, шире сармато-иранцев, видимо, следует связывать некоторые особенности культуры рязано-окских могильников, унаследованные еще от памятников писеральско-андреевского типа. Таковы, например,

достаточно часто встречающаяся в захоронениях меридиональная ориентация погребенных⁶ (для сарматской традиции первоначально была характерна южная ориентация при наличии и северной, однако с конца II в. н.э., в т.н. позднесарматский период, уже последняя начинает господствовать: Скрипкин 1984; Глебов 2011: 67), отдельные захоронения с конем, с рабом, женские ингумации с оружием. Данные признаки можно соотносить и с данными языка, позволяющими этимологизировать из иранских ряд финно-угорских этнонимов. Так, согласно наиболее распространенной в современной науке версии, экзоэтноним «мордва» происходит от иранского корня со значением «человек, мужчина» (ср. персидское *mârd*, ягнобское *morti* – от индоиранского **mrta* «человек, смертный»). К тому же корню восходят эрзянское *мирьде*, мокшанское *мирьде* «мужчина, муж», удмуртское *мурт*, коми *морт* «человек, мужчина». Разница в огласовке между этими словами и этнонимом объясняется разным временем заимствования и адаптацией в разных языках. Также иранская этимология предполагается и для самоназвания одного из двух основных субэтносов мордвы – «эрзя» (Напольских 1997: 37-38)⁷.

Среди отчасти родственного среднеокского городецкого населения пришельцы, видимо, заняли то же положение, которое сарматы ранее – в андреевской культуре, выступая как господствующий слой по отношению к автохтонам. Последние (возможно, принудительно) создавали основную материально-экономическую базу обеспечения пришельцев. Специфические поселения рязано-окцев не известны в силу того, что таковыми выступали городища и селища городецкой культуры. Последнее, впрочем, совсем не обязательно означает, что автохтоны в принципе не могли принять участие в формировании верхнего социального слоя складывавшегося общественного устройства.

Прослеживаемая по археологическим материалам история культуры рязано-окских могильников – тема, интересная сама по себе, и имеющая к настоящему времени уже довольно значительную историографию

4 В частности, о присутствии пришлого компонента при сохранении и местного – городецкого – писал В.В. Седов (Финно-угры и балты 1987: 93-96). В указанной работе, опиравшейся на материалы, полученные ко второй половине 80-х гг. основным субстратом В.В. Седов называл балтов. Открытия последующих десятилетий привели к серьезному пересмотру изначального направления и природы внешнего импульса, но не самого факта его наличия.

5 Считаются родственными по языку и происхождению древним сако-массагетским племенам.

6 Ориентация могил различна, уже начиная с ранних погребений Кошибеевского могильника, хотя, в целом, преобладают восточная, юго-восточная и северо-восточная (Археологическая карта России 1993: 25; Кемаев 2011: 122-123). Унификации данного признака не происходит на всем протяжении существования культуры рязано-окских могильников. Гипотетически можно допустить, что разнообразие расположения покойных в могилах относительно сторон света отражает некие неизвестные нам религиозные представления внутри одной этнической группы (скажем, связано с временем года, в которое производилось то или иное захоронение или подобием кастового членения общества). Однако такое допущение, во-первых, входит в противоречие с неоднородностью и других деталей обряда (позы погребенных, при преобладании вытянутой на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела или сложенными на груди или животе, состава и расположения сопроводительного инвентаря и т.п.), а, во-вторых, само может свидетельствовать о первоначальной гетерогенности населения, со временем нашедшей отражение в верованиях. Отметим, что восточнее – на землях исторической мордвы – во второй четверти I тыс. н.э. южная ориентация при ингумациях утвердится у мокши, а северная – у эрзи (История Мордовии 2001: 36-37).

7 А.П. Гаврилов делает также допущение о происхождении этнонимов «русь» и «эрзя» непосредственно от иранского «аорсы» (Гаврилов, Семенов 2023: 11).

изучения. Ее подробное рассмотрение не может быть осуществлено в рамках отдельно взятой статьи. Здесь остановимся лишь на некоторых моментах, связанных с имевшими место этническими влияниями и контактами.

Многочисленные внешние культурные связи населения, оставившего рязано-окские могильники прослеживаются практически на всем протяжении существования общности на территории Среднего Поочья (с конца II до середины третьей четверти VII века). На разных его этапах отмечены контакты с дьяковской, мощинской, черняховской культурами, носителями центральноевропейских традиций, культурами Прибалтики и колочинской общностью (Ахмедов, Белоцерковская БРЭ). Судя по всему, рязано-окцы были достаточно активными участниками событий, связанных с Великим переселением народов и его последствиями. Однако при этом большая часть инокультурных признаков такого рода, что не могут однозначно свидетельствовать о непосредственном проникновении в ареал расселения рязано-окцев иноплеменных элементов: многие виды украшений, детали упряжи, вооружения и воинской экипировки и т.п. вполне предполагают вероятность появления в регионе в качестве военных трофеев, результатов внешнего обмена, оплаты за наемную службу и т.п. По-настоящему надежными маркерами появления носителей инокультурных традиций можно считать манифестацию новых погребальных традиций (как показателя несходных с традиционными духовных представлений), а также следы нехарактерных ранее для данной общности типов лепной керамики (такая посуда производилась обычно в домашних условиях и не представляла интереса при торговле, мене и грабеже). К этому можно добавить также устойчивые комплексы элементов одежды и украшений, как имевшие отношение зачастую не только к моде, но и опять-таки к религиозным воззрениям.

Исходя из указанных признаков можно достаточно уверенно говорить не просто о более или менее близких контактах, а именно о проникновении в ареал обитания рязано-окцев новых этнических групп в первой половине – середине V в. а также в VII в. К первому из указанных периодов относится появление новых погребальных традиций – кремаций и биритуальных погребений (сочетавших кремации и ингумации, иногда частичные) в сочетании с новыми типами керамики, имевшими, в основном, мощинские и позднедьяковские аналоги и прототипы (Ахмедов, Белоцерковская, Румянцева 2007: 252-255, 274). На позднем этапе бытования культуры рязанско-окских могильников – в VII в. – вновь начинают встречаться кремации, что может соотноситься с прослеживаемыми археологически признаками взаимодействия с группой носителей мощинской культуры в верховьях р. Прони и колочинской культуры в бассейне верховьев р. Воронеж (Ахмедов, Белоцерковская БРЭ).

В.В. Седов, трактовавший мощинскую и колочинскую культуры как балтские, обозначал следующие признаки пришельцев в вещевом инвентаре: подковообразные застежки с завернутыми концами (данные

предметы принадлежали к числу излюбленных украшений балтских племен, начиная с раннего железного века, и, в отдельных областях расселения, до XIX в.); браслеты со змееголовыми концами (увязываются исследователем с бытовавшим у балтов культом змеи); браслеты, сделанные из толстого дрота и имеющие утолщено-конические концы (в древностях балтов подобные были распространены во второй и третьей четвертях I тыс. н.э.); арбалетные фибулы (имеющие ближайшие аналогии в западных районах Волго-Окского междуречья и на Смоленщине, в Прибалтике и в южных районах Восточной Европы); крестовидные фибулы (снова уводящие к балтским древностям запада Волго-Окского междуречья); своеобразные умбоновидные привески (опять-таки близкие к древностям верхнеокских балтов); витые шейные гривны из трех проволок с концами в виде трех колец (имеют аналогии среди артефактов мощинской культуры); шейные гривны из толстого дрота с проволоочной обмоткой на концах и напускными металлическими бусами (по В.В. Седову имеют определенно балтское происхождение); головной убор, состоящий из нескольких рядов спиральных пронизок, разделенных пластинами-бляшками (характерен для ряда балтских племен; позднее был перенят поволжскими финнами); трех- или шестиллопастные височные привески (с ближайшими аналогиями в Прибалтике). В керамике балтский компонент отразился в находках характерных для мощинцев профилированных горшков, широких мисок с округлыми плечиками (с черной или светло-коричневой лощеной поверхностью). При этом по мере продвижения на восток процент лощеной керамики на поселениях рязано-окцев заметно уменьшается (Финно-угры и балты 1987: 94-95).

Заметим, что влияние мощинских, возможно, позднедьяковских, а позднее и колочинских племен при передаче указанных признаков в большинстве случаев является наиболее вероятным *a priori* (уже просто в силу географической близости) даже там, где у них самих они, возможно, не являлись исконными. Тем не менее, в некоторых случаях исследователи говорят и о допустимости предположения о прямых этнических связях с Прибалтикой. Так, в статье А.С. Семенова, А.П. Гаврилова и В.И. Кулакова возможным материальным свидетельством таких связей называется распространение в рязано-окском ареале крестовидных фибул (в конце IV-V в.), по основным типобразующим признакам наиболее сходных, по мнению авторов, с раннесредневековыми фибулами юго-запада Скандинавии (где данная форма окончательно сложилась в конце V – начале VI в.). Это коррелирует, по мнению авторов, с фактом выявления у представителя культуры могильников из захоронения V в. Y-хромосомного субклада N1a-VL29, распространенного преимущественно на северо-западе России, в Белоруссии, прибалтийских странах и Скандинавии (является в том числе общим для большинства протестированных Рюриковичей и Гедиминовичей) (Семенов, Гаврилов, Кулаков 2022: 227-243). Заметим, что к настоящему времени получены результаты анализа ДНК шестерых мужчин из могильника Ундрих (Шиловский район Рязанской области) IV-VI вв. Всего

N1a-VL29 идентифицирован в трех случаях (правда двое захороненных находились в прямом кровном родстве). Также выявлено по одному образцу (результаты носят более или менее вероятностный характер из-за плохой сохранности материала) субкладов J2a-Z6048 (или J2a-PF5008), R1a-YP1272 (варианты: R1a-M458, либо R1a-CTS3402) и N-Y3037→P43→Y3195→Y23785 (по-другому обозначен Z35076) (Гаврилов, Семенов 2023: 78-86, 103-108). Также был проведен краниологический анализ черепа из погребения 90 Ундрих 2015 (для того же захороненного был определен один из трех субкладов N1a-VL29) и двух черепов из другого шиловского могильника Борок 2. Выявлено преобладание европеоидного компонента, наличие некоторых черт средиземноморского антропологического типа: общая грациальность, узкая удлиненная форма головы, значительная профилировка лица (Веселовская, Гаврилов, Васильев 2021: 267-268; Веселовская, Дзини, Хохлов 2022: 14-31; Гаврилов, Семенов 2023: 103).

Наличие среди создателей культуры «прибалтийского» субклада действительно примечательно и требует дальнейшего исследования вопроса. Однако торопиться с выводами явно рано. Что касается крестовидных фибул, то обращает на себя внимание отмеченная и самими А.С. Семеновым, А.П. Гавриловым и В.И. Кулаковым рассинхронизация их появления в сложившемся виде на Средней Оке, с одной стороны, и на юго-западе Скандинавии и в Прибалтике – с другой: во втором случае, почти на столетие позже (заметьте, что в ареале рязано-окцев в VI веке крестообразные фибулы практически не известны; вновь «в моду» они входят лишь в конце столетия: Ахмедов 2016: 222). Так что предположение И.Р. Ахмедова о том, что генетическими предшественниками рязанских застжек следует считать Т-образные формы черняховской культуры (Ахмедов 2012а: 107), еще не утратило своего значения. Можно также предположить, что появление в рязано-окском ареале ранних фибул (конца IV–V вв.) и поздних (конца VI – середины третьей четверти VII в.) при внешнем сходстве имело причиной разные воздействия. Впрочем, данный вопрос, конечно, должен решаться специалистами-археологами.

В контексте предположения о прямых этнических воздействиях со стороны Прибалтики можно вспомнить о наличии на заболоченных землях рязанской Мещеры р. Курша (а также села с таким же названием у ее истоков). Топонимы могут быть связаны с названием древнего балтийского племени курша (др.-русс. «корсь»). По сохранившимся этнографическим сведениям жителей окрестных сел издавна называли куршаками, куршанами, «литвой головастой», «литвой некрещеной» (Топоров 1982: 26⁸; Гордова 2021: 121). Следует, вместе с тем, признать, что если названия и восходят к средневековому западнобалтскому этносу то никаких свидетельств в пользу отнесения их происхождения именно к периоду существования культуры могильников нет (Топонимический словарь Рязанской области 2004: 138-139).

Возвращаясь к относительно недавно опубликованным данным изучения ДНК, отметим, что, в целом, они вполне соответствуют тому, что к данному моменту известно об обстоятельствах сложения и развития рязано-окской общности. Субклад J2a-Z6048 в настоящее время распространен в Южной Европе и на Ближнем Востоке, а J2a-PF5008 встречается у мордвы-мокши и у поволжских татар. В интересующем нас случае как тот, так и другой логично трактовать маркером первоначального «сарматского» импульса в андреевской культуре, «по наследству» перешедшим и к рязано-окцам. N-Z35076 как «сибирско-пермская» ветвь – вероятный признак финно-угорских корней, а вероятные субклады R1a за исключением первого варианта (который может быть возведен еще к древней палеоевропейской компоненте) – косвенно подтверждает предположение о балтской или балто-славянской компоненте. Вообще, следует отметить, что тезис о преимущественно финно-угорском языке и этносе рязано-окцев не столь уж самоочевиден. Бесспорным является то, что восточнее писеральско-андреевский импульс сыграл значительную роль в этногенезе исторической мордвы (История Мордовии 2001: 31-33). Но насколько монолитен он был в этноязыковом плане к моменту проникновения в Рязанское Поочье, можно только догадываться, не говоря о том, что и на новой территории происходило взаимодействие с иными племенными группами. Наличие значительного финно-угорского элемента в составе рязано-окского населения представляется бесспорным в свете топонимических данных (во всяком случае, северо-востока, востока и, отчасти, юго-востока и севера современной Рязанской области) (Гордова 2021: 226-306; 314-317, 319 и др.). Но утверждение о его безусловном преобладании, по сути, имеет более или менее гипотетический характер.

Также открытым, по нашему мнению, остается вопрос о том, насколько репрезентативны материалы могильников в плане отражения этнической картины Рязанского Поочья во II-VII вв. По сути дела мы не можем с уверенностью утверждать, что старое городищское население при приходе нового было целиком ассимилировано и сменило прежние погребальные традиции (археологически практически не прослеживающиеся) на привнесенные извне. Не исключено, что старые ритуалы продолжали сохраняться в отдельных частях ареала даже и после катастрофы рязано-окской культуры третьей четверти VII в. Вообще, сам факт наследования славянами мощного пласта субстратной топонимии (в том числе, микротопонимов) явно говорит о том, что значительная часть Среднего Поочья (а не только отдельные анклавы, выявленные археологически) оставалась более или менее заселена все время с конца VII до начала IX в. Можно, например, предположить, что после гибели большей части городищ население перешло на селища, археологически намного сложнее выявляемые.

Уместен, впрочем, и другой вопрос: если данные археологии говорят об обезлюживании в течение не менее полутора столетий довольно обширных областей, сохранивших, тем не менее, субстратную топонимию,

8 Автор ссылается на исследования Г.П. Смолицкой.

не означает ли это, что следует пересмотреть тезис о ее «субстратности», ее дославянском происхождении? Этот вопрос логически возникает в случае, когда мы говорим о лексических следах балтского присутствия в регионе в контексте начальных этапов проникновения на его территорию славян.

По утверждению Ю.Ю. Гордовой: «Балтийская топонимия накрыла территорию Среднего Поочья мощным пластом... Самым значительным районом сосредоточения балтийской топонимии являются юго-западная и западная части Среднего Поочья, представляющие собой единый непрерывный ареал» (Гордова 2021: 318). Он охватывает (по Ю.Ю. Гордовой): 1) район Прони, неразрывно связанный с верхнедонским бассейном и достигающий до правобережной части соседней р. Пары; 2) верховья Дона и прилегающие территории окско-донского междуречья; 3) район левобережной Пары вплоть до ее впадения в Оку; 4) бассейн р. Вожи и небольшой участок на левобережье Оки (Гордова 2021: 318-319). К зоне балтийской топонимии относятся трактуемые Ю.Ю. Гордовой как балтские топонимические типы с формантами -ва, -ня/-на, -ье/-ья, -ша, -дь/-да, ареалы которых находятся в юго-западной части региона, а также ряд типов других районов области (-ус, -ца, -цы, -еж, -аш, -яж, -ушь и т.д.) названия с балтийскими основами: (гидронимы) Аза, Аксень, Аленка, Вожа (2), Галина, Гусь, Дриска (2), Казинка (2), Казино, Картын, Лапоток, Меча (2), Обалы, Оболонское (оз.), Пальная, Рев/Рева, Ревяка, Селенское, Солотча (Солотша), Табола Сухая, Табола Мокрая, Хупта (Упта), Цна (2), Чечера, Шиндра (Шундра); (ойконимы): Аблово, Аксень, Аленка, Казинка, Клетки, Клетино, Куприно, Оболенки, Солотча (Солотша), Шилово (Гордова 2021: 275-289, 305 и др.). Трактуя представленные факты, исследовательница предлагает два возможных объяснения. 1. Еще до рязано-окцев в составе городецкого населения был значительный процент балтов (зона «сплошной балтской топонимии» с рязано-окским ареалом совпадает лишь частично). 2. В третьей четверти I тыс. н.э. на Средней Оке существовала некая не выявленная пока археологически балтская культура. При этом ученому кажется перспективным поиск балтского следа в боршевской культуре, приписываемой донским славянам (Гордова 2021: 288-289).

Первый из предложенных вариантов заслуживает внимания. Заметим, что Ю.Ю. Гордова в своем исследовании исходит из традиционной, но отнюдь не безупречной интерпретации городецкой культуры в качестве финно-угорской. Между тем наличие в ней существенной индоевропейской составляющей, применительно к рязанской части ареала распространения, как отмечалось выше, весьма вероятно. Применительно же к Восточной Европе такая архаичная индоевропейская компонента чаще всего определяется как «балтская». Оговоримся, впрочем, что данное определение представляется нам не вполне корректным, поскольку нерешенной (и даже, кажется, толком не поставленной) остается проблема демаркации периферийных балтских и архаичных славянских (праславянских)

или параславянских диалектов⁹. А это, в свою очередь, является одной из причин тенденции в отечественной исторической науке (лингвистике и археологии), стартовавшей еще в третьей четверти прошлого столетия и выражающейся в пересмотре этнической атрибуции ряда культур, прежде обычно считавшихся славянскими в пользу их балтской интерпретации. В свое время А.В. Арциховский иронично назвал ее «разбалтыванием славян» (цит. по: Кузьмин 2003: 127). В постсоветской историографии данная тенденция очень ярко проявилась, например, в работах М.Б. Щукина, который не нашел славянам места вообще ни в одной из традиционно связывавшихся с ними культур раннего железного века и поздней античности, и в итоге «загнал» их в ареал штрихованной керамики (Щукин 2005). Остается только поражаться тому, какой страшной силы «пассионарный взрыв» должен был произойти на рубеже поздней античности и средневековья, чтобы уже в середине VI столетия историк Иордан писал об их многочисленности (причем, применительно к событиям еще IV века) и о том, что «теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно» (Иордан: 119), а к концу тысячелетия огромные пространства Центральной и Восточной Европы, ранее заселенные кем угодно, но не славянами, вдруг дружно заговорили по-славянски. Особенно поразителен этот факт в свете того, что этническая экспансия славян, мягко говоря, не имела (во всяком случае, если следовать построениям М.Б. Щукина) прочного фундамента в виде передовой по сравнению с большинством соседней материальной культуры.

Проблема интерпретации основного массива «балтской» топонимии Рязанского Поочья как наследия городецкой культуры состоит в том, что в ареале его наибольшего распространения (юго-запад и запад современной Рязанской области) археологических следов доживания городецкого населения до появления славян в IX в. на данный момент не обнаружено. В том числе там, где места поселений первых и вторых совпадают, во всех известных случаях имеет место существенный хронологический разрыв. Таким образом, предположение носит пока исключительно гипотетический характер, хотя, как говорилось несколько выше, полностью и не исключено.

Вторая версия Ю.Ю. Гордовой, к которой она, пожалуй, склоняется, особенно показательна в свете упомянутой чуть выше тенденции. Филолог, кажется, готова отдать балтам уже и боршевскую культуру, в славянстве которой до сих пор сомнений не было, пожалуй, ни у кого из исследователей (Гордова 2021: 289). При этом Ю.Ю. Гордова находится под очевидным влиянием построений В.Н. Топорова и Ю.В. Откупщикова, склонных (в особенности, последний) к предельной максимизации балтского влияния в топонимии Восточной Европы вообще и Поочья, в частности, применительно к периоду до образования Руси (Топоров 1988, 1989, 1997; Откупщиков 2004). Само по себе наблюдение о связи «балтской» топонимии Поочья с зоной названий Верхнего Подонья (Гордова 2021: 284-285) представ-

⁹ Ранее мы обращались к данной проблеме в одной из статей (Логинов 2021).

ляется весьма перспективным. Но, по нашему мнению, объяснение этому вполне можно искать не через некую неизвестную «балтскую» культуру или более чем спорный пересмотр атрибуции вполне известной боршевской, а через рассмотрение начальных этапов именно славянской колонизации Рязанского Поочья, а соответственно, пересмотр атрибуции соответствующей топонимики.

До конца прошлого столетия на территории Рязанской области было известно считанное количество славянских поселений IX-X вв.: Борковское, Шумашское, Дубровицкие II и IV, Алкановское II, Фефелов Бор VII (Археологическая карта России 1993: 27; Судаков, Буланкин, Иванов 2012: 135). Активизация с конца 90-х гг. работ по изучению раннеславянских древностей региона привела к тому, что к настоящему времени известно уже несколько десятков памятников. При этом подавляющее большинство из них располагаются в ближайших окрестностях г. Рязани в долине р. Ока и среднем течении р. Вожа (правый приток р. Ока) на участке размером около 40 км по течению р. Оки и около 30 км по долине р. Вожи (Судаков, Буланкин, Иванов: 135). Керамика представлена лепными толстостенными высокими горшками со сравнительно узким дном и почти прямыми, расширяющимися кверху стенками, выраженной шейкой, прямым или немного отогнутым наружу венчиком, без орнамента или с орнаментацией в верхней части из оттисков зубчатого штампа, отпечатков веревочки, косых насечек. По многим признакам такая керамика близка посуде роменско-боршевской культуры. Встречаются также кринкообразные сосуды со слабо выраженным венчиком и орнаментом из пересекающихся насечек. Помимо лепных известны сосуды, подправленные или полностью сделанные на гончарном круге. Последние имеют горшковидную форму, днище их небольшое, нижняя часть конусовидная, плечики округлые, хорошо выраженные, горло невысокое, с отогнутым наружу венчиком. Такие сосуды украшали, как правило, линейным и волнистым орнаментом, типичным для славянских земель и позднее. На поселениях зафиксированы следы ряда производств, в частности, железоделательного, кузнечного, бронзолитейного, изучены остатки полужемляночных и наземных построек, глинобитных печей. Погребения, судя по расположению костей черепа в кальцинированных останках имели традиционную для славян западную ориентировку (Археологическая карта России 1993: 27-28).

В настоящее время можно говорить о двух версиях маршрута проникновения славян на Среднюю Оку в IX-X столетиях: либо с Верхнего и Среднего Дона – из ареала боршевского варианта роменско-боршевской культуры (Археологическая карта России 1993: 27), либо с Верхней Оки, где в рассматриваемый период обитали ранние вятичи (часть ареала роменского варианта той же культуры) (Иванов, Судаков 2023: 270). Сложность окончательного решения обусловлена близостью большинства черт этих общностей, связанная с единством этнических корней, нисходящих к волынцевской культуре. С одной стороны, сама география концентрации обнаруженных к настоящему времени поселений, как буд-

то, делает предпочтительным верхнеокский вариант. С другой – ряд косвенных соображений свидетельствуют в пользу донского.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что появление первых славянских поселений в Рязанском Поочье хронологически совпадает (что невозможно объяснить простой случайностью) с широким распространением в Восточной Европе восточных серебряных монет, связанным с развитием международной торговли по Волжскому и Донскому путям. При этом Среднее Поочье являлось важным отрезком обоих. Будущая Рязанская земля имела в системе Великого Волжского пути по выражению И.В. Дубова «какое-то особое значение». У нее была «роль как бы перевалочного района с Волжского пути на Донской и Днепровский». Об особом значении рязанского отрезка Оки свидетельствует не сравнимое «ни с каким другим регионом Руси» количество «кладов и отдельных находок куфических монет» (Дубов 1989: 141). А.А. Гомзин отмечает, что максимальная концентрация находок среди всех поселений Поочья наблюдается в Борках. По данному параметру селение вполне сопоставимо с такими торговыми центрами как Киев, Новгород, Старая Ладога и Гнездово. Возможно, что в последней четверти X в. оно играло не только торговую, но и какую-то административную роль. В пользу этого свидетельствуют дирхамы с относящимися к геральдическим знакам эпохи ранних Рюриковичей предметными граффити (происходят из борковских кладов 1951 и 1958 гг.) (Гомзин 2013: 19-20). При этом, если судить по составу ранних окских кладов (первой четверти IX в.), определяющее значение в этот период имел Доно-Донецкий путь поступления серебра. Отметим, что А.М. Обломский обосновывает тезис о функционировании Донского торгового пути из Причерноморья в Поочье еще в пору существования культуры рязано-окских могильников (Обломский 2022), если принять который, можно говорить о возобновлении в VIII веке ранее прерванных на столетие связей. Появление самых первых бесспорно славянских поселений в Рязанском Поочье заманчиво рассматривать как сопутствовавшее «разведке» путей торговли. В этом случае оно говорит в пользу донского варианта происхождения ранних славян на Средней Оке. Также с боршевцами местное население сближают реконструируемый по остеологическим находкам состав стада и сходство в конструкции печей (Судаков, Буланкин, Иванов 2012).

В свете вышесказанного интересно рассмотреть и топонимические параллели между западом и юго-западом современной Рязанской области с одной стороны и Верхним Подоньем – с другой. Ю.Ю. Гордова, как мы видели выше, считает их свидетельством присутствия в обоих регионах неких неидентифицированных археологически и неизвестных по источникам балтов. Однако очень многие из приведенных ей балтизмов имеют и вполне прозрачные славянские варианты этимологии, причем иногда – с теми же значениями. Так, например, гидроним Вожа сопоставляется ей (вслед за Ю.В. Откупщиковым) с лит. *Važ-upis*, *Vóž-upis* и трактуется как апеллатив от *vėžti* – «везти» (Гордова 2021: 475),

при том, что допустимым представляется и предположение об архаичной славянской форме апеллятива непосредственно от корня «везіти» без дополнительных балтских «сущностей».

Представляется, что, говоря о топонимических параллелях между регионами, следует обратить внимание на наблюдения О.Н. Трубачева о локализации «реликтовой» группы древнеславянских водных названий в левобережной части Днепра и в бассейне верхнего и среднего течений Дона, включая часть речной системы Северского Донца. Часть названий (Идолга, Излегоща, Калитва, Меча, Непрядва, Обиток, Плата/Полта, Толотый и некоторые другие) являются эндемичными¹⁰. Речь идет почти исключительно о гидрографических терминах, характеризующих особенности воды, ее течения («продолговатый», «тинистый, грязный», «непроточный», «обтекание» и т.п.). По всем признакам, это древнейший разряд гидронимов (Трубачев 2005: 144-147; Трубаев 1994: 9). В.В. Седов, отметивший тезис О.Н. Трубачева, увязал обозначенные факты с наследием имениковской культуры. Данная группа славян в течение трех столетий (в IV-VII вв.) проживала в Среднем Поволжье изолированно от остального славянского мира, что не могло не привести к зарождению некоторых языковых особенностей диалектного характера. Имениковцы сыграли определяющую роль в формировании волынцевской культуры, к которой, в свою очередь генетически восходят роменская, боршевская и верхнеокская восточнославянские общности (Седов 1999: 61).

Сам О.Н. Трубаев полагал, что связи с Поочьем у этой южной (юго-восточной) гидронимической группы невелики – десять самостоятельных лексических позиций из пятидесяти с лишним названий. Это, по его мнению, входит в противоречие с известными в науке концепциями освоения Дона восточными славянами из Поочья или – наоборот – Среднего Поочья с Дона (Трубачев 2005: 146-147). Данное утверждение следует признать справедливым по отношению к Рязанскому Поочью в целом (заметим, что славянская колонизация этой территории в IX-XII вв. проходила в несколько этапов и с разных направлений). Однако при этом скопление «удивительно архаичных славянских гидронимов» характеризует по О.Н. Трубаеву Окско-Донской водораздел (Трубачев 2005: 206), восточная оконечность которого совпадает с юго-западными и южными окраинами современной Рязанской области и в конечном счете, географически смыкается с зоной, где Ю.Ю. Гордовой помещается «непрерывный ареал» балтской топонимии. Поэтому, как нам представляется, факты, которые Ю.Ю. Гордова считает свидетельствами балтского влияния в регионе (во всяком случае, многие из них), вполне уместно в перспективе рассмотреть как явления того же порядка, что и те, о которых писал О.Н. Трубаев: маркеры реликтовых славянских диалектов.

К настоящему времени уверенному увязыванию проникновения славян на Среднюю Оку в IX-X вв. с районами Подонья препятствует отсутствие материальных

свидетельств их настолько раннего пребывания в наиболее близких к верховьям Дона районах – по правым притокам р. Прони, рр. Паре и Цне (притоку Мокши). Возможно, в будущем археологические находки внесут коррективы в имеющуюся картину.

Впрочем, может иметь место и иное объяснение топонимических параллелей между Рязанским Поочьем и Доном: не результат преемственности первого ареала от второго, а общий для обоих истоков. В.В. Седов в поздних работах считал возможным допускать, что носители волынцевских древностей стали проникать на Среднюю Оку непосредственно с территории Днепровского Левобережья. В качестве аргумента археолог указывал на то, что ранние полужемлячные жилища близ современной Рязани имели глиняные печи, тогда как в полужемлянках боршевского населения Донского региона господствовали печи-каменки (Седов 2002: 263). Учитывая географию речных путей Европейской России, это, с одной стороны, возвращает нас к верхнеокскому варианту славянского импульса в IX в., но с существенным уточнением: верхнеокский ареал следует рассматривать не как некую «исходную базу» для славян, оказавшихся на Воже и в районе современной Рязани, а как лишь пункт транзита из ареала волынцевской культуры, ставшего также отправным для роменцев, боршевцев и собственно верхнеокских славян (будущих вятичей).

Существенную проблему при объяснении возникновения «архаичной» топонимии запада и юго-запада Рязанской области представляют наблюдаемые по археологическим данным признаки полного или, по крайней мере, очень существенного обезлюживания этих районов в XI в. с последующим возвращением славянского населения в XII столетии. Таким образом, и здесь остается нерешенным вопрос о путях транзита старых названий последующим обитателям региона: пока приходится только полагать, что исчезновение жителей все-таки не было тотальным, и будущие открытия позволят заполнить белое пятно в наших знаниях.

Как бы то ни было, в спорных случаях до появления новых археологических данных, применительно к зонам, в которых не обнаружено следов позднего проживания потомков рязано-окцев (и городецкого населения) предпочтение, по нашему мнению, должно отдаваться именно славянским этимологиям, во всяком случае, тогда, когда неоднозначные топоосновы не идут в сочетании с явно неславянскими формантами. При прочих равных такой подход обусловлен хотя бы фактом меньшей хронологической лакуны между славянами IX-X вв. и последующим населением края по сравнению с любой из культур, в которых можно подозревать балтскую составляющую.

Исследования последних десятилетий заставляют пересматривать некоторые стереотипные представления, касающиеся древних этнических процессов на территории Центральной России, в частности, Рязанской области. Одним из таких представлений продолжитель-

¹⁰ Заметим, впрочем, что помимо притока Дона, р. Красивая Меча, существует также левый приток Вожи – р. Меча.

ное время являлся тезис о тотальном преобладании на территории Рязанского Поочья до IX в. финно-угорского населения. В действительности вырисовывается намного более неоднозначная картина, в которой последнее оказывается хотя и существенным, но лишь одним из нескольких элементов, причем, если рассматривать все доисторическое прошлое региона, относительно поздним. В I тыс. н.э. имело место сложное взаимодействие гетерогенного по происхождению рязано-окского пришлого населения сначала с местным городецким, в котором есть основания видеть балтскую (скорее даже, условно «балтскую», древнеиндоевропейскую, компоненту), а затем, в IV-VII вв., с другими общностями, в первую очередь, мощинской и колочинской, которые трактуются разными исследователями либо снова как балтские, либо как славянские или праславянские; в любом случае, в этногенезе исторических славян и те, и другие определенно принимали участие. Направление проникновения в IX в. славян и области их

первоначального расселения после гибели в середине третьей четверти VII в. большей части (но не всех) памятников рязано-окской культуры, помимо археологических маркеров, могут определяться архаической топонимикой, происхождение которой (балтское или славянское) продолжает оставаться спорным.

Если допустить, что какая-то часть городецко-рязано-окского населения доживает до прихода славян в конце I тыс. н.э., то есть основания полагать, что оно было ему (за счет мощинского и колочинского компонентов) отчасти родственным, что способно объяснить относительную легкость ассимиляции и растворения в славянской среде. Экстраполяция (конечно, при всей ее условности) рассмотренных этнических процессов на другие регионы Восточной Европы может дать основу для уточнения закономерностей проявления славянского элемента на территориях, казалось бы, не связанных этнически со славянами до рубежа I-II тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России 1993 - Археологическая карта России. Статистические и исторические материалы. Рязанская область. Ч. 1. М., 1993.

Ахмедов 2010 - Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М., 2010. С. 7-34.

Ахмедов 2012а - Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер. Мир и человек. Юбилейный выпуск. Самара: Самарский государственный технический университет, 2012. С. 107-123.

Ахмедов 2012б - Ахмедов И.Р. Рязанские финны в конце I – начале II тыс. Новые данные // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968), 3-5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург. СПб., 2012. С. 244-249.

Ахмедов 2016 - Ахмедов И.Р. Поздние рязано-окские крестовидные фибулы и их роль в системе социально-иерархических маркеров // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 222-236.

Ахмедов БРЭа - Ахмедов И.Р. Андреевский курган // Большая Российская энциклопедия / Электронный ресурс: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1822821> (Дата обращения – 08.07.2026).

Ахмедов БРЭб - Ахмедов И.Р. Городецкая культура // Большая Российская энциклопедия / Электронный ресурс: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2371519> (Дата обращения – 08.07.2026).

Ахмедов, Белоцерковская БРЭ - Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Рязано-окских могильников культура // Большая Российская энциклопедия / Электронный ресурс: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/3524949> (Дата обращения – 08.07.2026).

Ахмедов, Белоцерковская, Румянцева 2007 - Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия. М., 2007. С. 133-275.

Буйнов 2004 - Буйнов Ю.В. Древнебалтские гидронимы на территории Левобережной лесостепной Украины и их археологическая интерпретация // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4-6 ноября 2004 г.). Харьков, 2004. С. 19-20.

Веселовская, Гаврилов, Васильев 2021 - Веселовская Е.В., Гаврилов А.П., Васильев С.В. Погребение воина из комплекса Рязано-окских могильников Ундрих 2015. Археологические параллели, антропологическая реконструкция // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 248-273.

Веселовская, Дзини, Хохлов 2022 - Веселовская Е.В., Дзини С., Хохлов Н.В. Антропологическое исследование трех черепов культуры рязано-окских могильников // Межрегиональная научно-практическая конференция «Пять лет деятельности Рязано-окского исторического сообщества. Результаты и итоги научно-просветительской деятельности». Рязань, 2022. С. 14-31.

Гаврилов, Семенов 2023 - Гаврилов А.П., Семенов А.С. Ундрих: Рязано-окский импульс формирования Руси. История, археология, ДНК-данные. СПб., 2023.

Глебов 2011 - Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Сборник статей. Вып. III. Ростов-на-Дону, 2011. С. 63-87.

Гомзин 2013 - Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013.

Гордова 2021 - Гордова Ю.Ю. Ономастическая реконструкция. Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. М., 2021.

Дубов 1989 - Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

- Ефименко 1926 - Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Л., 1926. С. 59-84.
- Иванов, Судаков 2023 - Иванов Д.А., Судаков В.В. Древнерусские поселения XII-XIV вв. в бассейне р. Вожа: история исследования и новые материалы // Куликово поле: история и археология. К 70-летию М.И. Гоняного: сборник научных трудов. Тула, 2023. С. 260-291.
- Иордан 1960 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- История Мордовии 2001 - История Мордовии: С древнейших времен до середины XIX века / Под ред. проф. Н.М. Арсентьева и проф. В.А. Юрченкова. Саранск, 2001.
- Кемаев 2011 - Кемаев Е.Н. Погребальные обряды Кошибеевского могильника // Вестник Чувашского педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 2 (70). Ч. 2. С. 120-127.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.
- Курский край 2002 - Курский край в двадцати томах. Т. 2. Эпоха раннего металла. Курск, 2000.
- Логинов 2021 - Логинов Д.С. Вопрос о начале славянского проникновения на территорию Рязанской земли в контексте проблемы происхождения славян // Исторический формат. 2021. № 2. С. 36-42.
- Логинов 2025 - Логинов Д.С. Этническая история Рязанской земли в древности и раннем средневековье: опыт междисциплинарного синтеза. М., 2025.
- Миронов 1995 - Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
- Монгайт 1961 - Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Неолит Северной Евразии 1996 - Неолит Северной Евразии / под редакцией С.В. Ошибкиной. М., 1996.
- Никольский, Кононенко, Хрусталеv 2009 - Никольский А.А., Кононенко Л.А., Хрусталеv И.Н. Топонимы Рязанской области: учебное пособие. Рязань, 2009.
- Обломский 2022 - Обломский А.М. Торговый путь из Причерноморья в Поочье в конце IV – VII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. Вып. XXVII. С. 117-143.
- Откупщиков 2004 - Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. Т. XVI. М., 2004. С. 83-114.
- Писеральско-Андреевский тип памятников 2009 - Писеральско-Андреевский тип памятников // Энциклопедия Республики Марий Эл / Ответственный редактор Н.И. Сараева. Йошкар-Ола, 2009. С. 623.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.
- Седов 2002 - Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Семенов, Гаврилов, Кулаков 2022 - Семенов А.С., Гаврилов А.П., Кулаков В.И. Происхождение рязано-окских крестообразных фибул и генезис местной воинской элиты // Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С. 227-243.
- Сидоров 2013 - Сидоров В.В. Взаимодействие культур позднего бронзового века в лесной зоне Восточной Европы // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2012 г. Ростов, 2013. С. 5-20.
- Скрипкин 1984 - Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Ставицкий 2010 - Ставицкий В.В. Проблема происхождения городецкой культуры // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. № 1 (13). Саранск, 2010. С. 7-16.
- Ставицкий 2017 - Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 244-258.
- Судаков, Буланкин, Иванов 2012 - Судаков В.В., Буланкин В.М., Иванов Д.А. Дураковский комплекс поселений IX-XIII вв. на р. Вожа Рыбновского района Рязанской области // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань, 2012. С. 135-153.
- Сыроватко 2013 - Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Материалы 13-го – 15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2013. С. 360-373.
- Топонимический словарь Рязанской области 2004 - Топонимический словарь Рязанской области / Под ред. А.А. Никольского. Рязань, 2004.
- Топоров 1982 - Топоров В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. М., 1982. С. 3-61.
- Топоров 1988 - Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 154-177.
- Топоров 1989 - Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989. С. 47-69.
- Топоров 1997 - Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования. 1988-1996. М., 1997. С. 276-310.
- Трубачев 1994 - Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991-1993. М., 1994. С. 3-23.
- Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005.
- Финно-угры и балты 1987 - Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1987.
- Щукин 2005 - Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
- Эпоха бронзы 1987 - Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М., 1987.

REFERENCES

- Ahmedov 2010 - Ahmedov I.R. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskih finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [The problem of the "final" period of culture of the Ryazan-Oka Finns (to the current state of the issue)], in: Arheologiya Vostochnoj Evropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i materialy. Ranneslavyanskij mir. Vyp. 13 [Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium A.D. Problems and materials. The Early Slavic World. Vol. 13], Moscow, 2010, pp. 7-34 [in Russian].
- Ahmedov 2012a - Ahmedov I.R. Okskie krestovidnye fibuly kak indikatory etnokul'turnyh processov v Central'noj Rossii epohi Velikogo pereseleniya narodov [Oka Cross-shaped fibulae as indicators of ethnocultural Processes in Central Russia during the Great Migration Period], in: Voyadzher. Mir i chelovek. YUbilejnyj vypusk [Voyager. The world and man. Anniversary edition], Samara, Samarskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2012, pp. 107-123 [in Russian].
- Ahmedov 2012b - Ahmedov I.R. Ryazanskije finny v konce I – nachale II tys. Novye dannye [Ryazan Finns in the late I – early II thousand. New data], in: Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902-1968), 3-5 dekabrya 2012 g., Sankt-Peterburg [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Ancient Russian state. Proceedings of the international conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of Ivan Ivanovich Lyapushkin (1902-1968), December 3-5, 2012, St. Petersburg], Saint Petersburg, 2012, pp. 244-249 [in Russian].
- Ahmedov 2016 - Ahmedov I.R. Pozdnie ryazano-okskie krestovidnye fibuly i ih rol' v sisteme social'no-ierarhicheskikh markerov [Late Ryazan-Oka cruciform fibulae and their role in the system of socio-hierarchical markers], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports from the Institute of Archaeology], 2016, Vol. 244, pp. 222-236 [in Russian].
- Ahmedov BREa - Ahmedov I.R. Andreevskij kurgan [Andreevsky Kurgan], in: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia], Electronic resource: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/1822821> (Date of access – 08.07.2026) [in Russian].
- Ahmedov BREb - Ahmedov I.R. Gorodeckaya kul'tura [Gorodetsky culture], in: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia], Electronic resource: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2371519> (Date of access – 08.07.2026) [in Russian].
- Ahmedov, Belocerkovskaya BRE - Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V. Ryazano-okskih mogil'nikov kul'tura [Ryazan-Oka burial grounds culture], in: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia], Electronic resource: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/3524949> (Date of access – 08.07.2026) [in Russian].
- Ahmedov, Belocerkovskaya, Rumyancheva 2007 - Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V., Rumyancheva O.S. Kul'tura ryazano-okskih mogil'nikov [Culture of the Ryazan-Oka burial grounds], in: Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya [Eastern Europe in the middle of the first millennium], Moscow, 2007, pp. 133-275 [in Russian].
- Arheologicheskaya karta Rossii 1993 - Arheologicheskaya karta Rossii. Statisticheskie i istoricheskie materialy. Ryazanskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Statistical and historical materials. Ryazan region], Vol. 1, Moscow, 1993 [in Russian].
- Bujnov 2004 - Bujnov YU.V. Drevnebaltskie gidronimy na territorii Levoberezhnoj lesostepnoj Ukrainy i ih arheologicheskaya interpretaciya [Ancient Baltic hydronyms on the territory of the Left-Bank forest-steppe Ukraine and their archaeological interpretation], in: Problemy istorii i arheologii Ukrainy: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Har'kov, 4-6 noyabrya 2004 g.) [Problems of History and Archeology of Ukraine: Proceedings of the V International Scientific Conference (Kharkiv, November 4-6, 2004)], Harkov, 2004, pp. 19-20 [in Russian].
- Dubov 1989 - Dubov I.V. Velikij Volzhskij put' [The Great Volga Way], Leningrad, 1989 [in Russian].
- Efimenko 1926 - Efimenko P.P. Ryazanskije mogil'niki. Opyt kul'turno-stratigraficheskogo analiza mogil'nikov massovogo tipa [Ryazan burial grounds. The experience of cultural and stratigraphic analysis of mass-type burial grounds], in: Materialy po etnografii [Materials on ethnography], Vol. III, Leningrad, 1926, pp. 59-84 [in Russian].
- Epoha bronzы 1987 - Epoha bronzы lesnoj polosy SSSR / Otv. red. O.N. Bader, D.A. Krajnov, M.F. Kosarev [The Bronze Age of the USSR forest belt / Ed. by O.N. Bader, D.A. Krajnov, M.F. Kosarev], Moscow, 1987 [in Russian].
- Finno-ugry i balty 1987 - Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya / Otv. red. V.V. Sedov [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages / Ed. by V.V. Sedov], Moscow, 1987 [in Russian].
- Gavrilov, Semenov 2023 - Gavrilov A.P., Semenov A.S. Undrih: Ryazano-okskij impul's formirovaniya Rusi. Istoriya, arheologiya, DNK-dannye [Ondrich: The Ryazan-Oka impulse of the formation of Rus. History, archeology, DNA data], Saint Petersburg, 2023 [in Russian].
- Glebov 2011 - Glebov V.P. Pogrebal'naya obryadnost' rannesarmatskoj kul'tury Nizhnego Podon'ya II-I vv. do n.e. [Funeral rites of the Early Sarmatian culture of the Lower Don region of the II-I centuries BC], in: Pogrebal'nyj obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii YUGA Rossii. Sbornik statej [Funeral rite of the early nomads of Eurasia. Materials and research on the archeology of Southern Russia. Collection of articles], Vol. III, Rostov-na-Donu, 2011, pp. 63-87 [in Russian].
- Gomzin 2013 - Gomzin A.A. Vostochnoe monetnoe srebro IX – nachala XI v. v Srednem i Nizhnem Pooch'e. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Oriental silver coins of the 9th – early 11th century in the Middle and Lower Volga region. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 2013 [in Russian].
- Gordova 2021 - Gordova YU.YU. Onomasticheskaya rekonstrukciya. Poetapnoe vossozdanie istorii ryazanskoj toponimii i antroponimii [Onomastic reconstruction. Step-by-step reconstruction of the history of Ryazan toponymy and anthroponymy], Moscow, 2021 [in Russian].
- Iordan 1960 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniih getov [On the origin and deeds of the Getae], Moscow, 1960 [in Russian].
- Istoriya Mordovii 2001 - Istoriya Mordovii: S drevnejshih vremen do serediny XIX veka / Pod red. prof. N.M. Arsent'eva i prof. V.A. Yurchenkova [The history of Mordovia: From ancient times to the middle of the 19th century / Edited by prof. N.M. Arsentiev and prof. V.A. Yurchenkov], Saransk, 2001 [in Russian].
- Ivanov, Sudakov 2023 - Ivanov D.A., Sudakov V.V. Drevnerusskie poseleniya XII-XIV vv. v bassejne r. Vozha: istoriya issledovaniya i novye materialy [Ancient Russian settlements of the 12th-14th centuries in the Vozha River basin: history of research and new materials], in: Kulikovo pole: istoriya i arheologiya. K 70-letiyu M.I. Gonyanogo: sbornik nauchnyh trudov

- [Kulikovo Field: history and archeology. On the 70th anniversary of M.I. Gonyanoy: collection of scientific papers], Tula, 2023, pp. 260-291 [in Russian].
- Kemaev 2011** - Kemaev E.N. Pogrebal'nye obryady Koshibeevskogo mogil'nika [Funeral rites of the Koshibeevsky burial ground], in: Vestnik CHuvashskogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. YAKovleva [Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash Pedagogical University], 2011, № 2 (70), Part 2, pp. 120-127 [in Russian].
- Kurskij kraj 2002** - Kurskij kraj v dvadcati tomah. T. 2. Epoha rannego metalla [Kursk Region in twenty volumes. Vol. 2. The Era of early metal], Kursk, 2000 [in Russian].
- Kuz'min 2003** - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. The secrets of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].
- Loginov 2021** - Loginov D.S. Vopros o nachale slavyanskogo proniknoveniya na territoriyu Ryazanskoj zemli v kontekste problemy proiskhozhdeniya slavyan [Beginning of the Slavic expansion onto Ryazan land in the context of the origin of the Slavs], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 2, pp. 36-42 [in Russian].
- Loginov 2025** - Loginov D.S. Etnicheskaya istoriya Ryazanskoj zemli v drevnosti i rannem srednevekov'e: opyt mezhdisciplinarnogo sinteza [The Ethnic history of the Ryazan Land in Antiquity and the Early Middle Ages: the experience of interdisciplinary synthesis], Moscow, 2025 [in Russian].
- Mironov 1995** - Mironov V.G. Gorodeckaya kul'tura: sostoyanie problem i perspektivy ih izucheniya [Gorodetsky culture: the state of problems and prospects of their study], in: Arheologicheskie pamyatniki srednego Pooch'ya [Archaeological sites of the Middle Volga region], Vol. 4, Ryazan, 1995 [in Russian].
- Mongajt 1961** - Mongajt A.L. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land], Moscow, 1961 [in Russian].
- Neolit Severnoj Evrazii 1996** - Neolit Severnoj Evrazii / pod redakciej S.V. Oshibkinoj [The Neolithic of Northern Eurasia / edited by S.V. Oshibkina], Moscow, 1996 [in Russian].
- Nikol'skij, Kononenko, Hrustalev 2009** - Nikol'skij A.A., Kononenko L.A., Hrustalev I.N. Toponimy Ryazanskoj oblasti: uchebnoe posobie [Toponyms of the Ryazan region: a textbook], Ryazan, 2009 [in Russian].
- Oblomskij 2022** - Oblomskij A.M. Torgovij put' iz Prichernomor'ya v Pooch'e v konce IV – VII vv. [The trade route from the Black Sea region to Poochye in the late IV – VII centuries], in: Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2022, Vol. XXVII, pp. 117-143 [in Russian].
- Otkupshchikov 2004** - Otkupshchikov YU.V. Drevnyaya gidronimiya v bassejne Oki [Ancient hydronymy in the Oka basin], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], Vol. XVI, Moscow, 2004, pp. 83-114 [in Russian].
- Piseral'sko-Andreevskij tip pamyatnikov 2009** - Piseral'sko-Andreevskij tip pamyatnikov [Piseral'sko-Andreevsky type of monuments], in: Enciklopediya Respubliki Marij El / Otvetstvennyj redaktor N.I. Saraeva [Encyclopedia of the Republic of Mari El / Executive editor N.I. Saraeva], Yoshkar-Ola, 2009, p. 623 [in Russian].
- Sedov 1999** - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality: Historical and archaeological research], Moscow, 1999 [in Russian].
- Sedov 2002** - Sedov V.V. Slavyane: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs: Historical and archaeological research], Moscow, 2002 [in Russian].
- Semenov, Gavrilov, Kulakov 2022** - Semenov A.S., Gavrilov A.P., Kulakov V.I. Proiskhozhdenie ryazano-okskih krestobraznyh fibul i genezis mestnoj voinskoj elity [The origin of the Ryazan-Oka cruciform fibulae and the genesis of the local military elite], in: Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: Historical research], 2022, № 12, pp. 227-243 [in Russian].
- SHCHukin 2005** - SHCHukin M.B. Gotskij put' (goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura) [The Gothic Way (Goths, Rome and Chernyahovskaya culture)], Saint Petersburg, 2005 [in Russian].
- Sidorov 2013** - Sidorov V.V. Vzaimodejstvie kul'tur pozdnego bronzovogo veka v lesnoj zone Vostochnoj Evropy [The interaction of Late Bronze Age cultures in the forest area of Eastern Europe], in: Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy konferencii 2012 g. [History and culture of the Rostov land. Materials of the 2012 conference], Rostov, 2013, pp. 5-20 [in Russian].
- Skripkin 1984** - Skripkin A.S. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashej ery [The Lower Volga region in the first centuries of our era], Saratov, 1984 [in Russian].
- Stavickij 2010** - Stavickij V.V. Problema proiskhozhdeniya gorodeckoj kul'tury [The problem of the origin of Gorodetsky culture], in: Vestnik NII Gumanitarnyh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], № 1 (13), Saransk, 2010, pp. 7-16 [in Russian].
- Stavickij 2017** - Stavickij V.V. K voprosu o hronologii i periodizacii pamyatnikov piseral'sko-andreevskogo gorizonta [On the issue of chronology and periodization of monuments of the Piseral'sko-Andreevsky horizon], in: Povolzhskaya arheologiya [Volga Region Archeology], 2017, № 3 (21), pp. 244-258 [in Russian].
- Sudakov, Bulankin, Ivanov 2012** - Sudakov V.V., Bulankin V.M., Ivanov D.A. Durakovskij kompleks poselenij IX-XIII vv. na r. Vozha Rybnovskogo rajona Ryazanskoj oblasti [Durakovsky settlement complex of the 9th-13th centuries on the Vozha River in the Rybnovsky district of the Ryazan region], in: Materialy po istorii i arheologii Rossii [Materials on the history and archeology of Russia], Vol. 2, Ryazan, 2012, pp. 135-153 [in Russian].
- Syrovatko 2013** - Syrovatko A.S. Period final'noj bronzy v Moskvorech'e: sostoyanie istochnikov i problema ih interpretacii [The period of the final bronze in Moskvorechye: the state of the sources and the problem of their interpretation], in: Tverskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 9. Materialy 13-go – 15-go zasedanij nauchno-metodicheskogo seminar "Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v drevnosti" [Tver Archaeological collection. Issue 9. Materials of the 13th – 15th meetings of the scientific and methodological seminar "Tver land and adjacent territories in ancient times"], Tver, 2013, pp. 360-373 [in Russian].
- Toponimicheskij slovar' Ryazanskoj oblasti 2004** - Toponimicheskij slovar' Ryazanskoj oblasti / Pod red. A.A. Nikol'skogo [Toponymic dictionary of the Ryazan region / Edited by A.A. Nikolsky], Ryazan, 2004 [in Russian].
- Toporov 1982** - Toporov V.N. Drevnyaya Moskva v baltijskoj perspektive [Ancient Moscow in the Baltic perspective], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], Moscow, 1982, pp. 3-61 [in Russian].

- Toporov 1988** - Toporov V.N. Baltijskij element v gidronimii Pooch'ya. I [The Baltic element in the hydronymy of the Volga region. I], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1986, Moscow, 1988, pp. 154-177 [in Russian].
- Toporov 1989** - Toporov V.N. Baltijskij element v gidronimii Pooch'ya. II [The Baltic element in the hydronymy of the Volga region. II], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1987, Moscow, 1989, pp. 47-69 [in Russian].
- Toporov 1997** - Toporov V.N. Baltijskij element v gidronimii Pooch'ya. III [The Baltic element in the hydronymy of the Volga region. III], in: Balto-slavyanskije issledovaniya [Balto-Slavic studies], 1988-1996, Moscow, 1997, pp. 276-310 [in Russian].
- Trubachev 1994** - Trubachev O.N. Praslavyanskoe leksicheskoe nasledie i drevnerusskaya leksika dopis'mennogo perioda [Proto-Slavic lexical heritage and Old Russian vocabulary of the pre-Written period], in: Etimologiya [Etymology], 1991-1993, Moscow, 1994, pp. 3-23 [in Russian].
- Trubachev 2005** - Trubachev O.N. V poiskah edinstva. Vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity. The philologist's view on the problem of the origins of Russia], Moscow, 2005 [in Russian].
- Veselovskaya, Dzini, Hohlov 2022** - Veselovskaya E.V., Dzini S., Hohlov N.V. Antropologicheskoe issledovanie trekh cherepov kul'tury ryazano-okskih mogil'nikov [An anthropological study of three skulls of the Ryazan-Oka burial grounds culture], in: Mezhhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Pyat' let deyatel'nosti Ryazano-okskogo istoricheskogo soobshchestva. Rezul'taty i itogi nauchno-prosvetitel'skoj deyatel'nosti» [Interregional scientific and practical conference "Five years of activity of the Ryazan-Oka Historical Community. Results and outcomes of scientific and educational activities"], Ryazan, 2022, pp. 14-31 [in Russian].
- Veselovskaya, Gavrilov, Vasil'ev 2021** - Veselovskaya E.V., Gavrilov A.P., Vasil'ev S.V. Pogrebenie voina iz kompleksa Ryazano-okskih mogil'nikov Undrih 2015. Arheologicheskie paralleli, antropologicheskaya rekonstrukciya [The burial of a soldier from the Ryazan-Oka burial grounds complex, Ondrich 2015. Archaeological parallels, anthropological reconstruction], in: Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology], 2021, № 2, pp. 248-273 [in Russian].

Логинов Дмитрий Сергеевич

– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Рязань, Россия).

Dmitry Loginov

– Candidate of historical sciences, associate professor of departments of philosophy and history Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (Ryazan, Russia).

dimok_star@mail.ru

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ НОРМАНИЗМА ЮХАННЕС МАГНУС И ПЕРВЫЙ АНТИНОРМАНИСТ ШВЕЦИИ ОЛАУС ПЕТРИ

Л.П. Грот

Образовательно-консалтинговое предприятие NORRKON AB

(г. Лунд, Швеция)

e-mail: mail@histformat.com

ResearcherID: D-1052-2016

<http://orcid.org/0000-0003-0184-1023>

SPIN-код: 1768-1727

e-mail: mail@histformat.com

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что идея исхода народа готов из Скандинавии, конкретно, идея Швеции как прародины готов является политическим фальсификатом, восходящем к труду шведского богослова Юханнеса Магнуса. Идея шведской прародины готов при поддержке шведских королей стала официальной догмой шведского историописания вплоть до XVIII в. Эта идея пагубно сказалась на исследовании русской истории, так как образ шведо-готов породил образы шведо-варягов и шведо-русов. Таким образом, труд Юханнеса Магнуса стал изложницей современного норманизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прародина готов, политический фальсификат, варяги, русы, норманизм.

THE SPIRITUAL FATHER OF NORMANISM JOHANNES MAGNUS AND SWEDEN'S FIRST ANTI-NORMANIST OLAUS PETRI

Lydia Grot

Educational and Consulting Company NORRKON AB (Luleå, Sweden)

e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

The article demonstrates that the idea of a Gothic exodus from Scandinavia, specifically the idea of Sweden as the ancestral homeland of the Goths, is a political falsification that can be traced back to the work of the Swedish theologian Johannes Magnus. With the support of the Swedish kings, the idea of a Swedish ancestral homeland of the Goths had been an official dogma of Swedish historiography until the 18th century. This idea had a detrimental effect on the study of Russian history, as the image of the Swedish-Goths gave rise to the images of the Swedish-Varangians and Swedish-Rus'. Thus, Johannes Magnus's work became the mold for modern Normanism.

KEYWORDS: ancestral homeland of the Goths, political falsification, Varangians, Rus', Normanism.

В основу статьи положен вопрос о том, выходили готы с юга Швеции или не выходили. Этот вопрос, начиная с XVI в, оказался в центре внимания западноевропейской общественной мысли и прежде всего, разумеется, он занимал шведских историков. Даже не столько историков, сколько в первую очередь, шведских королей, шведских политиков. Внимание к этому вопросу направлялось трудом средневекового готского историка Иордана «Гетика». Опираясь на Иордана, шведские историки во главе с шведским деятелем Юханнесом Магнусом, стали создавать при поддержке королей Швеции исторические труды с обоснованием идеи о Швеции как прародине готов (Грот 2010: 103-202).

Юханнес Магнус (1488-1544) – известный шведский религиозный деятель и поборник католицизма, богослов, писатель, прославившийся своим трудом «История всех королей свеев и готов». Ю. Магнус с юности посвятил себя духовной карьере. Он получил хорошее теологическое образование: сначала в Швеции, а затем за границей: в Германии, в Кельне и в Италии, в Перудже, получив степень доктора теологии. В 1517 г. как представитель шведского правителя Стена Стуре Младшего, был направлен в Рим как полномочный шведский легат. Он вернулся в Швецию в 1523 году, был избран архиепископом и получил кафедру в Уппсале. Но вскоре покинул Швецию из-за несогласия с политикой короля Густава Вазы, внедрявшего лютеранство.

Всю свою жизнь Юханнес Магнус оставался приверженцем католицизма. Вместе со своим братом Олаусом Магнусом он обосновался в Венеции в 1538 году, откуда несколько лет спустя они переехали в Рим (Johannesson 1982: 40, 80, 120-122).

Однако что во всем этом интересного для нас, для русской истории? А для нас здесь интересно то, что в вопросе о месте исхода готов, как в Кашеевом яйце, оказалась в заточении вся русская история от ее истоков.

Но начнем по порядку. Прежде всего напомним, почему вопрос о том, откуда выходили готы, был, начиная с XVI в., жизненно важным для королей Швеции. Для понимания этого следует вкратце обрисовать культурно-историческую обстановку того времени в Западной Европе. Это было время идейного и политического противоборства, царившего в Западной Европе, и в это противоборство была вовлечена и маленькая Швеция.

Противоборство сложилось между папским католическим югом Европы и североевропейскими странами. Нарастало оно в течение нескольких веков, приняв, в частности, форму весьма специфического историографического противоборства, известного под именем готицизма (Svennung 1967: 7-10, 58-59).

Еще с XIV-XV веков в итальянской общественной мысли наряду с возрождением величественных картин античности (отсюда и эпоха Возрождения), которые мыслились итальянцам как картины истории их предков, в деятельности итальянских гуманистов, параллельно с возвеличиванием своего славного прошлого стала набирать силу другая линия: очернение исторического прошлого своих соседей – североевропейских народов, конкретно, немецкоязычного населения Священной Германской империи.

Происходила эта, как сейчас бы сказали, информационная война в форме поругания древнего народа готов, которых итальянские гуманисты проклинали как разрушителей великой античной культуры Рима. Мы, дескать, построили великое прошлое – античность. Да на беду нахлынули проклятые готы, варвары неумывые, и нашу великую культуру испоганили, разграбили, разрушили. Обезобразили архитектуру, библиотеки запустели, язык – нашу благородную латынь – огрубили и т.д., и т.п.

И поскольку для нападков всегда лучше иметь живую мишень, то под прямыми потомками готов и стало подразумеваться немецкоязычное население Священной Римской империи, т.е. население Германии, а также ощущавшие свое родство с ним представители образованных слоев скандинавских стран.

Под обстрел этой антиготской пропаганды подпадали все достижения немецкой или североевропейской культуры, невзирая на то, что в тот период создавались такие великие творения культуры, как Кельнский собор.

И вот слушали эти новоявленные потомки готов, слушали, как их поливали грязью итальянские гуманисты, долго слушали, без малого, сто лет, а потом и у них разыграл дух протеста. Начали и из их среды выдвигаться деятели, которые стали заявлять: наши предки были совсем неплохие, это Римская империя сама одряхла, а мы пришли и... влили свежую кровь! Потому у нас

геройский дух и братская любовь друг к другу! Мы – не разрушители, мы на самом деле прямые наследники античности, созидатели новых сильных держав в Европе, вообще... европейской государственности! Да о чем здесь говорить: мы, германцы, создали всю нынешнюю Европу на развалинах дряхлой Римской империи!

И стал твориться миф о величии гото-германского прошлого, вошедший в историю под названием готицизм. Возникнув в нездоровой обстановке несправедливых обвинений и предъявления абсурдных исторических «счетов», готицизм изначально был обречен стать рассадником исторических мифов и утопических взглядов (Lindroth 1961: 35-36; Nordström 1971-1972: 171-180; Svennung 1967: 56).

Но это – более поздние дела, а пока вернемся к начальному периоду готицизма. Этот период был отмечен ревностным изучением в немецкой среде источников, с помощью которых можно было бы ослабить или полностью опровергнуть обвинения итальянских гуманистов. Так, европейскому миру были заново открыты сочинения Тацита, конкретно, его труд «Германия», и Иордана, конкретно, его вышеупомянутый труд «Гетика». Вот об этом труде Иордана немного и поговорим.

В 1450 году итальянский писатель и историк Энеа Сильвио Пикколомини, с 1458 папа Римский Пий II, обнаружил рукопись труда Иордана «Гетика», где была представлена история готов. «Гетика» Иордана стала светочем, несущим просвещение в деле воссоздания истории германских народов, и главным источником по истории готов. Особая роль в начавшейся реконструкции великого гото-германского прошлого выпала Швеции, поскольку юг Швеции носил название Геталанд, и эту область немецкие деятели по созвучию стали связывать с прародиной древних готов, откуда они якобы вышли и начали свои завоевания в Европе. Так родился образ готов, явившихся из Швеции. Этот вклад немецких готицистов послужил важным стимулом для складывания шведского готицизма (Johannesson 1982: 118-119).

Благодаря такому подходу на шведов не только автоматически распространилась слава германских завоеваний, которые были объявлены причиной возникновения государственности в Европе. Швеция в роли прародины готов получала статус колыбели всей германской культуры, что вдохновило шведских писателей на создание произведений, в которых расцвели буйные фантазии с картинами вымышленной истории Швеции в древности.

В 1470 году рукопись «Гетики» была использована шведским историком Эриком Олаем, который написал латиноязычную историю готских правителей. В данной истории он заявил, что Скандза Иордана, откуда вышли готы, – это Швеция (Latvakangas 1995: 87-92).

Однако программным трудом для шведского общества стала работа вышеупомянутого крупнейшего деятеля шведского готицизма Юханнеса Магнуса «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*» / «История всех королей свеев и готов» (1554). Для русской истории здесь было интересным то, что в ней вымышленные предки шведо-готов под пером Иоанна Магнуса стали

впервые с легкостью необыкновенной бороздить восточноевропейские реки от Балтики до Черного моря, совершая на всем пути победоносные походы. Вот с той поры, с 1554 г. и до сих пор в российской исторической науке выходцы из Средней Швеции без проблем резво осваивают Балтийско-Волжский торговый путь, открытие и функционирование которого якобы являлось результатом их деятельности. Хотя сейчас уже хорошо известно из работ шведских же археологов, что ни в Швеции, ни в других скандинавских странах не имелось соответствующих плавсредств для подобных операций, поскольку восточноевропейские реки имели свои особенности, для плавания по которым требовались особые суда (Грот 2013: 6-13; Лукошков 2011: 204-217).

Но во времена Юханнеса Магнуса никто такими проблемами не заморачивался. «Решение» подобной и других задач для Магнуса, облегчалось тем, что он недогнувшей рукой включал в свое произведение, например, историю скифов, свободно преподнося ее как историю шведо-готов. Такова была методика готицизма: когда не хватало собственных материалов и источников для сооружения исторических декораций, то совершался рейд в чужую историю, материалы и источники которой объявлялись своими и начинали осваиваться для собственного историописания: «Что там, история скифов? Все это шведская история, правда, под другим именем!» Подобным фантомным историописанием отмечен весь шведский политический миф, создававшийся в традициях готицизма. Об этом немало написано в моих работах. Очень обстоятельно разобран этот феномен в новейшем труде В.В. Фомина «Антинорманизм: наука против лжи» (Грот 2025: 100-134; Фомин 2025: 116-126).

Но вернемся в политическую жизнь Швеции XV-XVI вв. и рассмотрим, почему миф о готах из Швеции оказался политически корректным для североевропейской политики и почему эта политическая корректность мифа о выходе готов с юга Швеции действует до сих пор, убийственно влияя на русскую историю.

Прежде всего, миф о Швеции как прародине готов крайне интересовал шведских правителей периода Кальмарской унии, т.е. унии между Данией, Швецией и Норвегией, просуществовавшей с перерывами с 1397 по 1523 гг. Шведский политический деятель того времени Карл Кнутссон, несколько раз избиравшийся королем в рамках Кальмарской унии (1448 по февраль 1457 года (1-й раз), с 9 августа 1464 по 30 января 1465 года), был активным противником королей унии – Кристофера Баварского (1441-1448) и датского Кристиана I (1457-1464). Для осуществления своих политических амбиций он нуждался в историко-политической доктрине, которая бы обосновывала превосходство Швеции среди других скандинавских стран. Идея героического прошлого готов как прямых предков королей Швеции была как раз созвучна его целям – разорвать Кальмарскую унию и восстановить суверенитет шведской короны.

В силу этого небезосновательно предположение о том, что именно по инициативе Карла Кнутссона писал вышеупомянутый шведский историк Эрик Олай (дата смерти 1486) свою историю Швеции на латыни,

обращаясь тем самым к ученым кругам всей Европы и придав ей форму хроники готских королей. В этой истории исходным пунктом был мотив о готах – выходцах с острова Скандзы или Скандии, взятый у Иордана. Скандия Иордана у Эрика Олая, как уже было отмечено, безусловно отождествлялась со Швецией.

При поддержке шведской элиты идея Швеции как прародины готов быстро укоренилась в шведской историографии и получила дальнейшее развитие в последующие годы. Тем более, что благодаря раскручиванию идеи о Геталанд на юге будущей Швеции как прародины готов, откуда якобы начался их исход, маленькая Швеция оказалась в центре внимания широкой западноевропейской общественности того времени. И это было безусловно, очень под стать интересам правителям Швеции и после Карла Кнутссона, в XVI в.

При короле Густаве Вазе (1521-1560) идея готского происхождения шведских королей стала официальной догмой. Ведь совсем недавно, в 1523 г. Густав Ваза принял в свое управление страну, разоренную и залитую кровью в бесчисленных сражениях и битвах между представителями шведской знати и королями Кальмарской унии – выходцами из Дании, Поморско-Мекленбургского дома или Баварии. Первый период его правления был отмечен рядом крупных восстаний в разных областях Швеции, что было реакцией на ужесточенную налоговую политику, а также на религиозную реформу и введение лютеранства вместо католичества.

Для объединения растерзанной страны в функционирующий организм Густаву Вазе, как воздух, нужна была соответствующая идеология, или, как сказали бы сейчас, национальная идея. Мысль о том, что объединяющая национальная идея – это детище национальной истории, представленной картинами славного прошлого народа, уже более полутора столетия осваивалась западноевропейским гуманизмом.

Ну, а попытки приписать историю древнего народа готов в качестве пролога к шведской истории, как было показано выше, предпринимались еще при предшественниках Густава Вазы и уже тогда использовались в обоснование особых политических амбиций шведских правителей, что приходилось под стать общему духу развития в немецкоязычных странах.

В данных обстоятельствах шведскому королю Густаву Вазе просто необходимо было продолжить развитие данного процесса и представить «германскому» миру свой собственный, новый шведский исторический труд, который на новом витке готицизма закрепил бы за Швецией сиятельный венец прародины готов и дал бы династии Ваза древние корни.

Самым естественным кандидатом для написания такой истории был Олаус Петри (1493-1552) – известный шведский религиозный деятель, активный деятель Реформации в Швеции и горячий поклонник идей Мартина Лютера. Идеями Лютера он проникся во время учебы в Германии, в Виттенбергском университете в период 1516-1518 годов. Время его учебы в Виттенберге совпало с годом расцвета Реформации, когда Мартин Лютер впервые проявил себя как один из ее лидеров. Когда Олаус Петри вернулся в Швецию осенью 1518 года,

имея звание магистра философии, он показал себя сложившимся сторонником нового учения Мартина Лютера и стал активно распространять лютеранские идеи через свои лекции.

Густав Ваза очень интересовался учением Лютера и как известно, вошел в историю как учредитель лютеранства в Швеции вместо католичества. В учении Лютера и других немецких протестантов Густава Вазу интересовали идеи государственной религии. Эти идеи наделяли короля правом фактически одновременно становится и главой церкви. Это позволяло бы Густаву Вазе выйти из-под власти папы и самолично распоряжаться церковным имуществом.

Отсюда и интерес короля к проповедям Олауса Петри и к личности Олауса Петри. В 1523 году Густав Ваза был избран шведским королем, а в 1524 году он пригласил Олауса Петри в Стокгольм и назначил его секретарем нового совета в Стокгольме, учрежденного самим королем. Особая милость короля к Олаусу Петри проявилась в том, что Олаусу Петри было поручено вести проповедь на коронации короля в Уппсале 12 января 1528 года. Но с начала 1530-х годов отношение Густава Вазы к Олаусу Петри стало меняться до того, что в 1540 г. Петри был брошен в тюрьму и приговорен к смертной казни по обвинению в предательстве национальных интересов. Что случилось? В течение 1530-1540 годов Олаус Петри работал над новым историческим трудом, столь необходимым шведскому королю. Этот труд получил название «Шведская хроника» (Грот 2010: 121-135).

И вот эта-то «Шведская хроника» Петри вызвала такой сильный гнев короля, что Петри был брошен в тюрьму. И вообще все могло закончиться для него весьма плачевно, как об этом было сказано ранее. Чем объяснялась такая бурная реакция Густава Вазы?

У некоторых историков, конкретно, у российских историков, встречаются объяснения типа того, что критические высказывания в адрес королевской власти, содержащиеся в «Шведской хронике», а также причастность к политическим заговорам вызвали гнев Густава Вазы (Олаус Петри 2012: 326-329). Однако есть и более конкретные разъяснения. Так, шведский исследователь Йоран Сальгрэн, издавший «Шведскую хронику» в 1917 году, в предисловии к тексту отметил, что в этой работе Петри обнаружил полное отсутствие национального тщеславия, но в XVI в., пронизанном шовинизмом, его поиски истины не могли быть поняты. Финляндский историк Арто Латвакангас уточнил, что в своей «Шведской хронике» Петри опрокинул все основы готицизма (Salgren 1917: I-XI; Latvakangas 1995: 96). Что имели в виду названные авторы?

В «Шведской хронике» Олаус Петри поставил под сомнение идею отождествления Швеции с прародиной готов. И вот это в той политической ситуации было чрезвычайно серьезно. Это было все равно, как в советское время подвергнуть сомнению основополагающее значение трудов классиков марксизма-ленинизма в строительстве социализма. Петри написал, что идея о сколько-нибудь древнем происхождении шведов не имеет подтверждения в источниках. Нельзя сколько-нибудь серьезно думать, писал Петри, что история о древних

готах касается гетов, которые сейчас живут в Швеции. Те старинные готы или тот народ, который первым стал называться готами, проживал на месте нынешней Венгрии или несколько южнее, и не мог быть тем самым народом, который жил у нас в Швеции.

Иначе говоря, вместо того, чтобы создать труд, отвечавший политическим запросам Густава Вазы, Олаус Петри стал в позицию блаженного правдоискателя и пустился в рассуждения о том, что, дескать, кто ж его знает, что было в древности в Швеции: культуры у нас не было, письменных источников тоже, стихоплетство одно да руническая письменность, так на ней не очень разбежишься сочинять, а если что и было, так все это к нам с континента пришло, а не наоборот, от нас – туда.

Вот это неумение понять запросы момента и обошлось «мастеру Улофу», как уже было сказано, дорого: он был обвинен в том, что в своей хронике пытался навевать («jnbälse») в умы подданных короля «яд измены» («förgiftigh otrooheet»), и был даже приговорен к смерти. Приговор не был приведен в исполнение, король помиловал Петри, и тот даже продолжил свою карьеру религиозного деятеля и писателя. Но властителем исторических дум шведского общества «мастер Улоф» так и не стал. Густав Ваза запретил печатать его «Шведскую хронику», расценив ее как вредное произведение. После смерти Петри король наложил арест на его архив, подозревая, что там могут находиться другие «тайные» хроники неблагонадежного содержания, которые следует взять под контроль для того, чтобы «этот М. Улоф (как если бы он был величайшим врагом Швеции) не мог бы более выставлять Швецию на осмеяние, оплевывание и поругание, как он уже сделал, написав эту свою хронику (т.е. «Шведскую хронику» – Л.Г.)» (Грот 2010: 126-127).

Труд, столь необходимый королю Густаву Вазе, был создан другим религиозным шведским деятелем, а именно вышеупомянутым Юханнесом Магнусом. Большую часть своей жизни, как было сказано выше, Юханнес Магнус провел за пределами Швеции, в европейских культурных центрах, где ревностно отстаивал идею древности Швеции и ее особую миссию как прародины готов. Там Юханнес Магнус и обратился к написанию шведской истории или истории о конунгах готов и свеев.

Можно предположить, что толчком для написания этого труда послужили его разногласия по готской проблеме с другими западноевропейскими деятелями, не признававшими за Швецией роль прародины готов. В 1517 г. вышел труд польского историка М. Меховского «Трактат о двух Сарматиях», где автор, согласно с античной традицией, упоминал и готов, как народ, живший у Черного моря и в Малой Азии, откуда они и начали завоевания и миграции. Юханнес Магнус сразу же отреагировал письмом протеста Меховскому, поскольку совершенно справедливо усмотрел в его работе посягновение на идею происхождения готов из Швеции.

Приведу несколько фрагментов из этого письма, поскольку в нем хорошо отражены как эмоциональный стимул, пробудивший готицизм вообще, так и две исходные проблемы шведского готицизма: первая – от-

стоять постулат о том, что Швеция – прародина готов и, следовательно, прародина всех германских народов, второе – найти историческую связь между названием Швеции как королевства свеев и именем готов: «Нет новости, более захватывающей и пленительной для меня, гота, или если это более отвечает Вашему пониманию, – шведа, чем та, которая знакомит с новым исследованием, затрагивающим происхождение готов, и от которого мы вправе ожидать достоверности и основательности в стремлении достичь ясности в данном вопросе. Я всегда испытывал глубокий интерес к чтению работ исторических писателей и космографов... прежде всего с особым рвением стремился я получить полное знание о том, откуда ворвались в жизнь так называемые готы – этот варварский, несущий гибель и разложение, безбожный народ.

О всеведущий господин! Мы видим, что известнейшие историки и географы античности, упоминая готов, со всей определенностью говорили, что они вышли из королевства Швеции – моей родины.

Если кто-то может опровергнуть свидетельства о том, что эти готы были шведы, то мне бы хотелось, чтобы были приведены истинные или хотя бы надуманные основания. Не раз доводилось мне вступать в дискуссии и споры с чужестранцами о том, какими качествами обладают разные народы. Но как только они узнавали, что я – готский человек, то говорили, что готов надо опасаться, что варварам следует молчать, а славянам – исчезнуть на веки вечные; с выражениями омерзения и проклятиями в адрес отродья этого безбожного народа сообщали они со всей непрерываемостью, что его потомков надо избегать, как змеиное семя.

Явно из этих соображений, которые должно понимать, как добродетель, мои вышеназванные предки – готы, когда они приобщились к святым обычаям христианской религии, то, оставляя свои языческие заблуждения и привычки, захотели поменять и свое языческое имя – готы на шведов и решили, что области, которые были известны под именем Готии, с этих времен получили имя Швеции» (Westin 1949: 185-186).

Меховский опубликовал письмо Магнуса вместе со своим язвительным ответом на него язвительным ответом на него, где написал, что для него очевидно, что его молодой друг начался рассказов старинных писателей о густонаселенном острове Скандия. Но почему он верит им более, чем своим собственным впечатлениям? По дороге в Рим он мог осознать, насколько мал и беден Скандинавский полуостров. Как же он или другие представители готицизма смогут когда-нибудь доказать, что вестготы и остготы вышли с нынешнего Скандинавского полуострова, из тех его двух областей, которые носят созвучные названия, хотя нет ни одного датского, шведского или готского источника того периода (Johannesson 1982: 25).

Над своим произведением Магнус работал до самой смерти в 1544 г., хотя его первый вариант был завершен уже в 1540 году. Опубликовано оно было братом Юханнеса Магнуса, Олафом Магнусом под названием «История всех королей свеев и готов» («Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus») в 1554 г. в Риме. По-

сле этого труд Ю.Магнуса издавался в Базеле в 1558 г., в Кельне в 1567 г. и стал постепенно одним из наиболее популярных сочинений в Западной Европе, прежде всего в германоязычной Европе или как сейчас бы сказали, в англо-саксонском мире. Современник Магнуса, датский профессор Ханс Мюнстер с неудовольствием писал в 1559 г. из Лондона, что история о королях готов и свеев раскупается в Лондоне нарасхват, и вместе с этим распространяются среди доверчивых иностранцев беспочвенные вымыслы «великого Гота» (т.е. Юханнеса Магнуса), и что датскому королю тоже следует найти автора, способного создать подобный труд о Дании (Johannesson 1982: 103).

На этом фоне становится понятным, почему, в конце концов, именно труд Юханнеса Магнуса о конунгах свеев и готов был принят Густавом Вазой и его преемниками как официальная история Швеции. Здесь важно подчеркнуть, что личные отношения между Густавом Вазой и последним шведским католическим архиепископом Юханнесом Магнусом были очень враждебны, а может и более враждебны чем с Олаусом Петри в конце его жизни. Ведь Густав Ваза и Олаус Петри были идеологическими единомышленниками, а убежденный католик Юханнес Магнус был идейным врагом Густава Вазы. В своем труде Магнус не пожалел желчи для критики Густава Вазы. Прочтя труд Магнуса вскоре после его публикации в 1544 г., Густав Ваза с возмущением написал, что Магнус: «Воспользовался случаем и на протяжении всего своего труда только и делает, что чернит, осыпает насмешками и издевательствами без намека на правду, всячески обругивает как все наше христианнейшее правление, так и мою особу», однако никакого запрета на труд Магнуса король не наложил (Johannesson 1982: 272). Ведь труд Магнуса заполнял идеологическую лакуну, создававшуюся в шведском обществе. Юханнес Магнус выдал за историческую данность все фантомы готицизма и создал из них грандиозную феерию в качестве пролога к шведской истории. Говоря современным языком, в период правления Густава Вазы хроника Магнуса явилась политически корректным трудом, невзирая на личные выпады против короля. И именно поэтому она была призвана стать официальной историей Швеции и влиять на умы общества страны вплоть до XVIII века.

Главным источником для Юханнеса Магнуса является, безусловно, Иордан. Но рассказ у Иордана об острове «Scandzia» весьма скуп. Шведский историк Нордстрем пишет, что из нескольких строчек Иордана Юханнес Магнус создал пространное историческое полотно в жанре свободной фантазии. Доказывая, что прародиной готов была Швеция, Магнус, в подражание Иордану, написал, что готы, как рои пчел, распространились по Европе именно с юга Швеции. Но три корабля Иордана, на которых готы покинули Скандзу, разрослись у Магнуса в целую флотилию.

Пара слов о победе над вандалами у Иордана превращаются у Магнуса в насыщенные подробностями батальные сцены с демонстрацией блистательных побед гото-шведов по всему балтийскому побережью от Прибалтики до Мекленбурга, с перечислением имен готских правителей, которых не знает ни один источник.

Под пером Юханнеса Магнуса весь регион Балтийского моря превратился в гигантскую готскую, то бишь шведскую державу, управляемую победоносными и могущественными гото-шведскими конунгами и просуществовавшую около ста лет, чтобы далее продолжить свою блистательную историю в южных землях, в Причерноморье, где готы стали выступать под именем скифов.

Следуя за готами в Причерноморье, Магнус плавно вводит в свое произведение историю скифов, свободно преподнося ее как историю готов, то бишь шведов. И вот уже под его пером гото-шведы выступают как завоеватели Азии, как соперники древнеегипетских фараонов. Многие известные герои древности, согласно Магнусу, были готского, значит шведского происхождения, но их готские имена оказались искаженными в последующем историческом описании. Например, герой сказаний о Троянской войне Телеф, согласно Магнусу, есть гот, т.е. швед. Имя Телеф, уверяет Магнус, искаженное греками готское имя Елефф, которое до сих пор встречается в Швеции. Но потом к нему подставили букву т, что сделало готское имя неузнаваемым. Однако по характеру Телеф – настоящий гот, поскольку он – мужественный и непобедимый, унаследовавший готский характер от своей матери. Таким образом, Телеф причислялся к готским королям и также возводился в предки королей Швеции (Nordström 1929: 160-166).

Подобная методика была типична для готицизма вообще, как шведского, так и немецкого. Похоже на современный норманизм? По моему, один – в один.

Труд Ю. Магнуса сделался официальной историей Швеции вплоть до XVIII в. и методологической основой для многих поколений шведских историков. Историю готов стали расписывать в трудах шведских придворных историков, насаждать во все учебные программы. Поскольку реального исторического материала не хватало, ибо шведская история своей древностью, в самом деле, не обладала, то к шведской древности стали приписывать историю других народов. Так начала создаваться вымышленная история Швеции в древности.

Исторический миф о подвигах шведо-готов оказался хорошим средством управления шведским обществом. Картины великого прошлого консолидировали людей: пусть дескать сейчас мы сидим на подгнившей свекле и овсяной затирке на воде, зато какими великими мы были в нашем древнем прошлом!

Шведский историк Нордстрем так передавал эйфорическое чувство шведского общества от мифа о шведо-готах: «Благодаря трудам историков, благодаря популярным рассказам об исторических судьбах отечества, благодаря небольшим простонародным сочинениям, благодаря красноречию политиков и ученых, благодаря поэзии, театру – великое множество форм использовалось для того, чтобы запечатлеть в шведском народном сознании представление об истории отечества с блистательной героической сагой о “древних готах”, в которой отразилось совершенное проявление силы и способности нашего народа... С такой историей мы чувствовали себя аристократией Европы, которой предопределено владычествовать над миром» (Nordström 1929: 95).

Поскольку миф о шведо-готах показал себя продуктивной технологией, он послужил пусковым механизмом для следующего политического мифа – о шведо-гипербореях. О народе гипербореев рассказывалось в античных источниках. Это – великий народ, внесший вклад в создание древнегреческой культуры, выходцем от гипербореев считался солнцебог Аполлон. И вот в начале XVII в. в кругах, приближенных к шведскому королю Карлу IX заговорили о том, что и гипербореи имели шведское происхождение. Где-то с 1610 г. в Швеции стали создаваться удивительные произведения на тему о том, что древняя Гиперборея находилась на территории Швеции, и имя Гипербореи лучше всего истолковывается из шведского языка, а имена гиперборейских героев – испорченные шведские имена, например, гиперборейский мудрец Абарис, научивший древних греков всяким наукам, – это испорченное шведское имя Эверт. А за гиперборейским Аполлоном должен скрываться скандинавский Один. Понять смысл этих исторических феерий несложно, если наложить их на политическую обстановку того времени (Грот 2012: 52-59).

Возникновение шведской гипербореады совпадало с событиями Смутного времени в Русском государстве, с военным присутствием шведов в Новгородской земле, а это и захват Новгорода летом 1611 г., интриги шведского двора по поводу шведского принца Карла Филиппа как кандидата на московский престол, и развитие шведской агрессии 1614 – 1617 гг. в русских землях, приведшей к Столбовскому миру, по которому Швеция отторгала русские города Ивангород, Ям, Остров, Копорье, Корелу, Орешек с уездами и всю Неву, в силу чего русские отрезались от Балтийского моря.

На фоне такого политического развития смысл грубого фантазирования совершенно прозрачен: мифы о шведо-гипербореях были призваны стать дополнением мифов о шведо-готах и созданием на этой базе новейшей версии истории Восточной Европы в древности, где предкам шведов отводилась бы первенствующая основоположническая роль с древнейших, гиперборейских времен, которые, по созданной мифологической историософии, якобы уже в гиперборейские времена обжидали Восточную Европу задолго до других народов, ходили и до Черного моря, и далее до греческих островов. Иначе говоря, история Восточной Европы без русских. Наши шведские предки, дескать, бороздили здесь реки от Балтики до Черного моря с глубокой древности, следовательно, мы имеем историческое право на оккупированные земли.

То, что заказ на создание шведской гипербореады шел от первого лица Шведского королевства, подтверждается целым рядом косвенных фактов. Именно в это время у шведского дипломата и историка П. Петрея (1570-1622) неожиданно появляются рассуждения о шведском происхождении летописных варягов, и таким образом идея об основоположнической миссии предков шведов в древнегерманской и древнегреческой истории начинает распространяться и на древнерусскую историю. Обращаю внимание еще раз: авторство идеи о скандинавстве летописных варягов не принадлежит немецким академиком. Это выдумка принадле-

жит шведским сановникам и литераторам, а немецкие академики выступили лишь ее пропагандистами.

Высказывание о шведском происхождении летописных варягов появилось в работе П. Петрея «История о великом княжестве Московском» («Regni muschovitici sciographia»), опубликованной в 1614-1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г. – на немецком языке в Лейпциге. В этой работе П. Петрей, впервые в историографии, неожиданно заявил, что варяги из русских летописей должны были быть выходцами из Швеции, а имена варяжских братьев, по мнению Петрея, являются испорченными шведскими именами: Рюрик (Rurich) вполне мог изначально прозываться Erich, Frederich или Rodrich; Синеус (Sineus) – как Siman, Sigge или Swen; Трувор – Ture или Tufwe. (кстати, ни Эрик, ни Фредрик, ни Родерик шведскими именами не являются – это имена заимствованные).

А неожиданным это было потому, что слова о варягах из Швеции противоречили опубликованному двумя годами ранее собственному труду Петрея о древних гото-шведских королях, где в рассуждениях о древнерусской истории он упомянул о приходе Рюрика, Трувора и Синеуса из Пруссии. Новое заявление Петрея не опиралось на какие – то открытые им источники, появление мысли П. Петрея о том, что и варяги из древнерусских летописей должны были быть выходцами из Швеции, было сугубо декларативным, что было вполне в духе времени. А почему бы и нет? Если уж гипербореи – из Швеции, то кто мешает вывести из Швеции и варягов? Главное, это было политически корректное заявление. Свободное обращение с историческим материалом влиятельных шведских сановников в вопросе о гипербореях явно возбудило и рвение ловкого дипломата Петрея на ходу вставить в свою работу «История о великом княжестве Московском» фразу о шведском происхождении летописных варягов – основоположников великой правящей династии русского государства. Фраза совершенно верноподданическая, поскольку написание этой работы шло одновременно с переговорами в 1613 г. в Выборге о кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа на московский престол (Грот 2025: 135-189; Фомин 2005: 17-57).

Завершение военных действий в Русском государстве на весьма выгодных для Швеции условиях рассматривалось новым королем Швеции Густавом-Адольфом как безусловное доказательство того, что он и другие шведские короли – достойные продолжатели готских деяний в Восточной Европе, которые описывали шведские готицисты и творцы шведской гипербореады.

В период оккупации русских земель от Столбовского договора 1617 года до Ништадского мира 1721 года шведскими историками и политиками получило развитие историческое мифотворчество высокого, так сказать «академического» уровня, поскольку неправое дело особенно нуждается в идеологизировании.

Примером тому может послужить появление в 1675 г. в Лундском университете диссертации Эрика Рунштеена под названием «О происхождении свео-готских народов», в которой он, развивая фантазии шведских готицистов о переселении свея-готского народа из Шве-

ции в Скифию. Совершенно очевидно, что здесь мы видим развитие той же идеи Юханнеса Магнуса о выходе готов с юга Швеции.

В 1670 г. шведский писатель и профессор медицины Олоф Рудбек начал работать над «Атлантидой» (Atland eller Manheim), где отстаивая основоположничество Швеции в древнегерманской, древнегреческой и древнерусской культурах, объединил в своем увесистом труде величественные миражи готицизма, шведскую гипербореаду и политически корректную выдумку П. Петрея о варягах из Швеции.

В «Атлантиде» Рудбек «реконструировал» якобы утраченную шведскую историю через отождествление Швеции и с Гипербореей, и со Скифией, и со страной Варягией, которую он размещал на Скандинавском полуострове, точнее – в границах Шведского королевства. Рудбек объявлял восходящими к древнешведскому языку личные имена античных героев или богов, а также – топонимы Восточной Европы, что служило, по его убеждению, доказательством древнего присутствия там предков шведов. Античные источники были объявлены им источниками по древнешведской истории, но из-за того, указывал Рудбек, что греки и латины не знали древнешведского языка, данные источники были утрачены для шведской истории.

Все эти рассуждения нельзя воспринимать как забавные экстравагантности чудака профессора, поскольку за рудбековским историозодчеством стояло государство, а государству, как правило, не до забав. «Атлантиде» была оказана полная поддержка, ее заучивали наряду с катехизисом, ведь Рудбек, фактически, постулировал, что шведские короли являются законными владельцами восточноевропейских русских земель, поскольку по бесспорному историческому праву они наследники своих древних предков, а вот русские цари – недавние оккупанты на этих землях.

«Атлантида» Рудбека – еще один очень яркий пример того, как из первоначальной идеи Швеции как прародины готов вырастают химеры русофобской политики с оправданием якобы исторического права шведских королей на русские земли (Грот 2010: 154-164).

И здесь я хочу прервать ход повествования вопросом и вернуться к «Гетике» Иордана. Значит, заново открытая в 1450 году «Гетика» / «Готика» Иордана сделалась с этого момента основным, если не сказать, единственным источником по готской истории. А готская история стала преподноситься как исток истории всех германских народов.

Но сейчас мы знаем, что по истории готов был другой очень важный источник, а именно «Сага о Тидреке из Берна». На русском языке «Сага о Тидреке из Берна» вышла из печати в 2025 году и была представлена научной общественности на презентации в Москве 2 октября 2025 года. Авторами книги являемся я и мой коллега из Норвегии А.Н. Петров, историк и профессиональный переводчик. И сейчас эта книга имеется в свободном доступе на сайте Института Наследия, рубрика Издания.

Напомню, что «Сага о Тидреке из Берна» – памятник германского раннесредневекового эпоса. Эта Сага была записана в Норвегии около 1250 года, т.е. за 250

лет до обнаружения и публикации рукописи Иордана. В «Саге о Тидреке из Берна» передается эпическое наследие, восходящее к событиям V в., – войнам гуннов, возглавлявшимся Атиллой (правил в 434–453 годах) и готов, возглавлявшихся Теодорихом (454–526).

По словам составителей Саги, она была сложена из сказаний немецких мужей, отчасти по их песням. Начало составления саги относится ко времени кончины Константина I Великого (272 – 337), т.е. к началу IV в. Сага провозглашается ее составителями величайшей из саг, созданных на немецком языке. В центре Саги – рассказы о конунге Тидреке из Берна, прообразом которого послужило реальное историческое лицо – остготский король Теодорих Великий (451 – 526). Но помимо того, что «Сага о Тидреке из Берна – уникальный образец германской героической саги, она является и важным источником по русской истории, поскольку в «Саге о Тидреке из Берна» наряду с такими героями, как Аттила и правитель готов Тидрек, фигурируют король Руси Гертнит и его сыновья король Владимир и Озантрикс, русский витязь Илья, а также король славянских вельтов-вильтинов по имени Вилькин.

Таким образом, к нашим услугам ценнейший источник по истории готов, рассказанный самими готами и сохраняемый их культурной элитой в течении многих столетий, начиная с IV века. Кроме того, это и источник по русской истории. Казалось бы, именно этому источнику – красную улицу! Ан, нет. Получается, что приоритет по истории готов, начиная с XV–XVI вв. и до наших дней, как видим, отдается «Гетике» / «Готике» Иордана. Однако из этого источника русы и весь материал по русской истории оказались вымараны.

Кроме того, и сам по себе труд Иордана рождает и рождает целый ряд вопросов. Эти вопросы хорошо представлены в статье историка Д.С. Конькова «"Гетика" Иордана – готское историческое предание или конъюнктура эпохи: современное состояние изучения проблемы». По словам Конькова, фигура Иордана и текст «Гетики» вызывали и вызывают до сих пор много вопросов, начиная с происхождения, положения, социального статуса Иордана. Но главное, Иордан смешивает историю гетов, скифов и готов, свободно варьируя этими этнонимами и осуществляя их взаимную подмену; тем самым, подчеркивает Коньков, формируется искусственный псевдоисторический конструкт, основанный исключительно на мозаичном сочетании сведений греко-римской историографии (Коньков 2012: 70–73).

Следовательно, произведение Иордана – это не труд, основанный на подлинной народной эпической традиции, каковой была Сага о Тидреке из Берна. Труд Иордана – это политический конструкт или говоря современным языком, политический миф, в котором история одного народа может свободно подменяться историей другого народа, т.е. фальсифицироваться. Даже известный российский археолог и исследователь истории готов М.Б. Шукин в своей книге «Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)» отметил, что «Гетика» Иордана – скорее политический памфлет, чем исторический труд (Шукин 2005).

Весьма любопытной является сама история возникновения «Гетики» Иордана. Как рассказывается, в основу «Гетики», по указанию друга Иордана Касталия, было положено крупное, не сохранившееся до нашего времени произведение Кассиодора, посвященное истории готов. Иордан во введении к «Гетике» признается, что его труд является сокращенным изложением двенадцатитомного труда Кассиодора.

Кассиодор, Флавий Магн Аврелий (480/490 – 585/590) – успешный государственный деятель и историк во время правления Теодориха великого и его преемников. По приказанию Теодориха Кассиодор написал «Историю готов». Однако до нас не дошло сочинение Кассиодора, тот большой его труд в двенадцати «томах» или «книгах», о котором как основе своей работы говорит Иордан.

Более того. Не отмечено это крупное, по-видимому, произведение Кассиодора и в старых каталогах средневековых библиотек, где нередко были названы произведения Иордана, в частности, его «Getica». Очевидно, подчеркивает Е.Ч. Скржинская, автор Вступительной статьи к «Гетике» и ее переводчик, ни в самых богатых книгохранилищах средневековых монастырей, ни даже в папской библиотеке не было труда Кассиодора. О нем нет нигде никаких упоминаний. Кассиодора целиком заменил Иордан. А рукописи с произведениями Иордана хранились во многих библиотеках, переписывались во многих скрипториях. Не правда ли, как интересно?

Отмечает Скржинская и следующую странность истории появления «Гетики». Иордан, взявшийся за работу, которая, как сказано было выше, должна была быть построена на основе пространного сочинения Кассиодора, не мог иметь этого сочинения перед глазами. Иордан пишет с огорчением, что главная тяжесть для него, как автора, состояла в том, что он – всего в течение трех дней предварительно перечитывал эти книги и то лишь по милости диспенсатора, т.е. управляющего Кассиодора, а в дальнейшем писал ответственное сочинение по памяти, не воспроизводя, конечно, подлинный текст образца, но опираясь на содержание по памяти смысла и ход событий. В общем, заключает Скржинская, сочинение Кассиодора было как бы «забыто» и заменено другим на ту же тему, но с другой политической установкой. Так исчез труд Кассиодора и родился труд Иордана (Иордан 1960: 30–61).

Однако невзирая на все вышесказанное, именно «Гетика» Иордана в течение веков превозносится как ценнейший исторический источник, как почти единственный (!) источник по истории готов, а сам Иордан восхваляется как один из наиболее замечательных авторов эпохи раннего европейского средневековья.

Чем для нас интересна вся эта почти детективная повесть о том, как исчез 12-томный труд Кассиодора и как он был замен сравнительно небольшим по объему трудом Иордана? Нам эти события могли бы быть интересны только в связи с русской историей. И мы должны констатировать, что связь «Гетики» Иордана с русской историей, практически, не просматривается, поскольку русы, играющие значительную роль в «Саге о Тидреке из Берна», у Иордана исчезли вместе с 12-ю томами

Кассиодора. К русской истории подключаются только так называемые драгоценные, хотя и скудные свидетельства о древнейших славянах на Висле, на Днепре, на Днестре, на Дунае.

При этом нас уверяют, что в этих частях его сочинение представляет особенный интерес для советских историков и археологов, занимающихся вопросами истории племен на территории СССР и соседних государств: «В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе [по его области] протекает Тизия; с юга же [эту область] отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий; стремительный и полный {34} водоворотов, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многоязванное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, и на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов. На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ» (Иордан 1960: 71-72).

Но на мой взгляд, эти, действительно, скудные сведения относятся в большей степени, к истории западных славян. А русы и славяноязычные вильтины, которые действуют в «Саге о Тидреке из Берна», у Иордана просто отсутствуют. Вот и гадай теперь, были русы в каком-нибудь из 12-ти томов Кассиодора или не были? А если были, то почему они оказались изъятыми из книги Иордана?

Теперь обратимся к «Саге о Тидреке из Берна» и рассмотрим историю появления этого памятника, герой которого эпический Тидрек из Берна сделался, практически, национальным немецким героем. Что это были за эпические сказания, которые послужили источниками для древноревского текста Саги? (Сага о Тидреке из Берна 2025: 11-28).

Тексты древнегерманских эпических памятников почти не дошли до нас в силу относительно ранней христианизации западных германцев. Древнегерманская письменность с самого своего возникновения (8 в.) использовалась исключительно клирической литературой, а сказания и песни продолжали бытовать в устной форме. Одним из источников будущей «Саги о Тидреке из Берна» была «Песнь о Хильдебранде» – древнейшее произведение германской героической поэзии. В ней рассказывается о том, как Хильдебранд – начальник дружины Тидрека из Берна, изгнанный своим врагом Одоакром и нашедший приют у короля гуннов Атиллы,

возвращается на родину во главе войска. «Песнь о Хильдебранде» была написана на древневерхненемецком языке со следами сильного влияния древнесаксонского.

Историческим фоном в данном случае послужила победа Теодориха (454-526 гг.) над Одоакром, который был предательски убит торжествующим победителем во время пира. Это историческое событие было совершенно по-иному осмыслено в остготской героической песне «Дитрих на чужбине», в которой Одоакр изгоняет из страны Тидрека/Дитриха, законного претендента на королевский престол, после чего пострадавший от несправедливости изгнанник в конце концов снова завладевает своим королевством. О герое «Песни о Хильдебранде» созданы и другие германские (немецкие и скандинавские) памятники. В Германии с этим лицом, в частности, связана «Песнь о Нибелунгах», в которой старый Хильдебранд убивает не своего сына, но королеву Кримхильду.

Германский героический эпос продолжал существовать в народной эпической традиции всего раннего средневековья, несмотря на преследование церковью «языческих песен». Вместе с упадком дружинного быта и формированием феодального общества исчезает дружинный певец, но его эпический репертуар переходит к так называемому шпильману, т.е. новому типу бродячего профессионального певца.

Певцы-шпильманы (нем. Spielleute, ед.ч. Spielmann) были средневековыми бродячими музыкантами, певцами и актерами, популярными в немецкоязычных странах. Они, как правило, выступали при феодальных дворах и на ярмарках, а также в селах и городах, исполняя эпические песни, повествовательные и юмористические произведения, а также играя на различных инструментах. В других регионах Европы и России им соответствовали аналогичные жанры, такие как французские жонглеры, русские скоморохи, венгерские и чешские игрицы.

Шпильманы сыграли важную роль в развитии светской музыкальной культуры, пропагандируя различные жанры искусства и развлекая людей в различных местах. По мнению исследователей германского героического эпоса, в меняющихся условиях социальной жизни они выступили носителями новой традиции – традиции переработки старых эпических песен, продолжавших бытовать в народной устнопозитической традиции.

Произведения героического эпоса, по-прежнему, встречали интерес и в верхах феодального общества, и в широких народных массах, где, по свидетельству латинских хроникеров, не только слушали, но и «пели» о королях и героях старого времени. Бродячие певцы шпильманы вносили в старинные эпические сказания значительные сюжетные изменения, поскольку развитие рыцарской культуры в XII в. ставило перед искусством бродячего певца новые задачи.

Благодаря новой традиции, внесенной певцами-шпильманами, героический эпос с его воинскими идеалами должен был занять почетное место и в новой светской литературе феодального общества. Под влиянием образцов, заимствованных из Франции (перевод

«Песни о Роланде» поэта – священника Конрада Регенсбургского, около 1130 г. и др.), старинные германские эпические песни (о Зигфриде и гибели Нибелунгов, о Тидреке из Берна и др.) перерабатываются в обширные эпические поэмы, которые предназначаются уже не для песенного исполнения, а для декламации по рукописи шпильманом или ученым клириком.

Предполагается, что первоначальный вариант обширной компиляции или свода эпических сказаний о Тидреке из Берна (нем. о Дитрихе Бернском) был создан в Германии около 1190 г. и переведен в Норвегии на древненорвежский язык в первой половине XIII в. В прологе саги дается однозначное указание на ее устные германские источники: немецкие сказания, рассказы немецких людей и древние песни: «Эта сага составлена из рассказов немецких мужей, часть ее восходит к их песням, которые были сочинены, чтобы развлечь великих людей, и были сочинены очень давно, вскоре после событий, о которых здесь рассказывается» (Матюшина 2010: 160-202).

Развитие краткой эпической песни в поэму происходило путем дальнейшего развертывания сюжета песни, обогащения его новыми действующими лицами, эпизодами, описательными подробностями и т.д. Эта переработка героической песни, сложившейся в эпоху «великого переселения народов» (V-VI вв.) в большую эпическую поэму, совершалась несколькими последовательными этапами. Примером такой трансформации старинного эпического сказания под влиянием рыцарской литературы конца XII в. является немецкая «Песнь о Нибелунгах».

«Песнь о Нибелунгах» тесно связана с Сагой о Тидреке из Берна, поскольку, как обращают внимание исследователи германского эпоса, все поэмы о Тидреке/Дитрихе сюжетно и хронологически связаны со второй частью «Песни о Нибелунгах» (“Das Nibelungenlied”), которая по праву считается наиболее зрелой версией сказаний о Нибелунгах и главным памятником немецкого национального эпоса. Таким образом, сказания о Нибелунгах и некоторые другие сказания германского героического эпоса, объединенные в конце XII в. в «Песнь о Нибелунгах» были взяты в качестве источника для «Саги о Тидреке из Берна».

И разумеется, важнейшим источником для создания «Саги о Тидреке из Берна» сделали циклы сказаний о Дитрихе Бернском (немецкий вариант имени Тидрека из Берна). Эти циклы сказаний о герое немецких средневековых эпических поэм и песен, восходили к готским сказаниям о короле остготов Теодорихе (493-526). В баварских и австрийских поэмах нач. 13 в. («Бегство Дитриха», «Равеннская битва», «Смерть Альферта» и др.) Тидрек/Дитрих, изгнанный из Италии в результате интриг своего дяди Эрманариха, 30 лет живет в Венгрии при дворе короля гуннов Эцеля (Атиллы), с помощью которого овладевает наследственным престолом (исторический король остготов Эрманарих погиб в 375, побежденный гуннами).

В немецко-австрийском героическом эпосе «Песнь о Нибелунгах» Тидрек/Дитрих сражается с бургундами на стороне гуннов. В 489 году Италия подверглась наше-

ствию остготов под предводительством Теодориха. В героических сказаниях немецкого эпоса Теодорих воспевался под именем Тидрека/Дитриха. В целом ряде поэм позднейшего происхождения юный Дитрих является героем чудесных приключений, в которых участвуют великаны и карлики. Постоянным спутником молодого героя в этих приключениях становится его воспитатель, старый Хильдебранд, который с отеческой заботливостью опекает своего питомца и неоднократно спасает его. В южнонемецких поэмах XIII в. вокруг имени популярного эпического героя вырастает целый цикл подобного рода приключений, заимствованных шпильманами частью из авантурных рыцарских романов, частью из местных фольклорных преданий.

В целом, поэмы о Дитрихе образуют полную поэтическую биографию героя от юношеских подвигов (приключения с великанами и карликами) до «изгнания» в зрелом возрасте и «возвращения» в старости. Богатство эпических сюжетов, связанных с именем Дитриха, свидетельствует о его исключительной популярности, в особенности в придунайских землях, в Баварии и в Австрии. В средневековых исторических памятниках неоднократно отмечается, что песни о Дитрихе имели широкое распространение среди народных масс. Так, уже Кведлинбургская хроника (X в.) отмечает, что «об этом Дитрихе Бернском издавна поют крестьяне». То же подтверждает писатель XVI в.: «Наши люди много поют и рассказывают о нем, и вряд ли существует другой старый король, который был бы так известен у нас среди простых людей».

Однако на немецкой почве, как подчеркивают германисты, биографическая циклизация не получила реального завершения в художественном произведении. Такую связную биографию Дитриха на основе немецких источников представляет норвежская «Сага о Тидреке из Берна», включающая и другие эпические сюжеты по принципу прямого или косвенного участия в них Дитриха.

В скандинавскую литературу предание о Дитрихе Бернском перешло из Саксонии. Оно основывается на нижненемецких песнях, сохраняя форму поэтической обработки сказания, непосредственно предшествующую поэме о Нибелунгах (XII в.). Норвежский вариант «Саги о Тидреке из Берна» объединил все старые немецкие сказания, включая «Нибелунгов» и сказания других циклов.

Известный литературовед В.М. Жирмунский подчеркивал, что попытка автора/составителя норвежской «Саги о Тидреке из Берна» (ок. 1250) стоит особняком в попытке объединить в связной эпической биографии этого героя цикл сказаний и песен о Тидреке из Берна/Дитрихе Бернском, сложившийся в немецкой эпической традиции, включив в него в качестве эпизодов все прочие известные ему изолированные эпические сказания и сделав их героев дружинниками или соратниками Тидрика/Дитриха (Жирмунский 1962: 42-43).

Немецкие источники в «Саге о Тидреке из Берна» переплетаются с фрагментами из скандинавских источников. Исследовательница германского эпоса И.Г. Матюшина обращает внимание на то, что в Скандинавии

о Хильдебранде рассказывается в одной из исландских саг о древних временах – «Сага об Асмунде Убийце Воителей» (Ásmundarsaga Kappabana), в которой приводится поэтическая «Предсмертная Песнь Хильдебранда». Об этом же герое, но под другим именем (Хильдигер) рассказывает и Саксон Грамматик в «Деяниях датчан». В Саге упоминаются такие исторические лица как исландский скальд/поэт Халльфред Оттарссон (ок. 967 – ок. 1007 г.), король Норвегии Олав Трюггвасон (правил в 995 по 1000 год), фигурирующий как главный герой «Саги об Олаве сыне Трюггви».

Перевод обширной компиляции или свода эпических сказаний о Тидреке/Дитрихе Бернском и других германских источников, составивший «Сагу о Тидреке из Берна», был осуществлен в рамках общей политики короля Норвегии Хокона IV (правил в 1217-1263 годах) в области культуры, с целью распространить в Норвегии общеевропейские традиции и сведения по истории Европы. «Сага о Тидреке из Берна» является ярким примером подобных произведений. В ней представлена весьма пестрая картина событий, разворачивавшихся в V веке в Европе и охватывавших земли Руси, южно-балтийские земли и часть Скандинавского полуострова. Как видим, ничего необычного в появлении такого источника, как «Сага о Тидреке из Берна» не наблюдается: классическая история многовекового развития раннесредневекового эпоса, в отличие от «Гетики», возникшей в одночасье как неизвестно чей политический заказ.

Чтобы понять, каким образом мотивы из древнерусской истории попали в «Сагу о Тидреке из Берна», надо представить себе особенности политической и культурной жизни Норвегии в период правления короля Хокон IV Хоконссона/Håkon Håkonsson (1217-1263).

Годы правления Хокон IV считаются периодом экономического и культурного расцвета Норвежского королевства. Королю Хокону удалось подавить сопротивление мятежных группировок знати и восстановить единство страны, укрепить авторитет королевской власти. В конце его правления под его властью, помимо собственно норвежской территории, находились три области нынешней западной Швеции: Емтланд, Хэрьедален и Бохуслен, а также Исландия, Гренландия и Шетландские острова. Хокон IV Хоконссон содействовал развитию торговли и поощрял проникновение в свое королевство культурного влияния с европейского континента, стремясь поставить свой двор вровень с ведущими центрами европейской культуры и книжной образованности.

Особый интерес короля вызывала европейская литература. При Хоконе начался интенсивный «импорт» европейских литературных произведений, а через них – заимствование нравов, порядков, этических идеалов. Традиция переводов на древнорвежский или древнеисландский языки не была чем-то новым для средневековой Норвегии. Но в первой половине XIII в. произошел жанровый «переворот». Если в XII в. были распространены переводы религиозных произведений, то в XIII в. стали активно переводиться на древнорвежский

язык произведения европейской придворной и другой светской литературы.

Активность переводческой деятельности имела простое объяснение: инициатором ее выступал сам король Хокон Хоконссон. По его указу приглашались к норвежскому двору образованные монахи из Англии. Король лично заказывал переводы тех или иных популярных на континенте или на Британских островах произведений. Эта интенсивная переводческая деятельность, которой покровительствовал сам король, послужила сильным толчком для развития норвежско-исландской литературы подражательного и компиляционного характера разных видов. В культурной жизни норвежского королевства получило развитие романтическое направление, создавшее в истории норвежско-исландской литературы такой новый жанр как рыцарские саги. Этот жанр стал складываться с XIII века, когда начались переводы французских героических поэм в стиле «жеста» или «песни о деяниях» (chanson de geste).

При норвежском дворе переводились поэмы о падении Трои, мифы об Энее, сказания о короле Артуре, куртуазная французская литература, разнородные произведения о Карле Великом и др. Эти произведения адаптировались к сложившимся норвежско-исландским традициям и получали форму саги. Прославленные образы средневековой европейской прозы и поэзии заимствовались местными скальдами для собственных произведений. Старинные заморские предания переделывались под местные вкусы, их герои приобретали черты и нравы легендарных норвежских конунгов. Эти подражательные саги также сделались очень популярны в норвежско-исландском обществе.

Из приведенного выше материала совершенно очевидно, что интерес к героико-историческим произведениям в исландско-норвежской культурной жизни XII-XIII вв. проявился очень сильно, при этом норвежский двор не удовлетворялся произведениями, рожденными только собственной традицией. Проводилась, как видно, при явной поддержке первых лиц государства целенаправленная работа по «прочесыванию» внешнего «рынка» европейской литературы с фокусом на героические образы прославленных наследных правителей других народов, воспетых как удачливые завоеватели и собиратели земель под единой рукой.

Интерес к подобным сюжетам был настолько велик, что литературные заимствования не ограничивались импортом опубликованных произведений народной традиции. Примерно в одно и то же время с созданием прозаической компиляции старофранцузских эпических сказаний о Карле Великом «Karlamagnus saga» (а также вслед за Сагой о Тидреке из Берна) стали создаваться на древнорвежском языке компиляции из древнерусских сказаний в традиционной форме саг, герои которых принимали черты норвежских конунгов и их сподвижников.

Внимательное штудирование норвежским двором старофранцузского эпического наследия о Карле Великом и немецких сказаний о Тидреке из Берна, выразившееся в различных переложениях и компиляциях на древнорвежский язык произведений европей-

ского средневекового эпоса, естественным образом знакомило исландско-норвежские образованные слои и со сведениями о Руси, о древнерусских князьях и героях богатырского эпоса, приобщая общество Норвегии к древнерусской летописной мысли и к былевому эпосу.

XI-XII вв. являются периодом бурного развития русского летописания, а именно этот период предшествует началу взлета норвежско-исландской литературной и исторической деятельности. К этому надо добавить, что литературная обработка старых германских эпических песен в героические поэмы, о чем рассказывалось выше, происходило почти исключительно на юго-востоке Германии, в придунайских землях, на территории Баварии и Австрии, где еще не сложилась в полной мере новая рыцарская культура. На западе, в прирейнских землях, немецкое рыцарство стало увлекаться в это время куртуазными романами, импортированными из Франции уже с 1170-х годов (История зарубежной литературы: 1987).

Представляется нелишним дополнить данную выше картину культурной жизни зарисовкой русско-норвежских политических отношений этого периода. К 1251 году относится поездка норвежских послов в Новгород для урегулирования спорных вопросов по северной границе, согласно «Саге о Хоконе Старом», составленной сразу после смерти Хокона IV Стурлой Тордарсоном. Сага заключает жизнеописание норвежского короля Хокона Старого, правившего с 1217 по 1263 г. Написана сага известным исландским писателем Стурлой Тордарсоном (1214-1284), племянником знаменитого Снорри Стурлусона.

Данную вставку об отношениях между русскими и норвежскими правителями в первой половине – середине XIII века я привела для того, чтобы восстановить живой фон социально-политической жизни Норвегии, который питал и культурную жизнь норвежского общества. Поэтому все приведенные рассуждения о Руси, о древнерусских героях в западноевропейских эпических произведениях, о вильтинах или о велетах/вильцах, картины взаимоотношений между русскими и норвежскими правителями демонстрируют наличие оживленных и регулярных контактов между европейскими деятелями разных стран и соответственно, о хорошей осведомленности в области культурной и политической жизни друг друга, о знании исторических и литературных традиций друг друга.

Вот в этой обстановке в середине XIII в. в период правления Хокона IV и была осуществлена письменная фиксация древненемецких сказаний о Тидреке Бернском на древненорвежском языке, получившая известность как «Сага о Тидреке из Берна». Эта сага как было отмечено выше, передает эпическое наследие, восходящее к событиям V в. – войнам гуннов во главе с Атиллой и готов во главе с Теодорихом, участниками которых были Илья Русский и русский король Владимир. Таким образом, «Сага о Тидреке из Берна» является, как было сказано в начале статьи, уникальным источником по русской истории.

Действие «Саги о Тидреке из Берна» охватывает впечатляющую территорию средневековой Европы: Апу-

лия и Лангобардия в Италии, Венгрия и Польша, Русь, земли прибалтийских славян, земли данов и свеев, Галлия, Испания и др. И появление в Саге героев русской истории, по идее, не должно было бы вызывать удивления. Ведь вполне естественно, что при горячем интересе норвежского двора и норвежско-исландских деятелей культуры к произведениям европейской словесности о великих государях других народов не должны были быть обойдены вниманием и великие государи русского народа. Но тем не менее, по существующему в науке мнению, в «Саге о Тидреке из Берна» якобы никаких русов нет, а на самом деле, действуют кто угодно – венды, поляки, но только не русы (Глазырина 1989: 270).

Итак, перед нами второй после «Гетики» пример попытки вычеркивания народа русов из средневекового источника, хотя сам материал «Саги о Тидреке из Берна» представляет русов таким же реальным историческим персонажем, как гунны или готы. Но если в случае с «Гетикой» Иордана мы не можем проследить, в угоду какой политической конъюнктуры этнический состав «Гетики» был представлен так, как он был представлен, то разобраться в том, почему в наше время пытаются изгнать русов из русской истории того периода, в котором действовали герои «Саги о Тидреке из Берна», не представляется сложным.

В книге «Сага о Тидреке из Берна», в моем Вводном историческом очерке я рассказываю, что данная, а также другие несостыковки в русской истории возникли под влиянием западноевропейских политических мифов и исторических утопий: выше был дан их краткий очерк с показом появления в их лоне политических мифов о шведо-готах, шведо-гипербореях и шведо-варягов. В лоне этих политических мифов возник также политический миф о древнешведском происхождении имени Руси. Этот миф изначально – порождение шведской политической мысли XVIII в.. Он стал конструироваться после поражения Швеции в Северной войне и в обстановке устремлений Швеции организовать военные компании реванша против России.

Как показывает исторический опыт, война традиционная имеет тесную связь с войной информационной, поскольку предварительная обработка общественного мнения играет важную роль. Причем, требуется как обработка общественного мнения в собственной стране, так и склонение на свою сторону международного общественного мнения. Информационные технологии известны с допотопных времен: представить собственную наступательную политику как политику справедливую, законную, а объект нападения как узурпатора, поправшего устои и основы.

В период после Ништадского мира (1721 г.) Швеция два раза нападала на Россию: в 1741 г. и в 1788 г. с целью вернуть русские земли, оккупированные ею в Смутное время. Именно в этот период и была разработана шведскими деятелями концепция о древнешведском происхождении имени Руси. Цель этой, как и других, более ранних разработок шведского политического мифа (о варягах из Швеции и Рюрике из Швеции), понятна. В преддверии военных компаний против России шведской короне, наряду с активизацией международной

деятельности и поисками союзников, важно было в глазах международной общественности предстать борцом за свои исконные исторические права: это нас, дескать, обидели, а мы хотим только свое, законное вернуть! На эту задачу и работали такие информационные продукты, как идея о древнешведском происхождении имени Руси.

Ведь ущемленная национальная гордость возвращавшихся из плена шведских военных явно искала утешения в исторических «победах». Тем более что шведы в течение более ста лет воспитывались в убеждении, что Швеция имела полное историческое право на те территории, которые отошли к шведской короне по Столбовскому договору.

Писали же великие шведские писатели, такие как Юханнес Магнус и Олаус Рудбек, что вся Восточная Европа до Черного моря подчинялась шведо-готским или шведо-гиперборейским королям, в общем, шведам, собиравшим там дань. Все эти сочинения преподавались в шведских учебных заведениях. В них шведам внушалось, что все земли от Балтийского до Азовского и Черного морей в течение многих столетий находились в подчинении древних шведских королей и были завоеваны русскими только в исторически недавнее время. Поэтому шведская оккупация новгородских земель представлялась шведскому обществу осуществлением их исторического права на эти земли чуть ли не с гиперборейских времен! Поэтому в шведском обществе царило убеждение в том, что они имели большее право на области при Азовском море, чем русские на Балтийское побережье. В лоне подобных рефлексий шведских политиков и писателей и родилась идея о древнешведском происхождении имени Русь или о шведо-русах.

Создавать эту концепцию начал вскоре после окончания Северной войны шведский деятель по имени Хенрик Бреннер, а завершил ее современник Шлецера, уппсальский профессор Юхан Тунманн (1746–1778). Тунманн «сконструировал» происхождение имени нашего народа русь из финского названия Швеции Ruotsi и стал преподносить это как неопровержимое доказательство древнешведского происхождения народа руси. Это позволило ему заявить, что теперь никто не сможет усомниться в том, что русы были на самом деле шведы и что они были основоположниками древнерусского государства. Станным образом обнаружение этих изысканий совпало с подготовкой последней военной кампании Швеции против России в 1788.

Однако как оказывается из результатов геофизических исследований восточного побережья Швеции, никакой твердой опоры все эти доказательства не имеют, поскольку в буквальном смысле слова, написаны вилами по воде. Уверения о происхождении имени Русь от шведских гребцов-родсов изначально связывались со шведской областью Рослаген, от нее дескать и пошли др.-сканд. слова с основой на *roPs-, а именно др.-сканд. *rōP(s)- → фин. ruotsi → вост.-слав. русь. Однако земли Рослаген в IX в. не существовало как физическо-географического субъекта. Эта земля или прибрежная полоса, получившая сначала название Руден в конце XIII в., не только в IX в., но и в X в. как физико-географический

субъект, практически, не существовала, ибо находилась большей частью под водой.

Дело в том, что Ботния в районе шведской прибрежной акватории, начиная с послеледникового периода, обнаруживает феномен постепенного подъема морского дна и прирастания за счет этого подъема новой суши, новой береговой полосы. По исследованиям шведских ученых, уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, в IX в. был минимум на 6–8 м выше нынешнего. Даже в XI–XII вв., как пишет исследовательница из Уппсалы Карин Калиссендорф, уровень моря был на 5 м выше, чем сейчас. Нынешнее озеро Мэларен было открытым заливом моря, а значительная часть береговой полосы была островками, более или менее выступавшими из воды. Феномен этот называется изостатическое восстановление Фенноскандии. Landet stiger ur havet – земля или страна вырастает из моря, писали и пишут шведские писатели. Только к концу XIII в. эта прибрежная полоса получила более или менее современные очертания. Я привела эту информацию на конференции «Начала Русского мира» в 2010 г., и с тех пор норманисты пытаются ее опровергнуть, заявляя, что нет, что-то было намного раньше XIII в. Ну, кто ж против этого возражает! Ведь земля «вырастает» из моря, не всплывая одновременно, как спина кита. Проходит не одно столетие, пока эти островки становятся сушей, пригодной для полноценной человеческой деятельности.

В нашем случае тому есть важное косвенное доказательство. Только к самому концу XIII в. в этой части архипелага появилось население в таком количестве, которое уже представляло интерес и для королевской власти. В шведской научной литературе не раз указывалось на то, что название Руден впервые упоминается в Швеции в 1296 г. в Уппландских областных законах. В одном из них одним из указов короля Биргера Магнуссона повелевалось, что все, кто живут в Северном Рудене, должны следовать данным законам. Только к этому времени потребовался указ, в котором предписывалось, что отныне на население Северного Рудена будет распространяться тот же закон, которому подчинялось и население трех основных областей/земель (фолькланд) Уппланд, а именно: Тиундаланд, Атундаланд и Фьедрундаланд, известных с XI–XII вв.

Вывод напрашивается сам собой: только к самому концу XIII в. природные условия прибрежной полосы или Северного Рудена позволили включить для начала ее северную часть как новую землю в систему административного деления государства и объявить ее население подвластным королю свеев. Но как обратил внимание шведский историк П.М. Лийсинг, в выборах короля свеев, по-прежнему, участвовали только представители трех старых земель, но не население Рудена. Видимо, даже и в конце XIII века оно все еще не представляло, как бы сейчас сказали, интересного или сильного электората. Вот простое объяснение того, почему названия Руден (будущий Рослаген) имеют очень позднее происхождение: имя образовалось тогда, когда образовалась эта земля. А в форме Roslagen (Rodzlagen) это название, также в текстах законов, появляется только в 1493 г., и далее упоминается в 1511, 1526 и в 1528. Так что не су-

ществовало в IX в. земли Рослаген, название которой могло бы породить имя Руси (Грот, Клесов 2023: 59-68).

Согласно авторской концепции, изложенной и в книге «Сага о Тидреке из Берна», историческое имя нашей родины Русь и имя наших предков русы были созданы нашими предками в древней глубине русской истории на Русской равнине, а не принесены в IX в. пришельцами со Скандинавского полуострова. А вот русы, как рассказывает «Сага о Тидреке из Берна», осваивали земли будущей Швеции уже в V в. Поэтому носители финно-угорских языков узнали имя русов непосредственно от самих русов, т.е. финское Руотси произошло от Руси, а не наоборот.

Но как же так получилось, что из мифа о шведо-готах, оформленного шведским религиозным деятелем Юханнесом Магнусом в 1554 году, пошли отводки о шведо-гипербореях, шведо-варягах и шведо-русах, составивших костяк современного норманизма, т.е. благополучно доживших до наших дней?

А получилось это в силу того, что идея Швеции как прародины готов или идея северной прародины готов – стержень истории всех германских народов – закрепились в западноевропейской науке. Почему?

Чтобы понять это, бросим вновь взгляд на культурно-историческую обстановку в Западной Европе XV в., в которой доминировала так называемая антиготская пропаганда итальянских гуманистов, породившая жесточайшее противостояние юга Европы и севера Европы. В русле этой борьбы немецким политическим и общественным деятелям важно было доказать, что правильные культурные импульсы шли с Севера Европы, а не с юга Европы. Отсюда и яростное отстаивание идеи северной прародины готов, которые завоевали европейский континент и преобразили Европу в культурном плане, установили везде государственность и порядок.

В конце XVII – первой половины XVIII в. готицизм получил общеевропейскую популярность. Произошло это тогда, когда в рамках немецкого и шведского готицизма окончательно сложился миф о величии готско-германского прошлого, и в этот идейный спор втянулись сначала представители английской общественной мысли, а затем и французской (Haslag 1963: 1, 37; Svennung 1967: 62-67, 97-103).

И уже на базе общеевропейского готицизма идеи величия готов в древности и исходного родства всех потомков гото-германских народов стали приобретать большую популярность. Так, к XVIII в. готицизм овладел умами представителей французского Просвещения. И вот уже образы великих готов переходят к Вольтеру в его «Истории Карла XII» (1731), трансформируясь в «полчища»: «Считается, что именно из Швеции, часть которой, по-прежнему, зовется Геталандией, вышли полчища готов и заволокли Европу» (Voltaire 1993: 12).

На фразу Вольтера можно было бы не обратить внимания, если бы образ «полчищ готов» из Швеции, начиная с XVIII в., под разными личинами не стал разбредаться и по российской исторической мысли.

В качестве примера можно начать с общеизвестных слов одного из проповедников норманизма в России Герхарда Фридриха Миллера, который в своей знамени-

той речи «О происхождении имени и народа российского» возвестил: «Объявим еще и о другом народе, от которого Россия не токмо жителями населена, но и царей и имя свое получила... разумеется народ, который производя начало от готфов... сверх имеющегося во владении всего южного берега Балтийского моря... наконец победоносным оружием благополучно покорил себе Россию... готфы, вышед из Швеции с многочисленным войском, и завладевши Курляндскими и Эстляндскими берегами под предводительством их короля Вильмера Россию... грабежом, огнем и мечем раззорили» (Миллер 2006: 378).

Что мы здесь видим? Мы видим простой пересказ Юханнеса Магнуса и его «Истории всех королей све-ев и готов». Откуда это у Миллера? А вот от тех же, например, представителей французского Просвещения, от того фимиама, кутившегося влиятельными представителями английского и французского Просвещения в адрес вымышленной истории Швеции в древности. Этот фимиам впивывался культурной элитой западноевропейских стран и становился постепенно неотъемлемой частью их духовной жизни, приобретая самые неожиданные формы.

Например, у классика французского романтизма Шатобриана в его «Замогильных записках (Memoires d'outre tombe), находим высказывание о том, что «Тео-дорих остается великим, хотя он и погубил Боэция. Готы принадлежали к высшей расе» (Svennung 1967:103). Как видим, политическая мысль, породившая готицизм, создававшего мифы о великом прошлом гото-германцев, на определенном этапе логично преобразовывалась в миф о «высших расах», к которым, естественно, были отнесены те же гото-германцы.

На этих идеях воспитывался и Г.Ф. Миллер, статью которого я упомянула выше, и другие немецкие историки, в частности, такие как Г.З. Байер и А.Л. Шлецер. Взгляды, с которыми они приехали в Россию, естественно породили норманизм, основу которого составляла идея о германцах – создателях государственности у других народов. Ничего другого они и привезти не могли.

Здесь надо подчеркнуть, что несколько столетий самопрославления германцев как единственных создателей западноевропейской цивилизации и государственности естественно привели к появлению расовых теорий в Западной Европе. Исследуя истоки расовой теории Гитлера, современный историк Е.Н. Яковлев ведет эту линию от Великой Французской революции. Старший предшественник французских просветителей и энциклопедистов историк Анри де Буленвилье (1658-1722) выдвинул теорию завоеваний как основу возникновения государства во Франции. Е.Н. Яковлев отмечает, что согласно Анри де Буленвилье правящий класс во Франции составляли потомки германцев, а низшее сословие – потомки покоренных галлов, т.е. во Франции имелся народ господ, и это были германцы, и был народ рабов или потомки галлов. Ну, все как в русских землях – пришел народ господ скандинавы-германцы и подчинил себе народ славян! Егор Яковлев напоминает, что далее взгляды Буленвилье развивал французский писатель Жозеф А. Гобино, который оформил их

в настоящую расовую теорию о превосходстве германской расы и о расово неполноценных народах (Яковлев 2025). Но готицизм и западноевропейские расовые теории – отдельная тема, поэтому вернемся к готам.

Идея о готах как выходцах со Скандинавского полуострова никогда не покидала научные аудитории. В статье известного российского специалиста по истории готов В.П. Будановой «Готицизм историка Иордана: становление и парадоксы “готского мифа”» (Буданова 2017: 225-234) сообщается, что опираясь на «готский миф» (так Буданова называет идею готов из Скандинавии), на эту схему местопребывания готов во всемирной истории, немецкий исследователь истории германских племен Людвиг Шмидт сформулировал общую концепцию истории готов. Кратко она сводилась к следующему.

Согласно, Л. Шмидту, готы – народ восточногерманского происхождения, имевший прародину в Южной Скандинавии. На рубеже н.э. они переселились в устье Вислы. Постоянно двигаясь на юг, к началу III в. готы оказались в Северном Причерноморье. Здесь они создали весьма могущественные объединения («королевства»), которые стремились к господству над многочисленными местными племенами и вели успешные наступления на придунайские владения Империи. В IV в. готские племена были разгромлены гуннами и под их давлением вынуждены были отойти на запад, в Трансильванию и на Балканы. Отсюда началась их одиссея, закончившаяся далеко за Пиренеями. Данные мысли были высказаны Людвигом Шмидтом в работе «История немецких племен до конца переселения народов» (Schmidt 1934).

А теперь пора перейти к современным российским норманистам, чтобы пояснить, чем важны для русской истории приведенные выше материалы. Миллеровские слова о том, что «готфы, вышед из Швеции с многочисленным войском, Россию... грабежом огнем и мечем разорили», укрепились в современной российской исторической мысли, хотя и модернизировались в соответствии с запросами времени. А запросы времени подвели к тому, что образ героических шведо-готов в шведской историко-политической мысли стал преобразовываться, как было показано выше, в другие не менее «героические образы»: шведо-варягов, шведо-гиперборейцев, русо-шведов. Все это – преобразования тех же шведо-готов, вышедших из Швеции, ведь Швеция представлялась матерью-прародительницей многих народов, а сын Иафета Магог был зачислен в праотцы и в первые короли готов.

В силу законсервированности в российской науке «героических образов» готов никуда не делись из работ современных норманистов категоричные утверждения о главенствующей роль выходцев со Скандинавского полуострова в организации Балтийско-Волжского пути и заявления без тени сомнения о том, что благодаря этим выходцам в середине IX в. возникает первое раннегосударственное образование в Ладжско-Ильменском регионе. При этом норманистами подчеркивается, что имела относительная этническая однородность пришельцев: подавляющее их большинство было вы-

ходцами из Свеяланда, т.е. из Средней Швеции. Упоминания византийских источников о нападениях отрядов народа рос на города, расположенные в юго-западной части Черного моря в начале IX в., согласно норманистам, якобы отражали первые «прорывы» скандинавов на юг. Сохраняются и уверения о происхождении имени Русь от шведских гребцов-родсов (Мельникова 2011: 49-72).

Перед нами легко узнаваемые вариации на темы рассказа Миллера о народе «готфов», от которого Россия «не токмо жителями населена, но и царей и имя свое получила, и этот народ вышел из Швеции с многочисленным войском». Сохранился в передаче Миллера и готицистский миф Юханнеса Магнуса о блистательных шведо-готах, свободно плававших по русским рекам от Балтики до Черного моря и покорявших себе эти земли.

Но появилось в работах норманистов и кое-что новенькое. Рожденный Юханнесом Магнусом образ шведо-готов буквально в самые последние годы освободившись от позднейших наслоений о шведо-варягах и шведо-русах, вернулся в российскую науку во всей своей Магнусовой первозданной чистоте.

Идея исхода готов из Швеции или шире – со Скандинавского полуострова совершенно определенно присутствует в исторических публикациях российских авторов. Вот пример, который я нашла в статье современного российского историка В.Я. Петрухина «Легенда о призвании варягов и балтийский регион» (Петрухин 2008: 41-46).

Рассуждая в этой статье в традиционном для норманизма духе о летописном Сказании о призвании варяжских князей, Петрухин приводит, среди прочего, такую аргументацию: «Можно спорить о содержании “ряда” с призванными князьями, но невозможно исключить скандинавов из жизни Новгорода и балтийских центров: Волин поморьян входит в зону скандинавской колонизации... упоминавшийся Рюген и устье Одера также были колонизованы в эпоху викингов» (Петрухин 2008: 43).

Утверждение о колонизации южнобалтийского побережья скандинавами неустановленного происхождения в викингский период (согласно шведской хронологии, с рубежа VIII-IX вв. и до рубежа XI-XII вв.) не подкрепляется в статье Петрухина ссылками на источники, что естественно, поскольку единственным источником здесь мог бы быть только Юханнес Магнус. Выше приводились слова Магнуса о том, как весь регион Балтийского моря силами шведо-готов превратился в готскую, т.е. шведскую державу. Вот эти мысли и транслирует современный историк-норманист В.Я. Петрухин.

Аналогичные мысли развивает германистка Н.А. Ганина в статье «Тайны рюгенских славян» (Ганина 2015: 65-81). Главная тайна рюгенских славян, по мнению Ганиной, заключается в том, что вначале они были германцами, явившимися на Рюген со Скандинавского полуострова, и только потом они якобы ославянились.

В последние годы древнешведская концепция происхождения имени Руси от *gōþsmenn*/гребоманов начинает трансформироваться в древнеготскую, что явству-

ет из работ лингвиста С.Л. Николаева и историка А.А. Романчука. Динамика развития в работах названных авторов идет в направлении от скандинавомании к германофилии. Я объясняю это тем, что такое отвлечение шведского мифа как шведо-русы стало изживать себя. Двухсотлетние попытки норманистов обосновать скандинавское происхождение имени Русь от *rōþs-men или гребоманов, полностью провалились, поскольку гипотеза скандинавского происхождения имени Руси от древнешведского rōþsmenn/гребоманов обнаружила свою полную научную несостоятельность. Об этом стали писать даже некоторые норманисты. В качестве примера можно назвать статью лингвиста С.Л. Николаева (Николаев 2017: 7-54) и статьи историка А.А. Романчука (Романчук 2022: 335-343; Романчук 2023: 375-381).

По мнению этих авторов, для ряда антропонимов в ПВЛ, а также для этнонима русь характерен ряд фонетических особенностей, которые не проявляются ни в одном из скандинавских диалектов в требуемое время, поэтому надо искать иную этимологию этнонима русь. И в качестве единственно приемлемой им видится восточногерманская этимология. А восточногерманская этимология значит готская. С.Л. Николаев несколько лет тому назад сконструировал некий северогерманский праязык (ПСГ) или по его словам, «раннее неизвестный раннесредневековый восточносеверогерманский диалект» (Повесть временных лет 2012: 429).

В статье, специально посвященной летописным именам из Повести временных лет, С.Л. Николаев утверждает, что историческая фонетика большинства «варяжских» имен не соответствует засвидетельствованной древнешведской. Этот автор полагает, что его анализ фонетики «варяжских» имен позволяет сделать вывод о том, что большинство варяжских имен в ПВЛ не принадлежат ни одному из известных северогерманских языков. Фонетика «варяжских имен», согласно Николаеву, указывает на раннее отделение «русско-варяжского» диалекта от прасеверогерманского ствола.

Этноним русь, согласно Николаеву, если он восходит к ПСГ *rōþrs-, ср. фин. Ruotsi отражает «русско-варяжскую» фонетику, поскольку «позднешведское развитие ПСГ *ō > [ū] датируется XIV в. Еще позднее осуществился норвежский переход *ō > [ū]. В древнегутнийском, датском и исландском языках ПСГ *ō не перешло в [ū]: др.-гутн. broþir 'брат' < ПСГ *brōþer, исл. bókk, дат. bog 'книга' < ПСГ *bōk. 89».

Это несоответствие, по мнению Николаева, находит объяснение в его гипотезе, согласно которой «русско-варяжский» диалект – это язык выходцев из Скандинавии (возможно, из Швеции), переселившихся в Восточную Европу задолго до Рюрика, когда фонетика северогерманских диалектов была близка к прасеверогерманской (Николаев 2017: 7-54).

Идеи С.Л. Николаева находят восторженный отклик в публикациях А.А. Романчука. Этот автор особо подчеркивает, что доминирующей на сегодня скандинавской версии происхождения этнонима русь или «гипотезе гребцов», как он определяет концепцию древнешведского происхождения Руси и русов, серьезную проблему создало недавнее открытие С.Л. Николаевым «рус-

ско-варяжского диалекта», фонетику которого якобы демонстрирует и этноним русь. Как он убедительно доказал, считает Романчук, «русско-варяжский диалект» не может быть выведен в требуемое время ни из шведского языка, ни из какого-либо другого из известных скандинавских диалектов и языков.

Это означает, подчеркивает Романчук, что «русско-варяжский диалект» не мог происходить из Уппланды, т.е. из Средней Швеции. Необходимо искать иную этимологию этнонима русь, заявляет Романчук. И в качестве единственно приемлемой ему видится восточногерманская этимология, т.е. готская. Контактной зоной, где мог возникнуть славянский этноним русь, согласно Романчуку, является южное побережье Балтии, где отдельными островами якобы могли сохраниться какие-то группы восточногерманского населения (то бишь готов) после ухода основной их части на юг, постепенно ассимилируясь, балтами, славянами, прибалтийскими финнами. Романчук предполагает, что восточногерманский элемент в ареале прибалтийско-финских народов в той или иной степени сохраняется и в период появления славян в регионе. Развивая наблюдения С.Л. Николаева, этот автор постарался показать возможность выявления этимологии этнонима «русь» из восточногерманского rauþs 'красный' (Романчук 2022: 335-345).

Приведенные статьи С.Л. Николаева и А.А. Романчука можно отнести к последнему слову норманизма о Руси и русах. И это слово очень точно вписывается в заповеди готицизма – станового хребта западноевропейской общественной мысли, на протяжении веков генерировавшего теории ненаучного характера о германцах, якобы создавших всю европейскую государственность.

Иначе говоря, статьи названных авторов, посвященные восточногерманскому сиречь готскому происхождению этнонима русь/русы, имеют такое же ненаучное происхождение, как и идея о происхождении руси/русов от древнешведских rōþsmenn/гребоманов. Но поскольку я охарактеризовала приведенные работы как последнее слово российской науки о русах, то эти работы заслуживают того, чтобы дать им более подробную характеристику. Предлагаю несколько конкретных пунктов по этому вопросу.

Восточногерманское население в вышеприведенных статьях, выступавшее носителем некоего раннесредневекового восточносеверогерманского диалекта на южнобалтийском побережье – это никто иной, как готы. Однако согласно результатам исследований современных шведских медиевистов, готы с юга Швеции на европейский континент не выходили, поэтому ценность «открытия» С.Л. Николаевым «русско-варяжского диалекта», близкого к «прасеверогерманскому» может быть приравнена к ценности открытий в Академии прожектеров у Д. Свифта.

Дело в том, что современная шведская медиевистика не рассматривает более юг Швеции как прародину древних готов, откуда они якобы переселялись на европейский континент. Пересмотр готицистских концепций у шведских медиевистов начался, собственно, давно. Итог первого этапа был подведен в конце 1980-х гг. известным шведским историком Ларсом Гарном: «По-

скольку у нас нет четких данных о существовании готского королевства (götaríke), то приходилось обращаться к географическим наименованиям и строить выводы на их основе... Поскольку источников мало, и они скудны, то и исследовательские работы были невелики числом и скромны по результатам... Общепринятым и распространенным было только предположение о том, что Вэстергетланд была древней областью поселения гетов и что геты издревле проживали и в Вэстрегетланд, и в Эстергетланд. Однако никакого подтверждения в источниках этому не находилось» (Gahrn 1988: 79).

И здесь речь идет только лишь о картине расселения гетов на юге Скандинавии в первом тысячелетии н.э., то в исторически обозримое время, и то это не удастся определить более или менее четко. Что касается древних времен, то современные шведские ученые пришли постепенно к мысли о том, что отнюдь не юг Скандинавии являлся той прародиной гетов, откуда они расселились по свету. Шведские историки Томас Линдквист и Мария Шеберг пишут о том, что даже имя шведских гетов сложно анализировать: «Схожесть его с именем гетов породила в XV в. убеждение в том, что готы были выходцами из Геталандии. Это представление сыграло важную роль в становлении национального самосознания. Однако сам вопрос о происхождении гетов из Скандинавии всегда оставался дискуссионным и вызывал сильные сомнения у ученых» (Lindkvist, Sjöberg 2008: 35).

Еще более определенно высказывается по этому вопросу шведский историк Дик Харрисон: «Как письменные источники, так и археологический материал дают основание полагать, что древние предки гетов – или вернее говоря, те, кто ранее других стал именовать себя готами – в период до Рождества Христова проживали на территории современной Польши. Разумеется, у них были контакты с другими народами в районе Балтийского моря, но определить, какие этнические группы населяли в это время Скандинавию, решительно невозможно» (Harrison 2009: 25).

По этому поводу австрийский медиевист Х. Вольфрам заметил: «И Австрия, как считали в позднем Средневековье, называлась когда-то Готией (Gothia)». Первая Gutthia-Готθία античной этнографии могла находиться в Черноморье (в Крыму или на Керченском полуострове) или в Восточной Европе (на территории сегодняшних Румынии или Польши) (Вольфрам 2003: 41).

Полностью отрицает исход гетов из Швеции и такой источник, как «Сага о Тидреке из Берна», только что опубликованная на русском языке по инициативе Института Наследия. Этот источник создан самими готами, основан на немецких и части скандинавских источниках, создатели которых прекрасно знали, кто такие готы и откуда они вышли. Может данный факт и служит объяснением длительного замалчивания «Саги о Тидреке из Берна»? Ведь в российской науке образ гетов как выходцев из Швеции стоит нерушимо, что иллюстрируется, в том числе, и статьями С.Л. Николаева и А.А. Романчука. Тогда публикация «Саги о Тидреке из Берна» призвана сыграть важную роль в освобождении российской науки от фантазий Юханнеса Магнуса и породивших их утопий о шведо-варягах и шведо-русах.

Современная наука располагает данными ДНК-генеалогии о том, как развивалась этническая история на Южной Балтии. Можно начать со времен лужицкой археологической культуры бронзового века и раннего железа (XII-VI вв. до н.э.). У представителя лужицкой культуры выявлен носитель гаплогруппы R1a-Z280, т.е. гаплотип, который до сих пор характерен для русских, украинцев и белорусов. Лужицкая культура – преемник культуры шнуровой керамики – археологической культуры медного и бронзового веков. В этой культуре также уже выявлено несколько индивидов – носителей гаплогруппы R1a. К преемникам шнуровиков относят и поморско-померанскую археологическую культуру (2600-2200 лет назад или VI-II вв. до н.э.). Померанская культура перекликается с названием «померанский субклад гаплогруппы R1a», который по убеждениям польских генетиков означает субклад R1a-L365. Это – так называемый «северо-европейский субклад Z280-L365», с датировкой примерно 2600 лет назад, что совпадает с «померанской». Названные археологические культуры охватывали и южнобалтийское побережье. Из приведенных данных мы видим, что на Южной Балтии с глубокой древности и в течение тысячелетий проживало население, у которого с абсолютной непрерывностью выделяются гаплогруппы, характерные для носителей русоарийских и славянских языков. Носители германских языков, в частности, предки шведов, стали мигрировать на Скандинавский полуостров с VI-VII вв. История этих миграций отразилась в «переселенческой» легенде об Одине – выходце из областей к востоку от Свартахав (Черное море) из Свитьод Великой. Эта «переселенческая» легенда рассказывается в некоторых исландских сагах («Сага об Инглингах», «Сага о Скъелдунгах» и др.) Согласно ей, Один, придя из Азии в Европу и подчинив местных жителей, стал властвовать над северной частью Европы – Саксонией, Данией, «Свецией». Имя «Свеция» дано от имени тех областей, откуда вышел Один. Эти области лежат к северу от Меотийского болота. Их древние скандинавы называли Свитьод/Svíþóð Великой или Холодной и это название Один, согласно легенде, перенес на свою новую страну на севере Европы. Эта переселенческая легенда говорит о движении носителей германских языков с юга на север Европы, а не наоборот.

Историческую концепцию о происхождении народа не создают исключительно на основе лингвистических источников. Попытка лингвистически извлекать всю историю русского народа из шведских göpsmenn/гребоманы или из восточногерманского (читай, готского) прилагательного raufrs 'красный' – это бесплодная схоластика. Исторические концепции строятся на основе совокупности источников, где исторические источники играют ведущую роль.

Так что, сейчас российские норманисты продолжают сражаться за политический курс, заданный около 500 лет тому назад шведским королем Густавом Вазой, защищавшем исторический фальсификат о выходе гетов с юга Швеции. Научные исследования показали, что это миф. Но Густав Ваза дал ход этому мифу, поскольку он возвеличивал прошлое Швеции и благода-

ря этому работал на политические задачи, актуальные для шведской короны. Одна из таких задач со временем оформилась в стремление вытеснить русских из собственной истории. Так эта задача и законсервировалась в российской исторической мысли. Иначе говоря, в Швеции феномен выдуманной истории со времен Юханнеса Магнуса использовался для возвеличивания собственного прошлого, а в России законсервировался феномен

выдуманной истории, искусственно принижавший прошлое страны. Но наука, прежде всего шведская наука, развеяла миф об исходе готов из Швеции. Получается, прав оказался Олаус Петри: не было у Швеции древней истории. Это совпадает с выводами российского антинорманизма, получается, что шведский Олаус Петри объективно выступает как первый шведский антинорманист.

ЛИТЕРАТУРА

- Буданова 2017 - Буданова В.П. Готицизм историка Иордана: становление и парадоксы «готского мифа» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4/2.
- Вольфрам 2003 - Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
- Ганина 2015 - Ганина Н.А. Тайны рюгенских славян // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2.
- Глазырина 1989 - Глазырина Г.В. Мотив военного похода и его интерпретация в произведениях древнескандинавской литературы (на материале «Саги о Тидреке Бернском» // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989.
- Грот 2010 - Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. Вып. 2. М., 2010.
- Грот 2012 - Грот Л.П. Начальный период древнерусской истории: проблематика изучения. Учебное пособие. Ч. I. СПб., 2012.
- Грот 2013 - Грот Л.П. Норманистский миф о скандинавских драккарах в Восточной Европе и его несостоятельность // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX-XXI вв. Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 17-18 мая 2013 года. Липецк, 2013.
- Грот 2025 - Грот Л.П. Западноевропейские политические мифы и русская история // Сага о Тидреке из Берна. Перевод Александра Петрова. Вводный исторический очерк Лидии Грот. М., 2025.
- Грот, Клесов 2023 - Грот Л.П., Клесов А.А. Мифы норманской теории. М., 2023.
- Жирмунский 1962 - Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М., 1962.
- Иордан 1960 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- История зарубежной литературы 1987 - История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение. Издание четвертое, исправленное и дополненное. М., 1987.
- Коньков 2012 - Коньков Д.С. «Гетика» Иордана – готское историческое предание или конъюнктура эпохи: современное состояние изучения проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361.
- Лукошков 2011 - Лукошков А.В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Начала Русского мира. 2010. СПб., 2011.
- Матюшина 2010 - Матюшина И.Г. Былины об Илье Муромце и Сокольниках в древнегерманском контексте // Arbor Mundi. 2010. Вып. 16.
- Мельникова 2011 - Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.
- Миллер 2006 - Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа русского // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.
- Николаев 2017 - Николаев С.Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2.
- Олаус Петри 2012 - Олаус Петри. Шведская хроника / Перевод, послесловие, комментарии А.Д. Щеглова. М., 2012.
- Петрухин 2008 - Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).
- Повесть временных лет 2012 - Повесть временных лет / Перевод Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комментарии А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова, при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб., 2012.
- Романчук 2022 - Романчук А.А. Этноним русь и восточногерманское *raufs 'красный': еще раз к обоснованию гипотезы // Stratum plus. 2022. № 5.
- Романчук 2023 - Романчук А.А. Русь Стемида и Лидульфа и гипотеза о восточногерманском происхождении этнонима русь // Stratum plus. 2023. № 5.
- Сага о Тидреке из Берна 2025 - Сага о Тидреке из Берна / Перевод Александра Петрова. Вводный исторический очерк и комментарии Лидии Грот. М., 2025.
- Фомин 1995 - Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
- Фомин 2025 - Фомин В.В. Антинорманизм: наука против лжи. В двух томах. М., 2025.
- Щукин 2005 - Щукин М.Б. Готский путь (Готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005.
- Яковлев 2025 - Яковлев Е.Н. Мировоззрение фюрера: истоки расовой теории. 2025 / Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=Ag8V8a7DE44> (Дата обращения - 06.06.2025).
- Gahrn 1988 - Gahrn L. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg, 1988.
- Harrison 2009 - Harrison D. Sveriges historia. 600-1350. Stockholm, 2009.
- Haslag 1963 - Haslag J. «Gotic» im 17. und 18. Jarhundert. Köln, 1963.

Johannesson 1982 - Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982.

Latvakangas 1995 - Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995.

Lindkvist, Sjöberg 2008 - Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800-1720. Klerkernas och adelns tid. Studentlitteratur, 2008.

Lindroth 1960 - Lindroth S. Göticismen // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid. B. VI. Malmö, 1961.

Nordström 1934 - Nordström J. De yverbones ö. Sextonhundratalsstudier. Stockholm, 1934.

Nordström 1971-1972 - Nordström J. Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia // Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets årsbok. Stockholm, 1971-1972.

Nordström 1929 - Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929. Stockholm, 1975.

Salgren 1917 - Sahlgren J. Förord // Petri O. En Svensk cröneka. Uppsala, 1917.

Schmidt 1934 - Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung: Die Ostgermanen // Siegl W. (Hrsg). Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Bd. 1. München, 1934.

Svennung 1967 - Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967.

Voltaire 1993 - Voltaire F.M. Karl XII. Stockholm, 1993.

Westin 1949 - Westin G. Johannes Magnus och Miechovitas brevväxling om goternas ursprung // Kyrkohistorisk årsskrift. Fyrtionde årgången. Uppsala och Stockholm, 1949.

REFERENCES

- Budanova 2017 - Budanova V.P. Goticism istorika lordana: stanovlenie i paradoksy «gotskogo mifa» [The Gothicism of the Historian Jordanes: The Formation and Paradoxes of the "Gothic Myth"], in: Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations], 2017, № 4/2 [in Russian].
- Fomin 1995 - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya Rus'. K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Rus: Assessing the outcome of the debate on the Varangian Question], Moscow, 2005 [in Russian].
- Fomin 2025 - Fomin V.V. Antinormanizm: nauka protiv lzhi. V dvuh tomah [Anti-Normanism: Science vs. lies. In two volumes], Moscow, 2025 [in Russian].
- Gahrn 1988 - Gahrn L. Sveariket i källor och historieskrivning [The Kingdom of Svea in sources and historiography], Göteborg, 1988 [in Swedish].
- Ganina 2015 - Ganina N.A. Tajny ryugenskih slavyan [Secrets of the Rügen Slavs], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2015, № 2 [in Russian].
- Glazyrina 1989 - Glazyrina G.V. Motiv voennogo pohoda i ego interpretatsiya v proizvedeniyah drevneskandinavskoj literatury (na materiale «Sagi o Tidreke Bernskom» [The Motif of the Military Campaign and Its Interpretation in Old Norse Literature (Based on the «Thidrekssaga»)], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1987 [The Earliest States in the Territory of the USSR. 1987], Moscow, 1989 [in Russian].
- Grot 2010 - Grot L.P. Put' normanizma: ot fantazii k utopii [The Path of Normanism: From Fantasy to Utopia], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii [The Varangian-Rus' Question in Historiography], Vol. 2, Moscow, 2010 [in Russian].
- Grot 2012 - Grot L.P. Nachal'nyj period drevnerusskoj istorii: problematika izucheniya. Uchebnoe posobie [The Initial Period of Early Rus' History: Research Issues. A Study Guide], Vol. I, Saint Petersburg, 2012 [in Russian].
- Grot 2013 - Grot L.P. Normanistskij mif o skandinavskih drakkarah v Vostochnoj Evrope i ego nesostoyatel'nost' [The Normanist myth of Scandinavian longships in Eastern Europe and its untenability], in: Rossijskaya gosudarstvennost' v lichah i sud'bah ee sozidatelej: IX-XXI vv. Materialy oblastnoj nauchno-prakticheskoy konferencii po problemam humanitarnyh nauk. Lipeck, 17-18 maya 2013 goda [Russian Statehood through the lives and fates of its founders: 9th-21st centuries. Proceedings of the Regional scientific-practical conference on the humanities. Lipetsk, May 17-18, 2013], Lipeck, 2013 [in Russian].
- Grot 2025 - Grot L.P. Zapadnoevropejskie politicheskie mify i russkaya istoriya [Western European political myths and Russian History], in: Saga o Tidreke iz Berna. Perevod Aleksandra Petrova. Vvodnyj istoricheskij ocherk Lidii Grot [The Saga of Thidrek of Bern. Translated by Alexander Petrov. Introductory historical essay by Lidia Grot], Moscow, 2025 [in Russian].
- Grot, Klesov 2023 - Grot L.P., Klesov A.A. Mify normanskoj teorii [Myths of the Norman Theory], Moscow, 2023 [in Russian].
- Harrison 2009 - Harrison D. Sveriges historia. 600-1350 [Sweden's history. 600-1350], Stockholm, 2009 [in Swedish].
- Haslag 1963 - Haslag J. «Gotic» im 17. und 18. Jarhundert [“Gothic” in the 17th and 18th centuries], Köln, 1963 [in German].
- Iordan 1960 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyanijah getov / Vstupitel'naya stat'ya, perevod, kommentarij E.CH. Skrzzhinskaj [On the origin and deeds of the Getae / Introductory article, translation, and commentary by E.Ch. Skrzzhinskaya], Moscow, 1960 [in Russian].
- Istoriya zarubezhnoj literatury 1987 - Istoriya zarubezhnoj literatury. Srednie veka i Vozrozhdenie. Izdanie chetvertoe, ispravlennoe i dopolnennoe [History of foreign literature: The Middle Ages and the Renaissance. Fourth edition, revised and expanded], Moscow, 1987 [in Russian].
- Johannesson 1982 - Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker [Gothic Renaissance. Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians], Stockholm, 1982 [in Swedish].
- Kon'kov 2012 - Kon'kov D.S. «Getika» lordana – gotskoe istoricheskoe predanie ili konjunktura epohi: sovremennoe sostoyanie izucheniya problemy [Jordanes' «Getica»: Gothic historical tradition or a product of its time? Current state of research], in: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2012, № 361 [in Russian].

- Latvakangas 1995** - Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning [The Founders of the Realm. The Varangian Problem in Sweden from Runic Inscriptions to a Unified Historical Interpretation], Turku, 1995 [in Swedish].
- Lindkvist, Sjöberg 2008** - Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800-1720. Klerkernas och adelns tid [Swedish society 800-1720. The age of the clergy and the nobility], Studentlitteratur, 2008 [in Swedish].
- Lindroth 1960** - Lindroth S. Göticismen [Gothicism], in: Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid [Cultural-historical encyclopedia for the Nordic Middle Ages from the Viking Age to the Reformation], Vol. VI, Malmö, 1961 [in Swedish].
- Lukoshkov 2011** - Lukoshkov A.V. Flot Drevnej Rusi v plavaniyah na Konstantinopol': nahodki i rekonstrukcii [The fleet of Ancient Rus' in voyages to Constantinople: finds and reconstructions], in: Nachala Russkogo mira. 2010 [The Beginnings of the Russian World], Saint Petersburg, 2011 [in Russian].
- Matyushina 2010** - Matyushina I.G. Byliny ob Il'e Muromce i Sokol'nike v drevnegermanskom kontekste [Bylinas about Ilya Muromets and Sokolnik in an Old Germanic context], in: Arbor Mundi, 2010, № 16 [in Russian].
- Mel'nikova 2011** - Mel'nikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandnaviya. Izbrannye trudy [Ancient Rus' and Scandinavia. Selected works], Moscow, 2011 [in Russian].
- Miller 2006** - Miller G.F. O proiskhozhdenii imeni i naroda rossijskogo [On the origin of the name and People of Russia], in: Fomin V.V. Lomonosov: Genij russkoj istorii [Lomonosov: A genius of Russian History], Moscow, 2006 [in Russian].
- Nikolaev 2017** - Nikolaev S.L. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoy fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v «Povesti vremennykh let» [On the etymology and comparative-historical phonetics of names of North Germanic (Scandinavian) origin in the «Primary Chronicle»], in: Voprosy onomastiki [Issues of Onomastics], 2017, Vol. 14, № 2 [in Russian].
- Nordström 1929** - Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929 [Johannes Magnus and the Gothic Romanticism. Academic Lectures 1929], Stockholm, 1975 [in Swedish].
- Nordström 1934** - Nordström J. De yverbornes ö. Sextonhundratsstudier [The Arrogant Ones' Island. Sixteenth-Century Studies], Stockholm, 1934 [in Swedish].
- Nordström 1971-1972** - Nordström J. Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia [Goths and Spaniards. On the History of Spanish Gothicism], in: Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets årsbok [Lychnos. Yearbook of the History of Learning Society], Stockholm, 1971-1972 [in Swedish].
- Olaus Petri 2012** - Olaus Petri. SHvedskaya hronika / Perevod, posleslovie, kommentarii A.D. SHCheglova [Swedish Chronicle / Translation, afterword, and commentary by A.D. Shcheglov], Moscow, 2012 [in Russian].
- Petruhin 2008** - Petruhin V.YA. Legenda o prizvanii varyagov i baltiiskij region [The Legend of the Calling of the Varangians and the Baltic Region], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Rus: Issues of Medieval Studies], 2008, № 2 (32) [in Russian].
- Povest' vremennykh let 2012** - Povest' vremennykh let / Perevod D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova. Kommentarii A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.YU. Chernova, pri uchastii A.M. Vvedenskogo i L.V. Vojtovicha [The Primary Chronicle / Translation by D.S. Likhachev and O.V. Tvorogov; commentary by A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, and A.Yu. Chernov, with the participation of A.M. Vvedensky and L.V. Voitovich], Saint Petersburg, 2012 [in Russian].
- Romanchuk 2022** - Romanchuk A.A. Etnonim rus' i vostochnogermanskoe *rauþs 'krasnyj': eshche raz k obosnovaniyu gipotezy [The ethnonym «Rus» and the East Germanic *rauþs 'red': Re-examining the hypothesis], in: Stratum plus, 2022, № 5 [in Russian].
- Romanchuk 2023** - Romanchuk A.A. Rus' Stemida i Lidulfa i gipoteza o vostochnogermanskom proiskhozhdenii etnonima rus' [The Rus of Stemid and Lidulf and the hypothesis of the East Germanic origin of the ethnonym «rus»], in: Stratum plus, 2023, № 5 [in Russian].
- Saga o Tidreke iz Berna 2025** - Saga o Tidreke iz Berna / Perevod Aleksandra Petrova. Vvodnyj istoricheskij ocherk i kommentarii Lidii Grot [The Saga of Thidrek of Bern / Translation by Alexander Petrov; introductory historical essay and commentary by Lidia Grot], Moscow, 2025 [in Russian].
- Salgren 1917** - Sahlgren J. Förord [Foreword], in: Petri O. En Svensk cröneka [A Swedish chronicle], Uppsala, 1917 [in Swedish].
- SHCHukin 2005** - SHCHukin M.B. Gotskij put' (Goty, Rim i Chernyahovskaya kul'tura) [The Gothic Path (Goths, Rome, and the Chernyakhiv Culture)], Saint Petersburg, 2005 [in Russian].
- Svennung 1967** - Svennung J. Zur Geschichte des goticismus [On the history of Gothicism], Stockholm, 1967 [in Swedish].
- Vol'fram 2003** - Vol'fram H. Goty [The Goths], Saint Petersburg, 2003 [in Russian].
- Voltaire 1993** - Voltaire F.M. Karl XII, Stockholm, 1993 [in Swedish].
- Westin 1949** - Westin G. Johannes Magnus och Miechovitas brevväxling om goternas ursprung [Johannes Magnus and Miechovita's correspondence about the origin of the Goths], in: Kyrkohistorisk årsskrift. Fyrtionde årgången [Church Historical Yearbook. Fortieth Volume], Uppsala och Stockholm, 1949 [in Swedish].
- ZHirmunskij 1962** - ZHirmunskij V.M. Narodnyj geroicheskiy epos. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki [Folk heroic epic: Comparative-Historical essays], Moscow, 1962 [in Russian].

Грот Лидия Павловна

– Кандидат исторических наук, Образовательно-консалтинговое предприятие НОРПКОН АБ (Лулео, Швеция).

Lidia Groth

– Candidate of historical sciences, Educational and consulting company NORRKON AB (Luleå, Sweden).

mail@histformat.com

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НЕОНОРМАНИЗМ. ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БЕРЕГА ОБЕТОВАННЫЕ

С.В. Томсинский

Государственный Эрмитаж

Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34

e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В работе проводится изучение ленинградского/петербургского неонорманизма как особого идеологического и историографического феномена в археологии позднесоветской и постсоветской эпохи на широком фоне процессов, происходивших в обществе. Ленинградский неонорманизм как направление советской археологии (середина 1960-х – 2000-е гг.) начинал развиваться в общем контексте эволюции общественного сознания в последние десятилетия существования СССР. В 1970-80-е гг. это направление претендовало на обобщения результатов исследований памятников эпохи раннего средневековья огромных территорий Восточной Европы. В современной России ленинградский неонорманизм быстро теряет актуальность. В четвертой части работы рассматривается творчество Дмитрия Алексеевича Мачинского – яркого представителя ленинградского неонорманизма в 1980-е – 2000-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Русь, варяги, историография, археология, неонорманизм, антинорманизм, славяне, Восточная Европа, норманны, Д.А. Мачинский.

LENINGRAD NEO-NORMANISM. PART FOUR. THE PROMISED SHORES

Sergey Tomsinsky

State Hermitage

Russia, 190000, St. Petersburg, Dvortsovaya embankment, 34

e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

ABSTRACT

The paper studies Leningrad/St. Petersburg Neo-Normanism as a distinct ideological and historiographical phenomenon in the archaeology of the late Soviet and post-Soviet periods against the broad backdrop of societal processes. As a school of thought within Soviet archaeology, Leningrad Neo-Normanism (spanning the mid-1960s to the 2000s) began to develop within the general context of the evolution of public consciousness during the final decades of the Soviet Union. In the 1970s and 1980s, this school sought to synthesize the results of research on the early medieval archaeological sites across vast territories of Eastern Europe. In contemporary Russia, Leningrad Neo-Normanism rapidly loses its relevance. The fourth section of the study examines the work of Dmitry Alekseevich Machinsky, a prominent figure of Leningrad Neo-Normanism in the 1980s - 2000s.

KEYWORDS: Ancient Rus', Varangians, historiography, archaeology, Neo-Normanism, anti-Normanism, Slavs, Eastern Europe, Normans, D.A. Machinsky.

Данная публикация завершает издание книги С.В. Томсинского «Ленинградский неонорманизм», которое было начато в предыдущих номерах «Исторического формата» (Томсинский С.В. 1) Ленинградский неонорманизм. Часть первая. Паруса поставлены // Исторический формат. 2025. № 2. С. 78-113; 2) Ленинградский неонорманизм. Часть вторая. С попутным ветром. Норманизм без норманизма? // Исторический формат. 2025. № 3. С. 45-96; 3) Ленинградский неонорманизм. Часть третья. Ветры перемен // Исторический формат. 2025. № 4. С. 60-111). Список литературы, общий для всей книги, публикуется вместе с её последней частью.

Не звени ключами от тайн.

Станислав Ежи Лец

Довести ленинградский неонорманизм до последней черты, до естественной границы развития, за которой дальнейшее развитие направления стало просто

невозможным, довелось Дмитрию Алексеевичу Мачинскому. Что и неудивительно: наделенный от природы ярким и беспокойным талантом и соответствующими этому таланту амбициями и темпераментом, этот исследователь никак не мог вписаться в своих построениях ни в какие территориальные и хронологические рамки.

ОТВАЖНЫЙ И ЧЕСТНЫЙ

В предисловии к юбилейному сборнику 1993 г. (пятьдесят шесть лет – возраст расцвета для серьезно работающего исследователя) В.Ю. Зуев, Г.С. Лебедев и М.Б. Щукин представляют Димитрия Алексеевича как исследователя, близкого евразийцам, но при этом «одного из талантливых российских азиоповцев», поскольку «Россия представляет собой антитезу Евразии – Азиопу». Отмечается также, что Д.А. Мачинский избрал предметом исследований самые «темные» периоды истории Евразии – Азиопы, вознамерившись «пронзить временное пространство» (sic!) (Зуев, Лебедев, Щукин 1993: 7). Определение вполне в духе благословенных 1990-х и по терминологии, и по смыслу. Далее утверждается, что Д.А. Мачинский как ученик И.И. Ляпушкина, применил к письменным и археологическим источникам «пурификационно-синтезирующий подход» (Зуев, Лебедев, Щукин 1993: 8). В этом словотворчестве, конечно, угадывается стиль Г.С. Лебедева, всегда тяготевшего к усложненной терминологии в определениях методики. Очевидно, Глеб Сергеевич хотел сказать, что Д.А. Мачинский проявил себя строгим аналитиком этих самых источников, успешно справившись с самой сложной, в сущности, нерешаемой задачей: соотносением материалов археологических раскопок с восприятием реалий исторической действительности составителями дошедших до нас разновременных описаний тех или иных событий.

Иную, более сдержанную, характеристику дал Д.А. Мачинскому Л.С. Клейн. Рассуждая о «поколениях и устремлениях» в советской археологии последнего десятилетия XX в., он в небольшой работе 1993 г., среди прочих группировок с различными теоретическими и методологическими установками, обнаруживает очень малочисленную группу «этномистиков», которые видят свою задачу в «выявлении национальных традиций и содействии национальному самосознанию как осознанию реалий». «Архаизм» этого подхода Л.С. Клейн усмотрел в том, что «этносы рассматриваются как основные субъекты истории, а личность воспринимается прежде всего как ячейка этноса. В этом этномистики схожи со своими противниками-марксистами, только те растворяли личность в классе, социуме». К этой очень малочисленной группе автор отнес Л.Н. Гумилева и «в какой-то мере» Д.А. Мачинского (Клейн 1993: 34-35).

В своем двухтомном курсе «Истории археологической мысли» Л.С. Клейн уделил больше внимания проблеме мистицизма в отечественной исторической науке и археологии как проявлению постмодерна. Здесь речь идет уже не об «этномистиках», а просто о мистиках: «В русской археологии вы увидите мистическую струю в писаниях Льва Николаевича Гумилева с его космическими лучами, определяющими рождение пассионариев, в произведениях Дмитрия Алексеевича Мачинского и Глеба Сергеевича Лебедева. Особенно в поздних сочинениях Лебедева о Петербурге и Балтике, где случайные созвучия имен и совпадения событий приобретают определяющее значение в истории» (Клейн 2011. II: 344).

Обратим здесь внимание на важное обстоятельство: и Л.Н. Гумилев, и Д.А. Мачинский отнесены Л.С. Клейном к археологам с явной натяжкой. Оба исследователя, конечно, принимали участие в раскопках, постоянно обращаются в своих работах к археологическим источникам – но остаются все же историками. Однако если уж основоположник ленинградского неонорманизма о них упоминает в археологическом контексте, значит, работы Л.Н. Гумилева и Д.А. Мачинского для отечественной археологии оказались значимыми.

Впрочем, Л.Н. Гумилев вряд ли может быть признан *sui generis* мистиком, ибо сама по себе идея «космических лучей, порождающих пассионариев» – все же апелляция к некоей, пусть пока и неуловимой, но перспективной конкретике: мало ли какие там еще неизвестные нам излучения могут воздействовать на популяции из космоса!

О решительном преобладании образного и имитационного мышления над рациональным с явными компонентами мистики в позднем творчестве Г.С. Лебедева мы уже говорили выше, о мистицизме Д.А. Мачинского нам придется рассуждать ниже. Но предварительно считаем уместным напомнить приведенную самим Л.С. Клейном в той же капитальной монографии 2011 г. характеристику постмодернистского мировосприятия в науке: «Сложились совершенно иные сложности и предпочтения. Вместо научного объяснения – интуитивное понимание, вместо рациональности – иррациональное движение души, вместо конструктивных задач – деконструкция, вместо логики – метафора, вместо аргументов – риторика, вместо исследования – спектакль, вместо серьезной науки – откровенная игра». И далее: «Когда автор талантлив и обладает хорошим стилем, это одно удовольствие читать его сочинения. Но если вы хотите опереться на них, использовать их заключения или найти в них доказательства или опровержения – здесь удовлетворение заканчивается, и одни читатели удивляются, другие негодуют. Нет смысла изумляться или впадать в гнев. Таковы правила игры» (Клейн 2011. II: 339-340).

Это – приговор. Что называется – накалило! В самом деле, таковы правила игры утвердившиеся повсеместно как реакция на псевдорационализм.

Кстати, приговор – чему? Разве в ленинградском неонорманизме мы не обнаружили изначально некоторые тенденции, зафиксированные здесь Л.С. Клейном? Прежде всего, очевидный примат образов над фактами: и те самые «движения души», порождавшие эти образы? притом, что выводы представлялись именно научно обоснованными? Да и самый оголтелый рационализм невозможен без «движений души».

Но из этой характеристики-приговора, с которой нет оснований не соглашаться, следует очень важный вывод: в отличие от мистики Древнего мира, средневековья и даже мистики Нового времени, мистика постмодерна скорее не самозабвенное погружение в тайну, не экстатическая приверженность неким высшим силам, а просто одна из форм самовыражения субъекта в «цивилизованном» мегаполисе. Сия мистика сильно отдает мистификацией и самомистификацией, в луч-

шем случае – это беллетристика на историческую тему и уж во всяком случае к реконструкциям реалий отдаленного прошлого не имеет отношения.

Резко негативное отношение Л.С. Клейна к мистикам понятно. Дело, конечно, не в невосприимчивости «этномистиков» к неким археологическим новациям, знаменовавшим в 1990-е гг., по мнению Л.С. Клейна, наступление долгожданных новых времен, а в том, что сам «мистицизм» оказался именно конкурирующей с «эшелонированной археологией» новацией, причем быстро обретающей широкую популярность. В первую очередь, конечно, это относится к Л.Н. Гумилеву с его откровенным евразийством – и потому «писания», а не «произведения» или «сочинения», ибо именно евразийцы, как отмечалось выше, изначально представлялись и не могли не стать главным оппонентами ленинградского неонорманизма. Ну а обращение Г.С. Лебедева к мистике, конечно, вызывало досаду как одно из доказательств окончательного расхождения с одним из первых учеников – да уже и его учениками.

В этом контексте понятна и сдержанная характеристика Д.А. Мачинского. Он определенно не евразиец, и потому все же ближе к «своим» чем к «чужим». Однако в очерке истории «спора о варягах» ни у Л.С. Клейна, ни у ностальгирующих учеников его учеников Дмитрию Алексеевичу просто не находится места и о его влиянии на молодое поколение Славяно-варяжского семинара не упоминается. Между тем, речь идет о весьма ярком явлении в ленинградской науке, заслуживающем специального анализа хотя бы по той причине, что, не будучи ни учеником Л.С. Клейна, ни учеником его учеников, Д.А. Мачинский учинился куда более ортодоксальным в «варяжском вопросе», чем все они вместе взятые.

Видимо, причины надо искать и в психологическом статусе, и в биографии исследователя. Д.А. Мачинский начал свой путь в науку аспирантом И.И. Ляпушкина – но так и не защитил кандидатскую диссертацию. Не имеет смысла строить предположения, почему так произошло: у них теперь не спросишь. Можно лишь констатировать несомненное несходство характеров наставника и подопечного. Несомненно одно: Дмитрий Алексеевич оказался не на кафедре археологии ЛГУ и не в славяно-финском секторе ЛОИА – а в Эрмитаже, причем на должности, отправление которой требовало свободной ориентировки в одном из крупнейших Храмов Вечности – музеев мира. Вспомним еще раз О. Шпенглера: пока мы верим в возможность утверждения истины, тайна называется проблемой... В музеях полно самых разных проблем, научных и ненаучных (последние решительно преобладают). Тем не менее, служба в Храме Вечности довольно быстро приводит человека к осознанию великой притягательности и неизбывной самооценности тайны даже в музейных фондах, где все измерено, взвешено, исчислено. И – при определенных способностях – предоставляются все возможности для переплетения, взаимоналожения тайн, вплоть до тончайших лессировок. Отсюда, несомненно, и склонность к мистицизму, кое-как прикрываемая «проблемами», которая у Д.А. Мачинского в 1970-80-е гг.,

естественно, сдерживалась реалиями советской науки, но со временем с неизбежностью нарастала. Посему со всей откровенностью он смог высказаться в последней, итоговой публикации. 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже прошла весьма представительная по составу участников конференция под длинным названием «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света»; два года спустя увидел свет XLIX том Трудов Государственного Эрмитажа под тем же названием, в котором были опубликованы материалы конференции. В сборнике Д.А. Мачинский поместил самую большую по объему статью (78 с.!), в которой подробно изложил свои представления о проблемах, которым было посвящено почтенное ученое собрание.

Именно с этой итоговой работы нам представляется уместным начать анализ творчества Д.А. Мачинского. Однако анализировать статью 2009 г. достаточно сложно, поскольку здесь гипотезы Д.А. Мачинского очень плотно спрессованы широкой эрудицией автора. Подтверждение или опровержение этих построений требует по крайней мере такого, а скорее всего и гораздо большего же объема издания. Так что ограничимся анализом только наиболее значимых для нашей темы выводов, сформулированных автором, как будет показано ниже, задолго до конференции 2007 г. Но прежде, чем переходить к собственно выводам Д.А. Мачинского, заглянем в конец этого итогового труда, поскольку, как известно, именно заглянув в конец научной работы можно понять, зачем, собственно говоря, таковая написана.

А в конце публикации 2009 г. мы обнаруживаем вот что: «После завоевания почти всей Азийской Скифии центр Российского государства – Петербург – возвращается (через тысячу лет) почти в ту же самую точку контакта с Северной Европой, где некогда возник центр “первого русского каганата” (русского протогосударства) – Альдейгьюборг-Ладога, лишь из-за изменившихся осадки и размеров морских судов переместившись из низовьев Волхова в низовья Невы, а на месте существовавших с VIII в. “ворот в Европу” возникает пресловутое “окно в Европу”».

После последующего периода успехов на международной арене и достижения высочайшего в истории Руси-России уровня развития науки, культуры и самосознания (XVIII – начало XX в.) следует ужасное завершение, когда в 1920 – начале 1950-х гг. на территории России складывается преступное пыточное государство, возглавляемое преступным Человекоорудием зла, проводящим геноцид и перерождение многонационального народа России сначала через изгнание, а затем через повторяющиеся периоды уничтожения лучших представителей всех классов, сословий и всех категорий населения страны, что вело к катастрофической утрате генофонда. Победа во Второй мировой войне, спровоцированной этим же Человекоорудием, далась ценой беспримерных и бессмысленных (sic!) потерь и страданий, а также ценой гибели лучшей части мужской половины российского народа. Это государственное образование точнее всего назвать “первым русским паханатом”, который после смерти первого

«пахана» продолжал существовать в менее жестоких формах до середины 1980-х гг., сохраняя традицию передачи власти от одного главара к другому, либо путем подковерного переворота, либо путем договоренности на строго засекреченной сходке от одного главара к другому после смерти предыдущего.

Поощряя жестко контролируемое развитие отдельных отраслей науки, культуры и искусства, это идеолого-политическое образование пыталось придать себе некоторый имперский блеск, оставаясь в основе новым (по меньшей мере, в европейской традиции) типом государства – первым российским паханатом.

Отважное и честное осознание своей истории с V в. до н.э. по XXI в. н.э. должно служить посильному предотвращению повторения в новых формах пережитого в те годы и возрождению и развитию лучших гуманистических тенденций и проявлений в российской и всемирной истории» (Мачинский 2009: 531-532).

Уфф! Уместно напомнить, что в цитированном нами выше юбилейном выпуске Петербургского археологического вестника от 1993 г. со статьей В.Ю. Зуева, М.Б. Щукина и Г.С. Лебедева, первые буквы выписанных в столбец этнонимов «скифы, сарматы, славяне, русь» лукаво-изящно образовывали аббревиатуру «СССР». Вряд ли это было сделано без ведома самого юбиляра. Прошло шестнадцать лет – и отношение к этой аббревиатуре у Д.А. Мачинского, как видим, кардинально изменилось.

Ну вот, тот самый постмодерн, что называется, в полный рост. Конечно, в этих рассуждениях нет ничего принципиально нового. Таково кредо «шестидесятника» – диссидента, пережившего все перипетии распада СССР, вынужденного признать, что снова получается «не то», «не по мерке» и уже ощущающего первые симптомы окончательного краха надежд интеллигентов на «европеизацию» России, уже столкнувшегося лицом к лицу с новыми «хозяевами жизни». Однако, приведенная выше пространная цитата не только выразительно характеризует представления Д.А. Мачинского о развитии российской государственности, но и непосредственно соотносится в этих представлениях с реконструкциями начальных этапов этого длительного процесса, мы все же позволим себе обратить внимание на явные несообразности в этой экспозиции не только в той части, где речь идет об эпохе раннего средневековья, но в рассуждениях о Московском царстве, Российской империи и Советском Союзе – коль скоро крушение «паханата» преподносится здесь чуть ли не как возвращение на «европейские» круги своя.

В рассуждениях Д.А. Мачинского о значении Ладоги в эпоху раннего средневековья обнаруживаются те же преувеличения, что и у прочих ленинградских неонорманистов, утвердивших ладожскую парадигму. Однако обнаруживается и несомненное своеобразие в трактовке этой парадигмы. Как мы помним, Г.С. Лебедев и А.Н. Кирпичников вполне рационально представляли читателям предпосылки и следствия изначального «европейства» древнерусской государственности. У Д.А. Мачинского ни в статье 2009 г., ни в прочих, более ранних работах, нет ни намек на рациональность. Навязчивый

образ «двери или даже ворот» в Европу явно самоценен, автор никак не конкретизирует, что же такого особо привлекательного для восточноевропейцев находится за этой «дверью», а то и «воротами»? Д.А. Мачинский, как и прочие диссиденты, в своем увлечении этим образом и не задается столь нелепым вопросом – и в результате пресловутая «дверь-ворота» стала похожа на дверцу в камерке папы Карло, за которой, как известно, скрывалась некая волшебная страна.

Обратим внимание и на очевидную оппозицию построениям Г.С. Лебедева, который, как мы помним, почти восторженно констатировал генетическую преемственность Петербурга от Ладоги. У Д.А. Мачинского подчеркивается не преемственность, а именно изначальное различие Ладоги и Петербурга в системе коммуникаций, причем имперскую столицу исследователь представляет чуть ли не далеким эхом славной столицы «каганата русов». Если Г.С. Лебедев пытался включить Ладогу в петербургский миф, то Д.А. Мачинский определенно и настойчиво творит миф ладожский. Оно и неудивительно: печальный опыт показал интеллигентам северной столицы, что петербургский миф не выдержал испытания временем. Не удалось ни стереть память о Ленинграде, ни даже сохранить от разудалых девелоперов для пущего самоуважения и демонстрации преемственности от «Серебряного века» фасады и панорамы города. Ладожский миф предпочтительнее уже тем, что материалы раскопок позволяют свободно творить образ отдаленного прошлого, не осложненный неприятными реалиями других эпох.

Ну а изложение российской истории эпохи позднего средневековья и Нового времени у Д.А. Мачинского представляет собой просто набор традиционных диссидентских заклинаний-идеологем.

Весь огромный период XIII-XVII вв., т.е. становление и расцвет Московского царства последних Рюриковичей, у Д.А. Мачинского охарактеризован скороговоркой, одной фразой о «завоевании всей территории «Азийской Скифии»». Неудивительно: как мы помним, аутистическое сознание интеллигента игнорирует, стремится исключить из картины прошлого и настоящего то, что вызывает у субъекта отрицательные эмоции. Вассалитет русских княжеств от Золотой Орды и Московское царство, сокрушившее суверенитет Новгорода и Пскова для диссидентов-западников – постоянный источник отрицательных эмоций, полностью избавиться от которого нельзя, но можно и должно уделять этому сюжету как можно меньше внимания. Как рекомендовал в свое время Сенека, «*effugere ista non potes, contemnere potes*». Частота применения этого средства психологической компенсации в частной жизни человека и в искусстве вводит в соблазн признать рецепт универсальным: римский стоик, несомненно, знал, что говорил. Однако в науке, претендующей на сколько-нибудь адекватное понимание сложных процессов и явлений, пользоваться этой рекомендацией недопустимо.

Столь же неоригинальны и откровенно эклектичны характеристики имперской и советской эпохи. Имперский период приходится признать периодом «достижений высочайшего в истории Руси-России уровня разви-

тия науки, культуры и самосознания» для пущей выразительности обличений советских ужасов. Однако куда существеннее и здесь не то, что говорит Д.А. Мачинский, а его умолчание: в своей экспозиции русской истории он обходит еще один чрезвычайно важный и куда более неприятный для интеллигентов, чем присоединение Новгорода и Пскова к Москве, вопрос о причинах крушения имперского благополучия. Если были достигнуты такие сияющие вершины, почему же все рухнуло с этих вершин? Как известно, «шестидесятники», став антисоветчиками, отвечали на этот вопрос вразнобой в целом довольно невразумительно, но признать неизбежность происшедшего решились немногие. Д.А. Мачинский предпочел, как и в сюжете с Московским царством, ограничиться констатацией факта, что, несомненно, в обоих случаях лишает его экспозицию исторической перспективы.

Что касается рассуждений о советском «паханате», то в 2009 г. вряд ли уже можно было кого-то удивить, тем более увлечь такими насилиями над фактами и логикой. Д.А. Мачинский, увлекшись обличениями до экстаза, как и большинство его единомышленников не видит противоречий в том, что «паханат» одновременно устраивает геноцид т.е. тотальное истребление некой этнической общности или общностей – и «перерождение» таковых – уж либо одно, либо другое. Непонятно, почему не-выборная передача власти «от одного главы к другому» вызывает такую ненависть автора, коль скоро традиция такой передачи власти в истории человечества имеет весьма почтенную традицию. По этой логике «паханатом» можно признать и Московское царство, и Российскую империю (со всеми дворцовыми переворотами и «междоусобицей» 1825 г.!) – далее везде... Ну и на десерт, конечно, рассуждения о потерях советского периода, в которых, опять-таки традиционно для интеллигентской мифологии, игнорируется общеизвестный факт, что «огромные бессмысленные потери» русская армия несла во всех войнах, которые вела наша страна.

Стоит вспомнить хотя бы основы русской линейной тактики XVIII-XIX вв., сводившиеся к известному императиву «стоять и умирать», вызывавшей осуждение у французов из Великой армии Наполеона (Анисимов 2009: 518), или массовую гибель солдат не только, а в некоторых войнах, и не столько от неприятеля, но и от эпидемий и недостатка провианта, чтобы убедиться в том, что, собственно говоря, советская стратегия и тактика, вопреки интеллигентской традиции, ничего принципиально нового сравнительно с имперской не содержала. Да и не могла содержать, ибо, как известно, уши выше лба не вырастут. Не говоря уже о том, что значимость потерь определяется всегда результатами войн. И наконец, едва ли русский народ нуждается в еврохолуйских соболезнованиях его потерям. Все эти... «неувязочки» откровенно раздражают. Но и требуют объяснения. Попробуем объяснить.

Ключевые слова в цитированной выше злобной антисоветской инвективе – «квазиимперия». Антисоветизм у Д.А. Мачинского определенно имеет весьма специфический подтекст, вполне откровенно озвучен-

ный Б.Ш. Окуджавой, не только одним из самых талантливых выразителей амбиций и надежд – но и одним из самых типичных представителей генерации «шестидесятников»: «Пока мы жили под дубиной Сталина, под палкой Брежнева и т.п., мы соблюдали видимость (показушную) нормального общества, а когда палку убрали, наша подлинная сущность вылезла наружу, и мы обезумели». Такая вот обида на рухнувший «паханат» за собственную «истинную сущность». Обида, надо сказать, вполне обоснованная, ибо столь бесславного крушения СССР не ожидал никто, в том числе и в первую очередь распухшая от оппозиционности интеллигенция. Между тем, «паханат» был необходим не только как уже не способное внушать репрессивный ужас средство самоутверждения, прибавления себе совершенства. Парадокс заключался в том, что советский режим, обрушивший на интеллигенцию столько напастей – и позволил этой социальной группе как можно дольше оставаться собой, сохранить тот статус, который эта социальная группа имела в начале XX в. Интеллигенты негодовали за то, что им не давали порулить, за то, что не признавали «классом», а только «прослойкой» – и само собой, на репрессии. Но, одержимые сладостной относительной депривацией, совершенно не обращали внимание на то, что советская власть признавала их интеллигентами – причем, что характерно (и тоже оскорбительно – «образованщина»!) – бесплатно! И вот этот последний подлинный оплот интеллигентности – рухнул. И оставил своих генетических оппонентов, которые и всего-то хотели обрести право свободного самовыражения, лицом к лицу с весьма малосимпатичной и гораздо более циничной, чем советская власть, массой бандитов и спекулянтов, которым интеллигенты просто не нужны. Если только не захотят устроиться в «сфере услуг». Наиболее талантливые «шестидесятники», такие как Б.Ш. Окуджава и Д.А. Мачинский, были, при всей своей склонности к мифотворчеству, достаточно проницательны и, во всяком случае, обладали достаточно хорошим чутьем, чтобы ощутить необратимость роковых перемен. И не могли не обратить удвоенную ненависть в конце 1980-х гг. на карикатурный перестроечный режим М.С. Горбачева – за его карикатурность, а потом и на рухнувшую «квазиимперию» – за то, что рухнула и оставила им совсем не то наследство, на которое они рассчитывали. Нормальная логика аутистического интеллигентского сознания, удивляться нечему! Страшнее может показаться в перспективе, по горькому опыту XX в., только возвращение на круги своя, новый виток имперского строительства после очередной – на сей раз спекулянтской смуты. Отсюда и неверие в будущее. Не один Б.Ш. Окуджава впал в смертный грех уныния: «Боюсь, ничего у нас не получится. – С чем? – С демократией... да и вообще». Цитаты, пропитанные злобным унынием интеллигентов, можно множить и множить.

И провидец «бытийствующих в Живой Вселенной образов» Д.А. Мачинский, как отмечено выше, в будущем для России ничего не провидел. Весь пафос Д.А. Мачинского обращен на «недопущение повторений» – здесь он сугубо конкретен и понятен традиционным интел-

лигентским ужасом перед ночным приходом «гостей дорогих». И становится невнятен в положительной перспективе, вяло намекая на какие-то «гуманистические тенденции». Такая вот аберрация гуманизма – гневное осуждение «паханата» – и прославление «величайшего творческого подъема» хладнокровных убийц и грабителей эпохи раннего средневековья! Становится очевидно, что на будущее-то никаких видов нет. Может быть, очень нравится настоящее? Непохоже. Главное – чтобы не повторилось прошлое...

Еще раз просим у читателя прощения за этот очередной экскурс в недавнее прошлое, но таковой здесь необходим для правильного понимания финала эволюции ленинградского неонорманизма, в истоках которого с юношеским пафосом звучали песнопения о речке Каспле и звездах Млечного пути. Впрочем, ведь и сам А.М. Городницкий, вдохновивший в свое время В.П. Петренко на «Гимн оголтелого норманизма», в эти годы уже пел совсем другие песни, вполне в унисон Б.Ш. Окуджаве, разве с нарочитым еврейским акцентом. Перечитайте, прослушайте – аж оторопь берет: ну откуда все это у весьма благополучного советского членкора?! Не репрессировался сам и никто из родных, достиг степеней известных, весь мир объездил невозбранно – и вот поди ж ты! А уж Д.А. Мачинскому и прочим ленинградским неонорманистам, кои не доросли до членкоров и шанса такого не имели – просто сам Бог велел! Рухнули все «железные занавесы» и «берлинские стены», катись, наконец, куда хочешь – и пожалте снова во внутреннюю эмиграцию, из которой уже никуда не будет исхода, разве что в вожделенные Европы и Америки, где далеко не всем покажется так уютно, как рисовалось в аутистическом сознании.

У кого угодно опустятся руки!

Приходится признать, что Димитрий Алексеевич завершил не только идеологическую, но и психологическую, и философскую, а значит, и методологическую эволюцию направления. Прежде всего, он констатирует, что «суммарное знание всего человечества о мироздании и своем месте в нем, не говоря уже о знании отдельной личности, ничтожно мало по сравнению с безмерной областью непознанного». Само по себе признание безмерности непознанного возражений не вызывает; более того, в традиции ленинградского неонорманизма никто, кроме Д.А. Мачинского, на эту тему не высказывался. Однако одно дело – «непознанное», и совсем другое – «непознаваемое», одно дело – познание, и совсем другое – постижение. У Д.А. Мачинского эти понятия явно и без всяких оснований отождествляются, в то время как постижение может достигаться и без исследования предмета, именно мистически. Причем оказывается, что академическая наука «отказалась от познания жизни Живой Вселенной и наполненного различными формами сознания околоземного пространства и самой земли, где несомненно бытийствуют образы, отражающие реальности прошлого, а также предначертания и “проекты” (неизбежные и вероятностные) Будущего. Некоторые цивилизации древности – например, эллинская и еврейская – умели и учились вслушиваться в голоса прошлого и будущее-

го, и в итоге, пройдя через многие трагические коллизии, мы все имеем такие общечеловеческие ценности, как Европейская цивилизация и Библия» (Мачинский 2009: 460-461). Д.А. Мачинский не конкретизирует философские истоки этих представлений, в которых достаточно легко опознается концепция Филона Александрийского, пытавшегося, как известно, синтезировать платонизм и иудаизм. Возможно, исследователь полагает, что для читателя это неважно – однако весьма важно! Ибо, во-первых, филоновская попытка оказалась неудачной. Во-вторых, признание непознаваемости прошлого во всем его многообразии вовсе не отменяет стремления к рациональному познанию этого сложного феномена, надо просто четко представлять себе наши реальные возможности в этом бесконечном процессе, не преувеличивать совершенство интеллектуального инструментария и не впадать в мегаломанию. Наконец, в-третьих, претензии к академической науке, не умеющей «слушать Живую Вселенную» выглядят, мягко говоря, странно – это все равно, что упрекать крокодила в неспособности летать (хотя ближайшими родственниками последнего являются птицы). Академическая наука все же ориентируется не на мистическое прозрение, постижение, а именно на рациональное познание Вселенной. Насколько успешно – вопрос другой, но именно рациональность лежит в основе европейской науки. Рациональность порождение интеллекта, мистика порождается подсознанием. Наметившийся еще в XIX в. кризис рациональности вызвал, как известно, небывалое оживление агностицизма и мистики на самых разных уровнях общественного сознания. И поскольку высшие формы мистического постижения «Живой Вселенной» – это индивидуальная медитация, шаманское камлание или совместное радение, доводящее до транса, то куда большим авторитетом в общественном сознании, чем исследователь, но пророк, шаман, маг, медиум, etc, воздействующий именно на подсознание аудитории не строго обоснованными аргументами, а исключительно психологической индукцией. Однако и мистика мистике – рознь, все определяют не только масштабы, но и собственно предпосылки мистицизма. У Д.А. Мачинского, как следует из приведенных выше пространственных цитат, мистические озарения порождены простой невозможностью найти правильный, т.е. положительный рациональный ответ на «проклятый вопрос» мифологии российской интеллигенции о «европействе» России. Если обнаружилось, что там большинство не может признать это самое изначальное «европейство», ибо устойчивая – как минимум с XVI в. – традиция противопоставления не преодолевается никакими угодливыми обещаниями тотальной «демократизации» и даже «смены менталитета»; если обнаружилось, что здесь большинство не хочет «стать европейцами» и просто не понимает, что это такое, то, что остается? Только утверждать желаемое намеками на некий сокровенный мистический смысл вполне осязаемых древностей. Вряд ли здесь можно обнаружить глубокую, искреннюю мистику, скорее мистику вынужденную, раздраженную несоответствием желаемого реальности.

Кроме того, приведенная выше страстная филиппика против «паханата» обнаруживает еще одно, очень важное качество исследователя, в просторечии именуемое «упертостью», а на «политкорректном языке» – «негибкостью». Убедив себя в чем-то и достигнув почти экзальтации, люди такого склада не могут ни отойти на заранее подготовленные позиции (за неимением таковых), ни правильно спланировать атаку, ни даже поверить свои построения здравым смыслом.

Попутно отметим, что сопоставление Европейской цивилизации как «общечеловеческой ценности» с Библией у Д.А. Мачинского некорректно и по масштабам сопоставляемого, и по сути, ибо даже в самой Европе, не говоря уже о других частях света, предостаточно неприемлющих и эту самую цивилизацию, и эту самую Библию. Более того, ко времени публикации этой итоговой работы 2009 г. стало вполне очевидно, что европейская цивилизация, принявшая новую религию – «права человека» – отсеклась и от Библии, и от богатейшего наследия язычества, как античного, так и варварского.

В этом методологическом контексте вполне закономерны рассуждения о «таинственных заданиях», даваемых длительно существующим «по земным масштабам» этническим или государственным общностям, о «едином потоке жизненной энергии», определяющем этот процесс (Мачинский 2009: 461). Эта «единая энергия» у Д.А. Мачинского неравнозначна таковой у Л.Н. Гумилева, ибо ее происхождение и даже механизм действия никак не конкретизируются. Это просто некая сила, пожалуй, шопенгауэровская «воля», разлитая в Живой Вселенной. Для нас принципиально важно следующее замечание Д.А. Мачинского: «Зачастую в свидетельствах письменной традиции, иногда подтверждаемой данными археологии и лингвистики, можно уловить некую словесную формулу или образ, предвосхищающую многое в дальнейшей истории той или иной общности» (Мачинский 2009: 461). Т.е. исследователю предоставляется стать толкователем мистического смысла этих самых формул или образов, свободно оперируя этими самыми мистическими смыслами в любых пространственно-временных контекстах. Здесь уже, пожалуй, сильный уклон в каббалу – впрочем, вполне естественный для продолжателя филоновской традиции. Естественно, «трудноуловимыми для историков и непонятными для современников» признаются причины «взрывов энергетики» в недрах отдельных этносов. Впрочем, Д.А. Мачинский признает хронологическое совпадение таких взрывов с усилениями электромагнитного поля Земли (как у Л.Н. Гумилева) – но лишь «изредка» (Мачинский 2009: 461). Это «изредка» весьма показательно – ссылок на построения Л.Н. Гумилева нет, между тем последний утверждал, как известно, что именно космические излучения и определяют «толчки пассионарности». Значит, нет и полемики, даже скрытой – истинная мистика полемики не предполагает: либо принимай, либо уходи. Зато далее Д.А. Мачинский подробно (на трех страницах!) рассуждает о последствиях именно таких «редких взрывов энергетики», связанных с магнитным полем, принимает концепцию «осевого времени» К. Ясперса в соотнесении с «временем великих проро-

ков» о. Александра Меня и т.д. Подчеркивая, что иногда последствия воздействия космических излучений можно проследить непосредственно, в период жизни одного-двух поколений, а иногда – опосредованно, через воздействие этих излучений на природную среду, в свою очередь, воздействующую на человека (Мачинский 2009: 461-463).

Далее, прежде чем обратиться в статье 2009 г. непосредственно к изложению своих выводов о становлении древнерусской государственности (большая часть которых уже была представлена в публикациях 1980-90-х гг.), Д.А. Мачинский делает чрезвычайно важную оговорку: «За редкими исключениями, я отказываюсь от полемики с коллегами и опираюсь только на те системные фактические данные (письменных источников, археологии, нумизматики, лингвистики), которые я считаю доказанными или наиболее вероятными. Преобладание ссылок на собственные статьи и, в меньшей степени, на работы некоторых петербургских авторов, опубликованные не в центральных изданиях и поэтому малоизвестные, связано с необходимостью обратить внимание на те работы, где использованные мною данные уже приведены и / или проанализированы» (Мачинский 2009: 467). Налицо то же самое отношение к предшественникам и оппонентам которое, как мы отмечали выше, возобладало в ленинградском неонорманизме со второй половины 1980-х гг. Впрочем, не только в ленинградском неонорманизме: Л.Н. Гумилев также полагал, что важнее высказаться самому, чем погружаться в глубины историографии вопроса – так и всей жизни не хватит на выяснение чужих точек зрения!

Впрочем, отказ от полемики в известной степени может объясняется и тем, что по призванию Д.А. Мачинский – все же лектор-популяризатор, и каждый, кто слышал Дмитрия Алексеевича, должен признать, что в лучшие времена лектором он был блестящим. И публикации его по жанру – скорее лекции, чем статьи. Причем сам процесс изложения материала для него был, несомненно, равнозначен сути излагаемого. В таком контексте для реальной полемики может остаться очень мало места, хотя сами построения, казалось бы, буквально пропитаны полемическим задором. Это квинтэссенция интеллигентности: здесь цель – не утверждение истин, но самовыражение. Возражения как инструмент для проверки аргументации не принимаются, принимаются только уточняющие вопросы, на которые можно получить ответ, лишний раз демонстрирующий эрудицию отвечающего, т.е. прибавляющий отвечающему совершенства – доставляющий удовольствие.

Мистицизм предопределил еще одну особенность творчества Д.А. Мачинского: у него в лучшие годы всегда была большая аудитория – но оказалось очень мало собственно учеников (кажется, мы слышали только одного). Иначе и быть не могло, ибо мистику наследуют не ученики, а последователи-избранники, научить мистик может только одному: тем самым прозрениям и озарениям, а не методикам обработки источников. Отсутствие же учеников означает невозможность создать школу – впрочем, едва ли Д.А. Мачинский испытывал в таковой необходимость. Как опытный лектор, овла-

девающий аудитории, он, раз найдя сильный, как ему кажется образ, группирует вокруг него другие образы – именно образы, а не аргументы, ибо аргумент может быть поставлен под сомнение или опровергнут другим аргументом, а образ не опровергается ни логическими рассуждениями, ни другим образом. Вот, не угодно ли на выбор – уже из более ранней статьи 1997 г.: «Год призвания братьев-варягов (862 г.), к коему летопись приурочивает произнесение точных в своей неопределенности слов (“земля наша велика и обильна...” – С.Т.) совпадает с датой призвания моравскими славянами солунских братьев – 862/3 гг., религиозное наследие которых было усвоено Русью» (Мачинский 1997: 156). Как, собственно, понимать сей многозначительный намек? Как в реальности могут быть связаны появление где-то на севере Восточной Европы очередного скандинавского «находника» и миссия двух братьев-монахов, отправленная из Константинополя к дунайским славянам? Да никак не связаны. Для исследователя, оперирующего формулами логического познания, это просто хронологическое совпадение, каковых на самом деле в окружающем нас мире пруд пруди (например, совпадение дат чьей смерти и чьего-то рождения). И ничего больше. Мало ли что еще приключилось в том же 862 г., о чем мы просто не знаем! Однако подсознание человека, особенно человека, который должен запоминать даты хронологических таблиц, цепляется за такие совпадения, ибо так запоминать легче. А уже сознание фиксирует такие совпадения в хронологической перспективе, время от времени пытаясь установить в них некие причинно-следственные связи, сообразно с представлениями об отдаленном или недавнем прошлом или настоящем. Для мистика же именно в таких совпадениях заключен сокровенный смысл исторического процесса. Надо же – в один и тот же год славяне получают и государственность – с севера, и книжность – с юга!

Не свидетельствует ли это хронологическое совпадение и о благотворности сторонних влияний и об особом предназначении славян – правильно и вовремя воспринимать эти сторонние влияния? Несомненно! При этом полностью игнорируется отсутствие в IX в. «славян вообще», т.е. признаваемая всеми исследователями принадлежность тех, кто призывал Рюрика и тех, кто внимал проповедям солунских братьев, к разным, хотя и родственным этносоциумам. И за мистиком всегда останется преимущество, во-первых, стратегическое, поскольку совпадений можно при желании обрести сколько угодно, и, во-вторых, тактическое, поскольку это множество совпадений с неуставленными (таинственными!) причинно-следственными связями позволяет эффектно жонглировать таковыми перед потрясенной аудиторией. Популярность мистиков определяется прежде всего тем, что они дают ответы на вопросы этой самой аудитории, пусть эти ответы порой столь же загадочны, как пророчества Пифии – в то время как исследователь, оперирующий формулами логического познания, скорее уточняет вопросы, даже когда ему кажется, что он нашел ответ. Соответственно, мистик, даже начиная свой творческий путь как будто бы вполне корректным анализом археологических

и письменных источников, с неизбежностью стремится к мифу и фольклору, ибо именно эти формы общественного сознания предполагают тот уровень обобщения, который обеспечивает необходимую широту маневра в построениях. Так что в популярности Д.А. Мачинского в 1970-80-е гг., когда окончательно и со всей отчетливостью определился отказ позднесоветской интеллигенции от логического сознания, стимулируемый вечным тревожным стремлением поскорее получить желаемые ответы на все тревожащие вопросы – нет ничего «таинственного». Равно как и в угасании этой популярности в 1990-2000-е гг., когда эта самая интеллигенция, в очередной и последний раз потерпев фиаско в реализации своего мифотворчества, устала и от мистики и начала погружаться в апатию, время от времени прерываемую истерическими пароксизмами «свободолюбия».

Но если итоговая статья 2009 г., которой мы, полагаем, с полным основанием уделили выше так много внимания, отразила ощущения тупика, из которого выход можно было найти только в «Живую Вселенную», то стоит попытаться понять, что привело в этот тупик.

Обращение непосредственно к работам Д.А. Мачинского 1970-90-х гг. обнаруживает отсутствие в этих работах глубоких погружений в хронологии и типологии, скрупулезных погружений в стратиграфии конкретных памятников – ничего этого нет. А что же, собственно, присутствует в этих немногочисленных публикациях?

К БЕРЕГАМ «СКАНДИНАВСКОГО СРЕДМЗЕМНОМОРЬЯ»

Появлению итоговой работы 2009 г. предшествовал довольно длительный период творческой активности, пик которого закономерно приходится на те же 1980-е гг., т.е. на период резкого обострения системного кризиса СССР, стимулировавшего публицистический пафос диссидентствующей интеллигенции. Именно в это предсмертное время Д.А. Мачинский обращается к норманнской проблематике – из списка работ, опубликованного в юбилейном сборнике, следует, что до начала 1980-х предметом его исследований были проблемы этносоциальной истории скифов, сарматов, кельтов и ранних славян, но никак не становление древнерусской государственности. И уже в первых работах исследователь проявил те отмеченные выше характерные особенности своего дарования, которые почти два десятилетия делали каждое его выступление *ex cathedra* или в научных изданиях событием для аудитории: широту эрудиции, острое ощущение актуальности проблемы, смелость и яркость образного языка. Собственно, именно эти особенности дарования Д.А. Мачинского и предопределили его обращение к истории становления древнерусской государственности не в меньшей степени, чем уже тогда заметная внимательному читателю и слушателю склонность к мистицизму: на этом поле, как и в скифо-сарматской проблематике, можно было обращаться и к материалам археологических исследований, и к письменным источникам, к эпосу, фольклору, лингвистике – а речь идет о Древнерусской государственности, оказавшейся в основании колонки хронологической и генетической секвенции государ-

ственности Московской, имперской и советской. Какой простор открывался для самых широких исторических обобщений!

Основные положения построений Д.А. Мачинского были опубликованы в серии статей, в которых он в итоговой публикации признал наличие «многих наивностей», тем не менее, не отрекаясь от сказанного (Мачинский 2009: 467). Между тем, ни одна из этих статей, опубликованных преимущественно в малотиражных сборниках, не прошла незамеченной тогда, и в настоящее время все они, безусловно, заслуживают внимания.

Как мы помним, в 1985-86 гг. Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, присоединившись к зарубежным коллегам, уверенно рассуждали о «Балтийском субконтиненте». Д.А. Мачинский включился в эти увлекательные реконструкции изначальных единств и начал, в свою очередь, с определения географических границ той огромной территории, на которой протекали процессы становления древнерусской государственности. И, поскольку исследователь признавал Древнерусское государство славянским, вполне закономерным было его обращение к трудам тех античных авторов, которые упоминали ранних славян и их предков: Плиния, Тацита, Гекатея Милетского, Иордана и др. Принимая деление ойкумены на Европу, Азию и Ливию, установленное античными географами и историками, Д.А. Мачинский уверенно определил границы Евразийской Скифии/Сарматии – огромного субконтинента, отличавшегося «монолитностью территории, континентальностью климата, широтным расположением природных зон. Географическая целостность этого субконтинента требовала социально-политического эквивалента, которым в XVII в. стало Российское государство» (Мачинский 1984: 7). В этом обобщающем выводе исследователя многое примечательно. Во-первых, «географическая целостность» территории Российского государства в XVII в. может определяться разве что в космических масштабах. При желании на этой территории можно найти сколько угодно обособленных регионов и в Европе, и в Азии, все зависит от масштаба ориентиров и границ. В конце концов, если люди пользуются глобусом, на котором эти границы и ориентиры могут оказаться неразличимыми, и научились летать так высоко, что планета воспринимается как гигантский глобус – такое «космическое ориентирование» исторических процессов вполне имеет право на существование. Однако люди эпохи средневековья действовали в иных пространственных координатах. Соответственно, утверждение о «социально-политическом эквиваленте» огромных пространств Евразийской Скифии/Сарматии оказывается весьма спорным, поскольку основано на представлениях «естественных границ» государственности. Но «естественные границы» государственности неоднократно намечались в разные времена и в разных культурах – и всегда оказывались условными, хотя, казалось бы, налицо были вполне реальные и очень заметные ориентиры: горы, реки, пустыни. Если говорить конкретно о русских, то в их долгой истории таких «естественных границ» было немало: сначала Ока, потом Волга, потом Урал и, одна за другой, великие сибирские

реки. То обстоятельство, что последние границы были преодолены в течение одного столетия, дела не меняет. Только в одном случае «естественные границы» могут признаваться «социально-политическим эквивалентом» государственности – если достижение этих границ представляется неким предназначением, тем самым предназначением, о котором писал Д.А. Мачинский в обобщающей работе 2009 г.

«Евразийский акцент» в работах Д.А. Мачинского 1980-х гг. звучит достаточно отчетливо, притом, что исследователь проводит и границу между Европейской и Азиатской Скифиями/Сарматиями. В 1990-е гг. этот акцент, разумеется, постепенно исчезнет, а намеченная еще античными авторами, по утверждению Д.А. Мачинского, граница Европы «Европейской Скифии» и Азии на Восточноевропейской равнине станет явно сакральной: по уточнениям этой границы, в Европе окажутся Новгород, Псков, Смоленск, Киев – а среднее течение р. Москвы и, соответственно, царствующий град Москва – конечно, в Азии (Мачинский 2009: 470-471). Теперь акцент перенесется на возникновение Древнерусской государственности на восточной окраине некой обширной культурной общности, именуемой исследователем «Скандинавским Средиземноморьем» (SM), соотносимым с «Эллинским Средиземноморьем» (EN). Термин впервые был употреблен в кавычках еще в работах 1980-х гг. с намеком на образную условность, но в работах 1990-2000-х гг. кавычки исчезают и «Скандинавское Средиземноморье» уверенно представляется как реальность исторической действительности эпохи раннего средневековья. Кажется, первая развернутая характеристика «Скандинавского Средиземноморья» дана в публикации 1998 г., к которой мы и обратимся (Мачинский 1998).

Как мы помним, в 1985 г. Г.С. Лебедев, рассуждая о становлении древнерусской государственности, констатировал принадлежность Древней Руси к «Балтийскому культурному сообществу», что, несомненно, корректнее сравнительно со «Скандинавским Средиземноморьем», входившем, в свою очередь, в романскую культурную общность Европы, а в 1986 г. северо-запад Восточной Европы Г.С. Лебедев с соавторами отнес к экономической общности, возникшей на «Балтийском субконтиненте». Для Д.А. Мачинского вся Восточная Европа изначально находится в Европейской Скифии/Сарматии, а по крайней мере со времени Великого Переселения народов – принадлежит к этому самому «Скандинавскому Средиземноморью». Почему же, собственно, Д.А. Мачинский рассуждал о SM и не принял определения «циркумбалтийская цивилизация» и «Балтийское экономическое сообщество»? Ведь не только же потому, что эти определения предложили другие исследователи, хотя, несомненно, и по этой причине тоже. Да просто потому, что именно «Средиземноморье» здесь – ключевое слово, поскольку исследователь настойчиво подводит читателя к признанию равнозначности обоих «Средиземноморий» в становлении единой Европы, ни больше, ни меньше. Хотя и признает, что европейское единство сформировалось только с христианизацией «Скандинавского Средиземноморья» (Мачинский 1998: 130). И все

же – именно «Средиземноморье», хотя Средиземноморье в географии и истории Европы было и есть только одно.

Но куда важнее другое: Д.А. Мачинский не конкретизировал объем и содержание понятия, определенного им термином «многоуровневое европейское единство». И поскольку вывод о принадлежности «Скандинавского Средиземноморья» «многоуровневому европейскому единству» принципиально важен, на аргументах Д.А. Мачинского придется остановиться подробнее. Как всегда, эти аргументы образуют эффектно поблескивающую, сложную амальгаму из разных источников.

Как и Г.С. Лебедев, Д.А. Мачинский начинает характеристику обширной культурной общности – «Скандинавского Средиземноморья» с англо-саксонского эпоса «Беовульф»: по мнению исследователя, этот памятник можно признать «важным свидетельством определенного единства SM». Поскольку «события, описанные в поэме, отражают в эпической форме реальность VI в. и охватывают Центральную и Южную Швецию (свеоны и гауты) и Ютландию (т.е. Балтийскую часть SM), в ней упоминается Финляндия, Норвегия и связанный с Приднепровьем Эрманарих (IV в.) и при этом “Беовульф” уже в VIII в. (т.е. до эпохи викингов) становится ярчайшим произведением англо-саксонского эпоса». Далее Д.А. Мачинский обращает внимание на «те же тенденции» еще в двух поэмах – «Видсид» и «Деор». И задается вопросом: когда же и в какой ситуации герои балтийской эпической традиции вошли в «базовый фонд английского эпоса»? (Мачинский 1998: 130).

Ответ на вопрос достаточно прост: англосаксы начали переселяться в Британию с V в. н.э. с Ютландского полуострова, где и начинается действие поэмы, но связи со скандинавской прародиной не прерывались никогда; следовательно, все скандинавские реалии эпоса могут и должны относиться либо к ютландскому периоду бытия англов, либо к эпохе Великого Переселения народов, либо к более позднему периоду, когда скоро переселившиеся в Британию англосаксы не забывали о своем ютландском происхождении и в эпической памяти народа не могли не сохраняться реалии ютландского периода. А это означает, что эпос англов а priori не может быть источником для каких-либо хронологических уточнений.

Между тем, Д.А. Мачинский убежден в обратном и пускается в анализ погребальной обрядности балтийского региона, рассуждая о распространении погребений в ладьях с VII в. – но вдруг заявляет, что «более существенным» чем археологические источники оказывается свидетельство Снорри Стурлусона («Круг земной») о конунге Иваре Широкие Объятия, подчинившем в 660–730 гг. всю Балтику, от восточных районов до Британии (Мачинский 1998: 131). Следует отметить, что никакими другими источниками, ни письменными, ни тем более археологическими, эпическое повествование «Круга земного» об Иваре не подтверждается. Тем не менее, этот самый Ивар, вполне эпический персонаж, будет долго занимать Д.А. Мачинского, ибо в его деяниях явно усматривается исследователем первая попытка объединения «Скандинавского Средиземноморья».

Несомненно, именно по этой причине скандинавские реалии «Беовульфа» соотносятся Д.А. Мачинским именно с гипотетически установленной хронологией Иvara Широкие Объятия, т.е. наличие в эпосе неких элементов исторической действительности доказывается другим эпосом.

Насколько корректно такое доказательство? Весьма возможно, что какой-то Ивар с «широкими объятиями», т.е. неумными амбициями захватчика, существовал в исторической действительности, однако как далеко на самом деле простирались его амбиции и насколько таковые соответствовали реальным возможностям, установить невозможно и вряд ли стоит всерьез устанавливать – если вспомнить, что любой эпос традиционно преувеличивает масштабы деяний героев. Однако Д.А. Мачинский, признавая историческую достоверность скандинавской эпической традиции, напрочь игнорирует эту характерную особенность любого эпоса, равно как и совмещение разных хронологических пластов (это же пренебрежение особенностями эпоса как особой формы общественного сознания обнаружится у Д.А. Мачинского и в анализе древнерусской летописной традиции, повествующей о событиях третьей четверти IX в.). Рассуждая о деятельности Иvara Широкие Объятия, Д.А. Мачинский акцентирует внимание на фигуре некоего Рандбарда, конунга Гардарики, отец которого, Скира, по версии О. Далина, и приобрел какие-то владения на востоке. (Мачинский 1998: 133). Что это могли быть за владения, если признать скандинавскую эпическую традицию сколько-нибудь достоверным историческим источником и попытаться соотнести такую с источниками археологическими? Нижнее Поволжье, где в это время возникает всего одно небольшое поселение? Или все же территории на южном берегу Рижского залива, где скандинавы появляются в это же время? В лучшем случае, вопрос можно оставить открытым, констатируя, что в скандинавской эпической традиции отразилось продвижение отдельных групп выходцев из Северной Европы на северо-запад Европы Восточной, не более того, поскольку для более определенных выводов данных нет, ибо ни один другой источник с должной степенью достоверности не может ни подтвердить, ни опровергнуть перипетии династических отношений Инглингов и Скульдунгов.

Но, по мнению Д.А. Мачинского, именно «ситуация в Нижнем Поволжье, выявляемая археологией, хорошо коррелирует с эпической традицией. Поселение на Земляном городище в Старой Ладоге, где изначально доминируют выходцы из Скандинавии, возникает в 750-е гг., за сорок лет до наступления эпохи викингов» (Мачинский 1998: 134). Таким образом, возникновение ладожского поселения соотносится с бегством какой-то части скандинавов на восток в период наступления Иvara Широкие Объятия (Мачинский 1998: 133).

Выше нам уже неоднократно приходилось отмечать, что топография первого ладожского поселения, основанного выходцами из Скандинавии, действительно скорее наводит на мысль о каких-то беглецах-изгоях, чем о стремлении переселенцев «контролировать торговые пути». В этом пункте с Д.А. Мачинским оставалось

бы только согласиться. Однако возникает вопрос: почему появление в нижнем течении Волхова скандинавских изгоев – а судя по масштабам ранней Ладоги, этот вывод можно признать самым близким к истине – должно объясняться именно агрессией эпического Ивара, а не какими-то коллизиями более скромных масштабов? Что вообще мы можем определенно утверждать относительно этих выходцев из Скандинавии? Да ничего, кроме того, что они появились в нижнем течении Волхова и основали очень небольшое поселение, более напоминающее хутор, чем центр зарождающейся государственности.

Но Д.А. Мачинский не мог не пойти дальше и не поставить вопрос о «более раннем пласте древностей, связанном с западным влиянием», обратившись – разумеется! – к тому самому к погребению нижнего горизонта сопки 14-II с деталями прикамского пояса, датированного по аналогиям 650-730 гг., о котором нам уже приходилось неоднократно упоминать выше (Мачинский 1998: 134). Правда, исследователь не поясняет, почему это погребение должно удостоверять поселение скандинавов в Нижнем Поволховье в «доиваровские» времена, если его датировка вполне соотносится с предположительной хронологией деятельности этого самого Ивара. Но выводы сделаны весьма ответственные: «Во второй половине VII – первой трети VIII вв. активизируется сакрально-торговый путь, ведущий из Средней Швеции через Финский залив и Приладожье в Прикамье, и в это же время ни Нижнем Волхове появляются переселенцы с запада, в среде которых и зарождается та погребальная традиция (со скандинавскими элементами), которая позднее приведет к появлению грандиозных сопки» (Мачинский 1998: 134).

Обратим внимание на осторожность формулировок: торгово-сакральный путь не прокладывается, но активизируется, погребальная традиция сопки не признается четко скандинавской по происхождению, но зарождается среди выходцев с запада, т.е. тех же скандинавов, в Поволховье. Однако эта осторожность в общем контексте недостатка и неоднозначности источников оборачивается неопределенностью и никак не может придать построениям исследователя достоверности.

В предыдущей главе мы уже отметили, что находки даже четко датированной «неволинской» поясной гарнитуры в различных регионах Восточной Европы не могут интерпретироваться столь однозначно, как того хотелось бы исследователям, поскольку невозможно с должной степенью достоверности установить обстоятельства попадания этих предметов к последнему владельцу. Следовательно, и находки этих поясных накладок в Южной Финляндии и Упсале сами по себе никак не доказывают функционирование «пути из Средней Швеции в Прикамье». Коммуникации между Прикамьем и Прибалтикой, т.е. между финно-угорскими этносоциумами, расселившимися по огромным пространствам лесной зоны Восточной Европы, установились, судя по находкам полозьев саней, вырезанных из уральского кедра, в Финляндии, еще в неолите и активизировались в эпоху железа. Однако для того, чтобы понять, когда именно вышли на эти коммуникации скандинавы-гер-

манцы, насколько уверенно и на какие расстояния последние передвигались по этим коммуникациям, достоверных данных пока явно недостаточно. Как мы помним, финский исследователь А. Эрня-Эско еще в 1986 г. уверенно признавал находки «неволинских» поясных гарнитур в Прибалтике свидетельством активности как раз пермских финнов, создавших в этот период яркую и сильную культуру. И кстати, неясно, почему из Швеции или Финляндии в Прикамье нужно было идти обязательно через Финский залив и Приладожье, если еще в неолите кто-то приехал с Урала в Финляндию на санях?

Таким образом, убедительных аргументов, подтверждающих реальность становления в VI-VII вв. н.э. «Скандинавского Средиземноморья» как особой обширной культурной общности Д.А. Мачинский привести не смог и, надо полагать, не пытался.

Как и другие ленинградские неонорманисты, оперируя немногочисленными и неоднозначными источниками, он создавал образ, порожденный в данном случае попыткой представить эпическую традицию ранне-средневековых скандинавов тем самым достоверным историческим источником, сопоставимым с источниками археологическими, который, наконец, устранил раздражающие исследователей неопределенности в реконструкциях предпосылок становления древнерусской государственности на северо-западе Восточной Европы. В представлениях Д.А. Мачинского об эпохе раннего средневековья этот образ исключительно важен. Именно в этом, по сути, эпическом пространстве будет существовать Aldeigja-Ладога – крупный центр трансевропейской торговли и столица «древнерусского протогосударства» – «каганата росов».

ВСЕ БЫЛО ИМЕННО ЗДЕСЬ!

В общем контексте ленинградского неонорманизма Д.А. Мачинский останется прежде всего как автор quasi-гипотезы о Ладоге-Альдейгьюборге – столице «каганата росов». Quasi, поскольку в этих построениях, как и в построениях других ленинградских неонорманистов, отсутствует одно из трех главных условий выдвижения научных гипотез: строгая достоверность исходных положений; не может быть доказательством то, что само требует доказательства, тем более – недоказуемое ex officio. Этой quasi-гипотезы Д.А. Мачинский будет упорно придерживаться до конца, яростно отбивая атаки оппонентов. Дмитрий Алексеевич несколько позже прочих ленинградских неонорманистов вступил в «битву за Ладогу», однако сумел занять в этом конфликте амбиций важную позицию, ибо презумпция изначального столичного статуса Ладоги давно назрела, но установить таковую как-то никто не решался. Хотя представления о локализации «каганата росов» на северо-западе Восточной Европы, как отмечалось выше, возникло у некоторых историков и археологов достаточно давно. Причина проста: археологические исследования Ладоги не дали никаких выразительных материалов, однозначно определяющих столичный статус поселения, остатками которого является Земляное городище. Как мы помним, Г.С. Лебедев включил

в «каганат росов/русов» всю огромную территорию в бассейнах Днепра, Западной Двины и Верхней Волги, на которой позднее возникло Древнерусское государство, оставив тем самым широкий оперативный простор для поисков столицы, хотя все же склонялся к тому, что правитель каганата, Дир, был князем киевским. Но для Д.А. Мачинского, который никогда не был активно работающим археологом-практиком, статус Ладоги определялся в той самой «живой Вселенной», где «бытийствуют образы, отражающие реальности прошлого, а также предначертания и “проекты” будущего». Поэтому он и успел вовремя, и сделал коллегам предложение признать Ладогу столицей «русского каганата», предложение, от которого коллеги, естественно, отказаться не могли – они его приняли. И, как было показано выше, начали активно развивать эти положения.

Тем более, что В.В. Седов также выдвинул предположение о локализации «каганата» в Днепровском Левобережье с возможным центром в Киеве (Седов 1998: 3-14; 1999: 55-82), следовательно, ленинградские неонорманисты оказались перед реальной перспективой утверждения особой значимости северо-запада Восточной Европы в становлении древнерусской государственности – открывалось новое поле для полемики. Так что убеждать надо было тех, кто уже готов был убедиться. Обращение к работам Д.А. Мачинского обнаруживает, что исследователь в этой теме не обременял себя аргументацией даже сравнительно с темой «Скандинавского Средиземноморья». Ладога была просто назначена столицей приснопамятного «каганата», «ведь в Киеве и Новгороде в IX в. нет скандинавских дружин, а в Ладоге они есть!». И этого оказалось достаточно, чтобы пускаться в дальнейшие рассуждения о хронологии этого государственного образования.

Между тем, историография «каганата росов» начинается еще в XVIII в., и прежде чем определять свое место в этой историографической традиции, не просто уместно, но настоятельно необходимо хотя бы в самой краткой форме проанализировать аргументацию исследователей, обращавшихся к этой проблематике. Т.е., должна была бы появиться некая работа, специально посвященная и письменным источникам, и материалам археологических исследований, удостоверяющим статус Ладоги как столицы «каганата росов». Вместо этого читателю представляются выводы в форме тезисов, не отягощенные ни сносками на предшественников и оппонентов, ни анализом их интерпретаций. И в этой работе пришлось бы с неизбежностью признать, что М.И. Артамонов, создавая свою гипотезу, прекрасно знал материалы раскопок Н.Н. Репникова и В.И. Равдоникаса в Ладоге и признавал, что скандинавы в Нижнем Поволжье появляются даже раньше славян – однако ему не пришло в голову локализовать здесь «каганат росов». Может быть, Михаил Илларионович все же чего-то не разглядел или, что гораздо вероятнее, чего-то просто не знал? Первое предположение приходится отбросить: гипотеза Ляпушкина-Артамонова, представленная, как мы помним, в посмертно опубликованной статье последнего, была достаточно строго

выверена в письменных и археологических источниках, введенных к тому времени в научный оборот.

Предположение Д.А. Мачинского о Ладоге – столице «каганата русов», конечно, можно было бы принять, если бы археологические исследования дали, наконец, материал, подтверждающий столичный статус Ладоги в первой половине IX в. Но – таковых материалов не оказалось. В 1986 г. Д.А. Мачинский уверенно заявлял: «Основное значение Ладоги в том, что именно здесь в VIII в. зарождается ядро этносоциума, носящего имя “русь”» (Мачинский 1986: 74). Т.е. речь идет о поселении с высоким социальным статусом и соответствующей поселенческой структурой. Только на таком поселении могли протекать процессы формирования нового этносоциума, стимулируемые присутствием власти, одинаково авторитетной для всех, кто оказался их участником. Впрочем, механизмы этих процессов Д.А. Мачинский никак не конкретизирует и, похоже, представляет таковые по-летописному просто: «были у него такие-то и такие-то – и прозвашася русью».

Но по мере того, как расширялись исследования Земляного городища, стало очевидным, что именно в то время, когда «каган росов» отправлял своих послов-шведов к византийцам и германцам, это поселение весьма мало напоминало столицу крупного государственного образования. И в 1998 г. Д.А. Мачинский, рассуждая о столице «каганата росов», вынужден был констатировать: «С наибольшей вероятностью можно утверждать, что до 860-х гг. столица находилась на нижнем Волхове (Альдейгья-Ладога), а с 860-х гг. – на Рюриковом городище. При этом навряд ли первичная резиденция кагана находилась на Земляном городище Ладоги. В 750-830-е гг. это поселение имеет определенный ремесленный акцент, с 840-х положение несколько меняется, но действительно аристократическим центром с “княжеским” деревянным дворцом оно становится лишь в посл. четв. IX – сер. X в. (раскопки Е.А. Рябининой). Во времена ярла Регнвальда и его потомков (1020-1070 гг.) Земляное городище также вряд ли было занято дворцом ярла – здесь было кладбище христиан-скандинавов и церковь при нем (Св. Климента)» (Мачинский 1998: 136). Приходилось признавать реалии материалов раскопок. Но вот что показательно: и признавая эти реалии, Д.А. Мачинский не собирается расставаться с образом Альдейгья-Ладоги – столицы, притом, что топография Земляного городища никак не соответствует статусу столицы не только могущественного «каганата росов», но даже вассального ярлства Регнвальда! Более того, и определение «княжеский» применительно к остаткам «дворца» конца IX в. приходится вполне обоснованно, как мы показали выше, брать в кавычки. А «другой Ладоги», которую можно было бы представить столицей государственного образования в 830-870-е гг. археологам просто неизвестно (Кирпичников 1979: 102; Лебедев 1985: 206; Лебедев, Кирпичников, Дубов, 1986: 192-196). Д.А. Мачинский даже не намекает на то, что таковая может быть локализована, например, на территории ладожской крепости, или в урочище «Княщина». Тем более – на других памятниках, представляемых остатками поселений ладожской округи. Ex nihilo – nihil.

Образ Альдейгьи-Ладоги – столицы «каганата росов», вызванный Д.А. Мачинским из Живой Вселенной, с неизбежностью должен быть соотнесен с образом столицы другого каганата, Хазарского, коль скоро правитель русов принял титул кагана «в пику» правителю хазар. Площадь Ладоги в эпоху расцвета Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов определили, как мы помним, в 16-18 га; в 2003 г. А.Н. Кирпичников писал, что поселение VIII-X вв. имело площадь около 12 га. Как ни «растягивай» Альдейгью – Ладогу, хоть на все Нижнее Поволховье, образ Итиля оказывается все равно и более внятным, и более значительным. Д.А. Мачинский не дождался выхода монография В.С. Флерова, посвященная проблемам урбанизации в хазарском каганате, в т.ч. и характеристике города Итиля (Флеров 2011). Не только для Д.А. Мачинского, но и вообще для ленинградского неонорманизма эта работа, если бы она появилась хотя бы в середине 90-х гг., стала бы *sui generis* подарком, могла бы вывести на другие уровни полемики с оппонентами, а следовательно и познания исторической действительности, ибо автор задался целью доказать отсутствие городов в Хазарском каганате. Причем полемика «с хазарским уклоном» оказалась бы, несомненно, гораздо более напряженной, чем противостояние с антинорманистами, поскольку В.С. Флеров, судя по тексту его монографии, всячески подчеркивает низкий уровень культуры восточных славян сравнительно с салтово-маяцкой и не очень верит в «протогорода» (Флеров 2011: 16, 35). Предоставим подробный анализ построек В.С. Флерова прежде всего специалистам по хазарской проблематике. С нашей точки зрения, его выводы весьма уязвимы для критики, ибо, правильно применив «масштабирование» археологических и письменных источников с целью установить, что же в действительности признают исследователи хазарскими городами, В.С. Флеров принял определение города как центра переработки прибавочного продукта, предложенное О.Г. Большаковым, отнюдь не бесспорное в контексте реалий раннего средневековья (Флеров 2011: 20). Однако «масштабирование», несомненно, дало некий положительный результат, конкретизировало представления о собственно хазарском урбанизме. Площадь Итиля, ориентируясь на письменные источники и аналогии – городища Волжской Болгарии – исследователь определяет в пределах 100 га, вряд ли больше (Флеров 2011: 90). Население Итиля, если верить Д.А. Мачинскому, «оппонента» Ладоги, В.С. Флеров, после рассуждений о ненадежности мусульманских письменных источников и отсутствии достоверных материалов раскопок, все же достаточно уверенно определяет «не более чем в 30 000» (Флеров 2011: 95). Много это или мало? Сравнительно с крупными городами Византии, Ближнего и Дальнего Востока, Западной Европы – именно этими данными оперирует В.С. Флеров в своей гипотезе – немного. А сравнительно, например, с городами Древней Руси эпохи раннего средневековья? Еще М.Н. Тихомиров, проанализировав письменные источники, отразившие бытие древнерусских городов, пришел к выводу, что население Новгорода в XI в. можно определить в 10-15 тыс. человек обоего пола и разного возраста,

а в XII-XIII вв. – 20-30 тыс. человек. Киев был обширнее и многолюднее, а прочие города – значительно меньше, вплоть до «малых городов» (Тихомиров 1956: 138). Последующие исследования археологов как в Новгороде, так и в прочих древнерусских городах, не опровергли этих предположений о приблизительной численности горожан в Древней Руси. В этом демографическом контексте Итиль, каким он представляется В.С. Флерову, может быть признан вполне «полноценным городом», а вот о соотнесении с Ладогой-Альдейгьей и речи быть не может. И уж если кирпичный дворец хазарского царя может быть представлен небольшой цитаделью, вроде цитаделей исследованных в бассейне Дона крепостей, а для такого предположения у В.С. Флерова все же есть некоторые основания, то что говорить о «больших домах» Ладоги? Но образ Альдейгьи-Ладоги у Д.А. Мачинского – столицы «каганата росов» существует не в реалиях результата анализа археологических и письменных источников, а в мистических откровениях Живой Вселенной – и потому неколебим. Впрочем, для обновления и утверждения этого образа все же пришлось «растянуть» эту самую Альдейгью, т.е. предположить, что в IX в. так именовалось не только поселение, остатки которого локализуются на Земляном городище Ладоги, но и весь регион Нижнего Поволховья (Мачинский 1998). Правда, здесь придется вспомнить, что конунг Радбарт обосновался не в Альдейгье, а в Гардарики, т.е. возникает уже вопрос о тождественности этих двух понятий в IX в., а доказать это невозможно, оставаясь в ареале скандинавской эпической традиции... но поисками ответа на этот вопрос можно себя не утруждать, главное – услышать и правильно понять... При этом Д.А. Мачинский, как и прочие сторонники северной локализации «каганата росов», никак не мог объяснить очевидную экзотичность самого титула «каган» для Северной Европы: с тем же успехом правитель Ладоги мог объявить себя халифом (ведь русы бывали в Багдаде!) или даже микадо, хоть в Японию они не добирались. Никакого следа в северноевропейской традиции этот титул не оставил, что странно, если предположить довольно длительное существование крупного государства с центром в Ладоге. Как известно, «каганами» в XI в. называли киевских князей митрополит Илларион и неизвестный нам автор надписи на стене Софийского собора. Однако нет никаких данных, позволяющих утверждать, что эта традиция занесена в Киев с севера, более того, неясно даже, все социальные группы населения Киева именовали своих князей «каганами», или только представители духовенства. Но нет и никаких оснований утверждать, что киевских либо других князей когда-либо официально титуловали «каганами».

Со своей стороны, оценивая степень достоверности попыток ладожской – и любой другой – локализации «каганата русов», считаем необходимым отметить, что территориальная локализация последнего, основывающаяся только на соотнесении версии Бертинских анналов и мусульманской традиции с археологическими памятниками тех или иных территорий представляется проблематичной. Соответственно, и дальнейшая полемика по этому вопросу представ-

ляется бесперспективной (Томсинский 2013: 275-281). Следует помнить, что в сообщениях тех же мусульманских авторов о неизвестных землях – и даже о землях, лично ими посещенных, как в любых средневековых источниках, реальное густо перемешано с недостоверным и с тем, что должно быть согласно традиционным представлениям. Историки и археологи, увлеченные попытками извлечь из раннесредневековых текстов ту информацию, которую они определенно не содержат, игнорируют простой и всем известный факт: эти тексты представляют собой не шифрограммы, а отражения иной картины мира, в которую просто не вписываются география и этнография XIX-XXI вв., как известные нам деяния людей отдаленного и даже недавнего прошлого отражают совершенно иные, непонятные нам социальные отношения, чуждую психологию и поведенческие практики. Много сказано и написано о том, что иллюзия понимания – не более, чем иллюзия, и к «каганату русов» это относится в полной мере. Невольно напрашивается аналогия с Беловодьем – беспечальной страной, куда уходили русские крестьяне в XVIII-XIX вв. целыми селами. Кстати, и путь в Беловодье был исчислен – в 44 дня пешего пути. И кто-то там бывал и возвращался, и об устройстве этой земли были вполне достоверные сведения (Мальцев 2005).

Существует и совсем уж отчаянная версия о самозванстве тех самых послов, которые представлялись византийскому и германскому императорам. Состав посольства неизвестен, неизвестно, кто еще там присутствовал кроме неких шведов, но зато можно не сомневаться в том, что при тогдашних географических представлениях и средствах информации целые народы могли устраивать мистификации, как, например, авары – что уж там говорить об отчаянных авантюристах, недостатка в которых не было! В эту эпоху самозванство удавалось – и, видимо, не единожды! – целым народам, например, аварам, которые, как известно, были вовсе не теми аварами, за которых их приняли (Артамонов 1962: 106-107). А может быть, «каган русов» действительно, как предположил А.А. Горский, был беглым хазарином, натурализовавшимся где-то среди русов? хоть на севере? (Горский 2004: 55-59).

Оба эти предположения нет никаких оснований считать еретическими – вот только нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть... ни отбросить. Все возможно! Кратковременность эпизода с «каганом русов» оставляет широкое поле для догадок, но не для гипотез, тем более – не для достоверных суждений.

КАК ПРАВИЛЬНО ЧИТАТЬ АРАБСКУЮ ВЯЗЬ

Погружения в глубины скандинавской мифологии и эпоса и установление особого статуса Ладоги-Альдейги вполне логично приводят Д.А. Мачинского во второй половине 1990-х гг., т.е. после долгожданного краха столь ненавистного ему «паханата», к несколькими публикациями, в которых уже с полной откровенностью высказывается, во имя чего эти штудии предпринимались. Одна из этих публикаций открывается утверждением, которое стоит процитировать: «Глубочайшее интуитивное понятие о себе, о месте своей земли

во всемирной истории, выражено в речении “Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет”, с которого и начинается история российской (и только российской) государственности и которое предопределило многое в судьбах Руси и России» (Мачинский 1997: 156).

И далее: «Итак, утверждение, что в нашей земле... “наряда нет” в неявной форме фиксирует отсутствие “космоса”, тоску по нему и предполагает наличие на его месте в столь же неявной форме... хаоса (“и не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быше в нихъ усобице”). Заметим, что во многих космогониях хаос предшествует космосу, а космос движется к хаосу; таким образом, хаос – это нечто всепорождающее и неопределенное и быть его представителем в системе космоса – задача ответственная и неблагоприятная» (Мачинский 1997: 157). И далее – на нескольких страницах рассуждения о Великой Свитьод (Восточной Европе) и Малой Свитьод (Скандинавии), о путешествии Тора к Уральским горам, об особом значении Ладоги в установлении языческого и христианского «наряда». Здесь тоже не без открытий: маломощность культурного слоя Ладоги XI-XIII вв., оказывается, свидетельствует о том, что Ладога – «единственный русский город, усвоивший некоторые черты европейской организации жизни и европейского христианского менталитета» (Мачинский 1997: 165). А завершается все горестным вздохом: «Итак, Нижнее Поволховье, расположенное у границы двух миров, обрело к исходу XII в. не только языческий, но и христианский “наряд”. Однако географически обусловленная принадлежность к системе российской государственности предопределила его дальнейшие судьбы, далекие от упорядоченности в европейском понимании» (Мачинский 1997: 167).

Здесь уже отчетливо звучат те же мотивы, которые аранжированы в приведенной нами выше пространной цитате из статьи 2009 г. Вслушайтесь, вчитайтесь – это же не аргументированные выводы научного исследования, это даже и не публицистика, это вопль души «представителей хаоса», которым столетиями (по крайней мере, лет двести) российская государственность не дает слиться с космосом – впрочем, и этот самый космос явно не спешит навстречу, но зато до полярного круга через Скандинавию уже добрался ислам... Куда девалась бодрая самоуверенность раннего «шестидесятиничества»? Российская государственность – в любой форме, кроме рюриковской – однозначно признается противостоящей любой форме «упорядоченности» по-европейски. Опровергать эту – даже не идеологию, а уже веру в «европейскую упорядоченность» («Credo, ut absurdum») – неловко и бессмысленно. Тем более, что и время «жаждущих космоса» уходит безвозвратно. Цитировано не для полемики, а для уточнения контекста, в котором развивались представления Д.А. Мачинского о началах Древней Руси.

Впервые Д.А. Мачинский изложил эти свои представления о становлении древнерусской государственности в трех статьях, увидевших свет еще в период расцвета ленинградского неонорманизма, 1984-1986 гг. В дальнейшем его взгляды претерпели незначительные изменения: исследователь не столько усиливал, сколь-

ко нагнетал аргументацию, становясь все более и более запутанным в формулировках. Даже поверхностное знакомство с этими публикациями заставляет вспомнить известный эпизод из «Женитьбы Фигаро», в котором доктор Бартоло спорит о знаках препинания в документе: «Там запятая есть! – Ее там нет! – Она там была! – Ее там не было! – Ну тогда она там будет!» Д.А. Мачинский вполне уверенно «расставляет запятые» согласно открывшейся ему по догадке логике текста исторической действительности.

Он начал с обращения к сюжетам, ставшим ключевыми для норманистской традиции: «трем группам русов», «изгнанию и призванию варягов». Каждому из этих сюжетов посвящены работы нескольких поколений историков, археологов, востоковедов. Сложность анализа источников, в которых присутствуют упоминания об этих феноменах средневекового мировосприятия заключается не только в лаконизме самих текстов, но прежде всего в том, что исследователи имели дело не с протокольной фиксацией неких реалий исторической действительности, но с зафиксированными древними авторами представлениями носителей разных культурных традиций об устройстве мира, о статусе разных этносоциумов в этом мире, о прошлом и настоящем. Отсюда впечатляющий разброс локализаций «трех групп русов» и «русского каганата» на огромных территориях Восточной Европы и различные интерпретации летописного повествования о Рюрике и его братьях. Вот уж воистину: в чужом оке соломинку разглядят, в своем бревна на увидят! Д.А. Мачинский, естественно, не мог не начать маневры на этом, весьма широком для гипотез и догадок, поле.

К теме локализации «трех группировок русов», о которых повествует раннесредневековая мусульманская традиция, Д.А. Мачинский обратился в небольшой публикации 1985 г. (Мачинский 1985). Статья не вызвала особого резонанса среди археологов и историков – А.Е. Леонтьев, например, в своей монографии, посвященной археологии мери, ограничился добросовестной ссылкой-констатацией без конкретизации своего отношения к выводам автора (Леонтьев 1996: 208); прочие исследователи также ссылались глухо или не ссылались вовсе. Причина, вероятно, в том, что для археологов, погружившихся в конкретику изучения памятников эпохи раннего средневековья этот сюжет показался уже неактуальным, а востоковеды и историки, посвятившие себя серьезному изучению мусульманской географии, принять всерьез эту работу не могли. Но для Д.А. Мачинского он оказался весьма важным, ибо посредством разбора давно известных цитат из сочинений мусульманских авторов исследователь попытался включить в свою реконструкцию начального периода древнерусской государственности обширный регион, расположенный на Волжском пути – Волго-Окское междуречье.

Прежде всего, для уточнения хронологии сведений о трех группировках русов Д.А. Мачинский сопоставляет труды Ибн Фадлана, посетившего в 922 г. Волжскую Болгарию и лично общавшегося с представителями разных этносоциумов Восточной Европы и ал-Истахри, составившего свое сочинение в 930-х гг. и никогда не по-

кидавшего Мамлакат аль-Ислам. Исследователь приходит к весьма ответственному выводу: «Сопоставление текстов Ибн-Фадлана и Истахри позволяет заключить, что в 922 г. еще не существовало ни города Болгара, ни расположенных неподалеку от него, на том же речном пути, трех групп и трех городов Руси, или же все четыре города находились в зачаточном состоянии». Логика рассуждений проста: ведь русы – информаторы Ибн Фадлана поведали о властителе, который «живет в очень высоком замке» и при нем состоит «заместитель» – главнокомандующий, но ничего не говорили ни о каких-то «трех группировках», равно как об «острове русов», упомянутом в сочинении Ибн Русте второй половины IX в. При этом Д.А. Мачинский полагает, что версия информаторов Ибн Фадлана «весьма напоминает реальное соотношение в политической жизни Древней Руси фигур Игоря и Олега» (Мачинский 1985: 6-7).

Между тем, информативность цитируемых мусульманских источников для историка и археолога у Д.А. Мачинского – и не у него одного – традиционно переоценивается. Налицо очень распространенная абберация: исследователь готов дотошно препарировать источник, чтобы извлечь из него именно ту информацию, в которой остро нуждается – и мало задумывается о реальной степени достоверности тех данных, которыми он оперирует. В самом деле, ведь содержание рассказа информатора нам известно только в переложении Ибн Фадлана, общавшегося с русами через переводчиков из местного населения, т.е. можно только догадываться, насколько точно информация прошла через три системы вербальной коммуникации: русскую, тюркскую и семитскую. Но допустим, все хорошо поняли друг друга, что вполне вероятно. Достаточно задать очень простой вопрос: почему, собственно, информатором Ибн Фадлана не мог быть представитель одной из трех группировок русов, просто умолчавший по тем или иным причинам о двух других, что также вполне вероятно? Коль скоро стенограммой общения араба и руса мы не располагаем, не знаем, о чем именно и как расспрашивал Ибн Фадлан своего информатора. И почему не предположить, что ситуация с «дуализмом власти» по каким-то неведомым нам причинам, сугубо личного порядка, не могла сложиться и в одной из трех группировок русов? Что касается «дуализма власти», то вывод Д.А. Мачинского можно было бы принять, если бы летописное изложение генеалогии и деяний первых князей, именуемых Рюриковичами, равно как и хронология этих деяний признавались достоверными. Однако в достоверности летописной версии событий, датированных периодом 862-944 гг., исследователи сомневаются давно; уместно напомнить, что историки и археологи уверенно корректируют и дополняют эту версию, когда ощущают в этом необходимость: то рассуждают о «захвате власти» Рюриком, то признают или не признают реальность его братьев, то признают, то не признают Игоря сыном Рюрика, etc. Таким образом, в сопоставлении ПВЛ с мусульманской традицией у Д.А. Мачинского недоказанное и недоказуемое доказывается недоказанным и недоказуемым. Впрочем, едва ли в этих построе-

ниях присутствует система доказательств, необходимая для обоснования любой гипотезы: отмеченное автором весьма проблематичное «сходство» ситуаций с «царем русов» у Ибн Фадлана и Олегом и Игорем в ПВЛ – определенно не доказательство и даже не аналогия.

Так же обстоит дело с «тремя группировками русов», которые Д.А. Мачинский уже на стр. 7 своей публикации уверенно локализует на той речной системе, что и Булгар – и только на последующих страницах приводит доказательства этой локализации. Здесь исследователь обращается к сочинениям арабских авторов ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукаля и персидскому анонимному трактату «Худуд-ал-алам», отражающим, по его мнению, реалии X в. У арабских авторов Д.А. Мачинский заимствует прежде всего «волжскую» локализацию русов (цитата из ал-Балхи в изложении ал-Истахри и Ибн Хаукаля с упоминанием «Куаны-Карбаны-Куябы») между булгарами и славянами (Мачинский 1985: 8) и характеристику тех самых «трех группировок». Эта характеристика любопытна прежде всего типичной для Д.А. Мачинского манерой изложения, вроде бы определяемой форматом небольших статей: выборочное цитирование, не позволяющее читателю сконцентрироваться на важнейшем вопросе о степени достоверности всего текста, зато позволяющее свободно оперировать цитатами. Узнав, что, по ал-Балхи, русы живут на реке Атил и соседствуют с Яджуджами и Маджуджами, читатель увлекается дальнейшим изложением – и не задается вопросами ни относительно протяженности реки Атил в представлениях арабов, ни о том, какая река у цитированных авторов так называется, ни, тем более, насколько вообще арабская география соотносима с современными географическими знаниями, что принципиально важно для правильного понимания ситуации. А между тем, Д.А. Мачинский уверенно находит сходство в характеристике русов у ал-Балхи и одной из «трех группировок» у ал-Истахри и Ибн-Хаукаля – Артанией. Сходство, собственно, состоит в том, что в обоих случаях говорится о торговле мехами и рабами (Мачинский 1985: 8-9). Достаточно ли столь поверхностного сходства для каких-либо выводов? А между тем, на этом основании исследователь утверждает, что в сочинениях мусульманских авторов зафиксированы некие изменения в ситуации, сложившейся в Волго-Окском междуречье в X в.

Более того, переходя непосредственно к характеристике «трех групп русов» по ал-Истахри и Ибн Хаукалю, Д.А. Мачинский предлагает читателю выводы, которые невозможно сделать, исходя из текстов арабских авторов. Поскольку самая отдаленная «волжская» группировка – «Салау-Славийя» еще и «самая высшая» и не имеет непосредственных торговых связей с Болгарией, но зато торгует с Румом и налагает дань на румские пограничные районы, исследователь признает, что «в основном эти сведения относятся к южной, Киевской руси». И снимает противоречие удивительно просто: «Видимо, через Славийю система “трех групп руси” была административно подчинена среднепроевской Руси, ориентированной на торгово-политические контакты с Византией» (Мачинский 1985: 9). Но позвольте, в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукаля

никакая «Киевская Русь», господствующая над прочими группировками русов, вообще не упомянута, почтенные мусульманские книжники просто «проглядели» это крупное государственное образование... если, конечно, не отождествить традиционно Киев с «Кокианой-Куявой-Карбаной»! Давайте уж, анализируя источники, не комбинировать в процессе анализа!

Далее Д.А. Мачинский дважды подчеркивает, что именно «Кокиана-Куява-Карбана» – якобы самое близкое к Болгарии объединение русов – возникло позже двух других и одноименный город представляет собой в X в. «просто охраняемый форпост и торжище» (Мачинский 1985: 9). Пусть так. Что дальше?

А дальше исследователь с неизбежностью должен был усилить доказательства именно «волжской» локализации всех «трех группировок русов», просто потому, что неоднократно предлагались (и предлагаются до сих пор), причем на основании тех же текстов арабских авторов, иные локализации, причем в весьма широком территориальном диапазоне – от Прибалтики до Подонья (Соболевский 1929: 55-58; Мавродин 1945: 204-206; Hrbek 1957: 628-652; Новосельцев 1965: 415-419; Рыбаков 1982: 330-334; Горский 2004: 63-66; Николаенко, Степовой 2005). И такие доказательства Д.А. Мачинский находит сначала на известной, неоднократно анализированной исследователями карте ал-Идриси, составленной в середине XII в., в легенде которой, по его мнению, использован какой-то «дорожник» X в. (Мачинский 1985: 10). Уверенность в существовании такового, однако, не основана ни на чем, кроме упоминаний в тексте ал-Идриси расстояний с «днями пути» и «остановками». Увы, приходится признать, что факт существования «дорожника» недоказуем: с тем же успехом можно полагать, что данные о расстояниях между этносоциумами Восточной Европы были получены от болгарских информаторов или собственно от русов-купцов, или, наконец, от тех представителей населения Восточной Европы, славян и не-славян, которые оказались с мусульманском мире прежде всего как рабы. Такое предположение кажется наиболее вероятным прежде всего потому, что, по свидетельству Ибн Фадлана, волжские болгары не допускали в 920-е гг. мусульманских купцов вглубь Восточной Европы, а тех, кто пытался нарушить запрет, просто убивали. Нет оснований полагать, что ситуация кардинально изменилась и позднее, во второй половине X в.: конкуренты болгарам были не нужны. В такой ситуации составление какого-то арабского «дорожника» по лесной зоне Восточной Европы – более чем сомнительно. Но если сведения об этой обширной территории получались от информаторов, возникают серьезные основания предполагать и возможность ошибок, путаницы при переводе с одного языка на другой, и злонамеренного сокрытия достоверных данных, введения арабских купцов в заблуждение. Такая предосторожность была не лишней, поскольку, несмотря на все жесткие меры со стороны булгар, исключить полностью проникновение в их сферу влияния каких-нибудь настоячивых конкурентов было, конечно, нельзя. Соответственно, информация о «днях пути», которой столь большое внимание уделял Д.А. Мачинский, теряет до-

стоверность. Впрочем, возможна и другая абберрация. Уместно напомнить, что, во-первых, каждый этносоциум, будучи даже не очень многочисленным, в исторической действительности эпохи раннего средневековья Восточной Европы должен был контролировать большие территории. Границы этих территорий, разумеется, не могли жестко контролироваться, но все же четко маркировались и соседи имели о них вполне определенное представление. Столь же бесспорно, что между «тремя группировками русов» должны были пролегать некие пространства, либо пустынные или малонаселенные, либо принадлежавшие другим этносоциумам. Может быть, «дни пути» указаны от границ одной «группировки» до другой? А если еще указаны не с той точностью, с какой нам бы хотелось?

Приходится, таким образом, признать, что именно сведения ал-Идриси о северо-востоке лесной зоны, где непосредственно действовали информаторы арабов и персов, болгары и русы, все же не могут быть признаны надежным доказательством «волжской» локализации «трех группировок русов» – хотя на карте они как будто и помещены именно в таком контексте. Надо было бы найти хотя бы еще один источник из мусульманской традиции с более определенными указаниями на сей счет. И такой источник, также давно известный исследователям, Д.А. Мачинский находит: это анонимный персидский трактат «Худуд-ал-алам».

В этом трактате исследователь обнаружил не только ту же «волжскую» локализацию «трех группировок русов», но и однозначные указания на то, что южной границей страны русов является «река Рута», отождествляемая исследователем с Окой и Угрой. И тогда, исходя из всех привлеченных исследователем мусульманских источников, все получается очень складно: «Между 922 и 930 (или 950) гг. в междуречье Волги и Оки (но не непосредственно на их берегах), на торговых путях, ведущих на восток (или юго-восток) возникает система из “трех групп руси”, живущих в трех районах, около трех опорных пунктов (городов). Первая из этих “групп” (“Куана”) занимает выдвинутую на восток (или юго-восток), соединенную удобным речным и сухопутным путем с Булгаром область, видимо, в бассейне (или на берегу) Клязьмы, не принадлежавшем руси до этого. С первой группой тесно связана торговый (преимущественно речным) путем вторая группа, центр которой – Арса/Арта – находится на 100-140 км западнее или северо-западнее Куаны; эта группа самая активная и одновременно самая замкнутая в торгово-политическом отношении, видимо, существует на территории и ранее контролировавшейся русью. Третья группа с центром в Салау/Слава не торгует с Булгаром, хотя расположена неподалеку, западнее двух других, и названа “вышей”; она, видимо, связана с Днепровско-Волховской Русью и географически тяготеет к ней» (Мачинский 1985: 14).

Выслушав Д.А. Мачинского, уместно послушать и тех, кто серьезно анализировал труды арабских и персидских географов – хотя бы потому, что мы, как впрочем, и Д.А. Мачинский, не владем восточными языками и не можем, следовательно, вникнуть в тонкости восприятия и перевода этих текстов. Вот как определяет

степень информативности повествования «Худуд-ал-алам» о «реке Руте», которую Д.А. Мачинский уверенно отождествляет с Окой-Угрой, А.П. Новосельцев: «После Русской реки в “Худуд ал-алам” упомянута река Рута, которая вытекает из гор на границе печенегов, мадьяров и русов. Затем она течет от пределов русов в Саклаб, достигает шахра Хордаб, относящегося к Саклабу (славянам), и там используется на орошение их посевов. Это самый сложный для расшифровки гидроним нашего источника. Автор опять, стремясь определить пределы описываемой части “обитаемой земли”, соединил несколько известных ему понятий о реках в одно. Под этим названием, скорее всего, подразумевается Дон, но, возможно, и Дунай, известный арабам через Византию. Оба названия в арабской графике могли в искаженной форме дать Руту. Но попытаться нанести на карту Руту Анонима – безнадежное занятие, так как он спутал источники IX в. (группы Ибн Русте – Гардизи с информацией более поздней о разных реках Восточной Европы. Таким образом, материал о реках Восточной Европы “Худуд ал-алам” показывает, как вместо достаточно четких сведений о течении Волги (правда, не всем) приходят путанные представления о прочих реках Восточно-Европейской равнины» (Новосельцев 1986: 96).

Итак, там, где Д.А. Мачинскому все или почти все ясно, А.П. Новосельцев видит путаницу представлений – что весьма существенно для этой темы: если река Рута – ненадежный ориентир, то теряет смысл вся уверенная «волжская» локализация «трех группировок русов». Относительно последних А.П. Новосельцев высказывается вполне определенно: «Вторая часть рассказа о русах “Худуд ал-алам” содержит описание их трех городов – Куйана, Сла.а и Артаба (л. 38а). Нетрудно заметить, что это сокращенный вариант известного рассказа о трех видах русов, имеющегося в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукаля и предположительно восходящего к ал-Балхи. Мне приходилось переводить и комментировать этот рассказ, и ничего принципиально нового добавить я не могу. Хочу только еще раз обратить внимание на то, что он относится ко всем русским землям IX в., южным и северным. Что Куйаба – это Киев, в этом ныне, кажется, никто не сомневается. Сла.а (в “Худуд ал-алам”) – несомненно, одно из поселений на месте Новгорода (Новый город) или рядом с ним. Новейшие труды археологов дали много новых данных для изучения Внешней, или Верхней, Руси. Теперь, кажется, еще больше оснований полагать, что одно из поселений на месте Новгорода в IX в. может быть сопоставлено с сохранным арабскими авторами названием второго русского города. Допустимо, что оно сохранилось в названии Славинский конец.

Что касается третьего города восточных источников этой группы, название которого, вероятнее всего, правильно должно читаться Арса (“Худуд ал-алам” – Артаб), то его поиски пока к общепризнанным результатам не привели. Мне представляется, что искать его следует скорее всего на северо-востоке, в районе Ростова-Белозера» (Новосельцев 1986: 102).

Как видим, А.П. Новосельцев не видит оснований пересматривать ставшие уже традиционными пред-

ставления о локализации «трех группировок русов» (в чем мы с ним вполне согласны) и признает эту версию принадлежащей уже ал-Балхи (с чем мы не можем ни согласиться, ни не согласиться, не владея тем объемом информации по арабской географии, который дает право на суждение). Отметим также, что А.П. Новосельцева не смутили пресловутые «дни пути» – очевидно, уважаемый арабист имел некоторые основания не относиться к этим данным с такой серьезностью, как Д.А. Мачинский. Т.е. речь идет не о более или менее точной локализации каких-то группировок русов в Восточной Европе, а о представлениях мусульманских авторов о политической географии этих отдаленных и непосредственно не посещаемых ими территорий, что далеко не одно и то же.

Серьезных попыток соотнесения письменных источников с археологическими в публикации 1985 г. Д.А. Мачинский не сделал, ограничившись многозначительными, и, как всегда, очень уверенными, намеками. Славию исследователь отождествляет с Переяславлем Залесским на Александровой горе и переяславской группой курганных могильников X – XI вв. И утверждает, что именно через этот район, связанный с Киевом и Новгородской землей, проходили группы мигрантов вглубь междуречья (Мачинский 1985: 17). Однако никаких ссылок на материалы раскопок памятников переяславской округи, которые подтвердили бы это ответственное предположение, у Д.А. Мачинского нет, а утверждение, что путь мигрантов на восток-юго-восток проходил через Переяславль и вовсе ничем не подтверждено, кроме географического положения города, однако этого явно недостаточно. А если вспомнить, что через Славю должны осуществляться и какие-то связи с югом, вопросов к автору возникает еще больше. Ибо никаких данных, подтверждающих это предположение Д.А. Мачинского, в материалах археологических исследований памятников переяславской группы не обнаруживается.

Еще сложнее обстоит дело с Куявой-Кокианой-Карбаей, etc. Эту «группировку русов» Д.А. Мачинский считает самой поздней по времени возникновения, прочно связанной с Болгарией и Хазарией – и отождествляет с суздальской группой курганных могильников и городищем у с. Васильки. При этом название «Суздаль» выводится из скандинавских языков, а название «Карбая» – из языков тюркских, поскольку было дано болгарами и гузами (Мачинский 1985: 18-20). Однако и материалы раскопок городища Васильки не содержат ничего, что подтвердило бы предположения Д.А. Мачинского (Лапшин, Мухина 1988: 132-149). Во всяком случае, никаких следов присутствия здесь многочисленных тюрок, нет. Массированные исследования селищ I тыс. н.э. на территории Суздальского ополья, предпринятые Н.А. Макаровым и С.В. Шполянским, привели к существенной конкретизации представлений о системе расселения в этом районе и взаимодействии различных этносоциумов в этот период – но не обнаружили ничего, что подтвердило бы предположения Д.А. Мачинского (Макаров 2007: 7-20).

Наконец, самая ранняя по времени возникновения группировка – Арсания. Рассуждая об этой группиров-

ке, Д.А. Мачинский для начала утверждает, что «первое военно-торговое проникновение Руси как в район Ростова, так и вообще в Поволжье фиксируется появлением скандинавских рун на арабских монетах из кладов 810-820-х гг. (Элмед у Булгара, Угодичи на оз. Неро)» (Мачинский 1985: 18). Прервем на время уважаемого исследователя и зададимся вопросами (сколько же можно вопрошать?): почему руны на монетах должны означать какое-то вообще присутствие тех, кто их нанес, в местах сокрытия кладов? Через сколько рук прошли эти монеты, пока не попали в Элмед и Угодичи? Наконец, кто вообще зарыл эти клады? И уж не считал ли Д.А. Мачинский, что факт наличия рун однозначно свидетельствует о том, что владельцами сокровищ были скандинавы? Получается, что так, но, повторим в который уже раз, такие умозаключения могут убедить только тех, кто очень хочет убедиться, и таких в середине 80-х еще было достаточно много.

Однако продолжим. Д.А. Мачинский подробно анализирует возможности передачи названия этой «группировки русов» в разных языках, но достаточно неопределенно отмечает, что «центром этой группы издавна был Ростов» (Мачинский 1985: 18). Что значит – «издавна»? В 1985 г. на территории Ростова не велись еще активные археологические исследования и никаких материалов раскопок, позволяющих предполагать существование Ростова в IX в., просто не было. Более того, как мы видели, вопрос о возможном отождествлении Ростова, упомянутого в летописи под 862 г., с Сарским городищем еще дискутировался. Снова догадка, если хотите – мистическое откровение? Впрочем, здесь, как показали исследования А.Е. Леонтьева, развернувшиеся уже в 1990-е гг., Д.А. Мачинский оказался почти прав: отождествлять Сарское городище с Ростовом стало уже окончательно невозможно, однако древнерусских антропогенных отложений IX в. на территории города так и не было обнаружено. Поселение этого периода было мерянским (Леонтьев 1996: 280-281; 1998; 2004; Самойлович 2003). Однако об участии летописной мери в становлении древнерусской государственности на территории Волго-Окского междуречья в публикации 1985 г. у Д.А. Мачинского ни слова. Эти исторические статисты просто не нужны в изложении перипетий миграции русов и отношения с ними ни на что не влияют. В отличие от финно-угров северо-запада Восточной Европы, которых, как будет показано ниже, Д.А. Мачинский представляет активными участниками изгнания и призвания варягов. При этом, рассуждая о трех группировках русов в Волго-Окском междуречье, Д.А. Мачинский намекает на «гидронимическое триединство» этих группировок: «две группы расположены в бассейне двух рек Нерль, третья – у оз. Неро» (Мачинский 1985: 15). Так-то оно так, только гидронимы с формантом -нер- не «русские» и не славянские, а именно финно-угорские! Определенное значение в таком отношении к финно-уграм Волго-Окского междуречья могло сыграть и то, что, как неоднократно отмечалось выше, в 1985 г. археологические памятники летописной мери не были еще в полном объеме введены в научный оборот – но уж муромские могильники были известны с се-

редины XIX в. Можно было бы хоть намекнуть, что «освоение» русами Волго-Окского междуречья проходило не в пустынных пространствах, которые «воззвали к жизни» мигранты. Более того, местное финно-угорское население явно и активно участвовало в тех же торговых операциях, которые, по мнению исследователя, и привели русов в этот обширный регион.

Весьма показательно также, что в рассуждениях об Арсании Д.А. Мачинский упоминает поселения нижнего течения Которосли (точнее Тимерево) и Угодичи и ничего не говорит о курганных могильниках округа Ростова, давно известных исследователям. Очевидно, необходимости в упоминании этих памятников просто не ощущалось – зачем, когда и так все ясно?

Так представлял себе Д.А. Мачинский ситуацию в Волго-Окском междуречье в IX-X вв. в 1985 г., не изменил он своих представлений и позднее, когда появились данные, явно им противоречащие. Впрочем, этот обширный регион интересовал исследователя лишь постольку, поскольку в общем контексте цитированных выше представлений о Европейской и Азиатской Скифии/Сарматии и исторических судьбах России можно было намекнуть на то, что русы-скандинавы и на эту территорию распространили свое влияние. Куда большее внимание Д.А. Мачинский, естественно, должен был обратить на те территории, через которые «европейская упорядоченность» начала распространяться среди славянского и неславянского населения лесной зоны.

КАК ПРАВИЛЬНО ЧИТАТЬ КИРИЛЛИЧЕСКИЙ ПОЛУУСТАВ

Однако и в рассуждениях Д.А. Мачинского о «призвании варягов» обнаруживаются такие же нагромождения гипотез, догадок, деклараций.

В публикации 1984 г. Д.А. Мачинский также начинает с источников письменных, признавая, вслед за А.А. Шахматовым, наличие в Новгородской I летописи младшего извода (Нлм) «самого архаичного рассказа о начале русской государственности (Мачинский 1984: 12). Заметим, что исследователь здесь не объясняет, почему, собственно, более древний, «архаичный» источник, пусть даже и новгородский, должен содержать больше достоверных данных о тех или иных событиях, чем источник более поздний, пусть даже и киевский? Априорная уверенность в том, что древнейший источник всегда достовернее сравнительно с источником более поздним – давно утвердившееся в отечественной исторической науке заблуждение, поскольку давно известно, что достоверен или недостоверен для историка не только источник сам по себе, но прежде всего информация, в нем содержащаяся, которая требует проверки и может либо подтвердиться, либо не подтвердиться. Тем более, что речь идет о записях устной традиции, бытовавшей в разных социальных, этнических, конфессиональных группировках (возникнув среди язычников, традиция существовала среди христиан). Именно те разночтения в изложении событий 860-х гг., которыми оперирует Д.А. Мачинский, свидетельствуют о том, что единой письменно зафиксированной версии событий скорее всего

не существовало. Кроме того, как и в других традициях эпохи средневековья (западноевропейской, мусульманской, о которой речь шла выше), в древнерусских летописях должно было проявляться и проявлялось стремление заполнить лакуны в достоверной информации о тех или иных событиях представлениями о том, что и как происходит или должно было происходить в той или иной ситуации. А ведь есть еще индивидуальные особенности восприятия информатора. Все версии событий 860-х гг., которые с таким упоением анализировали, раскладывали по буквам несколько поколений историков и археологов – это всего лишь записанный (насколько дословно – недоказуемо!) и переписанный в XI-XII вв. устный рассказ некоего неизвестного информатора, это его, неизвестного, представления о Рюрике, Олеге, Игоре – etc, как неоднократно отмечали историки... и снова пускались в анализ этих представлений, истолковывая их в том контексте, который им представлялся актуальным. Сблудив узнать что-то определенное о начале начал явно пересиливает здравый смысл. Есть основания полагать, что эти упражнения в анализе записи одного из древнерусских преданий, канонизированной составителями летописных сводов, будут продолжаться и дальше как норманистами, так и антинорманистами, хотя и те, и другие уже явно устали от полемики по этому вопросу. Можно уверенно полагать, что возвращение к установкам «государственной школы» русских историков XIX в., отказавшихся придавать решающее значение происхождению Рюрика и обстоятельствам его появления на северо-западе Восточной Европы стало неизбежным. Но для Д.А. Мачинского этот многократно цитированный несколькими поколениями историков и археологов летописный текст был исполнен, не будем забывать, мистического смысла. С течением времени он несколько конкретизировал свое отношение к летописным повествованиям о начале древнерусской государственности и признал, что это все же не хроникальные записи событий, а нечто вроде скандинавских исторических саг (сравнивать с другими традициями было и некогда, и незачем), что значительно расширяло свободу маневра в интерпретациях этих источников (Мачинский 2009). Но свобода маневра в интерпретации источника не тождественна критике такового, ибо маневры в интерпретации есть попытка расширить информативность источника, а критика предполагает прежде всего жесткое определение таковой. В 1984 г. исследователь акцентирует «архаичность» повествования Нлм явно для убеждения читателя именно в большем соответствии этой версии материалам археологических исследований раннесредневековых памятников северо-запада Восточной Европы, сравнительно с версией ПВЛ, и этого вывода он будет придерживаться и в итоговой работе 2009 г.

Однако в «архаичном рассказе» Нлм его изначально не устраивает упоминание о призвании Рюрика в Новгород, поскольку, как известно, в Ипатьевском и Радзивилловском вариантах ПВЛ упоминается о строительстве призванным князем города Ладоги. Обращение к археологическим источникам в данном случае не даст желаемого результата – опровержения версии Нлм. В самом

Новгороде, как известно, антропогенных отложений второй половины IX в. нет, но есть Новгородское («Рюриково») городище, остатки резиденции новгородских князей – памятник, материалы исследований которого к 1984 г. в полном объеме еще не введены в научный оборот, но в перспективе могут серьезно укрепить «новгородскую гипотезу» становления древнерусской (не русской!) государственности. Как же Д.А. Мачинский выходит из этого весьма затруднительного положения?

Он датирует версию НІм и введение к тексту этой летописи временем княжения в Новгороде Владимира Ярославича (1036-1052 гг.) на том основании, что в этой фразе признается «временной приоритет Новгорода, “где раньше грады начаша бывати” при признании значения Киева». Соответственно, предполагается существование «Новгородского свода около 1050 г.», из которого и происходит этот фрагмент текста (Мачинский 1984: 12). В свою очередь, этот самый свод 1050-х гг., надо полагать, должен был войти в тот Начальный свод конца XI в., который стал источником НІм (Шахматов 2005: 428-464; Гиппиус 2006: 59-60; Михеев 2008: 58-59).

Датировка, в сущности, ни на чем не основана, ибо представления о приоритете Новгорода над Киевом в сознании новгородцев вполне могли сложиться и задолго до появления в Новгороде Владимира Ярославича. Утверждению таких представлений в общественном сознании новгородцев должен был способствовать сам статус Новгорода в государственной территории Древней Руси по крайней мере с X в.: достаточно вспомнить и новгородский ультиматум Святославу Игоревичу в 971 г. о готовности самим поискать себе князя, и отложение Новгорода от Киева в 1015 г., в последний год великого княжения Владимира Святославича с последующим активным участием новгородцев в борьбе Ярослава Владимировича за Киев. «Грады» для летописцев – это административные центры, из которых на огромные пространства распространяется некий порядок, устав, закон, без которых невозможно общежитие людей. Правда Ярослава тоже пошла из Новгорода, причем дана была князем в экстремальной для последнего ситуации по требованию горожан.

В этом контексте представления о том, что в Новгородской земле «грады раньше начаша бывати» вполне логичны, поскольку самостоятельность новгородцев и их победы над киевлянами объясняются не только высокими боевыми качествами воинов и помощью Божьей, но и изначально более совершенной общественной организацией: в X – первой четверти XI вв. новгородцам и в самом деле было чем гордиться перед обитателями прочих регионов Древней Руси, в частности, перед киевлянами. Поэтому полноценной гипотезой предположение Д.А. Мачинского о составлении некоего «свода 1050-х гг.» в Новгороде, отразившего «архаическую версию» предания об изгнании и призвании варягов, признать никак нельзя, ибо оно не поддается проверке и не имеет достоверных обоснований. С тем же успехом можно рассуждать о «своде 971 г.» или «своде 1015 г.» Усиливая свою аргументацию, Д.А. Мачинский обращает внимание на известный пассаж введения в НІм, ставший камнем преткновения для нескольких поколений нормани-

стов и антинорманистов: «И суть новгородьстии люди до нынешнего дни от рода варяжска» и утверждает, что эта фраза «особенно естественна» именно для времени Владимира Ярославича, «частично варяга по отцу и полностью по матери» (Мачинский 1984: 14).

Однако в тексте летописи определенно речь идет не о генеалогии князя, а о родовой принадлежности этносоциума; или, по крайней мере, лидеров такового; кроме того, почему же не признали себя еще в X в. «от рода варяжска» киевляне, которыми управляли князья – этнические варяги? Очевидно, искать объяснение этого фрагмента НІм надо на ином информационном поле. Со своей стороны, выскажем недоказуемое предположение, что НІм зафиксировала бытование в Новгороде некой генеалогической легенды, возводящей происхождение «новгородских людей» к варягам *ad contraria* не только киевлянам, черниговцам и прочим заведомым носителям «языка словенска», но и полиэтническому населению обширной новгородской волости, которое этими самыми «новгородскими людьми», т.е. городской общиной, нещадно эксплуатировалось. Ничего уникального в таком мифотворчестве нет: в Речи Посполитой, как известно, шляхта считала себя потомками сармат, кстати, ни слова не зная по-сарматски, а хлопов – потомками славян. Откровенное славяноязычие новгородских людей также не должно было никого смущать, как и славяноязычие «сарматской» шляхты. Тем более, что некоторое количество вполне реальных потомков скандинавов среди новгородцев, причем разной социальной принадлежности, несомненно, имелось, что должно было придавать генеалогической легенде достоверность в представлениях современников. Когда именно сложилась эта легенда, неясно, но опять же нет оснований полагать, что именно при Владимире Ярославиче, а не за полвека до него, а то и раньше. Если это так, то приписка редактора ПВЛ «а прежде были словене» откровенно иронична по отношению к новгородской фанатерии. Так или иначе, сомневаться в почтенной древности версии НІм оснований нет, однако предание остается преданием и проверка степени достоверности отдельных его компонентов тем сложнее, чем меньше источников может быть задействовано в этой процедуре. В данном случае письменные источники, которыми можно было бы проверить версию НІм отсутствуют *ex officio*. Тем не менее, признав существование новгородского свода «около 1050 г.», Д.А. Мачинский обращает внимание на то, что если в ПВЛ в повествовании об «изгнании варягов» фигурируют чудь, словене, меря и кривичи, а призывают варягов чудь, словене и кривичи («участие веси сомнительно»), то в новгородской версии обнаруживается «устойчивая триада»: словене, кривичи, меря (Мачинский 1984: 14). И эта «триада» уверенно связывается Д.А. Мачинским «по законам фольклора» с тремя князьями-варягами, каждый из которых в представлениях средневековых новгородцев должен был оказаться во главе одного из этих этносоциумов (Мачинский 1984: 15). Сама по себе идея отнюдь не нова: так, В.Л. Янин и М.Х. Алешковский намекали на фольклорное соответствие трех братьев-варягов трем этносоциумам

– но в их гипотезе это соответствие аргументировало изначальное триединство полиэтничного Новгорода (Янин, Алешковский 1971: 42-61). Д.А. Мачинскому надо было, наоборот, «развести» словен, кривичей и мерю, упомянутых в НІм, из Новгорода по обширным пространствам северо-запада Восточной Европы и дать каждому этносоциуму свой центр – не в предании, а в реконструкциях исторической действительности эпохи раннего средневековья. Гораздо важнее другое: Д.А. Мачинский, видимо, по недостатку места в публикации 1984 г. не уточнил даже ссылкой для читателей-профанов, о каком именно «законе фольклора» идет речь, кто этот закон установил и насколько таковой универсален. Не лишним было бы также напомнить читателю, что все версии преданий о призвании варягов, и «новгородская», и «киевская», т.е. записанные в Новгороде и Киеве, весьма поздние по отношению к событиям, о которых идет речь, следовательно, в этих преданиях, вот уж точно по законам фольклора, могли и должны были смешаться реалии разных времен – сидят же в русских былинах за одним столом князь Владимир и Ермак Тимофеевич. Соответственно, «триады», бросающиеся в глаза в повествовании НІм, могут принадлежать различным хронологическим пластам и совмещение этих «триад» оставляет исследователя в границах фольклорного времени, не выпуская в *tempus historicum*. Однако, ограничившись, как и несколько поколений историков и археологов до него, короткой констатацией факта возможного содержания в предании достоверной информации, Д.А. Мачинский «отважно и честно» пускается в анализ источников.

Прежде всего, он «вслед за М.Х. Алешковским и В.Л. Яниным», признает, что в тексте НІм «речь идет не о «ростовской», а о «новгородской» мере: «Полагаю, что первоначально в новгородском сказании упоминался этноним с корнем мер/нер/нор/мор – летописная норова/нерева/морева, жившая, в частности, в бассейне Псковского озера, где и находится Изборск» (Мачинский 1984: 19). Эту же локализацию норовы/неревы/моревы исследователь уверенно повторил в своей публикации 1990 г., специально посвященной финно-угорским этносоциумам северо-запада Восточной Европы – уже со ссылкой на свою публикацию 1984 г. (Мачинский 1990: 116-117). Но ссылка на М.Х. Алешковского и В.Л. Янина не совсем корректна. В их совместной публикации 1971 г. относительно названия Неревского конца сказано буквально следующее: «Другой конец города – Неревский – при обычной взаимозамене “м” и “н” включает в свое наименование этноним мери» (Янин, Алешковский 1971: 42). И далее: «Нет нужды так же подробно останавливаться на характеристике третьего члена федерации – контингента угро-финнов. Их археологические следы в городе уже отмечены выше. Отметим лишь одно важное обстоятельство. В.Н. Бернадский убедительно показал, что копорские князья и карельские валиты принадлежали к сословию новгородских великих бояр, избираясь на высшие магистратские должности в Новгороде. Исследователь сделал из этого заключение, что “и в XIV в. ряды новгородского боярства пополнялись за счет феодализирующейся племен-

ной знати”». Нам такой вывод представляется невероятным: боярство Новгорода было аристократической кастой и, следовательно, не пополнялось. Отсюда очевидно, что угро-финская племенная знать с самого начала была компонентом новгородской аристократии» (Янин, Алешковский 1971: 51). И все. Ничего не сказано ни о том, о какой именно мере идет речь, тем более – где эта мера расселялась. Оно и понятно: авторов интересовала не локализация этого этносоциума вне Новгорода, а его изначальное присутствие в Новгороде. Таким образом, локализация «норовы/неревы/моревы» в бассейне Псковского озера, Великой и Луги – собственное предположение Д.А. Мачинского, не подкрепленное в 1984 г. никакими серьезными аргументами, даже *ad auctoritatem*. Приводимые Д.А. Мачинским в качестве доказательств широкого ареала расселения «норовы/неревы/моревы» топо- и гидронимы с этим формантом, увы, мало что доказывают, имея в виду многообразие его значений в финно-угорских языках, никак не связанных с этнонимией: «море, озеро, большая вода, болото, низина» – мало ли таких объектов на местности на огромных территориях, заселенных финно-уграми! И мало ли небольших и достаточно крупных групп могло именовать себя – на родственных языках, но не состоя в близком этническом родстве и не образуя единого этносоциума! – по особенностям ландшафта местообитания, не мудрствуя лукаво. «Ростовская и Переславская мера», судя по локализации на крупных озерах – это «люди большой воды», причем состоящие в весьма отдаленном родстве с «новгородской мерей» о которой писал Д.А. Мачинский. В этом контексте столь уверенно отождествлять с «норовой/неревой/моревой» огромные массивы археологических памятников – «псковско-боровичских длинных курганов» – по меньшей мере рискованно. И, кстати, тогда совершенно непонятно, почему же и территория «ростовской» мери не включается в ареал «норовы/неревы/моревы» – ведь на этой территории легко можно обнаружить топонимы с тем же формантом мер- нер-?

Но есть и еще одно важное обстоятельство, напрочь подрывающее доверие к рассуждениям Д.А. Мачинского о пресловутых «триадах». Дело в том, что упоминание в предании, отраженном НІмл словен, кривичей и мери вполне соотносится не с событиями третьей четверти IX в., а с реалиями XI – первой четверти XII вв. В этот период в состав Новгородской земли определенно входят ареалы расселения словен, части кривичей и... не только «новгородской», но и «ростовской» мери, т.е. центральные и западные районы Волго-Окского междуречья. Как известно, этот обширный регион заселялся в IX-X вв. выходцами с северо-запада, из ареала словен и кривичей, что давало новгородцам полное право претендовать на дань с новых территорий. «Ростовская» мера была хорошо известна своим северо-западным соседям уже со времен Рюрика, а скорее всего задолго до него. Изложение событий 1015 г. в ПВЛ и неоднократно привлекавшей внимание исследователей «Саги об Эймунде Хрингссоне» дает достаточно веские основания полагать, что именно претензии Новгорода на дань с Волго-Окского междуречья стали главной при-

чиной конфликта между Ярославом Владимировичем и Борисом Владимировичем, вызвавшего вмешательство Владимира Святославича на стороне младшего сына. В конце XI в. Ростовская земля явно находится под новгородским сюзеренитетом. Таким образом, «ростовский вопрос» долгое время был весьма актуальным для Новгорода. Только сокрушительный разгром в битве на Ждане горе в 1135 г. окончательно убедил новгородцев в том, что в Ростовской земле утвердилась княжеская династия, способная отстаивать свои интересы (Кучкин 1984: 72-75). В этом контексте именно «по законам фольклора», совмещавшего, как отмечалось выше, разные временные пласты, именно утверждение изначальности «триады» Новгород (словене) – Псков (кривичи) и... Ростов (меря) для новгородца, осознающего и свое происхождение «от рода варяжска», и приоритет Новгорода над Киевом в XI-XII вв. оказываются весьма актуальными и включаются в повествование о становлении новгородской волости. Тем более, что и отношения с Псковом изначально были явно далеко не простыми и в дальнейшем только осложнялись.

Еще более сложные построения Д.А. Мачинский предлагает читателю, рассуждая о втором компоненте «триады» – кривичах, где якобы новгородское предание локализует Синеуса, княжившего на Белоозере. Здесь надо было доказать сразу два положения: 1) Белоозеро, упомянутое НІм, расположено не в бассейне Шексны, а на северо-западе Восточной Европы; 2) на этом северо-западном Белоозере жили кривичи.

Первое положение Д.А. Мачинский доказывает как будто достаточно убедительно, поскольку в свое время А.И. Попов, несомненный авторитет в финно-угорской филологии, уже высказал предположение о первоначальном обитании веси-вепсов на Белом озере в Приладожье (Мачинский 1984: 16; Попов 1973: 81). При этом, заметим, задействованы весьма поздние по отношению к НІм источники. Действительно, есть основания признать, что Ладожское озеро именовалось скандинавами и местным финно-угорским населением «Белым». Однако что из этого следует? Интересно было бы выяснить, сколько еще Белых озер, не столь крупных, как Ладога и озеро в бассейне Шексны, известно по разным источникам на территории Восточной Европы?

А вот со вторым пунктом доказательств, как и следовало ожидать, возникли большие сложности. Д.А. Мачинский признает памятниками кривичей длинные курганы Подвинья и Верхнего Поволжья, примыкающие с севера к ареалу смоленских длинных курганов (Мачинский 1984: 18). Допустим, возражений как будто нет. А что дальше? А дальше надо доказать, что эти кривичи доходили до Ладоги. И не только доходили, но и составляли здесь заметную этносоциальную группу, принимающую князя-варяга. И вот здесь уверенно расставляются «запятые доктора Бартоло».

Д.А. Мачинский напоминает, во-первых, о грунтовом могильнике у Никольского монастыря, который В.И. Равдоникас отнес к древностям кривичей; во-вторых, о «явных балтских элементах в культуре нижних слоев Старой Ладоги, зафиксированных О.И. Давидан, К.М. Плоткиным и А.Д. Мачинской; в-третьих, о неодно-

родности погребального обряда сопков, установленной В.П. Петренко. И, конечно, мифология. Д.А. Мачинский утверждает, что «древнерусская культовая пара богов Перун – Волос/Велес является специфическим севернорусским образованием и могла сложиться лишь в областях, где славяне и скандинавы издавна соприкасались с балтами, в религии которых были выявлены образы громовика Перкунаса и его антипода – Вельса/Вильяса». Здесь же приводится, правда, без ссылки на источник, цитата из «известной фразы новгородцев XV в.», что «Владимир крестил кривичскую весь, рекше белозерскую» как доказательство «сложности отношений кривичей и веси на Русском Севере; оказывается также, что кривичи могли доходить и до «шекснинского» Белоозера (Мачинский 1984: 18-19). Попробуем оценить степень информативности и достоверности этих доказательств.

«Явные балтские элементы в нижних горизонтах Старой Ладоги» – это украшения, типичные для населения культуры смоленских длинных курганов. По заключению А.Д. Мачинской, с которой нет оснований не соглашаться, эти предметы образуют набор синхронных украшений женского и мужского костюмов (Мачинская 1990: 56-57). Из этого можно заключить только то, что носители украшений какое-то время присутствовали на поселении. Как долго продолжалось это присутствие, определить невозможно, равно как невозможно определить обстоятельства потери предметов, что само по себе немаловажно. Эти находки, во всяком случае, никак не свидетельствуют о том, что носители украшений были постоянными обитателями Ладоги. Вообще определение этнического состава населения по находкам в антропогенных отложениях поселений тех или иных «этнических определителей» – процедура с достаточно неоднозначными результатами, о чем порой забывают куда более основательные исследователи, чем Д.А. Мачинский. В самом деле, никто не может точно установить, с какой частотой и по каким причинам в тот или иной хронологический период представители определенной этнической группы теряли характерные для этой группы украшения. Но если это так, то отсутствие таковых в культурном слое поселения свидетельствует вовсе не о том, что представители данного этноса здесь не жили, но только о том, что они по каким-то причинам не потеряли для нас фибулы, височные кольца, бусы, etc., в то время как представителям другого этноса повезло меньше. Ergo, необходимо проявлять большую осторожность в выводах, основанных на находках «этнических определителей».

Но есть еще грунтовый могильник с балтскими элементами погребального обряда и инвентаря («кривичскими» или не-кривичскими – все ли балты Восточной Европы – кривичи? разве кривичи – бесспорно балты?), исследованный В.И. Равдоникасом. Этот комплекс значительно более определенно свидетельствует о присутствии среди обитателей поселения неких балтов, чем находки украшений, принадлежавших носителям культуры длинных курганов. Однако, для столь далеко идущих выводов, как у Д.А. Мачинского, и он мало что дает. Напомним, что все население Ладоги в лучшие

времена, по предварительным оценкам, составляло не более 1000 человек обоего пола и разного возраста. Следовательно, когда речь заходит о «ладожских кривичах», можно рассуждать только о некоей весьма небольшой в количественном отношении популяции – поскольку никто не доказал и не сможет доказать, что эти самые кривичи составляли большинство ладожского населения. Д.А. Мачинский в публикации 1984 г. намекает на то, что небольшие срубные дома в Ладоге могли принадлежать именно кривичам – но этому нет решительно никаких доказательств. Как известно, ладожская лепная керамика не обнаруживает генетического родства с керамикой культуры длинных курганов, ни смоленских, ни двинских и верхневолжских. Какой-то небольшой обособленной группе кривичей, оказавшейся в Ладоге и состоявшей, видимо, всего из нескольких семей, вполне мог принадлежать небольшой грунтовый могильник, однако социальный статус населения, оставившего этот могильник, никакими источниками не определяется. Следовательно, нет решительно никаких оснований полагать, что какие-то «ладожские кривичи» должны были активно участвовать в изгнании и призвании варягов как самостоятельно действующая группировка, «принимая» князя-скандинава.

Еще более сомнительными оказываются намеки (именно намеки!) на некие «сложные отношения» кривичей и веси на Севере, исходя из упоминаний позднесредневековых новгородцев о «кривичской рекше белозерской веси», ибо это упоминание само по себе свидетельствует только о восприятии отдаленного прошлого этими самими новгородцами, но никак не отражает историческую действительность IX в. – как и предание о призвании варягов, записанное в XII в. Следовательно, объем и содержание понятия, определяемого сложным термином «кривичская рекша белозерская весь», нуждается в уточнении и никак не может ничего доказывать. Вполне возможно, что в этом определении отразились какие-то смутные воспоминания о событиях X в., т.е. о временах князя Владимира, а не Рюрика со товарищи, но вполне возможно и обычная для массового сознания, творящего фольклорную традицию, путаница реалий, которую в XV в. уже приняли как достоверность. О неоднозначности выводов, основанных на констатации неоднородности погребального обряда сопок, неоднократно говорилось выше. Остается лишь еще раз подчеркнуть, что элементы погребального обряда, при всей консервативности последнего, заимствуются достаточно активно в межэтнических контактах у язычников, чуждых в целом религиозной нетерпимости. И уж совсем непонятно, почему Перун и Велес должны свидетельствовать в пользу «ладожских кривичей», коль скоро есть Гнездово, расположенное как раз в зоне контактов скандинавов, кривичей и славян из других группировок.

Так обстоит дело с мерей и кривичами в построениях Д.А. Мачинского. А что же словене, ведь именно у них, согласно версии НмЛ, «сел» Рюрик, который, конечно же, должен сесть в самой Ладоге? А словен в IX в. Д.А. Мачинский в работе 1984 г. просто не обнаруживает в Приильмене – в полном соответствии с гипотезой

И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова, оказавшейся весьма кстати. И если их там нет, то и оказаться в Новгороде Рюрик никак не мог! Собственно, отсутствие словенских древностей в Приильмене и оказывается куда более весомым аргументом в пользу выводов Д.А. Мачинского об изначально ладожском происхождении легенды об изгнании и призвании варягов, чем все рассуждения об участии в этих событиях кривичей и мери. В таком случае, остается только предположить, что словен, как и кривичей, надо локализовать в Ладоге, ибо иначе и сама «триада» оказывается под вопросом. Или словене здесь вообще лишние, а в Ладогу Рюрика призывал кто-то еще?

Ответ на этот вопрос Д.А. Мачинский обнаружил в ПВЛ, в Лаврентьевском и Ипатьевском списках которой, как известно, среди этносоциумов, призывающих варягов Рюрика, упомянута и «русь». Для ленинградских неонорманистов «первого призыва» это упоминание имело, безусловно, важное, но не решающее значение, просто как удостоверение пребывания неких «варягов-руси» на территории Восточной Европы, которых летописец отличает от тех, которые «брали дань из-за моря». Не более того, но и не менее. Как отмечалось выше, некоторые историки рассматривали это упоминание «руси» среди призывающих «русь из-за моря» как свидетельство недостоверности, запутанности версии ПВЛ. Но для Д.А. Мачинского с его прогрессирующим «ладогоцентризмом» именно присутствие в тексте ПВЛ «руси» среди призывающих варягов (конечно, в Ладоге!) становится уже в публикациях 1990-х гг. краеугольным камнем новых построений, ибо если русь – варяги – норманны, то, в соотнесении с археологическими источниками, свидетельствующими о присутствии последних в Ладоге изначально, само изгнание и призвание варягов становится не столько фактом истории народов Восточной Европы, сколько фактом скандинавской истории с участием словен, кривичей, мери, etc. Именно в этом направлении Д.А. Мачинский начал работать еще в 1980-е гг., когда в его публикациях еще можно усмотреть некую тенденцию к признанию самостоятельного поведения славян и финно-угров в событиях, датированных ПВЛ 862 г.

Таковы, в общих чертах, представления Д.А. Мачинского о становлении древнерусской государственности в «Скандинавском Средиземноморье». Больше добавить к этим откровениям было нечего, оставалось только остановиться на достигнутых рубежах. Завершая краткий обзор творчества этого яркого и незаурядного проповедника «европейского выбора России», приходится с некоторым недоумением констатировать, что ничего принципиально нового в контексте представлений о становлении древнерусской государственности, сформировавшихся в норманистской традиции еще в XVIII-XIX вв., его построения не содержат. Впрочем, иначе и быть не может, поскольку, как нам неоднократно приходилось отмечать выше, ленинградский неонорманизм вообще неоригинален. Новациями здесь, пожалуй, можно признать уже вполне мистический и тотальный «ладогоцентризм». Да, Д.А. Мачинский первым «признал» Ладогу «первой столицей Руси». Но па-

фосными характеристиками Ладоги во всяком случае уже в 1990-е гг. трудно было кого-то удивить: в том же направлении и тоже с середины 1980-х гг. уже работали Г.С. Лебедев, и А.Н. Кирпичников, а реконструкции ареалов различных этнических групп, принимавших участие в изгнании и призвании варягов, оказываются весьма уязвимыми для критики. Тем не менее, реанимировав отождествление скандинавского мифологического образа «Великой Свитьод» в Восточной Европе, Д.А. Мачинский пришел к той конечной точке, в которую был изначально направлен вектор развития ленинградского неонорманизма: коль скоро Восточная Европа есть прародина скандинавов, то не только стремление восточноевропейцев «из хаоса к космосу» вполне естественно, но и стремление скандинавов установить «наряд» в «хаосе» заблудшей прародины закономерно. Более того, это чуть ли не исторический долг скандинавов перед восточноевропейцами. *Quod erat demonstrandum*. В этом контексте само понятие «норманизм» действительно становится бессмысленным, так что Д.А. Мачинский с полным основанием отвергает таковое и предлагает именовать исследователей, признаваемых оппонентами норманистами – «русо-варяжистами», а лучше – «честными исследователями» (Мачинский 1998: 136).

Последнее замечание откровенно забавляет: очевидно, оппоненты «норманистов-варяжистов» оказываются «нечестными». Но ведь для мистика, понимающего предназначения народов, «честность» или «нечестность» просто не существуют, есть только «понимание» и «непонимание», причем определяемое отнюдь не интеллектом и эрудицией, а, пожалуй, врожденной способностью понимать. Если же дело все-таки обстоит иначе, и реконструкции исторических процессов суть догадки, гипотезы, концепции, то в этом случае обвинения оппонентов в «нечестности» – достаточно тяжелое и должно быть обосновано не декларацией, а конкретными фактами, в противном случае можно рассчитывать на «асимметричный» ответ.

Дальше развивать ленинградский неонорманизм и как направление в науке, и как мировоззрение – действительно было просто некуда. А что же делать пока еще не появившейся молодой генерации исследователей, которая все же должна будет занять место уходящего поколения? *De facto* остаются только некие частности, уточнения откровений «говорящей Вселенной» – перспектива достаточно заманчивая с точки зрения убежденного мистика, но... все ли молодые окажутся мистиками? Судя по немногочисленности тех, кто признает себя учениками Д.А. Мачинского и вообще по развитию событий в российской археологии, далеко не все. И это означает, что молодые кадры должны будут искать свой путь. Но искать свой путь придется в условиях тяжелого концептуального кризиса и кризиса Петербурга как одного из центров отечественной археологии, далеко уводящего и от мистики, и от научного познания – эта тенденция проявляется в ладожской эпопее ЛО-ИА-ИИМК вполне отчетливо. И в этих поисках нового пути Д.А. Мачинский, кажется, совсем недавно легко ув-

лекавший аудиторию масштабными реконструкциями исторических процессов в проводники уже не годится.

Из всего вышесказанного читатель с полным основанием может заключить, что личный вклад Д.А. Мачинского в историческую науку не представляется нам значительным. Так оно и есть. Однако в науке, как, впрочем, и в других сферах деятельности человека, нет или, во всяком случае, очень мало однозначных фигур. Печальные обстоятельства сложились так, что Дмитрий Алексеевич сумел весьма серьезно и положительно повлиять на развитие археологии и истории в Петербурге не своими мистическими построениями, а как талантливый и энергичный организатор. Речь идет о международных Ладожских Чтениях памяти безвременно ушедшей из жизни дочери Дмитрия Алексеевича, Анны Дмитриевны – многообещающего молодого исследователя раннесредневековых древностей северо-запада Восточной Европы. Чтения стали и кафедрой, с которой он сам мог оглашать послания из «Живой Вселенной» – и площадкой серьезных научных дискуссий, на которой представлялись новые археологические источники и пересматривались источники, давно введенные в научный оборот. Повод для организации Чтений оказался трагическим – но Петербург, быстро утрачивающий амбиции крупного археологического центра в реалиях постсоветской России, остро нуждался в такой площадке. Чтобы оценить актуальность начинания, достаточно вспомнить, что в Москве результаты археологических исследований памятников Волго-Окского междуречья представляются и обсуждаются по крайней мере на двух семинарах, материалы которых регулярно публикуются. И организация Чтений именно в Ладоге, конечно, вполне закономерна, ибо как бы ни относиться к «Ладожскому проекту» ИИМК и как бы ни определять масштабы раннесредневековой Ладоги, другого столь же выразительного памятника, в антропогенных отложениях которого отразились реалии эпохи раннего средневековья, поблизости от Петербурга просто нет – Новгород далеко и вне сферы влияния петербургских археологов, а Рюриково городище, при всей своей значимости, никогда не будет для исследователей столь притягательным.

Претворение личной драмы в факт науки – явление не такое редкое, как это может показаться на первый взгляд, однако, как правило, сложные, не прямые причинно-следственные связи в этом процессе оказываются скрытыми от окружающих. В данном случае утрата оказалась настолько тяжелой, что попытаться преодолеть необратимость происшедшего можно было только увековечив память Анны Дмитриевны именно как исследователя – в творчестве тех, кто посвятил себя изучению тех же проблем становления древнерусской государственности на северо-западе Восточной Европы. После кончины самого Д.А. Мачинского Чтения с полным основанием посвящаются уже памяти дочери и отца. Несмотря на небольшой объем, сборники по материалам чтений («ПАМы») остаются вполне серьезным периодическим научным изданием. Никак не умаляя заслуг всех прочих участников организации этого мероприятия, все же нельзя не признать, что основная

и непреходящая заслуга здесь принадлежит именно Д.А. Мачинскому, и это, на наш взгляд, вполне уравнивает в ретроспективе развития археологии в северной столице все его мистические откровения. Это, как говорится, дорогого стоит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш экскурс в ленинградский неонорманизм явно несколько затянулся, пора подводить некоторые итоги. И попытаться понять, что же определяет неизбывное обаяние мифа ленинградского неонорманизма для новых поколений исследователей.

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, долго искать не приходится: это, собственно, обаяние времени надежд на перемены, предкризисного времени, когда катастрофа еще даже не маячит на горизонте, а первые симптомы грядущей катастрофы не пугают, а воодушевляют. Такое бывало не раз и будет еще не раз, коль скоро история человечества катастрофична. В позднесоветском социуме это время началось в середине 1960-х. С генерацией «шестидесятников» ленинградский неонорманизм и прошел свой путь: от эйфории «оттепели» к нарастающему фрондерству и внутренней эмиграции «застоя», новому всплеску эйфорической активности «перестройки» и падения СССР в предчувствии скорой «регистрации в Европейском доме» – к постсоветской деловой апатии. Другого пути – у них не было и быть не могло. Истинное содержание ленинградского неонорманизма, как и любого направления в общественных науках, не в конкретике изучаемых фактов исторической действительности эпохи раннего средневековья, не в доказательствах присутствия в Восточной Европе в VIII-XI вв. скандинавов, ставших активными участниками или даже инициаторами становления древнерусской государственности. Все эти реалии отдаленного прошлого актуализировались восприятием настоящего, определившим программу развития ленинградского неонорманизма, которая активно реализовалась в 1970-е – 1990-е гг. Следует напомнить, что становление и поступательное развитие этого направления в отечественной археологии приходится на тот период, когда весь мир, при всех очевидных идеологических различиях, пребывал в уверенности, что «заимствование западных по происхождению (в одном случае – капиталистических, в другом – антикапиталистических) институтов, общественных форм, ценностей и целей гарантирует “светлое будущее”» (Фурсов 2006: 41). Это ожидание торжества некоего «прогресса» в самом ближайшем будущем воодушевляло и умудренных большим жизненным опытом, а у молодых стало мощным стимулятором естественного стремления к самоутверждению.

Вот к этому ожиданию и сводится, как мы попытались показать, истинное содержание ленинградского неонорманизма как и многих других явлений в общественном сознании позднесоветской эпохи. Обаяние

времени ожидания с надеждой на что-то лучшее – это всегда обаяние искренней веры в свою правоту тех, кто надеется и верит, а ленинградские неонорманисты верили себе и верили в себя. Посему их полемический задор и поэтический восторг всегда будут светиться сквозь время. Почему это сейчас нам интересно? Потому, что мы это прожили. «Мифотворчество 60-х может показаться наивностью подростка, торопливо тасующего перспективы и идеалы. Но такие порывы, заблуждения, поиски – складываются в процессе роста, и никому не дано прожить зрелость раньше юности» (Вайль, Генис 1996: 329).

Возникновение этого направления открывало широкие горизонты осмысления археологических и письменных источников и перспективы исследований: Скандинавия, Приладожье, Ладога, Поволховье, Гнездово, Подвинье, Ярославское Поволховье... И далее – везде, где появлялись «пенители моря». Замах был широк. При этом никаких «новых методик», да и никаких новых ареалов творческой активности ленинградские неонорманисты не могли предложить по определению. Собственно «своими» могут показаться те масштабные лекала, которые прилагались к фондам археологических и письменных источников. Однако и эти инструменты – из весьма старых арсеналов маститых учителей и их уже далеких к тому времени предшественников (вспомним хотя бы настойчивые призывы Е.Н. Носова вернуться к концепции В.О. Ключевского). Хотели они того или не хотели – они продолжали традиции, в том числе и недобрую традицию «противостояния Москвы и Петербурга», которая, впрочем, и сейчас для многих остается актуальной, хотя уже в иных реалиях. Тем не менее, какое-то время последователям этого направления удалось утвердить в коллегам, учениках и, самое главное, в самих себе представление о появлении в Ленинграде некоего сильного центра изучения раннесредневековых древностей с блестящими перспективами постижения отдаленного прошлого, и надо признать, что некоторые основания для таких представлений, по крайней мере, в 1970-х – середине 1980-х гг. действительно как будто наметились. Однако с течением времени энергия направления иссякала, горизонты сузились, закрепиться на обширных пространствах Восточной Европы не удалось – и на заключительном этапе развития ленинградский неонорманизм определенно представляет собой явление сугубо региональное, ареал творческой активности его адептов включает в себя *de facto* часть северо-запада Восточной Европы с Ладогой и Приладожьем и Поволховье – вот и все, что осталось от широкообещательных обещаний. Как и прочие «шестидесятники», ленинградские неонорманисты не смогли адекватно оценить ни свой потенциал, ни происходящее в стране и – тоскующие по героизму романтики! – объективно оказались провозвестниками наступавшей декларативно безгероической эпохи. Кто-то может усмотреть в этой безрадостной констатации один из актов «трагедии шестидесятников», другие – прочесть суровый и не подлежащий обжалованию приговор. Одно другого не исключает. Со своей стороны, мы возьмем на себя смелость признать,

что в судьбах ленинградских неонорманистов – «шести-десятичников», даже и тех, кто уже покинул наш мир, ничего «трагического» не усматривается: все, увы, вполне закономерно. А приговоры...

Антинорманисты в новом веке – это просто старые спарринг-партнеры, с ними все понятно и без них – никуда. А вот например, для сторонников того направления в отечественной исторической науке, которое развивали И.Я. Фроянов и его ученики, весь ленинградский неонорманизм, со всем его пафосом – просто недоразумение: норманны ничего не могли основать, поскольку никакой «древнерусской государственности» вообще не было.

Вот и весь приговор...

На наш взгляд, самую выразительную эпитафию ленинградскому неонорманизму написал еще в начале прошлого века один из выдающихся поэтов Серебряного века И.Ф. Анненский: «Принцип культуры – “выход в будущее через переработку прошлого”... Мы живем в будущем, но мы знаем, что прошлое в свою очередь тоже было когда-то будущим, что наше будущее станет когда-нибудь прошлым. Жизнь не дается без борьбы» (Экштут 2017: 241). Уж точно лучше не скажешь!

Что дальше? В узкой перспективе все зависит от того, как будут функционировать центры петербургской археологии, и рассуждения автор этих строк предоставляет обладающих соответствующими компетенциями. А в широкой перспективе... Вспомним еще раз приведенные нами выше, в главе IV, рассуждения Л.С. Клейна о «модерне» и «постмодерне» (об этом уже, пожалуй, томá написаны, но к нашей теме именно эти приведенные выше цитаты – и в пору, и впору). Если то, что мы называем «наукой» есть порождение модерна – а против этого никто возражать не возьмется, ибо в древности и средневековье знание присутствовало и тщательно культивировалось, но науки в нашем пони-

мании не было определено – то какие основания полагать, что в наступившем постмодерне наука останется тем, чем была в XIX – первой половине XX в.? Да ровным счетом никаких оснований нет. «Кризис науки» – не метафора, это действительно кризис, по точному значению слова – «суд», который наука либо переживет, либо нет, уступив место каким-то иным формам постижения человеком настоящего и прошлого – как предполагал в свое время еще Дж. Фрэйзер (Фрэйзер 1986: 664-666). Следовательно, в широкой перспективе – и ретроспективе – есть все основания рассматривать ленинградский неонорманизм 1970-90-х гг., независимо от того, чего хотели и на что рассчитывали адепты этого направления, и как один из симптомов надвигавшегося кризиса отнюдь не только советской науки.

А посему на прощание осмелимся предложить желающим из числа благосклонных читателей, когда придется на то время, пройти от набережной Невы до колыбели ленинградского неонорманизма, исторического факультета Ленинградского – Санкт-Петербургского Государственного университета. Между зданиями Академии наук и Двенадцати коллегий на Вас с надменностью открывшего для себя бездонность звездных бездн смотрит с высоты пьедестала Ломоносов, зачинатель российского антинорманизма. А напротив истфака, вровень с мимо проходящими, упрямо ввинчиваясь в шумные студенческие потоки, обосновался без положенной санкции властей, но тщанием группы заинтересованных лиц взлызистый Сахаров. Не «норманист» явно по недоразумению – просто руки не дошли до этой темы. Очень был занят куда более насущными вопросами современности.

Предоставляем не поленившемуся пройти этот щемяще короткий маршрут – самому найти место славной дружины Славяно-Варяжского семинара между этими несводимыми началами и концами.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин 1980 - Авдусин Д.А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 24-42.
- Анисимов 2009 - Анисимов Е.В. Багратион. М.: Молодая гвардия, 2009. 822 с.
- Артамонов 1956 - Артамонов М.И. Славяне и Русь // Ленинградский государственный университет. Научная сессия 1955-1956 гг. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л.: Издательство ЛГУ, 1956. С. 3-6.
- Артамонов 1962 - Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Артамонов 1966 - Артамонов М.И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 30-35.
- Артамонов 1974 - Артамонов М.И. Некоторые вопросы отношения восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья и Подвинья. Рецензия на книгу: Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья. М., 1970 // Советская археология. 1974. № 1. С. 245-254.
- Артамонов 1990 - Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3. С. 271-290.
- Белецкий 1996 - Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 110 с.
- Борисов 2004 - Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая Гвардия, 2004. 530 с.
- Булкин 1970 - Булкин В.А. Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 207-210.
- Булкин 1973а - Булкин В.А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1973. 21 с.
- Булкин 1973б - Булкин В.А. О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 135. М.: Наука, 1973. С. 120-122.
- Булкин 1975а - Булкин В.А. Большие курганы Гнездовского могильника // Скандинавский сборник. Т. XX. Таллин, 1975. С. 134-146.

- Булкин 1975б - Булкин В.А. Курган 7 из раскопок С.И. Сергеева в Гнездове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 144. М.: Наука, 1975. С. 83-84.
- Булкин 1976 - Булкин В.А. Некоторые данные о комплексах со скандинавскими вещами Гнездовского могильника // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 1. Петрозаводск, 1976. С. 151-153.
- Булкин 1977а - Булкин В.А. О некоторых особенностях раннегородских центров Древней Руси // Древние города. Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1977. С. 71-73.
- Булкин 1977б - Булкин В.А. О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.: Издательство ЛГУ, 1977. С. 101-104.
- Булкин 1979 - Булкин В.А. Русско-скандинавские связи в IX-XI вв. на современном этапе археологического изучения // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. IX. Ч. 1. Петрозаводск, 1979. С. 173-175.
- Булкин 1987 - Булкин В.А. Русь и варяги. Новый этап изучения // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. 1987. № 3. С. 12-26.
- Булкин 1989 - Булкин В.А. Варяги в области Днепро-Двинского междуречья и вопросы археологического источниковедения // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. XI. Ч. 1. Петрозаводск, 1989. С. 136-137.
- Булкин, Вешнякова 2001 - Булкин В.А., Вешнякова К.В. Ремесленный центр Гнездовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 124. М., 2001. С. 40-55.
- Булкин, Дубов 1978 - Булкин В.А., Дубов И.В. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. С. 16-20.
- Булкин, Дубов, Кирпичников, Лебедев 1980 - Булкин В.А. Дубов И.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М.: Наука, 1980. С. 24-28.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 - Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. 150 с.
- Булкин, Лебедев 1974 - Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 11-17.
- Булкин, Назаренко 1971 - Булкин В.А., Назаренко В.А. О нижней дате Гнездовского могильника // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 125. М.: Наука, 1971. С. 13-16.
- Вайль, Генис 1996 - Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 359 с.
- Волковицкий, Кузьмин 2003 - Волковицкий В.А., Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 1250 лет непрерывной жизни? // Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 5-57.
- Воронин 1960 - Воронин Н.Н. Медвежий культ в Ярославском Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 25-93.
- Герасимова 2006 - Герасимова М.М. Филькина грамота А.А. Формозова (письмо в редакцию) // Российская археология. 2006. № 3. С. 176-177.
- Герд 2004 - Герд А.С. Навстречу ветру // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 16-21.
- Герман 2000 - Герман М.Ю. Сложное прошлое. СПб.: Искусство, 2000. 752 с.
- Гиппиус 2006 - Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 56-96.
- Горский 2004 - Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 207 с.
- Горюнова 1961 - Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 94. М.: Издательство АН СССР, 1961. 267 с.
- Гроздова 1968а - Гроздова И.Н. Типы крестьянского жилища в Нидерландах и Бельгии в первой половине XIX в. // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1968. С. 221-240.
- Гроздова 1968б - Гроздова И.Н. Сельское жилище на Британских островах // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1968. С. 304-322.
- Грот 2013 - Грот Л.П. Призвание варягов: норманны, которых не было. М.: Эксмо, 2013. 366 с.
- Губарев 2015 - Губарев О.Л. «Неонорманизм» или «неоантинорманизм» // Stratum plus. 2015. № 5. С. 351-355.
- Гуревич 1966 - Гуревич А.Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966. 184 с.
- Гуревич 1984 - Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 349 с.
- Давидан 1969 - Давидан О.И. К вопросу о происхождении ранних гребенок Старой Ладоги // Академический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. X. Л., 1969. С. 54-52.
- Давидан 1970 - Давидан О.И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. XII. Л., 1970. С. 81-88.
- Давидан 1974 - Давидан О.И. Изделия из рога и кости Старой Ладоги как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1974. 21 с.
- Давидан 1975 - Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией // Скандинавский сборник. Вып. XVI. Таллин, 1975. С. 134-144.
- Давидан 1977 - Давидан О.И. К вопросу об организации косторезного ремесла в Старой Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. XVIII. Л., 1977. С. 101-108.
- Давидан 1980 - Давидан О.И. Бронзолитейное дело в Старой Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. XX. Л., 1980. С. 58-67.

Дворниченко 2015 - Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры о возникновении Древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. 500 с.

Добровольский, Дубов 1976 - Добровольский И.Г., Дубов И.В. Рунические надписи и скандинавская символика на куфических монетах // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 2. Петрозаводск, 1976. С. 61-63.

Дубов 1970 - Дубов И.В. О хронологии погребальных комплексов Ярославских могильников с фибулами скандинавских типов // Тезисы второй Региональной археологической студенческой конференции вузов Северо-Запада СССР. Калинин, 1970. С. 31-32.

Дубов 1971 - Дубов И.В. Проблемы хронологии предметов скандинавского происхождения из ярославских могильников // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. V. Ч. 1. Петрозаводск, 1971. С. 21-24.

Дубов 1974 - Дубов И.В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1974. 20 с.

Дубов 1975 - Дубов И.В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим нумизматическим данным) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. 1975. № 1. С. 65-70.

Дубов 1976а - Дубов И.В. Находки скандинавских вещей в Тимереве под Ярославлем // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 1. Петрозаводск, 1976. С. 155-156.

Дубов 1976б - Дубов И.В. Рунические надписи и скандинавская символика на куфических монетах // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 2. Петрозаводск, 1976. С. 61-63.

Дубов 1977а - Дубов И.В. Рунические надписи на восточных монетах // Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1977. С. 142-152.

Дубов 1977б - Дубов И.В. Скандинавские находки в Ярославском Поволжье // Скандинавский сборник. Т. XXII. Таллин, 1977. С. 175-186.

Дубов 1977в - Дубов И.В. Урновые погребения Ярославских могильников // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977. С. 46-52.

Дубов 1979а - Дубов И.В. Скандинавы и Волжский путь // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VIII. Ч. 1. Петрозаводск, 1979. С. 137-139.

Дубов 1979б - Дубов И.В. Тимеревский комплекс – протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15-17 ноября 1976 г. Л.: Наука, 1979. С. 110-118.

Дубов 1979в - Дубов И.В. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI вв.) // Scando-slavica. 1979. Т. XXIV. С. 63-89.

Дубов 1982а - Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. IX-XII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1982. 31 с.

Дубов 1982б - Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Издательство ЛГУ, 1982. 248 с.

Дубов 1985 - Дубов И.В. Города, величием сияющие. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 184 с.

Ерофеев 1998 - Ерофеев В. Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией. М.: Подкова, 1999. 242 с.

Ефремова 1996 - Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Астрель, 1996. 636 с.

Жвиташвили, Лебедев 1999 - Жвиташвили Ю.Б., Лебедев Г.С. Дракон Нево на пути из варяг в греки. Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб., 1996. 196 с.

Зуев, Щукин, Лебедев 1993 - Зуев В.Ю., Щукин М.Б., Лебедев Г.С. К портрету Д.А. Мачинского // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический вестник. Вып. VI. СПб., 1993. С. 7-11.

Кара-Мурза 2008а - Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2008. 700 с.

Кара-Мурза 2008б - Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2008. 834 с.

Кирпичников 1966а - Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. / Свод археологических источников. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966. 145 с.

Кирпичников 1966б - Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. / Свод археологических источников. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966. 181 с.

Кирпичников 1971 - Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3 / Доспех, комплекс боевых средств. IX-XIII вв. Свод археологических источников. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1971. 126 с.

Кирпичников 1973 - Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 4 / Снаряжение всадника и верхового коня на Руси. IX-XIII вв. Свод археологических источников. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1973. 212 с.

Кирпичников 1985 - Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия. Л.: Наука, 1985. С. 3-26.

Кирпичников 1988 - Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля в VIII-XII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Вып. 1. Л., 1988. С. 38-79.

Кирпичников 2002 - Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 32-58.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986а - Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 98-158.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986б - Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Послесловие // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 360-363.

- Кирпичников, Лебедев, Булкин, Назаренко, Дубов 1979 - Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Назаренко В.А., Дубов И.В. Русско-скандинавские связи в IX-XI вв. на современном этапе археологического изучения // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. IX. Ч. 1. Петрозаводск, 1979. С. 173-175.
- Кирпичников, Лебедев, Булкин, Назаренко, Дубов 1980 - Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Назаренко В.А., Дубов И.В. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М.: Наука, 1980. С. 24-38.
- Кирпичников, Лебедев, Дубов 1981 - Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В. Северная Русь (Некоторые итоги археологических исследований) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 164. М.: Наука, 1981. С. 3-10.
- Кирпичников, Рябинин, Петренко 1985 - Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Петренко В.П. Некоторые итоги изучения средневековой Ладogi // Новое в археологии Северо-запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 48-51.
- Клейн 1993 - Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: ФАРН, 1993. 128 с.
- Клейн 1999 - Клейн Л.С. Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. 1999. № 5. С. 91-101.
- Клейн 2009 - Клейн Л.С. Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 395 с.
- Клейн 2010 - Клейн Л.С. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М.: Ломоносов, 2010. С. 372-384.
- Клейн 2010а - Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. СПб.: Нестор-История, 2010. 722 с.
- Клейн 2010б - Клейн Л.С. Варяги, антинорманизм и час истины // Троицкий вариант – наука. 2010. № 63. 28 сентября.
- Клейн 2011 - Клейн Л.С. История археологической мысли. Т. II / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 621 с.
- Клейн 2015 - Клейн Л.С. Ленинградский неонорманизм – в самом деле? // Stratum plus. 2015. № 5. С. 345-349.
- Клейн, Лебедев, Назаренко 2009 - Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 145-170.
- Клейн, Миняев, Пиотровский, Хейфец 1970 - Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И. Дискуссия об археологической культуре в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // Советская археология. 1970. № 2. С. 298-302.
- Ключевский 1987 - Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. 432 с.
- Кожин 2006 - Кожин В.В. Правда против кривды. М.: Эксмо, 2006. 512 с.
- Козлов 1993 - Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневe (1953 – начало 1980-х гг.). М.: Сибирский хронограф, 1993. 413 с.
- Куза, Леонтьев, Пушкина 1982 - Куза А.В., Леонтьев А.Е., Пушкина Т.А. Рецензия на книгу: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978 // Советская археология. 1982. № 2. С. 277-288.
- Кузьмин 1989а - Кузьмин С.Л. Культура сопок в верхнем Полесье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. II. Псков, 1989. С. 36-40.
- Кузьмин 1989б - Кузьмин С.Л. К вопросу о погребальной обрядности носителей культуры сопок // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. II. Псков, 1989. С. 48-50.
- Кузьмин 1991 - Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.: Ленупроиздат, 1991. С. 87-98.
- Кузьмин 1997а - Кузьмин С.Л. Начальный этап истории Ладogi // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 166-168.
- Кузьмин 1997б - Кузьмин С.Л. Первые десятилетия истории Ладожского поселения // Петербургский археологический вестник. Европейская Сарматия. СПб.; Кишинев, 1997. С. 228-235.
- Кузьмин 1997в - Кузьмин С.Л. Ярусная стратиграфия нижних слоев Ладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. I. СПб., 1997. С. 343-358.
- Кузьмин 1999 - Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX века // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 189-199.
- Кузьмин 2000 - Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000. С. 174-183.
- Кузьмин 2001 - Кузьмин С.Л. Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культурогенез // Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2001. С. 63-73.
- Кузьмин 2004 - Кузьмин С.Л. Г.С. Лебедев. Ученый. Учитель. Личность // Ладoga и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 22-25.
- Кузьмин 2008 - Кузьмин С.Л. Ладoga в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69-94.
- Кун 1977 - Кун Т.С. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Кустарев 2006 - Кустарев А.И. Нервные люди: очерки об интеллигенции. М.: КМК, 2006. 374 с.
- Кучкин 1984 - Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.
- Лапшин, Мухина 1988 - Лапшин В.А., Мухина Т.Ф. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 132-149.
- Латинско-русский словарь 1949 - Латинско-русский словарь / Составили И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков; Под ред. С.Ф. Соболевского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 974 с.
- Лебедев 1970б - Лебедев Г.С. Разновидности обряда сожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 180-190.

- Лебедев 1973 - Лебедев Г.С. Отражение социальной структуры в археологических материалах // *Философия. История. Современность*. Л.: Издательство ЛГУ, 1973. С. 55-63.
- Лебедев 1975 - Лебедев Г.С. Путь из Варяг в Греки // *Вестник ЛГУ*. 1975. № 20. С. 37-43.
- Лебедев 1976 - Лебедев Г.С. Об изучении норманской проблемы в современной советской исторической науке // *Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии*. Вып. VII. Петрозаводск, 1976. С. 10.
- Лебедев 1977а - Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.
- Лебедев 1977б - Лебедев Г.С. Новые данные о длинных курганах и сопках // *Проблемы археологии и этнографии*. Вып. I. Л., 1977. С. 37-46.
- Лебедев 1977в - Лебедев Г.С. Начало Верхней Руси по данным археологии // *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР*. Л.: Издательство ЛГУ, 1977. 184 с.
- Лебедев 1977г - Лебедев Г.С. Город викингов и состояние структуры скандинавского общества // «Древние города». Материалы конференции. Л.: Наука, 1977. С. 74-77.
- Лебедев 1985 - Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 291 с.
- Лебедев 1986 - Лебедев Г.С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья (к постановке проблемы) // *Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии*. Вып. X. Петрозаводск, 1986. С. 158-160.
- Лебедев 1992 - Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1971 гг. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 464 с.
- Лебедев 1997 - Лебедев Г.С. К семидесятилетию Льва Самойловича Клейна // *Археология Петербурга*. СПб., 1997. С. 5-9.
- Лебедев 1999 - Лебедев Г.С. Varangica Проблемного семинара Л.С. Клейна // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 102-111.
- Лебедев 2004 - Лебедев Г.С. И.В. Дубов: о научном пути // *Археология. История. Нумизматика. Этнография Восточной Европы*. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 25-31.
- Лебина 2015 - Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград в 1950-1960-е годы. СПб., 2015. 487 с.
- Ленин 1967 - Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Пятое издание. Т. VIII. М.; Л., 1967. 686 с.
- Леонтьев 1984 - Леонтьев А.Е. Поселения мери и славян на оз. Неро // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. Вып. 179. М.: Наука, 1984. С. 26-32.
- Леонтьев 1986 - Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. Вып. 183. М.: Наука, 1986. С. 3-9.
- Леонтьев 1989 - Леонтьев А.Е. Тимерево: проблемы исторической интерпретации археологического памятника // *Советская археология*. 1989. № 3. С. 79-85.
- Леонтьев 1991 - Леонтьев А.Е. Так кто же насыпал ярославские курганы? // *Краеведческие записки*. Ярославль: Верхневолжское издательство, 1991. С. 39-45.
- Леонтьев 1996 - Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Леонтьев, Самойлович 1991 - Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г. Керамика Ростова X-XIII вв. // *Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий*. Тверь, 1991. С. 56-66.
- Лесман 2014 - Лесман Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 43-93.
- Лихачев 1986 - Лихачев Д.С. Балтийская цивилизация // *Советская культура*. 1986. № 20 (6276). 14 февраля.
- Лихачев 1992 - Лихачев Д.С. Россия никогда не была Востоком // *Литературная газета*. 1992. № 6 (5383). 5 февраля.
- Лихачев 1994 - Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя...: историческое самосознание и культура России // *Новый мир*. 1994. № 6. С. 113-120.
- Ляпушкин 1968а - Ляпушкин И.И. Новое в изучении Гнездова // *Археологические открытия 1967 г*. М.: Наука, 1968. С. 43-44.
- Ляпушкин 1968б - Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 152. Л.: Наука, 1968. 190 с.
- Мавродин 1945 - Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 430 с.
- Мавродин 1949 - Мавродин В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 г. в Ленинграде. Л.: Типография им. Володарского, 1949. 32 с.
- Макаров 2007 - Макаров Н.А. Начальный период средневековой колонизации Суздальского ополья по материалам новейших исследований // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. Материалы научного семинара. Вып. I. М., 2007. С. 7-20.
- Макаров 2012 - Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // *Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама*. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 448-459.
- Мальцев 2002 - Мальцев А.И. Беловодье // *Православная энциклопедия*. Т. IV. М.: Православная энциклопедия, 2002. С. 534-535.
- Мачинская 1990 - Мачинская А.Д. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. III. Великий Новгород, 1990. С. 56-57.
- Мачинский 1984 - Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологическое исследование Новгородской земли*. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. С. 5-25.
- Мачинский 1985 - Мачинский Д.А. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // *Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока*. Сыктывкар; Пермь, 1985. С. 3-23.

- Мачинский 1986 - Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси в период зарождения древнерусской народности // Русский Север. Л.: Наука, 1986. С. 3-29.
- Мачинский 1990 - Мачинский Д.А. О роли финно-язычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь» (VIII-XI вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 110-121.
- Мачинский 1997 - Мачинский Д.А. Ладога/Aldigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII-XII вв.) // Третьи чтения памяти Анны Мачинской. 20-22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 156-170.
- Мачинский 1998 - Мачинский Д.А. Эпоха викингов в «Скандинавском средиземноморье» и «русо-варяжский период» на «восточных путях» (Austrvegr) // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. 21-23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 130-139.
- Мачинский 2003 - Мачинский Д.А. Ладога – древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 11-35.
- Мачинский 2004 - Мачинский Д.А. Глеб Лебедев и Ладога // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 3-15.
- Мачинский 2009 - Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII – середине XI вв. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLIX. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 460-538.
- Мачинский, Мачинская 1988 - Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 44-48.
- Мачинский, Шаскольский 1982 - Мачинский Д.А., Шаскольский И.П. Рецензия на книгу: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978 // Советская археология. 1982. № 2. С. 288-291.
- Михайлов 1996 - Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. X. Великий Новгород, 1996. С. 52-60.
- Михайлов 1997 - Михайлов К.А. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопки в свете погребальной традиции эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 105-116.
- Михайлов 2002 - Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 63-68.
- Михайлов 2009 - Михайлов К.А. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего средневековья // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLIX. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 179-188.
- Михайлов 2016 - Михайлов К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североамериканских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.
- Михеев 2008 - Михеев С.М. Отражение начальной летописи в Новгородской первой летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 45-59.
- Назаренко 1976 - Назаренко В.А. О роли норманнов в происхождении приладожской курганной культуры // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 1. Петрозаводск, 1976. С. 141-143.
- Назаренко 1979 - Назаренко В.А. Исторические судьбы Приладожья и его связь с Ладогой // Славяне и Русь. Киев: Наукова думка, 1979. С. 100-114.
- Назаренко 1982 - Назаренко В.А. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Издательство ЛГУ, 1982. С. 142-147.
- Никитенко 1956 - Никитенко А.В. Дневник. В трех томах. Т. II. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
- Николаенко, Степовой 2005 - Николаенко А.Г., Степовой А.В. Булат из Ютановки (быль о Русском каганате и средневековом городе Арса). Волоконовка, 2005. 40 с.
- Новосельцев 1965 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.
- Новосельцев 1986 - Новосельцев А.П. «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С. 90-103.
- Носов 1974 - Носов Е.Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. М.; Л.: Наука, 1974. С. 212-240.
- Носов 1976 - Носов Е.Н. Балтийско-волжский путь и поселения Ильменского бассейна и Поволховья в конце VIII-X вв. // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 1. Петрозаводск, 1976. С. 137-139.
- Носов 1977 - Носов Е.Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 150. М.: Наука, 1977. С. 10-17.
- Носов 1981 - Носов Е.Н. Волховский водный путь и поселения конца I тыс. н.э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 164. М.: Наука, 1981. С. 18-24.
- Носов 1984а - Носов Е.Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII-X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. С. 85-107.
- Носов 1984б - Носов Е.Н. Новгород и Новгородская округа (к вопросу о возникновении Новгорода) // Древнерусский город. Киев: Наукова думка, 1984. С. 90-92.
- Носов 1985 - Носов Е.Н. Сопкивидная насыпь близ урочища Плакун // Раннесредневековая Ладога. Л., 1985. С. 142-158.
- Носов 1990 - Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 215 с.

- Носов 1997 - Носов Е.Н. Раннегородские центры Поволжья. Проблемы возникновения и соотношения // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Петрозаводск, 1997. С. 163-166.
- Носов 1998 - Носов Е.Н. Древнерусский город в отечественной исторической мысли // Культурное наследие Российского государства. СПб.: Вести, 1998. С. 51-57.
- Носов 1999 - Носов Е.Н. Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 112-118.
- Носов 2009 - Носов Е.Н. Послесловие // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 344-356.
- Овсянников 1981 - Овсянников О.В. Русское сибирское жилище XVII в. // Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. М.: Наука, 1981. С. 12-23.
- Паскаль 2005 - Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука Классика, 2005. 336 с.
- Петренко 1994 - Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. СПб.: Наука, 1994. 137 с.
- Петрухин, Пушкина 2009 - Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. Смоленский археологический семинар кафедры археологии МГУ и норманнская проблема // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 301-309.
- Платонова 2010 - Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Платонова 2017 - Платонова Н.И. «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // *Ex ungue leonem*. Сборник к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017. С. 203-223.
- Попов 1973 - Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л.: Наука, 1973. 172 с.
- Пронин 1981 - Пронин Г.Н. Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 166. М.: Наука, 1981. С. 11-16.
- Пронин 1990 - Пронин Г.Н. Еще раз о сопках // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. Вып. I. М., 1990. С. 158-170.
- Рабинович 2005 - Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 412 с.
- Равдоникас 1949а - Равдоникас В.И. Старая Ладога (Из итогов археологического изучения 1938-1947 гг.). Ч. 1 // Советская археология. 1949. Т. XI. С. 5-54.
- Равдоникас 1949б - Равдоникас В.И. Археология в Ленинградском университете // Ученые записки ЛГУ. 1949. № 85. С. 3-11.
- Равдоникас 1950 - Равдоникас В.И. Старая Ладога (Из итогов археологического изучения 1938-1947 гг.). Ч. 2 // Советская археология. 1950. Т. XII. С. 7-40.
- Романов 2002 - Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Территория, 2002. 254 с.
- Романчук 2013 - Романчук А.А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 283-302.
- Рыбаков 1962 - Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII в. // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 34-57.
- Рыбаков 1966 - Рыбаков Б.А. Варяги. Норманнская теория // История СССР. Т. I. М., 1966. С. 488-491.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рябинин 1974 - Рябинин Е.А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X-XIV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1974. 17 с.
- Рябинин 1976 - Рябинин Е.А. Новые находки на Земляном городище Старой Ладоги и их североευропейские аналогии // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. VII. Ч. 1. Петрозаводск, 1976. С. 123-125.
- Рябинин 1980 - Рябинин Е.А. Скандинавский производственный комплекс VIII в. из Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Т. XXV. Таллинн, 1980. С. 161-178.
- Рябинин 1981 - Рябинин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. / Свод археологических источников. Е1-60. Л.: Наука, 1981. 123 с.
- Рябинин 1985 - Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия. Л.: Наука, 1985. С. 28-76.
- Рябинин 1986а - Рябинин Е.А. Раннесредневековая Ладога: некоторые итоги новых исследований // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Вып. X. Ч. 1. Петрозаводск, 1986. С. 162-164.
- Рябинин 1986б - Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.
- Рябинин 1987 - Рябинин Е.А. Металлообработка и стеклоделие в Ладоге VIII-X вв. // Культура и искусство средневековой Руси. М., 1987. С. 40-42.
- Рябинин 1991 - Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси (К истории славяно-финских этнокультурных связей). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1991. 48 с.
- Рябинин 1992 - Рябинин Е.А. Характер межэтнических контактов на Севере Руси: Современное состояние проблемы // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 205. М.: Наука, 1992. С. 3-11.
- Рябинин 1994 - Рябинин Е.А. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5-59.
- Рябинин 1997 - Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. 251 с.
- Рябинин 1998 - Рябинин Е.А. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973-1985 гг.) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1998. С. 165-168.

- Рябинин 1999 - Рябинин Е.А. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973-1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 180-191.
- Рябинин 2001 - Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. 259 с.
- Рябинин 2002 - Рябинин Е.А. Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволжье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 53-58.
- Рябинин, Дубашинский 2002 - Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 196-203.
- Рябинин, Черных 1988 - Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72-100.
- Савинов 2006 - Савинов Д.Г. О «юбилейных» книгах А.А. Формозова // Российская археология. 2006. № 3. С. 169-173.
- Самойлович 2003 - Самойлович Н.Г. Мерянский «Ростов» // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Ярославль, 2003. С. 250-256.
- Сарнов 1993 - Сарнов Б.М. Пришествие капитана Лебядкина (случай Зоценко). М., 1993. 599 с.
- Седов 1970 - Седов В.В. Новгородские сопки / Свод археологических источников. Е1-8. М.: Наука, 1970. 56 с.
- Седов 1974 - Седов В.В. Длинные курганы кривичей / Свод археологических источников. Е1-8. М.: Наука, 1974. 66 с.
- Седов 1978 - Седов В.В. Этногеография Восточной Европы по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1978. С. 9-15.
- Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- Седов 1987 - Седов В.В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. I. М., 1987. С. 12-31.
- Седов 1998 - Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-14.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
- Соболевский 1929 - Соболевский А.И. «Третье» русское племя // Доклады АН СССР. М., 1929. С. 55-58.
- Соколов 2007 - Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. 340 с.
- Солженицын 1991 - Солженицын А.И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28-46.
- Спегальский 1972 - Спегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси в IX-XIII вв. Л.: Наука, 1972. 275 с.
- Тихомиров 1956 - Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.
- Тихонов 2003 - Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 328 с.
- Тихонов 2009 - Тихонов И.Л. Отблеск «Варяжского семинара» в годы застоя // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 297-301.
- Томсинский 2003 - Томсинский С.В. Угличе Поле в IX-XIII вв. СПб.: Иван Федоров, 2003. 319 с.
- Томсинский 2013 - Томсинский С.В. «Блуждающий каганат русов»: перспективы дальнейшей полемики // Stratum plus. 2013. № 5. С. 275-281.
- Томсинский 2014 - Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. 2014. № 5. С. 257-370.
- Томсинский 2016 - Томсинский С.В. Позвольте кое-что уточнить // Stratum plus. 2016. № 5. С. 369-374.
- Томсинский 2017 - Томсинский С.В. Чего и следовало ожидать: снова о том же (по поводу ленинградского неонорманизма и статьи Н.И. Платоновой) // Исторический формат. 2017. № 3-4. С. 154-174.
- Третьяков 1966 - Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.
- Третьяков 1970 - Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 170. Л.: Наука, 1970. 156 с.
- Флеров 2011 - Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2011. 258 с.
- Фомин 2003а - Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Сборник Русского исторического общества. М.: Русская панорама, 2003. С. 83-127.
- Фомин 2003б - Фомин В.В. Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе // Сборник Русского исторического общества. М.: Русская панорама, 2003. С. 257-269.
- Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
- Фомин 2008 - Фомин В.В. Начальная история Руси. М.: Русская панорама, 2008. 296 с.
- Фомин 2012 - Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского (к 180-летию со дня рождения) // Вестник Липецкого Государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (7). С. 18-44.
- Фомин 2013 - Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм, 2013. 320 с.
- Фонвизин 1959 - Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. Т. I. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 631 с.
- Формозов 2005 - Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак, 2005. 222 с.
- Фроянов 1974 - Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1974. 159 с.
- Фроянов 1980 - Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.

- Фроянов 1992 - Фроянов И.Я. Мятный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 280 с.
- Фроянов, Дубов 1977 - Фроянов И.Я., Дубов И.В. Основные этапы социального развития древнерусского города (IX-XII вв.) // Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л.: Наука, 1977. С. 69-71.
- Фрэзер 1986 - Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1986. 704 с.
- Фурсов 2006а - Фурсов А.И. Идеология и идеология // Кустарев А.И. Нервные люди: очерки об интеллигенции. М.: КМК, 2006. С. 7-47.
- Фурсов 2006б - Фурсов А.И. Интеллигенция и интеллектуалы // Кустарев А.И. Нервные люди: очерки об интеллигенции. М.: КМК, 2006. С. 48-86.
- Черных 2006 - Черных Е.Н. Об «историографической серии» книг А.А. Формозова: литературно-психологические ассоциации // Российская археология. 2006. № 3. С. 177-181.
- Шапошников 2000 - Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспекты и истории и литературы XX века. М.: Московский лицей, 2000. 240 с.
- Шахматов 2003 - Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI-XII вв. СПб.: Наука, 2003. 1021 с.
- Шенников 1966 - Шенников А.А. О русских крестьянских усадьбах XVI в. // Доклады Отделения этнографии Географического общества СССР. Вып. II. Л., 1966. С. 4-25.
- Шенников 1967 - Шенников А.А. О понятии «этнографический комплекс» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. III. Л., 1967. С. 39-57.
- Шенников 1968 - Шенников А.А. Крестьянские усадьбы конца XVIII и начала XIX в. в Европейской России // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. V. Л., 1968. С. 3-16.
- Шенников 1971 - Шенников А.А. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 76-93.
- Шенников 1974 - Шенников А.А. О значениях термина «вежа» // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 73-75.
- Шенников 1977 - Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 3-38.
- Шенников 1979 - Шенников А.А. Оседлость и неоседлость в Восточной Европе и сопредельных регионах. Депонировано в Институте научной информации по общественным наукам Академии наук СССР. № 3613.
- Шенников 1988 - Шенников А.А. Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 99-115.
- Шер 2006 - Шер Я.А. О некоторых особенностях освещения новейшей истории российской археологии // Российская археология. 2006. № 3. С. 165-169.
- Шпенглер 2009 - Шпенглер О. Закат западного мира. Т. I. СПб.: Академический проект, 2009. 649 с.
- Шубин 2008 - Шубин А.В. Тайны советской эпохи. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 382 с.
- Экштут 2012 - Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 428 с.
- Экштут 2017 - Экштут С.А. Красные когти судьбы. Иннокентий Анненский в коридорах эпохи. М.: Кучково Поле, 2017. 448 с.
- Янин, Алешковский 1971 - Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32-61.
- Hrbek 1957 - Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientální. T. 25. Praha, 1957. S. 628-652.
- Kuzmin 2000 - Kuzmin S.L. Ladoga, le premier centre proto-urbain russe // Les centres protourbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. S. 123-142.
- Ravdonicas 1930 - Ravdonicas V.I. Die Normanen der Wikingerzeit und die Ladogagebiet. Stockholm, 1930. 151 s.

REFERENCES

- Anisimov 2009 - Anisimov E.V. Bagration, Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009, 822 p. [in Russian].
- Artamonov 1956 - Artamonov M.I. Slavyane i Rus' [Slavs and Rus'], in: Leningradskij gosudarstvennyj universitet. Nauchnaya sessiya 1955-1956 gg. Tezisy dokladov na sekcii istoricheskikh nauk [Leningrad State University. Academic Session 1955-1956. Abstracts of Papers in the Historical Sciences Section], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1956, pp. 3-6 [in Russian].
- Artamonov 1962 - Artamonov M.I. Istoriya hazar [History of the Khazars], Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962, 524 p. [in Russian].
- Artamonov 1966 - Artamonov M.I. Voevoda Svenel'd [Voivode Sveneld], in: Kul'tura Drevnej Rusi [Culture of Ancient Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 30-35 [in Russian].
- Artamonov 1974 - Artamonov M.I. Nekotorye voprosy otnosheniya vostochnyh slavyan s bolgarami i baltami v processe zaseleniya imi Srednego i Verhnego Podneprov'ya i Podvin'ya. Recenziya na knigu: Sedov V.V. Slavyane Verhnego Podneprov'ya. M., 1970 [Some Issues of the Relationship between the Eastern Slavs, the Bulgarians, and the Balts during Their Settlement of the Middle and Upper Dnieper and Dvina Regions. Book Review: Sedov V.V. "Slavs of the Upper Dnieper Region". Moscow, 1970], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1974, № 1, pp. 245-254 [in Russian].
- Artamonov 1990 - Artamonov M.I. Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshchenii [The First Pages of Russian History in Archaeological Illumination], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1990, № 3, pp. 271-290 [in Russian].

- Avdusin 1980** - Avdusin D.A. Proiskhozhdenie drevnerusskikh gorodov (po arheologicheskim dannym) [The Origin of Ancient Russian Cities (Based on Archaeological Data)], in: Voprosy istorii [Historical Issues], 1980, № 12, pp. 24-42 [in Russian].
- Beleckij 1996** - Beleckij S.V. Nachalo Pskova [The Beginning of Pskov], Saint-Petersburg, IIMK RAN Publ., 1996, 110 p. [in Russian].
- Borisov 2004** - Borisov N.S. Povsednevnyaya zhizn' srednevekovoj Rusi nakanune konca sveta [Everyday Life in Medieval Rus' on the Eve of the End of the World], Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2004, 530 p. [in Russian].
- Bulkin 1970** - Bulkin V.A. Tipy pogrebal'nogo obryada v kurganah Gnezdovskogo mogil'nika [Types of Funeral Rites in the Gnezdovo Burial Ground], in: Statistiko-kombinatornye metody v arheologii [Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology], Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 207-210 [in Russian].
- Bulkin 1973a** - Bulkin V.A. Gnezdovskij mogil'nik i kurgannye drevnosti Smolenskogo Podneprov'ya. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The Gnezdovo Burial Ground and Burial Mound Antiquities of the Smolensk Dnieper Region. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences], Leningrad, 1973, 21 p. [in Russian].
- Bulkin 1973b** - Bulkin V.A. O tak nazyvaemykh pustyh kurganah Gnezdovskogo mogil'nika [On the So-Called Empty Mounds of the Gnezdovo Burial Ground], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 135, Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 120-122 [in Russian].
- Bulkin 1975a** - Bulkin V.A. Bol'shie kurgany Gnezdovskogo mogil'nika [Large Mounds of the Gnezdovo Burial Ground], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian Collection], Vol. XX, Tallin, 1975, pp. 134-146 [in Russian].
- Bulkin 1975b** - Bulkin V.A. Kurgan 7 iz raskopok S.I. Sergeeva v Gnezdove [Mound 7 from S.I. Sergeeva in Gnezdovo], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 144, Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 83-84 [in Russian].
- Bulkin 1976** - Bulkin V.A. Nekotorye dannye o kompleksah so skandinavskimi veshchami Gnezdovskogo mogil'nika [Some Data on the Scandinavian Artifact Complexes at the Gnezdovo Burial Ground], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskikh stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 1, Petrozavodsk, 1976, pp. 151-153 [in Russian].
- Bulkin 1977a** - Bulkin V.A. O nekotorykh osobennostyakh rannegorodskih centrov Drevnej Rusi [On Some Features of Early Urban Centers of Ancient Rus'], in: Drevnie goroda. Materialy Vsesoyuznoj konferencii [Ancient Cities. Proceedings of the All-Union Conference], Leningrad, 1977, pp. 71-73 [in Russian].
- Bulkin 1977b** - Bulkin V.A. O poyavlenii normannov v Dnepro-Dvinskom mezhdurech'e [On the Appearance of the Normans in the Dnieper-Dvina Interfluvium], in: Problemy istorii i kul'tury severo-zapada RSFSR [Problems of the History and Culture of the Northwest of the RSFSR], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1977, pp. 101-104 [in Russian].
- Bulkin 1979** - Bulkin V.A. Russko-skandinavskie svyazi v IX-XI vv. na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian Relations in the 9th-11th Centuries at the Current Stage of Archaeological Research], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskikh stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. IX, Part 1, Petrozavodsk, 1979, pp. 173-175 [in Russian].
- Bulkin 1987** - Bulkin V.A. Rus' i varyagi. Novyj etap izucheniya [Rus' and the Varangians. A New Stage of Study], in: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury [Bulletin of Leningrad State University History, Language, and Literature Series], 1987, № 3, pp. 12-26 [in Russian].
- Bulkin 1989** - Bulkin V.A. Varyagi v oblasti Dnepro-Dvinskogo mezhdurech'ya i voprosy arheologicheskogo istochnikovedeniya [The Varangians in the Dnieper-Dvina Interfluvium and Issues of Archaeological Source Study], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskikh stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. XI, Part 1, Petrozavodsk, 1989, pp. 136-137 [in Russian].
- Bulkin, Dubov 1978** - Bulkin V.A., Dubov I.V. Timerevo i Gnezdovo [Timerevo and Gnezdovo], in: Iz istorii feodal'noj Rossii [From the History of Feudal Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1978, pp. 16-20 [in Russian].
- Bulkin, Dubov, Kirpichnikov, Lebedev 1980** - Bulkin V.A., Dubov I.V., Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S. Russko-skandinavskie svyazi epohi obrazovaniya Kievskogo gosudarstva na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian Relations from the Formation of the Kievan State in the Current Stage of Archaeological Research], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 160, Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 24-28 [in Russian].
- Bulkin, Dubov, Lebedev 1978** - Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX-XI vv. [Archaeological Sites of Ancient Rus', 9th-11th Centuries], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1978, 150 p. [in Russian].
- Bulkin, Lebedev 1974** - Bulkin V.A., Lebedev G.S. Gnezdovo i Birka (K probleme stanovleniya goroda) [Gnezdovo and Birka (On the Problem of the Formation of the City)], in: Kul'tura srednevekovoj Rusi [The Culture of Medieval Rus'], Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 11-17 [in Russian].
- Bulkin, Nazarenko 1971** - Bulkin V.A., Nazarenko V.A. O nizhnej dате Gnezdovskogo mogil'nika [On the Lower Dated Date of the Gnezdovo Burial Ground], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 125, Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 13-16 [in Russian].
- Bulkin, Veshnyakova 2001** - Bulkin V.A., Veshnyakova K.V. Remeslennyj centr Gnezdovskogo poseleniya (po materialam raskopok I.I. Lyapushkina) [The Craft Center of the Gnezdovo Settlement (Based on I.I. Lyapushkin's Excavations)], in: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum], Vol. 124, Moscow, 2001, pp. 40-55 [in Russian].
- CHernyh 2006** - CHernyh E.N. Ob «istoriograficheskoy serii» knig A.A. Formozova: literaturno-psihologicheskie associacii [On the "Historiographic Series" of A.A. Formozov's Books: Literary and Psychological Associations], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2006, № 3, pp. 177-181 [in Russian].
- Davidan 1969** - Davidan O.I. K voprosu o proiskhozhdenii rannih grebenok Staroj Ladogi [On the Origin of Early Combs in Staraya Ladoga], in: Akademicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Academic Collection of the State Hermitage Museum], Vol. X, Leningrad, 1969, pp. 54-52 [in Russian].

Davidan 1970 - Davidan O.I. O vremeni poyavleniya tokarnogo stanka v Staroj Ladoge [On the Appearance of the Lathe in Staraya Ladoga], in: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], Vol. XII, Leningrad, 1970, pp. 81-88 [in Russian].

Davidan 1974 - Davidan O.I. Izdeliya iz roga i kosti Staroj Ladogi kak istoricheskij istochnik. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Horn and Bone Artifacts of Staraya Ladoga as a Historical Source Dissertation Abstract for the Degree of Candidate of Historical Sciences], Leningrad, 1974, 21 p. [in Russian].

Davidan 1975 - Davidan O.I. K voprosu o kontaktah drevnej Ladogi so Skandinaviej [On the Contacts between Ancient Ladoga and Scandinavia], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian Collection], Vol. XVI, Tallin, 1975, pp. 134-144 [in Russian].

Davidan 1977 - Davidan O.I. K voprosu ob organizacii kostoreznogo remesla v Staroj Ladoge [On the Organization of Bone Carving in Old Ladoga], in: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], Vol. XVIII, Leningrad, 1977, pp. 101-108 [in Russian].

Davidan 1980 - Davidan O.I. Bronzolitjeoe delo v Staroj Ladoge [Bronze Casting in Old Ladoga], in: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], Vol. XX, Leningrad, 1980, pp. 58-67 [in Russian].

Dobrovol'skij, Dubov 1976 - Dobrovol'skij I.G., Dubov I.V. Runicheskie nadpisi i skandinavskaya simbolika na kuficheskikh monetah [Runic Inscriptions and Scandinavian Symbolism on Kufic Coins], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 2, Petrozavodsk, 1976, pp. 61-63 [in Russian].

Dubov 1970 - Dubov I.V. O hronologii pogrebal'nyh kompleksov YAroslavskih mogil'nikov s fibulami skandinavskih tipov [On the Chronology of Funeral Complexes of Yaroslavl Burial Grounds with Scandinavian-Type Fibulae], in: Tezisy vtoroj Regional'noj arheologicheskoy studencheskoj konferencii vuzov Severo-Zapada SSSR [Abstracts of the Second Regional Archaeological Student Conference of Universities of the Northwest USSR], Kalinin, 1970, pp. 31-32 [in Russian].

Dubov 1971 - Dubov I.V. Problemy hronologii predmetov skandinavskogo proiskhozhdeniya iz yaroslavskih mogil'nikov [Problems in the Chronology of Objects of Scandinavian Origin from Yaroslavl Cemeteries Burial Grounds], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. V, Part 1, Petrozavodsk, 1971, pp. 21-24 [in Russian].

Dubov 1974 - Dubov I.V. Problemy stanovleniya rannefeodal'nogo obshchestva na territorii YAroslavskogo Povolzh'ya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Problems of the Formation of Early Feudal Society in the Yaroslavl Volga Region. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences], Leningrad, 1974, 20 p. [in Russian].

Dubov 1975 - Dubov I.V. Kompleks pamyatnikov u derevni Bol'shoe Timerevo pod YAroslavlem (po arheologicheskim numizmaticheskim dannym) [Monument Complex near the Village of Bolshoe Timerevo near Yaroslavl (Based on Archaeological Numismatic Data)], in: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury [Bulletin of Leningrad State University. History, Language, and Literature Series], 1975, № 1, pp. 65-70 [in Russian].

Dubov 1976a - Dubov I.V. Nahodki skandinavskih veshchej v Timereve pod YAroslavlem [Scandinavian Finds in Timerevo near Yaroslavl], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 1, Petrozavodsk, 1976, pp. 155-156 [in Russian].

Dubov 1976b - Dubov I.V. Runicheskie nadpisi i skandinavskaya simbolika na kuficheskikh monetah [Runic Inscriptions and Scandinavian Symbolism on Kufic Coins], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 2, Petrozavodsk, 1976, pp. 61-63 [in Russian].

Dubov 1977a - Dubov I.V. Runicheskie nadpisi na vostochnykh monetah [Runic Inscriptions on Eastern Coins], in: Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian Runic Inscriptions Texts, translation, commentary], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 142-152 [in Russian].

Dubov 1977b - Dubov I.V. Skandinavskie nahodki v YAroslavskom Povolzh'e [Scandinavian finds in the Yaroslavl Volga region], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian collection], Vol. XXII, Tallin, 1977, pp. 175-186 [in Russian].

Dubov 1977v - Dubov I.V. Urnovye pogrebeniya YAroslavskih mogil'nikov [Urn burials of the Yaroslavl burial grounds], in: Problemy arheologii i etnografii [Problems of archaeology and ethnography], Vol. 1, Leningrad, 1977, pp. 46-52 [in Russian].

Dubov 1979a - Dubov I.V. Skandiny i Volzhskij put' [Scandinavians and the Volga route], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VIII, Part 1, Petrozavodsk, 1979, pp. 137-139 [in Russian].

Dubov 1979b - Dubov I.V. Timerevskij kompleks – protogorodskoj centr v zone slavyano-finskih kontaktov [The Timerevo complex – a proto-urban center in the zone of Slavic-Finnic contacts], in: Finno-ugry i slavyane. Doklady pervogo sovetsko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arheologii 15-17 noyabrya 1976 g. [Finno-Ugrics and Slavs. Papers of the first Soviet-Finnish symposium on archaeology, November 15-17, 1976], Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 110-118 [in Russian].

Dubov 1979v - Dubov I.V. Russko-skandinavskie svyazi v epohu obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (IX-XI vv.) [Russian-Scandinavian relations during the formation of the Old Russian state (9th-11th centuries)], in: Scando-slavica, 1979, Vol. XXIV, pp. 63-89 [in Russian].

Dubov 1982a - Dubov I.V. Severo-Vostochnaya Rus' v epohu rannego srednevekov'ya. IX-XII vv. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Northeastern Rus' in the early Middle Ages. 9th-12th centuries. Dissertation Abstract for the Degree of Doctor of Historical Sciences], Leningrad, 1982, 31 p. [in Russian].

Dubov 1982b - Dubov I.V. Severo-Vostochnaya Rus' v epohu rannego srednevekov'ya [Northeastern Rus' in the Early Middle Ages], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1982, 248 p. [in Russian].

Dubov 1985 - Dubov I.V. Goroda, velichiem siyayushchie [Cities Resplendent with Grandeur], Leningrad, Izdatel'stvo LGU, 1985, 184 p. [in Russian].

Dvornichenko 2015 - Dvornichenko A.YU. Zerkala i himery o vznikenii Drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and Chimeras on the Emergence of the Old Russian State], Saint-Petersburg, Evraziya Publ.; Moscow, Klio Publ., 2015, 500 p. [in Russian].

- Efremova 1996** - Efremova T.F. Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of Word-Formation Units in the Russian Language], Moscow, Astrel' Publ., 1996, 636 p. [in Russian].
- Ekshtut 2012** - Ekshtut S.A. Povsednevnyaya zhizn' russkoj intelligencii ot epohi velikih reform do Serebryanogo veka [Everyday Life of the Russian Intelligentsia from the Era of Great Reforms to the Silver Age], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012, 428 p. [in Russian].
- Ekshtut 2017** - Ekshtut S.A. Krasnye kogti sud'by. Innokentij Annenskij v koridorah epohi [The Red Claws of Fate. Innokenty Annensky in the Corridors of the Era], Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2017, 448 p. [in Russian].
- Erofeev 1998** - Erofeev V. Enciklopediya russkoj dushi. Roman s enciklopediej [Encyclopedia of the Russian Soul. A Romance with the Encyclopedia], Moscow, Podkova, 1999, 242 p. [in Russian].
- Flerov 2011** - Flerov V.S. «Goroda» i «zamki» Hazarskogo kaganata. Arheologicheskaya real'nost' ["Cities" and "Castles" of the Khazar Khaganate. Archaeological Reality], Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Ierusalim, Geshtarim Publ., 2011, 258 p. [in Russian].
- Fomin 2003a** - Fomin V.V. Krivye zerkala normanizma [Distorting Mirrors of Normanism], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2003, pp. 83-127 [in Russian].
- Fomin 2003b** - Fomin V.V. Varyazhskij vopros: ego sostoyanie i puti razresheniya na sovremennom etape [The Varangian Question: Its Status and Solutions at the Current Stage], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2003, pp. 257-269 [in Russian].
- Fomin 2005** - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [The Varangians and Varangian Rus': Conclusions on the Varangian Debate], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, 488 p. [in Russian].
- Fomin 2008** - Fomin V.V. Nachal'naya istoriya Rusi [Early History of Rus'], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2008, 296 p. [in Russian].
- Fomin 2012** - Fomin V.V. Varyago-russkij vopros v trudah D.I. Ilovajskogo (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya) [The Varangian-Russian Question in the Works of D.I. Ilovaisky (on the 180th Anniversary of His Birth)], in: Vestnik Lipeckogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University. Humanities], 2012, № 2 (7), pp. 18-44 [in Russian].
- Fomin 2013** - Fomin V.V. Golyj konung. Normanizm kak diagnoz [The Naked King. Normanism as a Diagnosis], Moscow, Algoritm Publ., 2013, 320 p. [in Russian].
- Fonvizin 1959** - Fonvizin D.I. Sobranie sochinenij v dvuh tomah [Collected Works in Two Volumes], Vol. I, Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1959, 631 p. [in Russian].
- Formozov 2005** - Formozov A.A. Chelovek i nauka. Iz zapisej arheologa [Man and Science. From the Notes of an Archaeologist], Moscow, Znak Publ., 2005, 222 p. [in Russian].
- Frezer 1986** - Frezer Dzh. Zolotaya vetv' [The Golden Bough], Moscow, Politizdat Publ., 1986, 704 p. [in Russian].
- Froyanov 1974** - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-ekonomicheskoy istorii [Kievan Rus'. Essays on Socioeconomic History], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1974, 159 p. [in Russian].
- Froyanov 1980** - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoy istorii [Kievan Rus' Essays on Sociopolitical History], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1980, 256 p. [in Russian].
- Froyanov 1992** - Froyanov I.YA. Myatezhnyj Novgorod. Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoy bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod. Essays on the History of Statehood, Social, and Political Struggle from the Late 9th to the Early 13th Centuries], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992, 280 p. [in Russian].
- Froyanov, Dubov 1977** - Froyanov I.YA., Dubov I.V. Osnovnye etapy social'nogo razvitiya drevnerusskogo goroda (IX-XII vv.) [The Main Stages of Social Development of the Old Russian City (9th-12th Centuries)], in: Drevnie goroda: Materialy k Vsesoyuznoj konferencii «Kul'tura Srednej Azii i Kazakhstana v epokhu rannego srednevekov'ya» [Ancient Cities: Proceedings for the All-Union Conference "The Culture of Central Asia and Kazakhstan in the Early Middle Ages"], Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 69-71 [in Russian].
- Fursov 2006a** - Fursov A.I. Ideologiya i ideologiya [Ideology and Ideology], in: Kustarev A.I. Nervnye lyudi: ocherki ob intelligencii [Nervous People: Essays on the Intelligentsia], Moscow, KMK Publ., 2006, pp. 7-47 [in Russian].
- Fursov 2006b** - Fursov A.I. Intelligenciya i intellektualy [Intelligentsia and Intellectuals], in: Kustarev A.I. Nervnye lyudi: ocherki ob intelligencii [Nervous People: Essays on the Intelligentsia], Moscow, KMK Publ., 2006, pp. 48-86 [in Russian].
- Gerasimova 2006** - Gerasimova M.M. Fil'kina gramota A.A. Formozova (pis'mo v redakciyu) [A.A. Formozov's Filkina Gramota (letter to the editor)], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2006, № 3, pp. 176-177 [in Russian].
- Gerd 2004** - Gerd A.S. Navstrechu vetru [Towards the Wind], in: Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoy [Ladoga and Gleb Lebedev. Eighth Readings in Memory of Anna Machinska], Saint-Petersburg, 2004, pp. 16-21 [in Russian].
- German 2000** - German M.YU. Slozhnoe proshedshee [Complicated Past], Saint-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, 752 p. [in Russian].
- Gippius 2006** - Gippius A.A. Dva nachala Nachal'noj letopisi: k istorii kompozicii Povesti vremennyh let [Two Beginnings of the Primary Chronicle: On the History of the Composition of the Tale of Bygone Years], in: Verenica liter: K 60-letiyu V.M. Zhivova [A String of Letters: On the 60th Anniversary of V.M. Zhivov], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2006, pp. 56-96 [in Russian].
- Gorskij 2004** - Gorskij A.A. Rus'. Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus'. From the Slavic Settlement to the Tsardom of Muscovy], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 207 p. [in Russian].
- Goryunova 1961** - Goryunova E.I. Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 94 [Ethnic History of the Volga-Oka Interfluvium / Materials and Research on Archaeology of the USSR. Issue 94], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 267 p. [in Russian].
- Grot 2013** - Grot L.P. Prizvanie varyagov: normanny, kotoryh ne bylo [The Calling of the Varangians: The Normans Who Never Were], Moscow, Eksmo Publ., 2013, 366 p. [in Russian].

- Grozдова 1968a - Grozdova I.N. Tipy krest'yanskogo zhilishcha v Niderlandah i Bel'gii v pervoj polovine XIX v. [Types of Peasant Housing in the Netherlands and Belgium in the First Half of the 19th Century], in: Tipy sel'skogo zhilishcha v stranah zarubezhnoj Evropy [Types of Rural Housing in Western Europe], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 221-240 [in Russian].
- Grozдова 1968b - Grozdova I.N. Sel'skoe zhilishche na Britanskikh ostrovakh [Rural Housing in the British Isles], in: Tipy sel'skogo zhilishcha v stranah zarubezhnoj Evropy [Types of Rural Housing in Western Europe], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 304-322 [in Russian].
- Gubarev 2015 - Gubarev O.L. «Neonormanizm» ili «neoantinormanizm» ["Neo-Normanism" or "Neo-Anti-Normanism"], in: Stratum plus, 2015, № 5, pp. 351-355 [in Russian].
- Gurevich 1966 - Gurevich A.YA. Pohody vikingov [Viking Campaigns], Moscow, Nauka Publ., 1966, 184 p. [in Russian].
- Gurevich 1984 - Gurevich A.YA. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of Medieval Culture], Moscow, Iskusstvo Publ., 1984, 349 p. [in Russian].
- Hrbek 1957 - Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen [The third tribe of Russia on the Arab sources], in: Archiv orientalni [East researches], Vol. 25, Praha, 1957, pp. 628-652 [in German].
- Kara-Murza 2008a - Kara-Murza S.G. Poteryannyj razum [Lost Mind], Moscow, Algoritm Publ., 2008, 700 p. [in Russian].
- Kara-Murza 2008b - Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of Consciousness], Moscow, Algoritm Publ., 2008, 834 p. [in Russian].
- Kirpichnikov 1966a - Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 1. Mechi i sabli IX-XIII vv. / Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-36 [Ancient Russian Weapons. Part 1. Swords and Sabers of the 9th-13th Centuries / Collection of Archaeological Sources. E1-36], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 145 p. [in Russian].
- Kirpichnikov 1966b - Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 2. Kop'ya, sulicy, boevye topory, bulavy, kisteni. IX-XIII vv. / Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-36 [Ancient Russian Weapons. Vol. 2. Spears, Javelins, Battle Axes, Maces, and Flails. 9th-13th Centuries / Collection of Archaeological Sources. E1-36], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 181 p. [in Russian].
- Kirpichnikov 1971 - Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3 / Dospekh, kompleks boevykh sredstv. IX-XIII vv. Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-36 [Ancient Russian Weapons. Vol. 3 / Armor, Combat Equipment. 9th-13th Centuries. Collection of Archaeological Sources. E1-36], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1971, 126 p. [in Russian].
- Kirpichnikov 1973 - Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 4 / Snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya na Rusi. IX-XIII vv. Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-36 [Ancient Russian Weapons. Vol. 4 / Horseman's and Riding Horse Equipment in Rus'. 9th-13th Centuries. Collection of Archaeological Sources. E1-36], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1973, 212 p. [in Russian].
- Kirpichnikov 1985 - Kirpichnikov A.N. Rannesrednevekovaya Ladoga (itogi arheologicheskikh issledovaniy) [Early Medieval Ladoga (Results of Archaeological Research)], in: Srednevekovaya Ladoga. Novye arheologicheskie otkrytiya [Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries], Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 3-26 [in Russian].
- Kirpichnikov 1988 - Kirpichnikov A.N. Ladoga i Ladozhskaya zemlya v VIII-XII vv. [Ladoga and the Ladoga Region in the 8th-12th Centuries], in: Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Drevnej Rusi [Historical and Archaeological Study of Ancient Rus'], Vol. 1, Leningrad, 1988, pp. 38-79 [in Russian].
- Kirpichnikov 2002 - Kirpichnikov A.N. Velikij Volzhskij put' i evrazijskie torgovyie svyazi v epohu rannego srednevekov'ya [The Great Volga Route and Eurasian Trade Relations in the Early Middle Ages], in: Ladoga i ee sosedi v epohu srednevekov'ya [Ladoga and Its Neighbors in the Middle Ages], Saint-Petersburg, 2002, pp. 32-58 [in Russian].
- Kirpichnikov, Dubov, Lebedev 1986a - Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S. Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Rus' and the Varangians (Russian-Scandinavian Relations in the Pre-Mongol Period)], in: Slavyane i skandinavcy [Slavs and Scandinavians], Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 98-158 [in Russian].
- Kirpichnikov, Dubov, Lebedev 1986b - Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S. Posleslovie [Afterword], in: Slavyane i skandinavcy [Slavs and Scandinavians], Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 360-363 [in Russian].
- Kirpichnikov, Lebedev, Bulkin, Nazarenko, Dubov 1979 - Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Nazarenko V.A., Dubov I.V. Russko-skandinavskie svyazi v IX-XI vv. na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian Relations in the 9th-11th Centuries At the Current Stage of Archaeological Research], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskikh stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. IX, Part 1, Petrozavodsk, 1979, pp. 173-175 [in Russian].
- Kirpichnikov, Lebedev, Bulkin, Nazarenko, Dubov 1980 - Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Nazarenko V.A., Dubov I.V. Russko-skandinavskie svyazi epohi obrazovaniya Kievskogo gosudarstva na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian Relations from the Formation of the Kievan State at the Current Stage of Archaeological Research], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 160, Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 24-38 [in Russian].
- Kirpichnikov, Lebedev, Dubov 1981 - Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Dubov I.V. Severnaya Rus' (Nekotorye itogi arheologicheskikh issledovaniy) [Northern Rus' (Some Results of Archaeological Research)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 164, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 3-10 [in Russian].
- Kirpichnikov, Ryabinin, Petrenko 1985 - Kirpichnikov A.N., Ryabinin E.A., Petrenko V.P. Nekotorye itogi izucheniya srednevekovoy Ladogi [Some Results of the Study of Medieval Ladoga], in: Novoe v arheologii Severo-zapada SSSR [New Developments in the Archaeology of the Northwest USSR], Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 48-51 [in Russian].
- Klejn 1993 - Klejn L.S. Fenomen sovetskoj arheologii [The Phenomenon of Soviet Archaeology], Saint-Petersburg, FARN Publ., 1993, 128 p. [in Russian].
- Klejn 1999 - Klejn L.S. Normanizm – antinormanizm: konec diskussii [Normanism vs. Anti-Normanism: The End of the Debate], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 91-101 [in Russian].
- Klejn 2009 - Klejn L.S. Spor o varyagah: istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The Varangian Debate: The History of the Confrontation and the Arguments of the Parties], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2009, 395 p. [in Russian].
- Klejn 2010 - Klejn L.S. Krasnyj demon arheologii. Saga o Ravdonikase [The Red Demon of Archaeology. The Saga of Ravdonikas], in: Kraeugol'nyj kamen'. Arheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nyh stran [Cornerstone.

- Archaeology, History, Art, and Culture of Russia and Adjacent Countries], Vol. I, Moscow, Lomonosov Publ., 2010, pp. 372-384 [in Russian].
- Klejn 2010a** - Klejn L.S. Trudno byt' Klejnom [It's Hard to be Klein], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 722 p. [in Russian].
- Klejn 2010b** - Klejn L.S. Varyagi, antinormanizm i chas istiny [The Varangians, Anti-Normanism, and the Hour of Truth], in: Troickij variant – nauka [The Trinity Variant – Science], 2010, № 63, September 28 [in Russian].
- Klejn 2011** - Klejn L.S. Istoriya arheologicheskoy mysli. T. II / Otv. red. L.B. Vishnyackij [History of Archaeological Thought. Vol. II / Ed. L.B. Vishnyatsky], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2011, 621 p. [in Russian].
- Klejn 2015** - Klejn L.S. Leningradskij neonormanizm – v samom dele? [Leningrad Neo-Normanism – really?], in: Stratum plus, 2015, № 5, pp. 345-349 [in Russian].
- Klejn, Lebedev, Nazarenko 2009** - Klejn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A. Normannskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Norman Antiquities of Kievan Rus' in the Current Stage of Archaeological Research], in: Klejn L.S. Spor o varyagah [The Varangian Debate], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2009, pp. 145-170 [in Russian].
- Klejn, Minyaev, Piotrovskij, Hejfec 1970** - Klejn L.S., Minyaev S.S., Piotrovskij YU.YU., Hejfec O.I. Diskussiya ob arheologicheskoy kul'ture v Problemnom arheologicheskom seminare Leningradskogo universiteta [Discussion on Archaeological Culture at the Leningrad University Problematic Archaeological Seminar], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1970, № 2, pp. 298-302 [in Russian].
- Klyuchevskij 1987** - Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomah. T. I. Kurs russkoj istorii. CH. 1 [Works in Nine Volumes. Vol. I. Course of Russian History. Part 1], Moscow, Mysl' Publ., 1987, 432 p. [in Russian].
- Kozhinov 2006** - Kozhinov V.V. Pravda protiv krivdy [Truth versus falsehood], Moscow, Eksmo Publ., 2006, 512 p. [in Russian].
- Kozlov 1993** - Kozlov V.A. Massovyie besporyadki v SSSR pri Hrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-h gg.) [Mass Unrest in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – Early 1980s)], Moscow, Sibirskij hronograf Publ., 1993, 413 p. [in Russian].
- Kuchkin 1984** - Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi v X-XIV vv. [Formation of the State Territory of Northeastern Rus' in the 10th-14th Centuries], Moscow, Nauka Publ., 1984, 349 p. [in Russian].
- Kun 1977** - Kun T.S. Struktura nauchnyh revolyucij [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow, Progress Publ., 1977 [in Russian].
- Kustarev 2006** - Kustarev A.I. Nervnye lyudi: ocherki ob intelligencii [Nervous People: Essays on the Intelligentsia], Moscow, KMK Publ., 2006, 374 p. [in Russian].
- Kuza, Leont'ev, Pushkina 1982** - Kuza A.V., Leont'ev A.E., Pushkina T.A. Recenziya na knigu: Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX-XI vv. Leningrad, 1978 [Book Review: Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Archaeological Sites of Ancient Rus', 9th-11th Centuries Leningrad, 1978], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1982, № 2, pp. 277-288 [in Russian].
- Kuz'min 1989a** - Kuz'min S.L. Kul'tura sopok v verhnem Poplyus'e [The Hill Culture in Upper Poplyusye], in: Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Region], Vol. II, Pskov, 1989, pp. 36-40 [in Russian].
- Kuz'min 1989b** - Kuz'min S.L. K voprosu o pogrebal'noj obryadnosti nositelej kul'tury sopok [On the Funeral Rituals of the Sopka Culture], in: Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Region], Vol. II, Pskov, 1989, pp. 48-50 [in Russian].
- Kuz'min 1991** - Kuz'min S.L. O hronologicheskom sootnoshenii sopok i dlennykh kurganov [On the Chronological Relationship of Hills and Long Barrows], in: Problemy hronologii i periodizacii v arheologii [Problems of Chronology and Periodization in Archaeology], Leningrad, Lenuproizdat Publ., 1991, pp. 87-98 [in Russian].
- Kuz'min 1997a** - Kuz'min S.L. Nachal'nyj etap istorii Ladogi [The Initial History of Ladoga], in: XII Konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov [12th Conference on the Study of the History, Economics, Literature, and Language of the Scandinavian Countries and Finland. Abstracts], Moscow; Petrozavodsk Publ., 1997, pp. 166-168 [in Russian].
- Kuz'min 1997b** - Kuz'min S.L. Pervye desyatiletija istorii Ladozhskogo poseleniya [The First Decades of the Ladoga Settlement], in: Peterburgskij arheologicheskij vestnik. Evropejskaya Sarmatiya [St. Petersburg Archaeological Bulletin], Saint-Petersburg; Kishinev, 1997, pp. 228-235 [in Russian].
- Kuz'min 1997v** - Kuz'min S.L. Yarusnaya stratigrafiya nizhnih sloev Ladozhskogo gorodishcha [Tiered Stratigraphy of the Lower Layers of the Ladoga Fort], in: Pamyatniki stariny. Konceptii. Otkrytiya. Versii. Pamyati Vasiliya Dmitrievicha Beleckogo [Ancient Monuments. Concepts. Discoveries. Versions. In Memory of Vasily Dmitrievich Beletsky], Vol. I, Saint-Petersburg, 1997, pp. 343-358 [in Russian].
- Kuz'min 1999** - Kuz'min S.L. Sopki Nizhnego Povolhov'ya: vzglyad na problemu na iskhode XX veka [The Hills of the Lower Volkhov Region: A Look at the Problem at the End of the Twentieth Century], in: Rannesrednekovyye drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedej [Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and Its Neighbors], Saint-Petersburg, IIMK RAN Publ., 1999, pp. 189-199 [in Russian].
- Kuzmin 2000** - Kuzmin S.L. Ladoga, le premier centre proto-urban russe [Ladoga, the first Russian proto-urban center], in: Les centres protourbans russes entre Scandinavie, Byzance et Orient [The proto-urban centers of Russia between Scandinavia, Byzantium and the East], Paris, 2000, pp. 123-142 [in French].
- Kuz'min 2000** - Kuz'min S.L. Sopki Nizhnego Povolhov'ya [The Hills of the Lower Volkhov Region], in: Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Region], Pskov, 2000, pp. 174-183 [in Russian].
- Kuz'min 2001** - Kuz'min S.L. Rozhdenie Severo-Zapadnoj Rusi: demogenez i kul'turogenez [The Birth of Northwestern Rus': Demogenesis and Culturogenesis], in: Pyatye chteniya pamyati Anny Machinskoy [Fifth Readings in Memory of Anna Machinska], Saint-Petersburg, 2001, pp. 63-73 [in Russian].
- Kuz'min 2004** - Kuz'min S.L. G.S. Lebedev. Uchenyj. Uchitel'. Lichnost' [G.S. Lebedev. Scholar. Teacher. Personality], in: Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoy [Ladoga and Gleb Lebedev. The Eighth Readings in Memory of Anna Machinskaya], Saint-Petersburg, 2004, pp. 22-25 [in Russian].

Kuz'min 2008 - Kuz'min S.L. Ladoga v epohu rannego srednevekov'ya (seredina VIII – nachalo XII v.) [Ladoga in the Early Middle Ages (mid-8th – early 12th centuries)], in: Issledovanie pamyatnikov epohi srednevekov'ya [Research on Medieval Monuments], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008, pp. 69-94 [in Russian].

Lapshin, Muhina 1988 - Lapshin V.A., Muhina T.F. Rannesrednevekovyj arheologicheskij kompleks u s. Vasil'kovo pod Suzdalem [Early Medieval Archaeological Complex near the Village of Vasilkovo near Suzdal], in: Problemy izucheniya drevnerusskoj kul'tury (rasselenie i etnokul'turnye processy na Severo-Vostoke Rusi) [Problems in the Study of Old Russian Culture (Settlement and Ethnocultural Processes in Northeastern Rus)], Moscow, 1988, pp. 132-149 [in Russian].

Latinsko-russkij slovar' 1949 - Latinsko-russkij slovar' / Sostavili I.H. Dvoreckij i D.N. Korol'kov; Pod red. S.F. Sobolevskogo [Latin-Russian Dictionary / Compiled by I.Kh. Dvoretzky and D.N. Korolkov; Edited by S.F. Sobolevsky], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1949, 974 p. [in Russian].

Lebedev 1970b - Lebedev G.S. Raznovidnosti obryada sozhzheniya v mogil'nike Birka [Varieties of the Cremation Rite at Birka Cemetery], in: Statistiko-kombinatornye metody v arheologii [Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology], Moscow, 1970, pp. 180-190 [in Russian].

Lebedev 1973 - Lebedev G.S. Otrazhenie social'noj struktury v arheologicheskikh materialah [Reflection of Social Structure in Archaeological Materials], in: Filosofiya. Istoriya. Sovremennost' [Philosophy. History. Modernity], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1973, pp. 55-63 [in Russian].

Lebedev 1975 - Lebedev G.S. Put' iz Varyag v Greki [The Route from the Varangians to the Greeks], in: Vestnik LGU [LSU Bulletin], 1975, № 20, pp. 37-43 [in Russian].

Lebedev 1976 - Lebedev G.S. Ob izuchenii normanskoj problemy v sovremennoj sovetskoj istoricheskoy nauke [On the Study of the Norman Problem in Modern Soviet Historical Science], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Petrozavodsk, 1976, pp. 10 [in Russian].

Lebedev 1977a - Lebedev G.S. Arheologicheskie pamyatniki Leningradskoj oblasti [Archaeological Sites of the Leningrad Region], Leningrad, Lenizdat Publ., 1977, 232 p. [in Russian].

Lebedev 1977b - Lebedev G.S. Novye dannye o dlinnyh kurganah i sopkah [New Data on Long Barrows and Hills], in: Problemy arheologii i etnografii [Problems of Archaeology and Ethnography], Vol. I, Leningrad, 1977, pp. 37-46 [in Russian].

Lebedev 1977g - Lebedev G.S. Gorod vikingov i sostoyanie struktury skandinavskogo obshchestva [The Viking City and the State of the Structure of Scandinavian Society], in: «Drevnie goroda». Materialy konferencii ["Ancient Cities." Conference Proceedings], Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 74-77 [in Russian].

Lebedev 1977v - Lebedev G.S. Nachalo Verhnej Rusi po dannym arheologii [The Beginning of Upper Rus' According to Archaeological Data], in: Problemy istorii i kul'tury Severo-Zapada RSFSR [Problems of the History and Culture of the Northwest RSFSR], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1977, 184 p. [in Russian].

Lebedev 1985 - Lebedev G.S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [The Viking Age in Northern Europe and Rus'], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1985, 291 p. [in Russian].

Lebedev 1986 - Lebedev G.S. Baltijskaya subkontinental'naya civilizaciya rannego srednevekov'ya (k postanovke problemy) [The Baltic Subcontinental Civilization of the Early Middle Ages (toward a Problem Statement)], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. X, Petrozavodsk, 1986, pp. 158-160 [in Russian].

Lebedev 1992 - Lebedev G.S. Istoriya otechestvennoj arheologii. 1700-1971 gg. [History of Russian Archaeology. 1700-1971], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992, 464 pp. [in Russian].

Lebedev 1997 - Lebedev G.S. K semidesyatiletiyu L'va Samojlovicha Klejna [On the Seventieth Anniversary of Lev Samoilovich Klein], in: Arheologiya Peterburga [Archaeology of St. Petersburg], Saint-Petersburg, 1997, pp. 5-9 [in Russian].

Lebedev 1999 - Lebedev G.S. Varangica Problemnogo seminar L.S. Klejna [Varangica of L.S. Klein's Problem Seminar], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 102-111 [in Russian].

Lebedev 2004 - Lebedev G.S. I.V. Dubov: o nauchnom puti [I.V. Dubov: On the Scientific Path], in: Arheologiya. Istoriya. Numizmatika. Etnografiya Vostochnoj Evropy [Archaeology. History. Numismatics. Ethnography of Eastern Europe], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2004, pp. 25-31 [in Russian].

Lebina 2015 - Lebina N.B. Povsednevnost' epohi kosmosa i kukuruzy: destrukciya bol'shogo stilya [Everyday Life in the Age of Space and Corn: The Destruction of the Grand Style], Leningrad v 1950-1960-e gody, Saint-Petersburg, 2015, 487 p. [in Russian].

Lenin 1967 - Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Pyatoe izdanie [Complete Works. Fifth Edition], Vol. VIII, Moscow; Leningrad, 1967, 686 p. [in Russian].

Leont'ev 1984 - Leont'ev A.E. Poseleniya meri i slavyan na oz. Nero [Meri and Slavic Settlements on Lake Nero], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 179, Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 26-32 [in Russian].

Leont'ev 1986 - Leont'ev A.E. Volzhsko-Baltijskij put' v IX v. [The Volga-Baltic Route in the 9th Century], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 183, Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 3-9 [in Russian].

Leont'ev 1989 - Leont'ev A.E. Timerevo: problemy istoricheskoy interpretacii arheologicheskogo pamyatnika [Timerevo: Problems of Historical Interpretation of the Archaeological Site], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1989, № 3, pp. 79-85 [in Russian].

Leont'ev 1991 - Leont'ev A.E. Tak kto zhe nasypal yaroslavskie kurgany? [So Who Built the Yaroslavl Mounds?], in: Kraevedcheskie zapiski [Regional History Notes], Yaroslavl, Verhnevolzhskoe izdatel'stvo Publ., 1991, pp. 39-45 [in Russian].

Leont'ev 1996 - Leont'ev A.E. Arheologiya meri: K predystorii Severo-Vostochnoj Rusi [Archaeology of the Meryans: Toward the Prehistory of Northeastern Rus'], Moscow, Geoko Publ., 1996, 340 p. [in Russian].

Leont'ev, Samojlovich 1991 - Leont'ev A.E., Samojlovich N.G. Keramika Rostova X-XIII vv. [Rostov Ceramics of the 10th-13th Centuries], in: Keramika rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya Verhnevolzh'ya i sosednih territorij [Early Iron Age and Medieval Ceramics of the Upper Volga and Adjacent Territories], Tver, 1991, pp. 56-66 [in Russian].

- Lesman 2014** - Lesman YU.M. Skandinavskij komponent drevnerusskoj kul'tury [The Scandinavian Component of Old Russian Culture], in: Stratum plus, 2014, № 5, pp. 43-93 [in Russian].
- Lihachev 1986** - Lihachev D.S. Baltijskaya civilizaciya [Baltic Civilization], in: Sovetskaya kul'tura [Soviet Culture], 1986, № 20 (6276), February 14 [in Russian].
- Lihachev 1992** - Lihachev D.S. Rossiya nikogda ne byla Vostokom [Russia Has Never Been the East], in: Literaturnaya gazeta [Literary Gazette], 1992, № 6 (5383), February 5 [in Russian].
- Lihachev 1994** - Lihachev D.S. Nel'zya uiti ot samih sebya...: istoricheskoe samosoznanie i kul'tura Rossii [We Can't Escape Ourselves...: Historical Self-Awareness and Culture of Russia], in: Novyj mir [Novy Mir], 1994, № 6, pp. 113-120 [in Russian].
- Lyapushkin 1968a** - Lyapushkin I.I. Novoe v izuchenii Gnezdova [New Developments in the Study of Gnezdovo], in: Arheologicheskie otkrytiya 1967 g. [Archaeological Discoveries of 1967], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 43-44 [in Russian].
- Lyapushkin 1968b** - Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (VIII – pervaya polovina IX vv.). Istoriko-arheologicheskie ocherki / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 152 [Slavs of Eastern Europe on the Eve of the Formation of the Old Russian State (8th – First Half of the 9th Centuries). Historical and Archaeological Essays / Materials and Research on Archaeology of the USSR. Issue 152], Leningrad, Nauka Publ., 1968, 190 p. [in Russian].
- Machinskaya 1990** - Machinskaya A.D. Ladoga i kul'tura smolenskikh dlinnykh kurganov: problemy hronologii [Ladoga and the Smolensk Long Barrow Culture: Problems of Chronology], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya [Novgorod and the Novgorod Land History and Archaeology], Vol. III, Velikij Novgorod, 1990, pp. 56-57 [in Russian].
- Machinskij 1984** - Machinskij D.A. O meste Severnoj Rusi v processe slozheniya Drevnerusskogo gosudarstva i evropejskoj kul'turnoj obshchnosti [On the Place of Northern Rus' in the Formation of the Old Russian State and the European Cultural Community], in: Arheologicheskoe issledovanie Novgorodskoj zemli [Archaeological Research of the Novgorod Land], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1984, pp. 5-25 [in Russian].
- Machinskij 1985** - Machinskij D.A. Rostovo-Suzdal'skaya Rus' v X v. i «tri gruppy Rusi» vostochnykh avtorov [Rostov-Suzdal Rus' in the 10th Century and the "Three Groups of Rus" of Eastern Authors], in: Materialy k etnicheskoi istorii Evropejskogo Severo-Vostoka [Materials for the Ethnic History of the European Northeast], Syktyvkar; Perm, 1985, pp. 3-23 [in Russian].
- Machinskij 1986** - Machinskij D.A. Etnosocial'nye i etnokul'turnye processy v Severnoj Rusi v period zarozhdeniya drevnerusskoj narodnosti [Ethnosocial and Ethnocultural Processes in Northern Rus' during the Emergence of the Old Russian Nationality], in: Russkij Sever [Russian North], Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 3-29 [in Russian].
- Machinskij 1990** - Machinskij D.A. O roli finno-yazychnogo naseleniya bassejnov Volhova i Velikoj v slozhenii etnosociuma «Rus'» (VIII-XI vv.) [On the Role of the Finnic-Speaking Population of the Volkhov and Velikaya River Basins in the Formation of the Rus' Ethnosociety (8th-11th Centuries)], in: Sovremennoe finno-ugrovedenie. Opyt i problemy [Modern Finno-Ugric Studies. Experience and Challenges], Leningrad, 1990, pp. 110-121 [in Russian].
- Machinskij 1997** - Machinskij D.A. Ladoga/Aldigja: religiozno-mifologicheskoe soznanie i istoriko-arheologicheskaya real'nost' (VIII-XII vv.) [Ladoga/Aldigja: Religious-Mythological Consciousness and Historical-Archaeological Reality (8th-12th Centuries)], in: Tret'i chteniya pamyati Anny Machinskoj. 20-22 dekabrya 1997 g. Materialy k chteniyam [Third Readings in Memory of Anna Machinskaia. December 20-22, 1997. Materials for the Readings], Saint-Petersburg, 1997, pp. 156-170 [in Russian].
- Machinskij 1998** - Machinskij D.A. Epoha vikingov v «Skandinavskom sredizemnomor'e» i «ruso-varyazhskij period» na «vostochnykh putyakh» (Austrvegir) [The Viking Age in the "Scandinavian Mediterranean" and the "Russo-Varangian Period" on the "Eastern Routes" (Austrvegir)], in: Ladoga i epoha vikingov. CHetvertye chteniya pamyati Anny Machinskoj. 21-23 dekabrya 1998 g. Materialy k chteniyam [Ladoga and the Viking Age. Fourth Readings in Memory of Anna Machinskaia. December 21-23, 1998. Materials for the Readings], Saint-Petersburg, 1998, pp. 130-139 [in Russian].
- Machinskij 2003** - Machinskij D.A. Ladoga – drevnejshaya stolica Rusi i ee «vorota v Evropu» [Ladoga – the Ancient Capital of Rus' and its "Gateway to Europe"], in: Staraya Ladoga. Drevnyaya stolica Rusi [Old Ladoga The Ancient Capital of Rus'], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2003, pp. 11-35 [in Russian].
- Machinskij 2004** - Machinskij D.A. Gleb Lebedev i Ladoga [Gleb Lebedev and Ladoga], in: Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoj [Ladoga and Gleb Lebedev. Eighth Readings in Memory of Anna Machinskaia], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, pp. 3-15 [in Russian].
- Machinskij 2009** - Machinskij D.A. Nekotorye predposylki, dvizhushchie sily i istoricheskij kontekst slozheniya Russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI vv. [Some Prerequisites, Driving Forces, and Historical Context for the Formation of the Russian State in the Mid-8th – Mid-11th Centuries], in: Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo sveta. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [The Formation of Russian Statehood in the Context of the Early Medieval History of the Old World. Transactions of the State Hermitage Museum], Vol. XLIX, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 460-538 [in Russian].
- Machinskij, Machinskaya 1988** - Machinskij D.A., Machinskaya A.D. Severnaya Rus', Russkij Sever i Staraya Ladoga v VIII-XI vv. [Northern Rus', the Russian North, and Staraya Ladoga in the 8th-11th Centuries], in: Kul'tura Russkogo Severa [The Culture of the Russian North], Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 44-48 [in Russian].
- Machinskij, SHaskol'skij 1982** - Machinskij D.A., SHaskol'skij I.P. Recenziya na knigu: Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX-XI vv. Leningrad, 1978 [Book Review: Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Archaeological Sites of Ancient Rus' in the 9th-11th Centuries. Leningrad, 1978], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1982, № 2, pp. 288-291 [in Russian].
- Makarov 2007** - Makarov N.A. Nachal'nyj period srednevekovoj kolonizacii Suzdal'skogo opol'ya po materialam novejsih issledovanij [The Initial Period of Medieval Colonization of the Suzdal Opolye Based on Recent Research], in: Arheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj zemli. Materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Vladimir-Suzdal Land. Proceedings of a Scientific Seminar], Vol. I, Moscow, 2007, pp. 7-20 [in Russian].
- Makarov 2012** - Makarov N.A. Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical Evidence and Archaeological Realities: In Search of Correspondences], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Rus' in the 9th-11th Centuries: An Archaeological Panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 448-459 [in Russian].
- Mal'cev 2002** - Mal'cev A.I. Belovod'e [Belovodye], in: Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia], Vol. IV, Moscow, Pravoslavnaya enciklopediya Publ., 2002, pp. 534-535 [in Russian].

Mavrodin 1945 - Mavrodin V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian State], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 430 p. [in Russian].

Mavrodin 1949 - Mavrodin V.V. Bor'ba s normanizmom v russkoj istoricheskoy nauke. Stenogramma publichnoj lekcii, pročitannoj v 1949 g. v Leningrade [The Struggle Against Normanism in Russian Historical Science. Transcript of a Public Lecture Delivered in 1949 in Leningrad], Leningrad, Tipografiya im. Volodarskogo Publ., 1949, 32 p. [in Russian].

Mihajlov 1996 - Mihajlov K.A. YUzhnoskandinavskie cherty v pogrebal'nom obryade Plakunskogo mogil'nika [South Scandinavian Features in the Funeral Rite of the Plakunsky Burial Ground], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya [Novgorod and the Novgorod Land History and Archaeology], Vol. X, Velikij Novgorod, 1996, pp. 52-60 [in Russian].

Mihajlov 1997 - Mihajlov K.A. Pogrebenie voina s konyami na vershine plakunskoj sopkovidnoj nasypy v svete pogrebal'noj tradicii epohi vikingov [The burial of a warrior with horses on the top of the Plakun mound in light of Viking Age burial traditions], in: Drevnosti Povolhov'ya [Antiquities of the Volkhov region], Saint-Petersburg, 1997, pp. 105-116 [in Russian].

Mihajlov 2002 - Mihajlov K.A. Skandinavskij mogil'nik v urochishche Plakun (zametki o khronologii i topografii) [Scandinavian burial ground in the Plakun tract (notes on chronology and topography)], in: Ladoga i ee sosedi v epohu rannego srednevekov'ya [Ladoga and its neighbors in the early Middle Ages], Saint-Petersburg, IIMK RAN Publ., 2002, pp. 63-68 [in Russian].

Mihajlov 2009 - Mihajlov K.A. Pogrebal'nye pamyatniki kak otrazhenie social'noj stratifikacii drevnerusskogo obshchestva v epohu rannego srednevekov'ya [Funeral monuments as a reflection of the social stratification of Old Russian society in the early Middle Ages], in: Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo sveta. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [The formation of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World. Transactions of the State Hermitage Museum], Vol. XLIX, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 179-188 [in Russian].

Mihajlov 2016 - Mihajlov K.A. Elitarnyj pogrebal'nyj obryad Drevnej Rusi: kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoevropejskikh analogij [Elite burial rites in Ancient Rus': chamber burials of the 9th – early 11th centuries in the context of Northern European analogies], Saint-Petersburg, Branko Publ., 2016, 272 p. [in Russian].

Miheev 2008 - Miheev S.M. Otrazhenie nachal'noj letopisi v Novgorodskoj pervoj letopisi mladshego izvoda [Reflection of the Primary Chronicle in the Novgorod First Chronicle of the Younger Edition], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Rus' Medieval Studies], 2008, № 1 (31), pp. 45-59 [in Russian].

Nazarenko 1976 - Nazarenko V.A. O roli normannov v proiskhozhdenii priladozhskoj kurgannoj kul'tury [On the Role of the Normans in the Origins of the Ladoga Kurgan Culture], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 1, Petrozavodsk, 1976, pp. 141-143 [in Russian].

Nazarenko 1979 - Nazarenko V.A. Istoricheskie sud'by Priladozh'ya i ego svyaz' s Ladogoj [The Historical Fate of the Ladoga Region and its Connection with Ladoga], in: Slavyane i Rus' [Slavs and Rus'], Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, pp. 100-114 [in Russian].

Nazarenko 1982 - Nazarenko V.A. Normanny i poyavlenie kurganov v Priladozh'e [The Normans and the Appearance of Kurgans in the Ladoga Region], in: Severnaya Rus' i ee sosedi v epohu rannego srednevekov'ya [Northern Rus' and Its Neighbors in the Early Middle Ages], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1982, pp. 142-147 [in Russian].

Nikitenko 1956 - Nikitenko A.V. Dnevnik. V trekh tomah [Diary. In Three Volumes], Vol. II, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ., 1955 [in Russian].

Nikolaenkno, Stepovoj 2005 - Nikolaenkno A.G., Stepovoj A.V. Bulat iz Yutanovki (byl' o Russkom kaganate i srednevekovom gorode Arsa) [Damascus Steel from Yutanovka (a tale about the Russian Khaganate and the medieval city of Arsa)], Volokonovka, 2005, 40 p. [in Russian].

Nosov 1974 - Nosov E.N. Istochniki po slavyanskoj kolonizacii Novgorodskoj zemli [Sources on the Slavic Colonization of the Novgorod Land], in: Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny [Auxiliary Historical Disciplines], Vol. VI, Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 212-240 [in Russian].

Nosov 1976 - Nosov E.N. Baltijsko-volzhskij put' i poseleniya Il'menskogo bassejna i Povolhov'ya v konce VIII-X vv. [The Baltic-Volga Route and the Settlements of the Ilmen Basin and the Volkhov Region in the Late 8th-10th Centuries], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 1, Petrozavodsk, 1976, pp. 137-139 [in Russian].

Nosov 1977 - Nosov E.N. Nekotorye voprosy domostroitel'stva Staroj Ladogi [Some Issues of Old Ladoga Housebuilding], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 150, Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 10-17 [in Russian].

Nosov 1981 - Nosov E.N. Volhovskij vodnyj put' i poseleniya konca I tys. n.e. [The Volkhov Waterway and Settlements of the Late 1st Millennium CE], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 164, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 18-24 [in Russian].

Nosov 1984a - Nosov E.N. Arheologicheskie pamyatniki Novgorodskoj zemli VIII-X vv. [Archaeological Sites of the Novgorod Lands in the 8th-10th Centuries], in: Arheologicheskoe issledovanie Novgorodskoj zemli [Archaeological Research of the Novgorod Land], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1984, pp. 85-107 [in Russian].

Nosov 1984b - Nosov E.N. Novgorod i Novgorodskaya okrug (k voprosu o vzniknovenii Novgoroda) [Novgorod and the Novgorod Region (on the Origins of Novgorod)], in: Drevnerusskij gorod [The Old Russian City], Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, pp. 90-92 [in Russian].

Nosov 1985 - Nosov E.N. Sopkovidnaya nasyp' bliz urochishcha Plakun [A Mound-shaped Embankment Near the Plakun Tract], in: Rannesrednevekovaya Ladoga [Early Medieval Ladoga], Leningrad, 1985, pp. 142-158 [in Russian].

Nosov 1990 - Nosov E.N. Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche [Novgorod (Rurik) Settlement], Leningrad, Nauka Publ., 1990, 215 p. [in Russian].

Nosov 1997 - Nosov E.N. Rannegorodskie centry Povolhov'ya. Problemy vzniknoveniya i sootnosheniya [Early Urban Centers of the Volkhov Region: Problems of Origin and Correlation], in: XII Konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov [XII Conference on the Study of the History, Economy, literature and language of Scandinavian countries and Finland. Abstracts of reports], Leningrad, 1997, pp. 10-11 [in Russian].

- Literature, and Language of the Scandinavian Countries and Finland Abstracts of Papers], Moscow; Petrozavodsk, 1997, pp. 163-166 [in Russian].
- Nosov 1998** - **Nosov E.N.** Drevnerusskij gorod v otechestvennoj istoricheskoy mysli [The Old Russian City in Russian Historical Thought], in: Kul'turnoe nasledie Rossijskogo gosudarstva [The Cultural Heritage of the Russian State], Saint-Petersburg, Vesti Publ., 1998, pp. 51-57 [in Russian].
- Nosov 1999** - **Nosov E.N.** Sovremennye dannye po varyazhskoj probleme na fone tradicii russkoj istoriografii [Modern Data on the Varangian Problem in the Context of Russian Historiographic Traditions], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 112-118 [in Russian].
- Nosov 2009** - **Nosov E.N.** Posleslovie [Afterword], in: Klejn L.S. Spor o varyagah [The Varangian Debate], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2009, pp. 344-356 [in Russian].
- Novosel'cev 1965** - **Novosel'cev A.P.** Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Eastern Sources on the Eastern Slavs and Rus' in the 6th-9th Centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Old Russian State and its International Significance], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355-419 [in Russian].
- Novosel'cev 1986** - **Novosel'cev A.P.** «Hudud al-alam» kak istochnik o stranah i narodah Vostochnoj Evropy [Hudud al-Alam as a Source on the Countries and Peoples of Eastern Europe], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], 1986, № 5, pp. 90-103 [in Russian].
- Ovsiyannikov 1981** - **Ovsiyannikov O.V.** Russkoe sibirskoe zhilishche XVII v. [Russian Siberian Dwellings of the 17th Century], in: Belov M.I., Ovsiyannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprohodcev XVI-XVII vv. [Mangazeya. The Material Culture of Russian Polar Seafarers and Explorers of the 16th-17th Centuries], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 12-23 [in Russian].
- Paskal' 2005** - **Paskal' B.** Mysli [Thoughts], Saint-Petersburg, Azbuka Klassika Publ., 2005, 336 p. [in Russian].
- Petrenko 1994** - **Petrenko V.P.** Pogrebal'nyj obryad naseleniya Severnoj Rusi VIII-X vv. [Funeral Rites of the Population of Northern Rus' in the 8th-10th Centuries], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994, 137 p. [in Russian].
- Petruhin, Pushkina 2009** - **Petruhin V.YA., Pushkina T.A.** Smolenskij arheologicheskij seminar kafedry arheologii MGU i normanskaya problema [The Smolensk Archaeological Seminar of the Moscow State University Archaeology Department and the Norman Problem], in: Klejn L.S. Spor o varyagah [The Varangian Debate], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2009, pp. 301-309 [in Russian].
- Platonova 2010** - **Platonova N.I.** Istoriya arheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v. [The History of Archaeological Thought in Russia. Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 316 p. [in Russian].
- Platonova 2017** - **Platonova N.I.** «Neonormanizm», postmodernizm i Slavyano-varjzhskij seminar: razmyshleniya arheologa ["Neo-Normanism," Postmodernism, and the Slavic-Varangian Seminar: Reflections of an Archaeologist], in: Ex ungue leonem. Sbornik k 90-letiyu L.S. Klejna [A collection for the 90th anniversary of L.S. Klein], Saint-Petersburg, 2017, pp. 203-223 [in Russian].
- Popov 1973** - **Popov A.I.** Nazvaniya narodov SSSR. Vvedenie v etnonimiku [Names of the peoples of the USSR. Introduction to ethnonymy], Leningrad, Nauka Publ., 1973, 172 p. [in Russian].
- Pronin 1981** - **Pronin G.N.** Sopki, kurgany, zhal'niki (k voprosu o preemstvennosti) [Hills, burial mounds, and zhalniki (on the issue of continuity)], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 166, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 11-16 [in Russian].
- Pronin 1990** - **Pronin G.N.** Eshche raz o sopkah [Once again about the hills], in: Ranneslavyanskij mir. Materialy i issledovaniya [The Early Slavic world. Materials and research], Vol. I, Moscow, 1990, pp. 158-170 [in Russian].
- Rabinovich 2005** - **Rabinovich M.G.** Zapiski sovetskogo intellektuala [Notes of a Soviet intellectual], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 412 p. [in Russian].
- Ravdonikas 1930** - **Ravdonikas V.I.** Die Normanen der Wikingerzeit und die Ladogagebeit [The Normans of the Viking Age and the Ladoga region], Stockholm, 1930, 151 p. [in German].
- Ravdonikas 1949a** - **Ravdonikas V.I.** Staraya Ladoga (Iz itogov arheologicheskogo izucheniya 1938-1947 gg.). CH. 1 [Staraya Ladoga (From the results of archaeological research from 1938-1947). Part 1], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archaeology], 1949, Vol. XI, pp. 5-54 [in Russian].
- Ravdonikas 1949b** - **Ravdonikas V.I.** Arheologiya v Leningradskom universitete [Archaeology at Leningrad University], in: Uchenye zapiski LGU [Scientific notes of Leningrad State University], 1949, № 85, pp. 3-11 [in Russian].
- Ravdonikas 1950** - **Ravdonikas V.I.** Staraya Ladoga (Iz itogov arheologicheskogo izucheniya 1938-1947 gg.). CH. 2 [Staraya Ladoga (From the results of archaeological research from 1938-1947). Part 2], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archaeology], 1950, Vol. XII, pp. 7-40 [in Russian].
- Romanchuk 2013** - **Romanchuk A.A.** Varyago-russkij vopros v sovremennoj diskussii: vzglyad so storony [The Varangian-Russian Question in Contemporary Debate: An Outsider's Perspective], in: Stratum plus, 2013, № 5, pp. 283-302 [in Russian].
- Romanov 2002** - **Romanov B.A.** Lyudi i nrvy Drevnej Rusi [People and customs of Ancient Rus'], Moscow, Territoriya Publ., 2002, 254 p. [in Russian].
- Ryabinin 1974** - **Ryabinin E.A.** Finno-ugorskie elementy v kul'ture Severnoj Rusi X-XIV vv. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Finno-Ugric Elements in the Culture of Northern Rus' in the 10th-14th Centuries. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences], Leningrad, 1974, 17 p. [in Russian].
- Ryabinin 1976** - **Ryabinin E.A.** Novye nahodki na Zemlyanom gorodishche Staroj Ladogi i ih severoevropejskie analogii [New Finds at the Zemlyanoye Fortress of Staraya Ladoga and Their Northern European Analogues], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. VII, Part 1, Petrozavodsk, 1976, pp. 123-125 [in Russian].
- Ryabinin 1980** - **Ryabinin E.A.** Skandinavskij proizvodstvennyj kompleks VIII v. iz Staroj Ladogi [The 8th-Century Scandinavian Industrial Complex from Staraya Ladoga], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian Collection], Vol. XXV, Tallinn, 1980, pp. 161-178 [in Russian].

- Ryabinin 1981** - Ryabinin E.A. Zoomorfnye ukrasheniya drevnej Rusi X-XIV vv. / Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-60 [Zoomorphic Jewelry of Ancient Rus' in the 10th-14th Centuries / Collection of Archaeological Sources. E1-60], Leningrad, Nauka Publ., 1981, 123 p. [in Russian].
- Ryabinin 1985** - Ryabinin E.A. Novye otkrytiya v Staroj Ladoge (itogi raskopok na Zemlyanom gorodishche 1973-1975 gg.) [New Discoveries in Staraya Ladoga (Results of Excavations at the Zemlyanoye Fortress in 1973-1975)], in: Srednevekovaya Ladoga. Novye arheologicheskie otkrytiya [Medieval Ladoga New Archaeological Discoveries], Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 28-76 [in Russian].
- Ryabinin 1986a** - Ryabinin E.A. Rannesrednevekovaya Ladoga: nekotorye itogi novykh issledovaniy [Early Medieval Ladoga: Some Results of New Research], in: Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii po izucheniyu Skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the All-Union Conference on the Study of Scandinavian Countries and Finland], Vol. X, Part 1, Petrozavodsk, 1986, pp. 162-164 [in Russian].
- Ryabinin 1986b** - Ryabinin E.A. Kostromskoe Povolzh'e v epohu srednevekov'ya [The Kostroma Volga Region in the Middle Ages], Leningrad, Nauka Publ., 1986, 160 p. [in Russian].
- Ryabinin 1987** - Ryabinin E.A. Metalloobrabotka i stekloodelie v Ladoge VIII-X vv. [Metalworking and Glassmaking in Ladoga in the 8th-10th Centuries], in: Kul'tura i iskusstvo srednevekovoy Rusi [The Culture and Art of Medieval Rus'], Moscow, 1987, pp. 40-42 [in Russian].
- Ryabinin 1991** - Ryabinin E.A. Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi (K istorii slavyano-finskih etnokul'turnykh svyazey). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [Finno-Ugric Tribes within Ancient Rus' (On the History of Slavic-Finnic Ethnocultural Relations). Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences], Leningrad, 1991, 48 p. [in Russian].
- Ryabinin 1992** - Ryabinin E.A. Charakter mezhethnicheskikh kontaktov na Severe Rusi: Sovremennoe sostoyanie problemy [The Nature of Interethnic Contacts in Northern Rus': The Current State of the Problem], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Vol. 205, Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 3-11 [in Russian].
- Ryabinin 1994** - Ryabinin E.A. U istokov remeslennogo proizvodstva v Ladoge [At the Origins of Craft Production in Ladoga], in: Novye istochniki po arheologii Severo-Zapada [New Sources on the Archaeology of the Northwest], Saint-Petersburg, 1994, pp. 5-59 [in Russian].
- Ryabinin 1997** - Ryabinin E.A. Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi [Finno-Ugric Tribes within Ancient Rus'], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, 251 p. [in Russian].
- Ryabinin 1998** - Ryabinin E.A. «Derevyannyj mir» rannesrednevekovoy Ladogi (po materialam raskopok Zemlyanogo gorodishcha v 1973-1985 gg.) [The "Wooden World" of Early Medieval Ladoga (Based on Excavations of the Zemlyanoye Fortress in 1973-1985)], in: Skify. Hazary. Slavyane. Drevnyaya Rus' [Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Rus'], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1998, pp. 165-168 [in Russian].
- Ryabinin 1999** - Ryabinin E.A. «Derevyannyj mir» rannesrednevekovoy Ladogi (po materialam raskopok Zemlyanogo gorodishcha v 1973-1985 gg.) [The "Wooden World" of Early Medieval Ladoga (Based on Excavations of the Earthen Fortress in 1973-1985)], in: Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedey [Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and Its Neighbors], Saint-Petersburg, IIMK RAN Publ., 1999, pp. 180-191 [in Russian].
- Ryabinin 2001** - Ryabinin E.A. Vodskaya zemlya Velikogo Novgoroda [Vodskaya Land of Veliky Novgorod], Saint-Petersburg, 2001, 259 p. [in Russian].
- Ryabinin 2002** - Ryabinin E.A. Raskopki Lyubshanskogo gorodishcha v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy) [Excavations of the Lyubshanskoye Fortress in the Lower Volkhov Region (Preliminary Results of Archaeological Research)], in: Kul'tura, obrazovanie, istoriya Leningradskoj oblasti [Culture, Education, and History of the Leningrad Region], Saint-Petersburg, 2002, pp. 53-58 [in Russian].
- Ryabinin, CHernyh 1988** - Ryabinin E.A., CHernyh N.B. Stratigrafiya, zastrojka i hronologiya nizhnego sloya Staroladozhskogo zemlyanogo gorodishcha v svete novykh issledovaniy [Stratigraphy, Development, and Chronology of the Lower Layer of the Staraya Ladoga Earthen Fortress in Light of New Research], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1988, № 1, pp. 72-100 [in Russian].
- Ryabinin, Dubashinskij 2002** - Ryabinin E.A., Dubashinskij A.V. Lyubshanskoe gorodishche v Nizhnem Povolhov'e (predvaritel'noe soobshchenie) [Lyubshanskoye Fortress in the Lower Volkhov Region (Preliminary Report)], in: Ladoga i ee sosed'i v epohu srednevekov'ya [Ladoga and Its Neighbors in the Middle Ages], Saint-Petersburg, IIMK RAN Publ., 2002, pp. 196-203 [in Russian].
- Rybakov 1962** - Rybakov B.A. Obzor obshchih yavleniy russkoj istorii IX – serediny XIII v. [Overview of general phenomena in Russian history from the 9th to mid-13th centuries], in: Voprosy istorii [Questions of history], 1962, № 4, pp. 34-57 [in Russian].
- Rybakov 1966** - Rybakov B.A. Varyagi. Normanskaya teoriya [Varangians. Norman Theory], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], Vol. I, Moscow, 1966, pp. 488-491 [in Russian].
- Rybakov 1982** - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian Principalities of the 12th-13th Centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].
- Samojlovich 2003** - Samojlovich N.G. Meryanskij «Rostov» [Meryan "Rostov"], in: Arheologiya: istoriya i perspektivy. Pervaya mezhregional'naya konferenciya [Archaeology: History and Prospects First Interregional Conference], Yaroslavl, 2003, pp. 250-256 [in Russian].
- Sarnov 1993** - Sarnov B.M. Prishestvie kapitana Lebyadkina (sluchaj Zoshchenko) [The Coming of Captain Lebyadkin (the Zoshchenko Case)], Moscow, 1993, 599 p. [in Russian].
- Savinov 2006** - Savinov D.G. O «yubilejnyh» knigah A.A. Formozova [On the "Jubilee" Books of A.A. Formozov], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2006, № 3, pp. 169-173 [in Russian].
- Sedov 1970** - Sedov V.V. Novgorodskie sopki / Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-8 [Novgorod Hills / A Collection of Archaeological Sources. E1-8], Moscow, Nauka Publ., 1970, 56 p. [in Russian].
- Sedov 1974** - Sedov V.V. Dlinnye kurgany krivichej / Svod arheologicheskikh istochnikov. E1-8 [Krivichi Long Barrows / A Collection of Archaeological Sources. E1-8], Moscow, Nauka Publ., 1974, 66 p. [in Russian].

- Sedov 1978** - Sedov V.V. Etnogeografiya Vostochnoj Evropy po dannym arheologii i Iordana [Ethnogeography of Eastern Europe Based on Archaeological and Jordanian Data], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i rannem srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Early Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 9-15 [in Russian].
- Sedov 1982** - Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [Eastern Slavs in the 6th-13th Centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 327 p. [in Russian].
- Sedov 1987** - Sedov V.V. Nachalo gorodov na Rusi [The Origins of Cities in Rus'], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii [Proceedings of the 5th International Congress of Slavic Archaeology], Vol. I, Moscow, 1987, pp. 12-31 [in Russian].
- Sedov 1998** - Sedov V.V. Russkij kaganat IX veka [The Russian Khaganate of the 9th Century], in: Otechestvennaya istoriya [Russian History], 1998, № 4, pp. 3-14 [in Russian].
- Sedov 1999** - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian Nationality. Historical and Archaeological Research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 320 p. [in Russian].
- SHahmatov 2003** - SHahmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya. T. I. Povest' vremennyh let i drevnejšie russkie letopisnye svody. Kn. 2. Rannee russkoe letopisanie XI-XII vv. [History of Russian Chronicling. Vol. I. The Tale of Bygone Years and the Earliest Russian Chronicle Collections. Book 2. Early Russian Chronicles of the 11th-12th Centuries], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2003, 1021 p. [in Russian].
- SHaposhnikov 2000** - SHaposhnikov V.N. Huligany i huliganstvo v Rossii. Aspekty i istorii i literatury XX veka [Hooligans and Hooliganism in Russia. Aspects of both History and Literature of the 20th Century], Moscow, Moskovskij licej Publ., 2000, 240 p. [in Russian].
- SHennikov 1966** - SHennikov A.A. O russkikh krest'yanskikh usad'bah XVI v. [On Russian Peasant Estates of the 16th Century], in: Doklady Otdeleniya etnografii Geograficheskogo obshchestva SSSR [Reports of the Ethnography Department of the USSR Geographical Society], Vol. II, Leningrad, 1966, pp. 4-25 [in Russian].
- SHennikov 1967** - SHennikov A.A. O ponyatii «etnograficheskij kompleks» [On the Concept of an "Ethnographic Complex"], in: Doklady otdelenij i komissij Geograficheskogo obshchestva SSSR [Reports of Departments and Commissions of the USSR Geographical Society], Vol. III, Leningrad, 1967, pp. 39-57 [in Russian].
- SHennikov 1968** - SHennikov A.A. Krest'yanskije usad'by konca XVIII i nachala XIX v. v Evropejskoj Rossii [Peasant Estates of the Late 18th and Early 19th Centuries in European Russia], in: Doklady otdelenij i komissij Geograficheskogo obshchestva SSSR [Reports of Departments and Commissions of the USSR Geographical Society], Vol. V, Leningrad, 1968, pp. 3-16 [in Russian].
- SHennikov 1971** - SHennikov A.A. Zemledel'cheskaya nepolnaya osedlost' i «teoriya brodyazhnichestva» [Agricultural Semi-Sedentarism and the "Vagabond Theory"], in: Etnografiya narodov SSSR [Ethnography of the Peoples of the USSR], Leningrad, 1971, pp. 76-93 [in Russian].
- SHennikov 1974** - SHennikov A.A. O znacheniyah termina «vezha» [On the Meaning of the Term "Vezha"], in: Kul'tura srednevekovoj Rusi [The Culture of Medieval Rus'], Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 73-75 [in Russian].
- SHennikov 1977** - SHennikov A.A. Krest'yanskije usad'by Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya s XVI do nachala XX v. [Peasant Estates of the Middle Volga and Kama Regions from the 16th to the Early 20th Centuries], in: Etnografiya narodov Vostochnoj Evropy [Ethnography of the Peoples of Eastern Europe], Leningrad, 1977, pp. 3-38 [in Russian].
- SHennikov 1979** - SHennikov A.A. Osedlost' i neosedlost' v Vostochnoj Evrope i sopredel'nyh regionah. Deponirovano v Institute nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam Akademii nauk SSSR. № 3613 [Sedentary and Non-Sedentary Life in Eastern Europe and Adjacent Regions. Deposited at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, USSR Academy of Sciences. No. 3613] [in Russian].
- SHennikov 1988** - SHennikov A.A. Srednevekovye zhilye doma na Rusi i v Skandinavii [Medieval Residential Buildings in Rus' and Scandinavia], in: Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Drevnej Rusi [Historical and Archaeological Study of Ancient Rus'], Leningrad, 1988, pp. 99-115 [in Russian].
- SHer 2006** - SHer YA.A. O nekotoryh osobennostyah osveshcheniya novejshej istorii rossijskoj arheologii [On Some Peculiarities of Interpreting the Recent History of Russian Archaeology], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2006, № 3, pp. 165-169 [in Russian].
- SHpengler 2009** - SHpengler O. Zakat zapadnogo mira [The Decline of the Western World], Vol. I, Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2009, 649 p. [in Russian].
- SHubin 2008** - SHubin A.V. Tajny sovetskoj epohi. Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR [Secrets of the Soviet Era. Dissidents, Informals, and Freedom in the USSR], Moscow, Veche Publ., 2008, 382 p. [in Russian].
- Sobolevskij 1929** - Sobolevskij A.I. «Tret'e» russkoe plemya [The "Third" Russian Tribe], in: Doklady AN SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences], Moscow, 1929, pp. 55-58 [in Russian].
- Sokolov 2007** - Sokolov A.V. Intelligenty i intellektualy v rossijskoj istorii [Intellectuals and Intellectuals in Russian History], Saint-Petersburg, 2007, 340 p. [in Russian].
- Solzhenicyn 1991** - Solzhenicyn A.I. Obrazovanshchina [Education], in: Novyj mir [New World], 1991, № 5, pp. 28-46 [in Russian].
- Spegal'skij 1972** - Spegal'skij YU.P. ZHilishche Severo-Zapadnoj Rusi v IX-XIII vv. [Housing in Northwestern Rus' in the 9th-13th Centuries], Leningrad, Nauka Publ., 1972, 275 p. [in Russian].
- Tihomirov 1956** - Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda [Ancient Russian Cities], Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, 477 p. [in Russian].
- Tihonov 2003** - Tihonov I.L. Arheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki [Archaeology at St. Petersburg University. Historiographical Essays], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2003, 328 p. [in Russian].
- Tihonov 2009** - Tihonov I.L. Otblesk «Varyazhskogo seminara» v gody zastoya [A Reflection on the "Varangian Seminar" During the Years of Stagnation], in: Klejn L.S. Spor o varyagah [The Varangian Debate], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2009, pp. 297-301 [in Russian].
- Tomsinskij 2003** - Tomsinskij S.V. Ugleche Pole v IX-XIII vv. [Uglich and Its Environs in the 9th-13th Centuries], Saint-Petersburg, Ivan Fedorov Publ., 2003, 319 p. [in Russian].

Tomsinskij 2013 - Tomsinskij S.V. «Bluzhdayushchij kaganat rusov»: perspektivy dal'nejshej polemiki ["The Wandering Khaganate of the Rus": Prospects for Further Controversy], in: Stratum plus, 2013, № 5, pp. 275-281 [in Russian].

Tomsinskij 2014 - Tomsinskij S.V. Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad Neo-Normanism: Origins and Results], in: Stratum plus, 2014, № 5, pp. 257-370 [in Russian].

Tomsinskij 2016 - Tomsinskij S.V. Pozvol'te koe-chto utochnit' [Let me clarify something], in: Stratum plus, 2016, № 5, pp. 369-374 [in Russian].

Tomsinskij 2017 - Tomsinskij S.V. CHego i sledovalo ozhidat': snova o tom zhe (po povodu leningradskogo neonormanizma i stat'i N.I. Platonovoj) [It was to be expected: more of the same (Leningrad's neo-normanist theory and N.I. Platonova's publications)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4, pp. 154-174 [in Russian].

Tret'yakov 1966 - Tret'yakov P.N. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [Finno-Ugrians, Balts, and Slavs on the Dnieper and Volga], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, 308 p. [in Russian].

Tret'yakov 1970 - Tret'yakov P.N. U istokov drevnerusskoj narodnosti / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 170 [At the Origins of the Old Russian Nationality / Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Issue 170], Leningrad, Nauka Publ., 1970, 156 p. [in Russian].

Vajl', Genis 1996 - Vajl' P., Genis A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka [The 1960s The World of the Soviet Man], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996, 359 p. [in Russian].

Volkovickij, Kuz'min 2003 - Volkovickij V.A., Kuz'min S.L. Pozhary i katastrofy v Ladoge: 1250 let nepreryvnoj zhizni? [Fires and Disasters in Ladoga: 1,250 Years of Continuous Life?], in: Sed'mye chteniya pamyati Anny Machinskoj [Seventh Readings in Memory of Anna Machinska], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2003, pp. 5-57 [in Russian].

Voronin 1960 - Voronin N.N. Medvezhij kul't v Yarovslavskom Povolzh'e v XI veke [The Bear Cult in the Yaroslavl Volga Region in the 11th Century], in: Kraevedcheskie zapiski [Regional History Notes], Vol. 4, Yaroslavl, 1960, pp. 25-93 [in Russian].

YAnin, Aleshkovskij 1971 - YAnin V.L., Aleshkovskij M.H. Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy) [The Origins of Novgorod (Regarding the Problem)], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], 1971, № 2, pp. 32-61 [in Russian].

ZHvitashvili, Lebedev 1999 - ZHvitashvili YU.B., Lebedev G.S. Drakon Nevo na puti iz varyag v greki. Arheologo-navigacionnye issledovaniya drevnih vodnyh kommunikacij mezhdru Baltikoj i Sredizemnomor'em [The Dragon Nebo on the Route from the Varangians to the Greeks. Archaeological and Navigational Research of Ancient Waterways between the Baltic and the Mediterranean], Saint-Petersburg, 1996, 196 p. [in Russian].

Zuev, SHCHukin, Lebedev 1993 - Zuev V.YU., SHCHukin M.B., Lebedev G.S. K portretu D.A. Machinskogo [Towards a Portrait of D.A. Machinsky], in: Skify. Sarmaty. Slavyane. Rus'. Peterburgskij arheologicheskij vestnik [Scythians. Sarmatians. Slavs. Rus'. Petersburg Archaeological Bulletin], Vol. VI, Saint-Petersburg, 1993, pp. 7-11 [in Russian].

Томсинский Сергей Владимирович

– Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела архитектурной археологии, начальник Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

Sergey Tomsinsky

– Candidate of historical sciences, Leading Researcher at the Department of Architectural Archaeology, Head of the Ancient Russian Expedition at the State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russia).

s.tomsinsky@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX-XX В.

В.Д. Пузанов

Шадринский государственный педагогический университет
Россия, 641800, Курганская область, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, д. 3
e-mail: alan1971@bk.ru
SPIN-код: 6026-6252

АННОТАЦИЯ

В конце XIX-XX вв. историки России исследовали проблемы колонизацией Сибири в XVI-XVII вв. и роли Московского государства в этом процессе. Н.Д. Чечулин отмечал, что в XVI в. в городах Русского государства большую роль играли служилые люди, которые по своему составу и занятиям были близки к тяглым людям. Академик С.Ф. Платонов полагал, что главную роль в присоединении Сибири в конце XVI в. стало правительство Бориса Годунова. По данным П.П. Смирнова, в Московском царстве XVII в. шёл «процесс общей милитаризации государства». По мнению М.К. Любавского, «первыми русскими колонистами Сибири были служилые люди». Г.В. Вернадский называл Сибирь «колонией особого рода», и заметил глубокую связь между служилой колонизацией и вольной колонизацией в Сибири XVII в. В работах историков Сибири начала XX в. значительное внимание было уделено проблемам правительственной колонизации и русской военной политики в крае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: присоединение Сибири, правительственная колонизация, народная колонизация, служилые люди, крестьяне.

PROBLEMS OF THE INCORPORATION OF SIBERIA INTO THE RUSSIAN STATE IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS OF THE LATE 19th and 20th CENTURIES

Vladimir Puzanov

Shadrinsky State Pedagogical University
Russia, 641800, Kurgan region, Shadrinsk, Karl Liebknecht St., 3
e-mail: alan1971@bk.ru

ABSTRACT

From the late 19th through the 20th centuries, Russian historians studied the colonization of Siberia in the 16th–17th centuries and the role of the Muscovite state in this process. N.D. Chechulin noted that in the 16th century, «sluzhilye lyudi» (service-class people) played a significant role in the towns of the Russian state; in terms of their social composition and occupations, they were closely akin to the «tyaglye lyudi» (tax-paying commoners). Academician S.F. Platonov believed that the government of Boris Godunov played the primary role in the incorporation of Siberia in the late 16th century. According to P.P. Smirnov, in the 17th-century Tsardom of Muscovy, a «process of general militarization of the state» was underway. M.K. Lyubavsky stated that «the first Russian colonists of Siberia were service-class people». G.V. Vernadsky called Siberia «a colony of a special kind» and noted a profound connection between the state-led service-class colonization and grassroots colonization in 17th-century Siberia. Siberian historians of the early 20th century in their works devoted considerable attention to the problems of government-sponsored colonization and Russian military policy in the region.

KEYWORDS: incorporation of Siberia, state-sponsored colonization, grassroots colonization, service-class people, peasants.

В конце XIX в. в результате серьезного изучения стала понятна та большая роль, которую играло правительство в колонизации Поволжья и юга Московского государства, которая проводилась в одно время с колонизацией Сибири в XVI-XVII вв. Профессор Д.И. Багалей

(1857-1932), автор монографии по колонизации юга России, отмечал, что «правительство играло чрезвычайно важную роль в деле заселения степной окраины. Оно устраивало и укрепляло города и селения, заселяло их своими служилыми людьми, снабжало этих последних

всем необходимым – землей, денежным жалованием, давало им своего воеводу и приказное управление, наконец, принимало участие в земледельческой промышленной культуре... великорусскую колонизацию степной окраины Московского государства можно назвать государственной» (Багалеи 1887: 131). Ученый полагал, что население юга Московского государства «принадлежало, главным образом, чтобы не сказать почти исключительно, к служилому сословию» (Багалеи 1887: 109).

Историк Петербургской школы, ученик К.Н. Бестужева-Рюмина Н.Д. Чечулин (1863-1927) отмечал, что в XVI в. во всех городах Русского государства большую роль играли служилые люди, которые по своему составу и занятиям были близки к тяглым людям, набирались из местного населения, где русское население было многочисленно, и из пришлых людей на окраинах государства, где русского населения было мало (Чечулин 1889: 326). По данным Н.Д. Чечулина, первое место по количеству среди служилых людей по прибору в русских городах занимали стрельцы, за ними шли казаки, затынщики, пушкарники, воротники, часто встречаются в городах ямщики. Н.Д. Чечулин писал о занятиях служилых людей торговлей, земледелием, отмечая, что в городах, где служилые люди составляли большинство населения, «всегда очень слабо развиты торговля и промышленность» (Чечулин 1889: 327).

Историк П.П. Смирнов (1882-1947), автор фундаментального исследования по истории русского города XVII в., показал, что в результате глубокого кризиса посадов XVI-XVII вв. в Московском государстве происходит переход большей части городского населения «из состояния посадских людей в состояние служилых людей по прибору». В Смутное время кризис посадов стал более очевидным, многие города потеряли большую часть своего населения (Смирнов 1913: 29). По подсчетам П.П. Смирнова, к 1620 г., в Московском государстве без Сибири имелся 181 город. К 1650 г. П.П. Смирнов насчитывает в Московском государстве, без Сибири, 226 городов, причем десятки городов не имели тяглых дворов на посадах и были только крепостями, которые населяли служилые люди. По данным окладной книги 1638 г., из 181 города 130 имели посады, а 50 городов были исключительно крепостями. К 1650 г. 160 городов имели тяглые дворы на посадах, это 71% от общего количества городов, 66 городов (29%) были чистыми городами. Эти тенденции продолжились и во второй половине XVII в. (Смирнов 1913: 119). По данным историка А.А. Кизеветтера (1866-1933), из 260 городов, переписанных в ходе первой ревизии, 189 городов (70%) имели посады, а 80 городов (30%) посадов не имели. П.П. Смирнов считает, что все эти данные являются показателем «процесса общей милитаризации государства» (Смирнов 1913: 119). В результате этой милитаризации Московского государства, в XVII в. группа служилых людей по прибору росла быстрее, чем группа посадских людей, что увеличивало кризис посадов.

По данным П.П. Смирнова, Смута показала слабость русских военных сил на окраинах. В результате, во второй четверти XVII в. происходит массовое передвижение гарнизонов Московских городов от центра к окраинам.

Этот процесс начался в XVI в. и продолжился в первой половине XVII в. Такое передвижение оказывало «решительные влияния на всю обстановку русских городов» (Смирнов 1913: 178). Под наплывом служилых людей из центра старинные русские города на окраинах «милитаризовались, их земли, промыслы, и даже люди ... захватывались» служилыми людьми и военными организациями (Смирнов 1913: 178). Процесс оказывал «решительные влияния на правительственную политику по отношению к различным группам городского населения в разных областях» (Смирнов 1913: 181).

По подсчетам П.П. Смирнова, к 1650 г. в городах Московского государства насчитывалось 107 413 дворов, из которых 64 615 (60%) дворов принадлежали служилому населению, 34 111 (32%) дворов принадлежали посадским людям, 8 687 (8%) дворов принадлежали вотчинным крестьянам и бобылям (Смирнов 1913: 350). В итоге, по мнению П.П. Смирнова, «в середине столетия русский город почти на 2/3 был милитаризован... посадские, и вообще тяглые элементы, а нем составляли менее 1/3, а вотчина и дворы 8%» (Смирнов 1913: 352).

Н.Д. Чечулин и П.П. Смирнов показали усиление роли и значения служилых людей в городе XVI-XVII вв. по данным городов Европейской России, без привлечения данных Сибирского приказа. Однако эти важные тенденции огромной роли правительства в колонизации новых территорий, преобладания служилых людей в русском городе XVII в. были показаны и на сибирском материале С.Ф. Платоновым, А.Н. Гневушевым, Г.В. Вернадским, М.К. Любавским.

Историк А.М. Гневушев (1882 – 1920) писал, что Смутное время застало сибирские города в тот период их жизни, когда они еще только устраивались, «русское население в то время было совершенно ничтожно, оно...исчерпывалось теми служилыми людьми, которые сидели по городам и острожкам, чтобы держать в повиновении недавно взятые под великую государеву руку племена сибирских инородцев» (Гневушев 1914: 1). А.М. Гневушев полагал, что географические условия районов Сибири, где шла первая русская колонизация, «не привлекали к себе русского земледельца». А.М. Гневушев видел в колонизации Сибири дело не крестьян, а промышленников, купцов, которые создавали отряды из гулящих людей и покоряли племена Сибири.

Московское правительство проводило колонизацию, повторяя программу, разработанную частными лицами, но в более широком масштабе. А.М. Гневушев отмечал, что московское правительство в это время не стремилось к переселению в Сибирь больших групп населения, так как в центральных областях не было не только избытка, а был прямой недостаток крестьян (Гневушев 1914: 2). Правительство переселяло в Сибирь крестьян только для снабжения хлебом служилых людей Сибири. Первое десятилетие колонизации Сибири хлеб на восток везли из Поморья, где на население был наложен особый налог «сибирский хлеб». Однако подобное содержание сибирских служилых людей было затруднительно для правительства – доставка хлеба была очень тяжела для населения, кроме того, часто хлеб из Поморья опаздывал, и служилые люди Сибири

голодали. Правительство пыталось формировать крестьян Сибири из «охочих людей». Однако воеводы Поморья писали, что таких «охочих людей» в городах нет. В результате, правительство долгое время развивало пашню за счет ссылки и переводов крестьян из дворцовых и тяглых земель.

А.М. Гневушев показал, что эти меры правительства долго не приводили к результатам. Только со второй четверти XVII в. в некоторых уездах Сибири «образовалось достаточное количество пашенных людей» (Гневушев 1914: 3). Правительство даже пыталось привлечь к производству хлеба инородцев, но это удалось только с некоторыми группами тюрков, которые уже имели опыт земледелия. В период Смуты русских крестьян в Сибири было крайне мало, основной группой русского населения были служилые люди в городах, в уездах фактически одни инородцы, «это были две совершенно различные группы населения» (Гневушев 1914: 3). По мнению А.М. Гневушева, города Сибири остались верны правительству в Смуту по причине боязни инородцев, а также служилые люди были зависимы от правительства, которое доставляло в Сибирь основную массу хлебных запасов. Поэтому служилые люди и все русское население Сибири подчинялось тем правителям, которые сидели в Москве в данное время (Гневушев 1914: 6). А.М. Гневушев считал, что в Сибири «равнодушие к общему ходу дел в государстве вызывалось ... обострением местных нужд и потребностей» (Гневушев 1914: 7). Народы Сибири, под влиянием слухов о событиях в Московском государстве, подняли несколько крупных движений против русской власти. Известия из России «возбудили среди них надежду на возможность свержения русского правительства» (Гневушев 1914: 12). В 1610 г. ясачные люди говорили, что на Москве нет царей, а остались одни бояре. Эти движения инородцев были вызваны стремлением «чтобы быть им себе царством», как было при царе Кучуме (Гневушев 1914: 12). Профессор Казанского университета Н.Н. Фирсов (1864-1934) считал, что в присоединении Сибири два движения, народное и правительственное, выступали союзниками. Правительство поддерживало крестьянскую колонизацию для нужд служилых людей городов Сибири, требуя от воевод прибирать крестьян в уезды (Фирсов 1915: 60-65).

Академик, глава Московской школы профессор В.О. Ключевский (1841-1911), опираясь на идеи великого учителя академика С.М. Соловьева (1820-1879), показал, что колонизация была главным процессом русской истории. В.О. Ключевский писал: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней... население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана» (Ключевский 1987: 50). Ученый основал на процессе колонизации периодизацию истории России.

К сожалению, В.О. Ключевский, исследуя основные процессы русской истории, не стал подробно изучать развитие колонизации в отдельных районах. Эта зада-

ча получила решение в творчестве одного из учеников В.О. Ключевского, крупного русского историка академика М.К. Любавского (Любавский 1996; 2000; 2000а). К сожалению, главный труд М.К. Любавского (1860-1936) по политическим причинам был опубликован только в 1996 г. Работа ученого имела большое значение, колонизация Сибири была изучена М.К. Любавским в сопоставлении с аналогичными процессами на Поморье, Украине, Кавказе и другими территориями. М.К. Любавский использовал в работе над главой по колонизации Сибири труды Г.Ф. Миллера, П.А. Словцова, П.Н. Буцинского и других историков.

М.К. Любавский видел в колонизации Сибири действие нескольких сил. В XVI в. из Поморья на Восток начинает продвигаться промысловая колонизация, главными представителями которой стали именитые люди Строгановы. Строгановы направили в Сибирь отряд казаков для завоевания Сибирского царства. Однако удержать новый край Строгановым и казакам оказалось не по силам. В результате, дело завоевания на Востоке продолжило московское правительство. В Сибирь отправлялись крупные отряды с воеводами, которые приводили в подданство Московскому государю местное население. Позднее, для удержания этих народов в покорности и сбора ясака, воеводы строили города и остроги.

По мнению М.К. Любавского, поход казаков не привел к покорению Сибири, но показал Москве, «что Сибирь можно и стоит покорить». Начиная с экспедиции воевод Сукина и Мясного, отправленной в 1585 г., которая основала Тюмень, правительство постоянно строит в Сибири города – Тобольск, Пелым, Березов, Сургут. Любавский считал, что Березов был построен в 1594 г., а Сургут в 1595 г. Целью строительства Березова было стремление держать в покорности местных князьков, немцев и ханты. Сургут был построен для приведения в покорность Пегой орды. В 1595 г. был построен город Нарым, а в 1596 г. Кетский острожек (Любавский 1996: 445). Города располагались по рекам на огромном расстоянии друг от друга. Всего в конце XVI – начале XVII вв. в Западной Сибири возникло около 15 русских колоний – городов с окружающими их поселками (Любавский 1996: 561). Смута в Московском государстве на время остановила русскую колонизацию Сибири. Однако с ее окончанием колонизация возобновилась, «частная инициатива в данном случае играла выдающуюся роль» (Любавский 1996: 562). Партии казаков и промышленников в царствование Михаила Федоровича закрепили за русским государством всю Восточную Сибирь от р. Енисея до Тихого океана. При Алексее Михайловиче русские отряды заняли Забайкалье. Колонизационная деятельность правительства в Сибири определялась, по мнению М.К. Любавского, добычей пушнины, которая, по данным Г. Котошихина, при Алексее Михайловиче давала казне около 600 тысяч рублей (Любавский 1996: 448).

М.К. Любавский утверждал, что русские поселения, колонии были разбросаны на очень большом расстоянии друг от друга, так как русские города контролировали инородцев, которые занимались такими промыс-

лами, какие заставляли их занимать огромные территории. Занятие Сибири, по мнению М.К. Любавского, «носило характер военной оккупации и выражалось в построении в землях туземцев, русских городов, городков и острогов» (Любавский 1996: 455). «В качестве обывателей первых русских селений в Сибири мы повсюду встречаем служилых людей и духовенство, с незначительной примесью других элементов» (Любавский 1996: 456).

По мнению М.К. Любавского, «первыми русскими колонистами Сибири были служилые люди», которые государством переводились на вечное жительство в городах – дети боярские, казаки, стрельцы, служилые турки, иноземцы и духовенство. Часть их направлялась в города по прибору, то есть по доброй воле, а часть по переводу – принудительно. Около городов разрабатывались земли для содержания этих гарнизонов, частично личным трудом служилых людей, а частично трудом крестьян, переведенных в Сибирь. Однако М.К. Любавский при этом высказал мысль о том, что «заселение военными людьми необходимо влекло за собой заселение страны людьми мирных профессий» (Любавский 1996: 456). Правительство «очень заботилось о развитии хлебопашества в Сибири, без которого там не могли держаться русская жизнь, русское владычество» (Любавский 1996: 457). В результате, правительство берет на себя заботу о наполнении Сибири крестьянами. Крестьяне приезжали в Сибирь как служилые люди, по прибору или по указу, обычно из уездов Поморья. Постепенно большое значение приобретает вольная народная колонизация.

М.К. Любавский обосновал положение о том, что «в Сибири города были рассадниками русской колонизации» (Любавский 1996: 460). Поселения около городов строились городскими жителями. Однако в 20-0-е гг. XVII в. поселки около городов стали возникать в новой форме – слобод. М.К. Любавский отмечал, что колонизация Сибири шла главным образом из Поморских уездов, где набирались служилые люди, посадские люди и крестьяне, откуда в Сибирь шли охочие люди (Любавский 1996: 461). М.К. Любавский полагал, что из городов, которые были первым пунктом русского населения Сибири, служилые люди и крестьяне, постепенно выселялись на ближайшие земли, образуя деревни. Позднее Московское правительство, с целью увеличения количества местного хлеба в Сибири, организовало на южных черноземных землях Западной Сибири слободы, в которые созывались крестьяне из русских уездов, с предоставлением им различных льгот в отношении податей и повинностей.

М.К. Любавский отмечал, что, по сравнению с русским движением на Восток, продвижение на юг Сибири в XVII в. было медленным. После оккупации Сибирского царства «русские в дальнейшем должны были вести не столько наступательную, сколько оборонительную политику» (Любавский 1996: 454). К югу от Сибирского царства жили кочевники, ойраты и киргизы, «которые постоянно нападали на новые русские владения» (Любавский 1996: 454). Ученый писал, что кочевники юга Сибири, ойраты и киргизы, играли здесь ту же роль,

что и турки, ногаи, ойраты Восточной Европы в отношении окраинного русского населения, то есть постоянно нападали, грабили и убивали жителей, уводили пленных. В борьбе с ними русские применяли те же средства борьбы, что и в Восточной Европе, строили города и остроги, а затем непрерывные укрепленные линии (Любавский 1996: 463). Чтобы защитить слободы от нападений ойратов и киргизов, правительство строило на юге Сибири «целый ряд городов и острожков» (Любавский 1996: 562). В результате, для защиты от набегов правительство в 30-е гг. XVII вв. строит остроги в Тобольском и Тарском уездах, а также Тарханский, Атбашский, Коурдацкий, Тебендинский и Ялutorовский остроги. В 50-е гг. XVII в. были построены остроги по р. Исети – Исетский и Катайский, в 1670 г. Коркинский, в 1680 г. Абатский, на р. Ишиме. В 50-60-е гг. XVII в. подобные остроги строятся и на юге Томского разряда, для связи выдвинутого на юг Кузнецкого острога и Томска (Любавский 1996: 454).

Это движение на юг продолжилось в первой половине XVIII в. В результате, правительство для защиты южных районов построило здесь целые линии укреплений: Иртышскую, Ишимскую, Новую и Кузнецкую линии, по типу линий, соорудившихся на юге Московского государства (Любавский 1996: 563). М.К. Любавский показал, что во второй половине XVI в. на землях Строгановых в Пермском крае сочетались три вида колонизации: промысловая, земледельческая и военная, для защиты от нападения ногаев (Любавский 1996: 441). М.К. Любавский полагал, что военная колонизация играла значительную роль на востоке, в частности, в процессе колонизации Башкирии, за которой в край направилась вольная крестьянская колонизация (Любавский 1996: 494).

П.Н. Милюков ученик В.О. Ключевского и крупный русский либеральный политический деятель отмечал, что Тобольская губерния до р. Енисея «может считаться, по своим природным данным, прямым продолжением территории европейской России» (Милюков 1993: 489). По мнению П.Н. Милюкова, в 1570-е гг. Московское правительство поручило борьбу с Сибирским ханством гостям Строгановым, однако в 1586 занялось присоединением Сибири, посылая отряды воевод. В результате «заяние западной Сибири сохраняло характер военной экспедиции» (Милюков 1993: 490-495). П.Н. Милюков полагал, что «единственный положительный мотив, руководивший правительством, сводился к обогащению царской казны “ясаком”, соболями, горностаями и белками». Правительство, присоединяя край, опиралось на отряды казаков и группы крестьян посадских людей, которые обеспечивали хлебом гарнизоны городов Сибири. В дальнейшем важную роль в колонизационном процессе играли беглые крестьяне и ссыльные.

Российская империя для защиты края от кочевников строила на юге Сибири укрепления: «К концу первой половины XVIII в. заканчивается, почти по линии теперешней Сибирской железнодорожной магистрали, укрепленная линия от Челябинска через Омск до Каинска, спускаясь оттуда вверх по Оби до Бийска» (Милюков 1993: 408).

Академик Российской академии наук, профессор С.Ф. Платонов (1860-1933) отмечал, что присоединение Сибири в конце XVI в. стало делом правительства Бориса Годунова. В 1586 г. в Сибирь было отправлено русское войско, которое стало строить крепости Тюмень, Тобольск, Березов, Туринск, Томск и другие города (Платонов 1993: 208). Профессор Санкт-Петербургского университета ученик С.Ф. Платонова А.Е. Пресняков (1870-1929) полагал, что кризис XVII в. привел к усилению государственного начала по отношению к народной жизни (Пресняков 1990: 408). А.Е. Пресняков справедливо считал, что после поражения Русского государства в Смоленской войне 1632-1634 гг. русское правительство усилило работу по обороне земель на юге и востоке. В работе по обороне государства военная колонизация служилых людей поддерживала вольную колонизацию против кочевников. Историк особо выделял развитие русской колонизации в форме городов и острогов в Сибири в первой половине XVII в. (Пресняков 1990: 50-52; 1990а: 96).

Профессор Пермского, Таврического университетов, заслуженный профессор. Йельского университета, член Русской академической группы, сотрудник правительства П.Н. Врангеля, один из крупнейших представителей российской историографии Г.В. Вернадский (1887-1973) заметил глубокую связь между служилой колонизацией и вольной колонизацией, а также Московским государством в Сибири XVII в. В эпоху колонизации Сибири XVII в. трудно провести четкую линию между служилыми людьми и промышленными торговыми людьми, «и те, и другие одинаково государевы люди, потому что делают одно и то же государево дело – ищут великой государю прибыли» (Вернадский 1915: 332). Главная цель правительства Сибири XVII в. – хозяйственная, пушнина новых «землиц». При этом служилые люди играют роль хозяйственных приказчиков в этом громадном предпрятии государевой казны.

Если служилые люди стали в Сибири хозяйственными агентами государства, то торговые и промышленные люди исполняли здесь все обязанности служилых

людей: собирали ясак, участвовали в организованных правительством походах, приводили иноземцев в русское подданство. Кроме того, государство Сибири охотно верстало промышленных людей в служилые люди. В 1663 г., по требованию Москвы, часть служилых людей была возвращена в тяглые группы. По мнению Г.В. Вернадского, служилые люди Сибири, особенно на ее востоке, по своей психологии, интересам, образу жизни, «часто очень похожи на промыслового дельца» (Вернадский 1915: 336).

Г.В. Вернадский называл Сибирь «колонией особого рода» (Вернадский 1915: 332). Сибирь не была отделена от России океанами, и жизнь в ней была продолжением традицией русской жизни. Г.В. Вернадский полагал, что быстрота русской колонизации Сибири во многом объяснялась новыми приемами охоты на соболя, которых не знали иноземцы и которые приводили к быстрому истреблению этого зверя, заставляя, таким образом, русских продвигаться на восток (Вернадский 1915: 350).

Работы М.К. Любавского, Г.В. Вернадского и А.Н. Гневушева проводились на основании глубокой работы в архивах по отдельным проблемам истории Сибири. А.Н. Гневушев изучал развитие уездов Сибири в эпоху Смуты. Историк нашел и опубликовал сборник документов по истории Смуты в крае. Г.В. Вернадский исследовал роль служилых людей в колонизации Восточной Сибири. Работы ученых отличались большим профессионализмом, в результате чего им удалось преодолеть ряд популярных, но не подкрепленных документами положений областников о ведущей роли народной колонизации Сибири.

Таким образом, в работах историков Сибири начала XX в. отличавшихся возросшим профессионализмом, значительное внимание было уделено проблемам правительственной колонизации и русской военной политики в крае. Большое внимание историков привлекали общий ход колонизации Сибири, рассмотренный в связи с общим процессом колонизации России, история городов края в Смуту, история служилых людей XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Багaley 1887 - Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
Вернадский 1915 - Вернадский Г.В. Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII в. // Журнал министерства народного просвещения. 1915. Апрель.
Гневушев 1914 - Гневушев А.Н. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914.
Ключевский 1987 - Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.
Любавский 1996 - Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX вв. М., 1996.
Любавский 2000 - Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
Любавский 2000а - Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. СПб., 2000.
Милюков 1993 - Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993.
Платонов 1993 - Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.
Платонов 1999 - Платонов С.Ф. Борис Годунов. М., 1999.
Пресняков 1990 - Пресняков А.Е. Московское царство // Российские самодержцы. М., 1990.
Пресняков 1990а - Пресняков А.Е. Царь Михаил Федорович // Российские самодержцы. М., 1990.
Пресняков 1990б - Пресняков А.Е. Царь Алексей Михайлович // Российские самодержцы. М., 1990.
Смирнов 1913 - Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1913.
Фирсов 1915 - Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. М., 1915.
Чечулин 1889 - Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.

REFERENCES

- Bagalej 1887 - Bagalej D.I. Ocherki iz istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva [Essays from the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state], Moscow, 1887 [in Russian].
- CHechulin 1889 - CHechulin N.D. Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI v. [The cities of the Moscow state in the XVI century], Saint-Petersburg, 1889 [in Russian].
- Firsov 1915 - Firsov N.N. CHteniya po istorii Sibiri [Readings on the history of Siberia], Moscow, 1915 [in Russian].
- Gnevushev 1914 - Gnevushev A.N. Sibirskie goroda v Smutnoe vremya [Siberian cities during the Time of Troubles], Kiev, 1914 [in Russian].
- Klyuchevskij 1987 - Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomah. T. I. Kurs russkoj istorii. CHast' 1 [Works in nine volumes. Volume I. The course of Russian history. Part 1], Moscow, 1987 [in Russian].
- Lyubavskij 1996 - Lyubavskij M.K. Obzor istorii russkoj kolonizacii s drevnejshih vremen i do XX vv. [An overview of the history of Russian colonization from ancient times to the 20th century], Moscow, 1996 [in Russian].
- Lyubavskij 2000 - Lyubavskij M.K. Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizaciej [Historical geography of Russia in connection with colonization], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].
- Lyubavskij 2000a - Lyubavskij M.K. Lekcii po drevnej russkoj istorii do konca XVI v. [Lectures on ancient Russian history until the end of the 16th century], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].
- Milyukov 1993 - Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury [Essays on the history of Russian culture], Vol. 1, Moscow, 1993 [in Russian].
- Platonov 1993 - Platonov S.F. Lekcii po russkoj istorii [Lectures on Russian history], Moscow, 1993 [in Russian].
- Platonov 1999 - Platonov S.F. Boris Godunov, Moscow, 1999 [in Russian].
- Presnyakov 1990 - Presnyakov A.E. Moskovskoe carstvo [The Moscow Kingdom], in: Rossijskie samodержcy [Russian Autocrats], Moscow, 1990 [in Russian].
- Presnyakov 1990a - Presnyakov A.E. Car' Mihail Fedorovich [Tsar Mikhail Fedorovich], in: Rossijskie samodержcy [Russian Autocrats], Moscow, 1990 [in Russian].
- Presnyakov 1990b - Presnyakov A.E. Car' Aleksej Mihajlovich [Tsar Alexei Mikhailovich], in: Rossijskie samodержcy [Russian Autocrats], Moscow, 1990 [in Russian].
- Smirnov 1913 - Smirnov P.P. Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoj polovine XVII v. [The cities of the Moscow state in the first half of the 17th century], Kiev, 1913 [in Russian].
- Vernadskij 1915 - Vernadskij G.V. Gosudarevy sluzhilye i promyshlennye lyudi v vostochnoj Sibiri XVII v. [Imperial servants and industrial people in eastern Siberia of the 17th century], in: ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], 1915, April [in Russian].

Пузанов Владимир Дмитриевич

– Доктор исторических наук, профессор Кафедры истории и права Гуманитарного института Шадринского государственного педагогического университета (Шадринск, Россия).

Vladimir Puzanov

– Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Law at the Shadrinsk State Pedagogical University Humanitarian Institute (Shadrinsk, Russia).

alan1971@bk.ru

АТРИБУЦИЯ ПАРНЫХ КУПЕЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ ИЗ СОБРАНИЯ РЯЗАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Л.В. Анзимилов

Кандидат географических наук, независимый исследователь (Москва, Россия)
e-mail: lanzimirov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В Рязанском областном художественном музее имени И.П. Пожалостина экспонируются два парных портрета купца и купчихи (71х58), подаренных музеем Ф.Е. Вишневым в 1962 г. Портреты написаны неизвестным художником, какие-либо даты, авторские или владельческие надписи на них отсутствуют. Использование совокупности исторических и биографических данных позволило установить, что полотна написаны в конце 1865 г. – начале 1866 г., на них изображен купец 1-ой гильдии Григорий Гаврилович Анзимилов (23.11.1796, Стрелецкая слобода, Московская губерния – 1.10.1865, Рязань) и его супруга Александра Алексеевна Анзимилова (1807, с. Сватово, Московская губерния – 11 июня 1882 года, Рязань). Сюжет полотен связан с чудом, случившимся с Григорием Анзимиловым – обретением богатства, после получения им в дар книги от преп. Илариона Троекуровского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Рязанский художественный музей, Пожалостин, портрет, купец, купчиха, Григорий Анзимилов, Александра Анзимилова, чудо, святой, Иларион Троекуровский.

ATTRIBUTION OF PAIRED MERCHANT PORTRAITS FROM THE COLLECTION OF THE RYAZAN ART MUSEUM

Lev Anzimirov

PhD in Geography, Independent Researcher (Moscow, Russia)
e-mail: lanzimirov@mail.ru

ABSTRACT

Two paired portraits of a merchant and his wife (71x58 cm) are on display at the I.P. Pozhalostin Ryazan Regional Art Museum. The portraits were donated to the museum by F.E. Vishnevsky in 1962. They were painted by an unknown artist, and contain no dates or inscriptions identifying either the artist or the owners. A combination of historical and biographical data has made it possible to establish that the paintings were created in late 1865 or early 1866. They depict the First Guild merchant Grigory Gavrilovich Anzimirov (November 23, 1796, Streletskaia Sloboda, Moscow Governorate – October 1, 1865, Ryazan) and his wife, Aleksandra Alekseevna Anzimirova (1807, the village of Svatovo, Moscow Governorate – June 11, 1882, Ryazan). The plot of the paintings is linked to a miracle that happened to Grigory Anzimirov – his sudden wealth – after he received a book as a gift from the Venerable Hilarion of Troekurovo.

KEYWORDS: Ryazan art museum, Pozhalostin, portrait, merchant, merchant's wife, Grigory Anzimirov, Aleksandra Anzimirova, miracle, saint, Venerable Hilarion of Troekurovo.

В Рязанском областном художественном музее имени И.П. Пожалостина экспонируются два парных портрета купца и купчихи (71х58), подаренных музеем Ф.Е. Вишневым в 1962 г (РОХМ 1978: 131).

Портреты написаны неизвестным художником, какие-либо даты, авторские или владельческие надписи на них отсутствуют. Попробуем установить некоторые атрибуты портретов, используя историко-предметный метод, т.е. способ изучения произведений искусства на основе сведений об истории материальной культуры в совокупности с данными биографического, генеалогического и исторического характера (Косолапов 1983: 91).

ДАТИРОВКА ПОРТРЕТОВ

Экспертиза полотен не производилась. Они предварительно датированы первой половиной XIX в (РОХМ 1978: 131) или 1840-ми (РГОХМ 2011: 58-59). Однако, детали изображения говорят о более позднем времени написания работ.

На портретах изображен купец 1-ой гильдии и его супруга. Принадлежность именно к первой гильдии определяется по мундиру – согласно постановлению Александра I от 14 ноября 1824 только первостатейные купцы имели право его ношения (ПСЗРИ 39: 592).

Мундир купца относится к эпохе Александра II – это видно по темно-зеленому цвету воротника и обшлага купеческого мундира (введено в середине 1854 г.), расклешенным обшлагам мундира (введены в 1855 г.),

без красного канта – кант был отменен в 1856 г. (Шепелев 1991: 72).

На мундире купца гербовые пуговицы Рязанской губернии (рис. 2) с короной, дубовыми листьями и лентой (рис. 2.В).

В первой половине XIX века ни дубовые листья, ни корона на пуговицах не изображались (рис. 2.А). Корона на гербах губернских областей и городов появилась в 1851 г по распоряжению Николая I (Низовский 2008: 15), а дубовые листья с Андреевской лентой были добавлены лишь в 1857 г. по указу императора Александра II 4 июля 1857 «О гербах губерний областей, градоначальств, городов и посадов» на губернских гербах над щитом изображалась императорская корона, а вокруг щита дубовые листья с Андреевской лентой (ПСЗРИ 32: 580-581). Это указывает на то, что портреты написаны после 1857 г.

В руке купчихи кружевной платок Скопинской школы с характерной волнообразной полосой и редкими связкам. «Скопинский манер» был разработан в 1860-е (НХП РО 2023: 72).

Таким образом, по деталям одежды картины моложе 1857 г. и, скорее всего, относятся к 1860-м годам.

ЗАГАДКИ ПОРТРЕТОВ

Отметим некоторые необычные особенности произведений.

Во-первых, на женском портрете изображена, скорее всего, не купеческая жена, а гильдейская купчиха – на ее руке золотой перстень-печатка для корреспонденции, что характерно для купчих, ведущих дела. Поэтому первая загадка – это изображение на семейной портретной паре сразу двух действующих купцов, что необычно, т.к. только одно лицо из купеческого семейства «приемлет название купца и пользуется торговыми правами и преимуществами» (Постановление от 14 ноября 1824, ПСЗРИ 39: 594).

Загадка вторая – купец держит в руке книгу в неокрашенном переплете толстой кожи с красным обрезом (рис. 5). Такие книги в переплетах темной телячьей кожи без украшения соответствуют традициям внешнего оформления массовой древнерусской церковной книги первой четверти XVIII века (Тараканова 2015: 108). По обрезау они украшались красным «киноварным добрым прыском» (Тараканова 2015: 109). Использование цельнокожаных переплетов характерно для XVIII века (Клепиков 1959: 147, 155), максимум до начала XIX в. Уже в 30-х – 40-х годах XIX в такой переплет считался анахронизмом. Н.В. Гоголь при описании обстановки дома Плюшкина в «Мертвых душах» упоминает книгу с красным обрезом как признак старого хлама: «Старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом ...[выпущенная] до нашествия на Москву французов» (Гоголь 1975: 217).

Т.е. уже в 1830-40-х годах книга в кожаном переплете с красным обрезом считалась устаревшей, а портреты написаны на 30 лет позже в 1860-х. Это значит, что купец изображен со старинной книгой минимум 60-летней давности, что вряд ли случайно.

Обратим внимание на то, что красный цвет на обрезе книги нанесен живописцем неаккуратно (рис. 5), что контрастирует с общей детальной манерой письма – читаются гербы на каждой пуговице, вышивка, украшения и т.д. Можно предположить, что первоначально художник изобразил книгу с обычным для 60-х годов XIX века белым обрезом, однако потом, вероятно, по требованию заказчицы, нанес красный цвет¹. Почтенный возраст книги и дописанный красный цвет обреза говорят о том, что книга не просто реквизит или символ – на картине изображена конкретная книга.

Что это за книга и почему она настолько важна, что потребовалось докрашивать обрез? Ответим на этот вопрос ниже, пока рассмотрим еще одну загадку изображения.

Третья загадка – необычное положение рук купца – он держит книгу в левой руке, а правую прижимает к груди (рис. 1). При этом купец правша, что следует из того, что его перстень-печатка, надет на левую руку. Печатку обычно носили на менее активной левой руке, т.к. при запечатывании письма правая была занята горячим сургучом. См., например, печатку на рисунке А.С. Пушкина (рис. 6).

У купчихи печатка тоже на левой руке (рис. 3).

КТО ЖЕ ИЗОБРАЖЕН НА ПОРТРЕТАХ?

Тайны исчезнут, если на портретах изображены купец 1-ой гильдии Григорий Гаврилович Анзимилов (23.11.1796, Стрелецкая слобода, Московская губерния – 1.10.1865, Рязань) и его супруга Александра Алексеевна Анзимилова (1807, с. Сватово, Московская губерния – 11 июня 1882 года, Рязань).

Возраст. Возраст купца на полотне примерно 65-70, купчихи – 55-60 лет, совпадает с возрастом Анзимиловых. В 1865 г. Григорию Гавриловичу было 68, а Александре Алексеевне – 57 лет.

Мундир. Выходец из служивых людей Иосифо-Волоцкого монастыря Григорий Анзимилов, начал свою купеческую деятельность в 1824 г, как говорится, «с нуля» (ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.243. Л.1185 об. – 1186) и уже через 8 лет в 1832 вступил в первую гильдию, а в 1841 был возведен в потомственное почетное гражданство (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 156. Л. 8 об. – 9). Он имел право носить губернский мундир, изображенный на полотне.

УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВКИ КАРТИН

Выше по деталям одежды персонажей мы установили, что картины моложе 1857 г. и, скорее всего, относятся к 1860-м годам. Однако если учесть, что Г.Г. Анзимилов скончался 01.10.1865, а Александра Алексеевна изображена на полотне уже вдовой, то портрет купца, скорее всего, завершён уже после смерти купца. На погребальный характер портрета указывает то, что обручальное кольцо купчихи надето на левую руку. Этим также объясняются и отмеченные выше особенности изображения книги и положения рук, которые мы рассмотрим ниже. Поэтому, уточненное время создания полотна – конец 1865 г – начало 1866 г.

¹ Неаккуратные мазки могли быть сделаны впопыхах, учеником или вообще другим мастером.

ДРЕВНЯЯ КНИГА И ДВА КУПЦА

Однако самое интересное на портрете купца связано с книгой. Не случайно вдова заставила живописца раскрасить обрез, добиваясь точного сходства с оригиналом. Книга сыграла важнейшую роль в судьбе Г.Г. Анзиминова. Для того, чтобы понять ее значение, нужно познакомиться с краткими фактами его биографии.

Коммерческая деятельность Г.Г. Анзиминова требовала доверия к нему дворян, которые рисковали закладывать свои поместья Анзиминову, для вложения их векселей в откупные торги, проводимые Министерством Финансов. Вложение денег в откупы приносило дворянам доход до 10% за откупной цикл, который они не могли получить при простом залоге недвижимости. Но только в случае состоятельности купца. В противном случае, доверители рисковали своей собственностью: «При неисправности откупщика, дома и земли продавались немедленно... а населенные имения... зачислялись заложенными в Заемный банк» (СПС 1860: 88).

В свои первые откупы Григорий Гаврилович вошел в 1827 г. и до 1843 г. и вел свою деятельность без сбоев. Это было, в частности, отмечено присвоением в 1842 г. Григорию Анзиминову с семейством звания Потомственного почетного гражданина (Манифест Николая I, РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 156. Л. 8 об. – 9), дочери Анзиминова вышли замуж за элиту рязанского общества – Елена – за вице-губернатора Рязани В.Ф. Пфеллера, Мария за Г.А. Сатина – родовитого дворянина, ведущего свою родословную от Рюрика, а после его смерти за Н.П. Попова – рязанского предводителя дворянства.

Но к 1844 г. все изменилось – неудачная реформа, предпринятая Комитетом министров в 1843 г., привела к общенациональному кризису откупной системы – недоимки по всем российским откупам составили астрономическую сумму – 11 млн. рублей серебром (МФ 1902: 300). Большинство (90%) из примерно 200 российских откупов сделались «неисправными» – причем полностью разорились и были отданы в новое содержание 57 (28%) откупов, а 125 (62%) держались только на льготах (СПС 1860: 127-128). В среднем на одного откупщика пришлось около 50 тыс. сер. руб недоимок. Григорий Гаврилович также не смог расплатиться с казной в одном из регионов деятельности – по Лебедянским откупам, и попал в тяжелое положение – ему и его доверителям угрожала конфискация залогов (ПРЕВ 1865: 131).

Глубоко переживая неудачу, он обратился за советом к 90-летнему затворнику преп. Илариону Троекуровскому, слывшему чудотворцем. В последние годы жизни слепой старец Иларион мало кого принимал, но Григория Гавриловича принял, выслушал и подарил книгу с житием благотворителя Св. Филарета Милостливого (ПРЕВ 1865: 131). На вопрос о том, как разоренный купец может быть благотворителем, преп. Иларион сказал: «Возьми [книгу]: она еще тебе в жизни пригодится, если бы я не знал сего, то и не дал бы ее тебе» (ПРЕВ 1865: 131). После этого случая Г.Г. Анзиминов быстро поправил свои дела. На торгах 1847 г. в Санкт-Петербурге

он неожиданно² получил от доверителей крупные суммы, вошел в откуп 1847-1851 гг., и полностью расплатился с долгами, в т.ч. и по залогам предыдущего периода (ПРЕВ 1865: 131; Сенатские объявления о разрешениях на имения, 1849, № 19, 5 марта 1849; Сенатские объявления о разрешениях на имения, 1852, № 98, 1066; Вайнтрауб, Гаврилов 2001).

Успешно завершив откуп 1851 г., Григорий Гаврилович, следуя обещанию, данному Илариону Троекуровскому и заветам Св. Филарета Милостливого, ушел из коммерции и больше делами не занимался. В 1852 г. Анзиминов построил Федоровский придел Сергиевской церкви рязанского Свято-Троицкого монастыря, передал в него ценнейшую семейную Федоровскую икону. Начиная с 1853 г. Г.Г. Анзиминов не фигурирует ни в каких коммерческих документах. Отныне, его дела вела только жена Александра Алексеевна и это была только благотворительность (Рязанская область 2012: 708; ГАРО Ф.49. Оп.1. Д.174. Л.89 об.; Добролюбов 1885: 353-354; ГАРО Ф.824. Оп.1. Д.639; ГАРО Ф.49. Оп.1. Д.632. Л.16 об. и т.д.). Вот почему на портретной паре супруга носит кольцо для корреспонденции – с 1853 г. именно она вела все дела семьи. Так решается описанная выше загадка «двух купцов».

Старинная книга с красным обрезом – это, конечно же, житие благотворителя Св. Филарета Милостливого, подаренная Григорию Анзиминову преп. Иларионом (ПРЕВ 1865: 131). Житие Св. Филарета входило в «Четьи-Минеи», несколько раз изданные в период с 1689 по 1774 гг. Синодальной типографией Москвы и типографией Киево-Печерской лавры.

В 1847 г. старцу Илариону было 92 года, он вполне мог подарить свою заветную книгу XVII-XVIII вв. – старинный артефакт, сделавший Анзиминова снова богатым, но в обмен на обет благотворительности. Книга Илариона определила 13 последних лет жизни семьи Анзиминовых, именно поэтому от художника потребовали ее точного воспроизведения на полотне (см. выше про дорисованный красный обрез).

Скорее всего, Григорий Гаврилович был похоронен³ с книгой, приносящей богатство, поэтому художник писал ее не с натуры, что объясняет ошибку с цветом обреза, которую пришлось исправлять в спешке (рис. 5).

НЕОБЫЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУК

Влиянием преп. Илариона можно объяснить и необычное положение рук на портрете – купец держит книгу в левой руке, а его правая рука просто прижата к груди. При этом, как мы отмечали выше, купец правша. Мы считаем, что в необычном положении рук купца содержится прямая отсылка к каноническому образу преп. Илариона Троекуровского, всегда изображаемого с правой рукой, прижатой к груди (рис. 7, 8).

2 Правительство, конечно, не было заинтересовано в разорении откупщиков и конфискации дворянских имений. Поэтому предпринимало усилия для облегчения их доли, осознавая неудачность собственных постановлений (СПС 1860: 127-128).

3 Г.Г. Анзиминов похоронен вместе с женой и старшим сыном Павлом в фамильном склепе в Федоровском приделе церкви Сергия Радонежского, рязанского Свято-Троицкого монастыря.

Прижатая рука преп. Илариона Троекуровского – это символ его отречения от мирской жизни – в молодости он сказался парализованным рукой для того, чтобы уйти из дома в монахи (Клоков, Найденов 2017). А для Анзиминова – символ следования обету, данному старцу. Поэтому на рязанском портрете правша Анзиминов держит книгу в левой руке – нельзя же держать ее в «условно парализованной» правой!

Автор рязанского портрета был явно знаком с портретом Прп. Илариона Троекуровского 1828 г (рис. 7), т.к. воспроизвел на портрете Г.Г. Анзиминова специфическую особенность кисти старца Илариона – указательный палец, длинной превышающий безымянный (рис. 1). Обычно, у мужчин безымянный палец длиннее указательного. Именно так (т.е. нормально) кисть руки изображена на посмертной литографии Прп. Илариона (рис. 8), а вот на прижизненном портрете, сделанном с натуры, (рис. 7) указательный палец длиннее.

Создавая в 1865 г. «руку Илариона» на посмертном портрете Г.Г. Анзиминова, рязанский художник возможно опирался на прижизненное изображение старца от 1828 г. (рис. 7) и воспроизвел уникальную особенность кисти святого и у купца.

СМЫСЛ ПОРТРЕТА АНЗИМИНОВА

Итак, портрет Г.Г. Анзиминова включает в себе следующее послание – «Я прошел по пути богатства (мундир 1-ой гильдии), по завету старца Илариона прошел и по пути благотворительности (книга и прижатая рука), теперь меня ждет покой (общая безмятежность образа)».

КОЛЛЕКЦИОНЕР Ф.Е. ВИШНЕВСКИЙ И ВЛАДИМИР АНЗИМИНОВ

Как видно, обстоятельства жизни четы Анзиминовых объясняют загадки, обнаруженные на портретной паре. В заключение добавим, что между коллекционером Ф.Е. Вишневым, подаривший портреты, Рязанскому музею и семьей Анзиминовых также имеется связь.

Ф.Е. Вишневский собирал свою коллекцию из дворянских домов, разоренных революцией 1917 г., а позднее на свалках и в комиссионных магазинах центра Москвы (Десятников 2007: 308-309). Так вот, квартира Владимира Александровича – внука Григория и Александры Анзиминовых (на то время старшего Анзиминова по мужской линии) в 1917 г. находилась в Москве на ул. М. Полянка, 4, всего в 400 м от дома Ф.Е. Вишневого в Щетининском переулке 10.

В новый дом на М. Полянке В.А. Анзиминов переехал в 1916 г, а в декабре 1917 отбыл с семьей на Урал, потом в Омск, и больше в нее не возвращался. Все вещи остались там на попечении дворника Василия Никитича, о чем В.А. Анзиминов пишет в своем письме сыну 2.12.1920 г. Квартира, конечно же была взломана и заселена новой властью. Купеческие портреты новым жильцам были не нужны и их выбросили на ближайшую свалку, где их мог найти Вишневский и сохранить для музея.

ВЫВОДЫ

Анализ пары купеческих портретов из собрания Рязанского областного художественного музея имени И.П. Пожалостина историко-предметным методом позволяет сделать следующие выводы:

Портретная пара написана после 1857 г, скорее всего в конце 1865 г – начале 1866 г.

На портретах изображен купец 1-ой гильдии Григорий Гаврилович Анзиминов (23.11.1796, Стрелецкая слобода, Московская губерния – 1.10.1865, Рязань) и его супруга Александра Алексеевна Анзиминова (1807, с. Сватово, Московская губерния – 11 июня 1882 года, Рязань).

Сюжет полотен связан с чудом, случившимся с Григорием Анзиминовым – обретением богатства, после получения им дара преп. Илариона Троекуровского – книги с житием благотворителя Св. Филарета Милостливого.

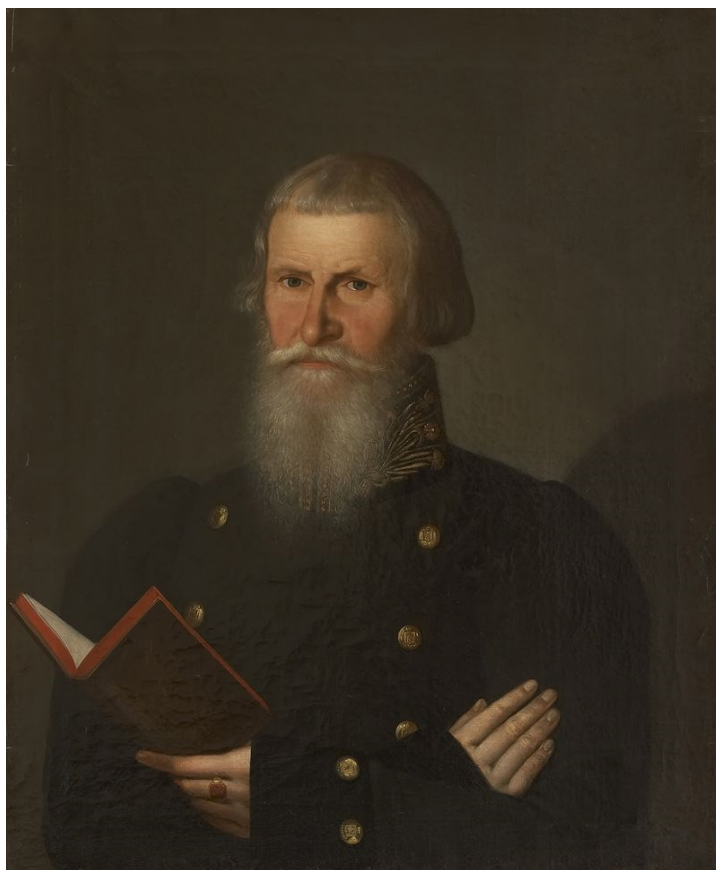

Рис. 1. Портрет рязанского купца. Рязанский государственный областной художественный музей имени И.П. Пожалостина

А. 1831 г.
(www.pugoviza.ru)

Б. 1857 – 1917
(www.pugoviza.ru)

В. Пуговица купца
соответствует Указу
от 4 июля 1857 г.

Рис. 2. Гербовые пуговицы Рязанской губернии. По Указу от 4 июля 1857 г. на пуговицы стали наносить изображение короны, дубовых листьев и ленты

Рис. 3. Портрет рязанской купчихи. Рязанский государственный областной художественный музей имени И.П. Пожалостина

Рис. 4. Кружевной платок скопинской школы 1860-е

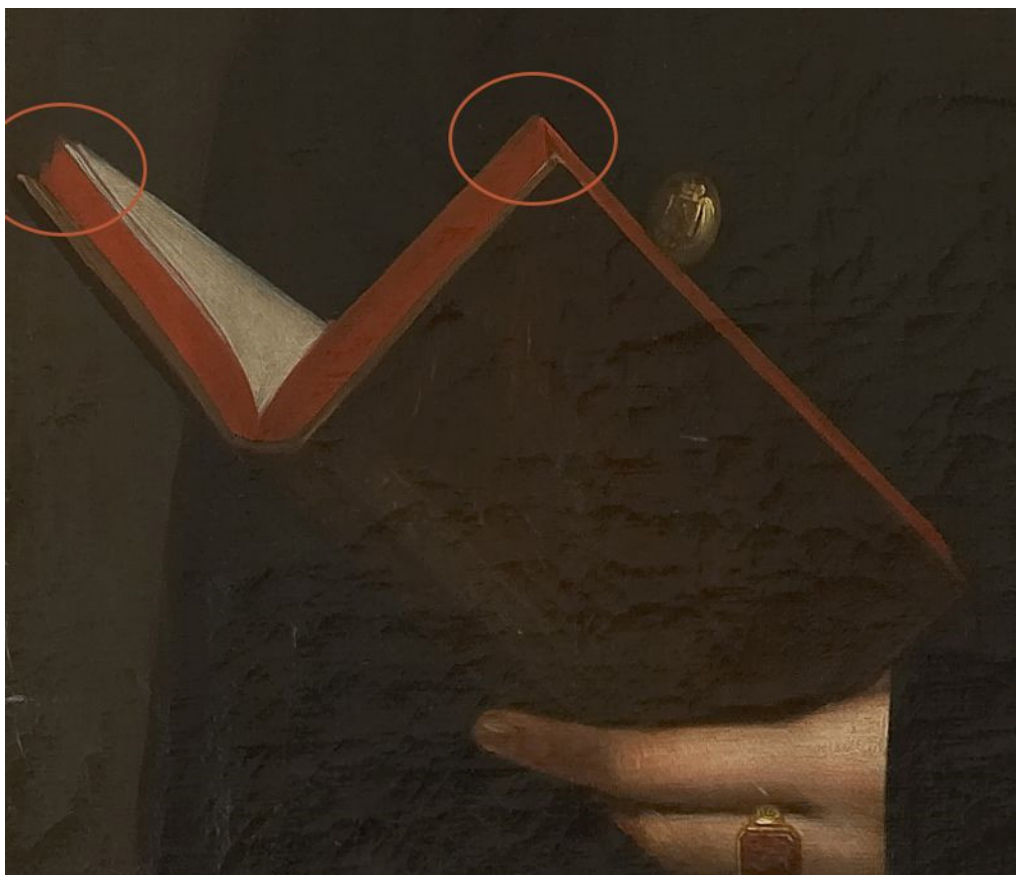

Рис. 5. Книги в переплетах телячьей кожи с красным обрезом выпускались в России с XVII по начало XIX вв. Красный цвет на обрез книги нанесен живописцем неаккуратно

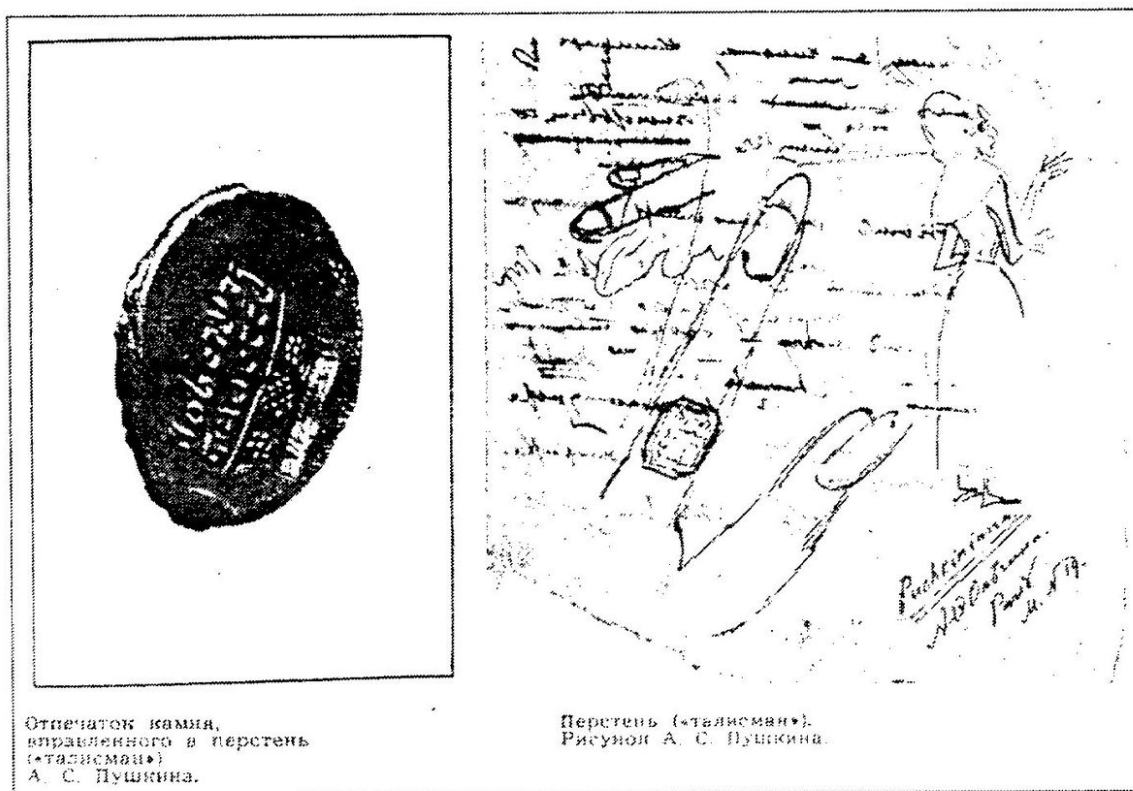

Рис. 6. Рисунок левой руки А.С. Пушкина с перстнем-печаткой и его оттиск (ruwiki.ru)

Прп. Иларион Троекуровский. Портрет. 1828 г. (Елецкий краеведческий музей)

Рис. 7. Иларион Грешный, 1828. Прижизненный портрет. Правая «парализованная» рука прижата к груди, указательный палец длиннее безымянного. www.pravenc.ru

Прп. Иларион Троекуровский. Литография. 3-я четв. XIX в. (ГИМ)

Рис. 8. Прп. Иларион Троекуровский. Литография. 3-я четв. XIX в. (ГИМ). Портрет написан после смерти святого. Указательный палец имеет нормальную для мужчин длину – короче безымянного. www.pravenc.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков 1855 - Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. СПб.: Военная типография, 1855. 490 с.
- Вайнтрауб, Гаврилов 2001 - Вайнтрауб Л., Гаврилов С. Село Подлипичье // Дмитровский Вестник. 06.10.2001.
- Гоголь 1975 - Гоголь Н.В. Мертвые души: поэма. М.: Художественная литература, 1975. 384 с.
- Десятников 2007 - СобираТЕЛЬ // Новый Мир. 2007. № 11.
- Добролюбов 1885 - Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии. Т. II. Рязань, 1885.
- Кибовский 2000 - Кибовский А.В. Историко-предметный метод атрибуции произведений портретной живописи России XVIII – первой половины XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. 217 с.
- Клепиков 1959 - Клепиков С.А. Из истории русского художественного переплета // Книга. Исследования и материалы. 1959. № 1. С. 98-166.
- Клоков, Найденев 2017 - Клоков А.Ю., Найденев А.А. Жизнеописание затворника Илариона и история Троекуровской обители. Шестое издание, исправленное и дополненное. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2017. 191 с.
- Косолапов 1983 - Косолапов Б.А. Некоторые примеры использования историко-предметного метода при исследовании портретов // Государственный Эрмитаж. Гербовика. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Л., 1983. С. 91-95.
- МФ 1902 - Министерство финансов. 1802-1902: Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. Ч. I. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. 640 с.
- Низовский 2008 - Низовский А.Ю. Русские форменные пуговицы, 1797-1917. М.: Родонит, 2008. 366 с.
- НХП РО 2023 - Народные художественные промыслы Рязанской области: методическое пособие для преподавателей дополнительного образования в области искусств / Под научной редакцией И.Ю. Гальцевой, Л.С. Плавинской, Д.Ю. Ворониной. Рязань: Региональный методический центр по образованию в области искусств, 2023. 249 с.
- Пирогова 2021 - Пирогова Е.П. Разновидности книжных переплетов в библиотеках уральских заводчиков XVIII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 95-130.
- ПРЕВ 1865 - Некролог // Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. 1865. № 5. С. 128-133.
- ПСЗРИ 32 - Александр II. Указ – О гербах губерний областей, градоначальств, городов и посадов // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXII. Отделение 2. 1857 г. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1858. С. 580-581.
- ПСЗРИ 39 - Александр I. Дополнительное постановление – Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний. 14 ноября 1824 // Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. Т. XXXIX. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1824. № 30.115. С. 588-612.
- РГОХМ 2011 - Рязанский государственный областной художественный музей им. И.П. Пожалостина: альбом. Рязань: Приз, 2011. 272 с.
- РОХМ 1978 - Рязанский областной художественный музей. Автор-составитель Т. Щеглова. М.: Изобразительное искусство, 1978. 164 с.
- Рязанская область 2012 - Рязанская область. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ч. 1 / Отв. ред. В.И. Колесникова. М.: Индрик, 2012. 880 с.
- Симони 1903 - Симони П.К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в до-Петровское время, с XI-го по XVIII-ое столетие включительно: Тексты-Материалы-Снимки. СПб.: Комитет Императорского Общества Любителей Древней Письменности, 1903. 307 с.
- СПС 1860 - Сведения о питейных сборах в России. Ч. 1. СПб., 1860. 291 с.
- Тараканова 2015 - Тараканова О.Л. Из истории отечественного переплетного дела XVIII века // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. № 4. С. 108-111.
- Шепелев 1991 - Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991. 222 с.

REFERENCES

- Annenkov 1855 - Annenkov P.V. Materialy dlya biografii A.S. Pushkina [Materials for the biography of A.S. Pushkin], Saint-Petersburg, Voennaya tipografiya Publ., 1855, 490 p. [in Russian].
- Desyatnikov 2007 - Sobiratel' [The Collector], in: Novyj Mir [], 2007, № 11 [in Russian].
- Dobrolyubov 1885 - Dobrolyubov I. Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i monastyrej Ryazanskoj Eparhii [Historical and statistical description of the churches and monasteries of the Ryazan Diocese], Vol. II, Ryazan, 1885 [in Russian].
- Gogol' 1975 - Gogol' N.V. Mertvye dushi: poema [Dead Souls: a poem], Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975, 384 p. [in Russian].
- Kibovskij 2000 - Kibovskij A.V. Istoriko-predmetnyj metod atribucii proizvedenij portretnoj zhivopisi Rossii XVIII – pervoj poloviny XIX vv. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Historical and subject-based method of attributing works of portrait painting from 18th – first half of 19th centuries in Russia. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 2000, 217 p. [in Russian].
- Klepikov 1959 - Klepikov S.A. Iz istorii russkogo hudozhestvennogo perepleta [From the history of Russian artistic binding], in: Kniga. Issledovaniya i materialy [Book. Research and materials], 1959, № 1, pp. 98-166 [in Russian].
- Klokov, Najdenov 2017 - Klokov A.YU., Najdenov A.A. Zhizneopisanie zatvornika Ilariona i istoriya Troekurovskoj obiteli. Shestoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [The Life of the Hermit Hilarion and the History of the Troyekurov Monastery. Shestoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe] [The Life of the Hermit Hilarion and the History of the Troyekurov Monastery. Shestoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe], Lipetsk: Lipetskoe oblastnoe kraevedcheskoe obshchestvo, 2017, 191 s.

Sixth edition, revised and supplemented], Lipeck, Lipeckoe oblastnoe kraevedcheskoe obshchestvo Publ., 2017, 191 p. [in Russian].

Kosolapov 1983 - Kosolapov B.A. Nekotorye primery ispol'zovaniya istoriko-predmetnogo metoda pri issledovanii portretov [Some examples of using the historical-subject method in the study of portraits], in: Gosudarstvennyy Ermitazh. Gerdal'dika. Materialy i issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov [The State Hermitage Museum. Heraldry. Materials and Research. Collection of scientific works], Leningrad, 1983, pp. 91-95 [in Russian].

MF 1902 - Ministerstvo finansov. 1802-1902: Istoricheskiy obzor glavnejshih meropriyatij finansovogo vedomstva [Ministry of Finance. 1802-1902: A Historical Overview of the Most Important Activities of the Financial Department], Vol. I, Saint-Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1902, 640 p. [in Russian].

NHP RO 2023 - Narodnye hudozhestvennye promysly Ryazanskoj oblasti: metodicheskoe posobie dlya prepodavatelej dopolnitel'nogo obrazovaniya v oblasti iskusstv / Pod nauchnoj redakciej I.YU. Gal'cevoj, L.S. Plavinskoj, D.YU. Voroninoj [Folk Art Crafts of the Ryazan Region: a methodological guide for teachers of supplementary education in the field of arts / Edited by I.Yu. Galtseva, L.S. Plavinskaya, D.Yu. Voronina], Ryazan, Regional'nyy metodicheskij centr po obrazovaniyu v oblasti iskusstv Publ., 2023, 249 p. [in Russian].

Nizovskij 2008 - Nizovskij A.YU. Russkie formennye pugovicy, 1797-1917 [Russian Uniform Buttons, 1797-1917], Moscow, Rodonit Publ., 2008, 366 p. [in Russian].

Pirogova 2021 - Pirogova E.P. Raznovidnosti knizhnykh perepletov v bibliotekah ural'skikh zavodchikov XVIII v. [Types of book bindings in the libraries of 18th-century Ural factory owners], in: Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2021, № 36, pp. 95-130 [in Russian].

PREV 1865 - Nekrolog [Obituary], in: Pribavleniya k Ryazanskim eparhial'nyim vedomostyam [Additions to the Ryazan Diocesan Gazette], 1865, № 5, pp. 128-133 [in Russian].

PSZRI 32 - Aleksandr II. Ukaz – O gerbah gubernij oblastej, gradonachal'stv, gorodov i posadov [Alexander II. Decree – On the coats of arms of provinces, regions, city administrations, cities, and towns], in: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Volume XXXII. Section 2. 1857], Vol. XXXII, Part 2, 1857, Saint-Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii Publ., 1858, pp. 580-581 [in Russian].

PSZRI 39 - Aleksandr I. Dopolnitel'noe postanovlenie – Ob ustrojstve gil'dij i o torgovle prochih sostoyanij. 14 noyabrya 1824 [Alexander I. Additional Resolution – On the Organization of Guilds and on the Trade of Other Social Classes. November 14, 1824], in: Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Second Collection], Vol. XXXIX, Saint-Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii Publ., 1824, № 30.115, pp. 588-612 [in Russian].

RGOMH 2011 - Ryazanskij gosudarstvennyj oblastnoj hudozhestvennyj muzej im. I.P. Pozhalostina: al'bom [Ryazan State Regional Art Museum named after I.P. Pozhalostin: album], Ryazan, Priz Publ., 2011, 272 p. [in Russian].

ROHM 1978 - Ryazanskij oblastnoj hudozhestvennyj muzej. Avtor-sostavitel' T. SHCHeglova [Ryazan Regional Art Museum. Author and compiler: T. Shcheglova], Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1978, 164 p. [in Russian].

Ryazanskaya oblast' 2012 - Ryazanskaya oblast'. Svod pamyatnikov arhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. CH. 1 / Otv. red. V.I. Kolesnikova [Ryazan Oblast. A collection of monuments of architecture and monumental art of Russia. Part 1 / Edited by V.I. Kolesnikova], Moscow, Indrik Publ., 2012, 880 p. [in Russian].

SHepelev 1991 - SHepelev L.E. Tituly, mundiry, ordena v Rossijskoj imperii [Titles, uniforms, and orders in the Russian Empire], Moscow, Nauka Publ., 1991, 222 p. [in Russian].

Simoni 1903 - Simoni P.K. Opyt sbornika svedenij po istorii i tekhnike knigoperepletnogo hudozhestva na Rusi, preimushchestvenno v do-Petrovskoe vremya, s XI-go po XVIII-oe stoletie vklyuchitel'no: Teksty-Materialy-Snimki [An attempt to compile information on the history and techniques of bookbinding art in Rus', primarily in the pre-Petrine period, from the 11th to the 18th century inclusive: Texts – Materials – Photographs], Saint-Petersburg, Komitet Imperatorskogo Obshchestva Lyubitel'ej Drevnej Pis'mennosti Publ., 1903, 307 p. [in Russian].

SPS 1860 - Svedeniya o pitejnykh sborah v Rossii [Information about drinking taxes in Russia], Vol. 1, Saint-Petersburg, 1860, 291 p. [in Russian].

Tarakanova 2015 - Tarakanova O.L. Iz istorii otechestvennogo perepletnogo dela XVIII veka [From the history of Russian bookbinding in the 18th century], in: Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova [Bulletin of Ivan Fyodorov Moscow State University of Printing Arts], 2015, № 4, pp. 108-111 [in Russian].

Vajntraub, Gavrilo 2001 - Vajntraub L., Gavrilo S. Selo Podlipich'e [The village of Podlipichye], in: Dmitrovskij Vestnik [The Dmitrovsky Vestnik], 06.10.2001 [in Russian].

Анзимиров Лев Владиславович

– кандидат географических наук, независимый исследователь (Москва, Россия).

Lev Anzimirov

– Candidate of geographical sciences, Independent Researcher (Moscow, Russia).

mail@histformat.com

КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры

«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)

e-mail: ivasee@mail.ru

SPIN-код: 8437-3902

АННОТАЦИЯ

Коллектив выживания – минимальная группа людей, способных совместно обеспечить своё существование, в основном пользуясь услугами друг друга. Это большие семьи или соседи, живущих рядом несколько поколений. Основная цель коллектива выживания – культурное и физическое самосохранение и воспроизводство.

Родственные коллективы выживания кубанских казаков (семьи) обеспечили на рубеже XIX-XX вв. достаточно высокий уровень развития сельского хозяйства, в т.ч. экспорт зерна за рубеж, что свидетельствует об уровне эффективности, превышающем обеспечение выживания коллектива. В производстве были задействованы не только родственные коллективы выживания, но и их территориальные сети. В начале XX в. получили развитие различные виды кооперации (ссудная, потребительская), которая основывалась на территориальных сетях коллективов выживания, помогала местной казачьей общине выполнять свои функции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллективы выживания, Кубань, кубанские казаки.

SURVIVAL COLLECTIVES OF THE KUBAN COSSACKS: THE ECONOMIC FUNCTION

Igor Vasilyev

Research Center of traditional culture

«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)

e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT

A survival collective is the smallest group of people capable of sustaining their existence collectively, primarily by relying on one another's services. Such groups may consist of extended families or neighbors who have lived alongside one another for several generations. The primary purpose of a survival collective is cultural and physical self-preservation and reproduction. At the turn of the 20th century, the kinship-based survival collectives of the Kuban Cossacks (families) ensured a relatively high level of agricultural development, including the export of grain abroad, thus demonstrating an economic efficiency that went well beyond merely meeting the survival needs of the collective. Production involved not only individual kinship-based survival collectives but also their territorial networks. In the early 20th century, various forms of cooperation, such as credit and consumer cooperatives, developed on the basis of the territorial networks of survival collectives and helped the local Cossack communities fulfill their functions.

KEYWORDS: survival collectives, Kuban, Kuban Cossacks.

Коллектив выживания – минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить свое существование, в основном пользуясь услугами друг друга. Это большие семьи или соседи, живущих рядом несколько поколений. Основная цель коллектива выживания – культурное и физическое самосохранение и воспроизводство.

При традиционном укладе жизни коллективы выживания являются основой жизнеобеспечения, т.е. производят необходимые для жизни людей пищу, одежду и другие ресурсов¹. Так обстояло дело и у кубанских ка-

заков и русского населения дореволюционной Кубани в целом.

Именно семейный коллектив выполнял основные работы в сельском хозяйстве: обработку земли, уход за скотом, торгово-предпринимательскую деятельность. Именно совместные усилия семьи позволяли физически выживать ее членам (большую часть продуктов питания казаки, как правило, производили в собственном хозяйстве). По воспоминаниям старожилов: «Скот держали, лошадей, пахали лошадьми, быками. На самообслуживании люди жили, что приобрел, то и кушай. Не было, как сейчас магазинов полно»; «Сами себя кормили. В общем, имели четыре пары лошадей. Или там бы-

¹ Коллектив выживания / Электронный ресурс: https://traditio.wiki/Коллектив_выживания (Дата обращения - 20.11.2025).

ков. Барашек много имели. До ста штук. А у некоторых и до двести было. Обнаковенно жили. Свою живность имели» (Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. 2008 год. а/к. 4090. ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3959. ст. Суздальская. Инф.: Белобородов Г.В., 1929 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-1986. а/к. 153 (I). ст. Воронежская).

И действительно, на Кубани было весьма развито скотоводство. Оно давало казаку коня для службы, для питания – мясо и молоко. Крупный рогатый скот разводили не только для получения мяса и молока, но и как тягловую силу. Разводили и овец, подчас – в большом количестве. А также свиней и коз, домашнюю птицу: гусей, уток, кур, индюков.

Выращивали пшеницу и ячмень, реже рожь, просо, овес. А также табак, подсолнечник, лен, коноплю, огородные культуры (помидоры, огурцы, капусту) виноград. Было развито бахчеводство и садоводство. При обработке земли все больше применялось трехполье и многополье, травосеяние, весной на поля вносили удобрения.

В меньшей степени в казачьей среде были развиты ремесла и промыслы. Но иногда они могли играть большую роль в жизни отдельных коллективов выживания. Станичники иногда занимались на дому гончарством, изготавливали кухонную посуду и пр. Было распространено плетение из лозы, например изготовление корзин.

Казачи рыбачили, плели сети, изготавливали лодки. Зимой подчас занимались перевозкой грузов. В предгорьях заготавливали лес, занимались пчеловодством. А также добыча дикого камня, выжигание извести².

На Кубани рубежа XIX-XX вв. приходилось в среднем по 65 пудов чистого сбора зерна на человека. Казачьи хозяйства, как и вся Кубанская область, ежегодно поставляли на рынки страны и особенно за границу огромные партии товарного хлеба. Особенно благоприятным был 1913 г., когда валовой сбор зерна на Кубани достиг рекордной цифры – 266 млн. пуд. К 1913 г. Кубанская область вышла на первое место в России по посевам и сбору подсолнечника.

Особое значение для Кубани имела экспортная торговля. До 70% ее приходилось на зерно. В 1909-1913 гг. Кубань ежегодно в среднем экспортировала за границу до 60 млн. пуд. хлеба. По экспорту зерна она вышла на второе место в России, уступая лишь Херсонской губернии. Кроме хлеба Кубань вывозила на международный рынок льняное и подсолнечное семя, отруби, табак, поташ (Ратушняк 2011: 36-37). Продажа излишков произведенного своими руками позволяло приобретать недостающие промышленные товары, изделия ремесленников.

Например, появлялась сельскохозяйственная техника, например, паровые молотилки (Нищеретов 2017: 65-68). Но техническая оснащенность оставалась слабой, отсутствовали привычные нам трактора и комбайны.

Основой производства были физические усилия людей и животных. Поэтому для выживания были необходимы многолюдные коллективы выживания, семьи с большим количеством детей: «А семьи раньше были большие? – Да, были по пятеро (братьев вместе) и живут... А тада было детей много, были собственные хозяева»; «Было и по десять душ детей. Раньше много было больших семей. У нас у отца было по пять душ детей. Четыре, три, пять детей в семье» (ПМ КФЭЭ-1991. а/к 172. ст. Баракаевская. Инф.: Филиппова П.П., 1908 г.р., Иссл.: Сук А.В.).

Ведь лучше всего хозяйственную функцию могли выполнять большие многопоколенные семьи с многочисленной, уже вошедшей в силу молодежью. В таких семьях было больше работников, они могли накапливать больше продуктов, денег и вещей, необходимых для полноценной жизни, выполнения обязанностей перед обществом, помощи другим людям. Особенно важно было количество мужчин в семье. Они были основными работниками, к тому же земельные паи для казаков полагались только мужчинам. «Было тяжело родиться. При единоличном хозяйстве. Давали земли на мужика. Дзэсть гектаров. На женщин не давали. Шесть мужиков у нас было. Две или три невестки вси вместе работали. Вельки семьи были». «При единоличной жизни они, 6 неженатых сыновей жили вместе. Было 3 пары быков». «–А легче жить большими семьями, или лучше муж с женой и их дети? – Ну конечно! Та да ж отдельно, единолично жили. Поедут на поле – раз и убрали хлеб!». «И папа женатый был, и дядя женатый был. И вси вместе жили». «Сколько детей и невестки. И у невесток дети... И дети, и внуки вместе рожались». «Братья женились, были невестки, у невестках дети были. Все вместе жили. Отец ушел из жизни в двадцать первом году, в террор. Мама осталась вдовою. Мы были маленькие, (но) все слушались друг дружку. Так и хозяйнували, жили до тридцать третьего года» (ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 244. ст. Березанская. Инф.-ты.: Бондаренко М.С., 1915 г.р., Фисенко И.С., 1910 г.р. Иссл.-ли.: Горбань А.Е., Зуб Е.В.; ПМ КФЭЭ-1995. а/к. 784. ст. Новодмитриевская. Инф.: Каменев П.И., 1912 г.р. Иссл.: Самовтор С.В.; ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 317. ст. Мартанская. Инф.: Спиридонова Е.М., 1917 г.р. Иссл.: Креминская В.Ю.; ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 233. ст. Платнировская. Инф.: Саночкина В.М., 1922 г.р.; ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3739. ст. Раздольная. Инф.: Чернявская М.Т., 1914 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.; ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 397. ст. Ленинградская. Инф.: Пручай Е.И., 1918 г.р. Иссл.-ли.: Буланкин А.А., Бабицкий В.В.).

Маленькая семья обычно подразумевала бедность, а с увеличением ее трудоспособных членов приходил достаток. «Кто как сумел, так и жил. У кого большая семья – помогали хорошо. А у кого, как мы жили, одна мать работала. Не заботеешь». «У мамы было десять сестр (сестёр – И.В.). А брат один был, одиннадцатый. Фамилия Белоус у мамы была... Брат у них был один, Иван... А у Пручай 'в, бабушки с дедушкой, один сын был. А мама у мз 'нэ Белоусивна. Так шо из большой семьи (мать Е.И. Пручай) пришла в маленькую семеечку. Они одиноко жили, шо они могли держать? Земелечку отдавали (в аренду), хтось обрабатывал – привезуть (часть урожая). А когда отец на маме женился – уже пошли детки.

2 Экономическое развитие Кубанского казачества в 1860-1917 годах // Департамент образования муниципального образования город Краснодар / Электронный ресурс: <https://do.krd.ru/sites/default/files/inline-files/kkn/> (Дата обращения - 04.01.2026).

И уже начали (жить лучше). Сеялку, веялку, коней купили. И уже начали чуть-чуть хозяйничать, для себя» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4055. ст. Новолабинская, Инф.: Филиппская Е.Д., 1932 г.р., Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 397. ст. Ленинградская. Инф.: Пручай Е.И., 1918 г.р. Иссл.: Буланкин А.А., Бабицкий В.В.).

Для единства и эффективного функционирования казачьей семьи важна была организованность и дисциплина. Она обеспечивалась за счет иерархии статусов: старший по возрасту был выше младшего, мужчина – женщины.

«-Как относились к невесте в доме жениха? -Смотря как где. Должны относиться как к дочери. А теща должна относиться к жениху как к сыну. И раньше так было – первым делом подняться, поздороваться. “Папа, мама” назвать». «- (Т.П.) Все в одной хате живут, а щас (в наше время) – нет!... –А если несколько семей – все равно батеньке подчиняются все? – Все! – А из невесток кто была старшая, кто младшая – подчинялись? –Подчинялись! Старший сын – старша невестка, мзньший сын – младша невестка. Батеньки не було – старший сын был руководитель. – А младшая невестка старшей подчинялась? -Подчинялась. Маты була стара – так та руководыла. -А ноги мыли казакам? -(Н.И.) Мыла жинка ноги человику (мужу). Цэ у богатих!». «Рассказывала бабушка, чтоб невестка крикнула на мать, Боже упаси! Все подчинялись! “Маменька, что мне делать?”. Одной невестке одно снарядит, другой – то. Так бабушка и жила. Сказали родители, что породнимся – все! –А бабушка с дедушкой дружно жили? -Дружно, но все-таки как-то... В общем, мне нравится ихний закон. –А жена с мужа сапоги снимала? –А как же! Да! По-казачьи все! И дети слушались» (ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3763. ст. Раздольная. Инф-ты.: Немцов А.И., 1924 г.р.; Немцова А.Н., 1928 г.р. Иссл.: Щербатюк Р.С.; ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 433. ст. Крыловская. Инф-ты: Сыч Т.П., 1930 г.р.; Конник Н.И., 1900 г.р. Иссл.: Бутко Е.А., Бабицкий В.В.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4030. ст. Тенгинская. Инф.: Латынина Р.Т., 1929 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Сложные, иерархически устроенные семьи были на Кубани отнюдь не только у казаков. «Вот они жили два сына и отец с матерью. Землю обрабатывали. Управлял отец – мать, невестки подчинялись. Она была хозяйкой и отец командовал! Жили в достатке, лучше казаков! Лучше казаков были, богаче» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4090. ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Старожилы не раз подчеркивали контраст семейных отношений в прежние времена с современностью: «Семьи по восемь невесток булы! И слухалы вси! А щас одна, и то не мырятся (конфликтует со свекровью, друг с другом), а если дви, то и балакать нычо!го!... А тоди хороша дисциплина була! Старшего (обидеть) – Боже сохрани!» (ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 279. ст. Старолеушковская. Инф.: Троцкий М.Я., 1907 г.р. Иссл.: Чмырева И.Ю.).

Но при этом огромное значение имели личный авторитет и организаторские способности. Семья с сильным, всеми признанным лидером обычно преуспевала. «Дедушка посажал всех. Три сына женатых, внуки и зятья жили вместе. Дедушка был хозяин, батенько. “Митька, запрягай быков. Бери девчат, ту, ту, ту. Вот туда езжай.

А ты лошадей запряжи. Вот туда, туда”» – рассказал А.М. Писарев о такой семье (ПМ КФЭЭ-1998. а/к. 1533. ст. Сторожневая. Инф.: Писарев А.М., 1918 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.).

Первичным для семьи был практический результат отношений между ее членами (успешное воспитание детей, зажиточность).

Поэтому при создании семьи чувства молодых людей порой не учитывалась. Решающую роль при заключении брака играли родители. «Это когда парень с девушкой уже договорятся? – Бывало, не договаривались. Родители выбирали. Идут сватать». «–А супруга ваша местная, имеретинская? – Да. Здеся родилась. Мать ее в станице Черноморской. Отцы, когда еще они служили, ее отец и его отец. И решили, что если дети будут – поженим. У этого дочь родилась. А у этого сын. В одном году. В двенадцатом году родились. И в двадцать девятом году. Или тридцатом, я точно не помню. Поженились. В тридцатом году родилась уже дочь. Получилось так, что одного отца уже не было. У жениха. Он уже умер в 26 году. А этот завет так они и оставили. Детей своих и поженили» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4199. ст. Сергиевская. Инф.: Борисенко А.А., 1938 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4261. ст. Имеретинская. Инф.: Гапченко И.К., 1926 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

В жизни больших семей немалую роль также играло гендерное и возрастное разделение труда. Мужчины выполняли наиболее тяжелую работу, особенно за пределами дома и подворья. «Кони там, коровы, то мужчинское было дело. А то по домашнему, курей, гусей (женщины ухаживали за домашней птицей – И.В.). Женщины на огороде работали, на степ ездили. Мужчины пахали. Женщины стирали, хаты белили. Женщины мазали (стены и полы глиной – И.В.)» (ПМ КФЭЭ-1991. а/к 134. Ст. Махшевская Мостовского района. Инф.: Пономарева П.А., 1912 г.р., Иссл.: Кременская В.Ю.).

«Женщину не один не посылал в лес дров набрать! Такую работу, как взять косу, взять лопату, взять носилки, вилы – это они не допускали (женщин – И.В.). Его масса населения притеснит, чтоб он этого не делал! Грабли допускались. Хлеб убирать граблями – женщины допускались... Данько на (военных сборах), а сыны еще небольшие. И сенокос подошел. Так она сама (жена) взяла косу и косила. Вся Махшевская, все старики обсуждали! Это на удивление было!» (ПМ КФЭЭ-1991. а/к 134. ст. Махшевская. Инф.: Суров В.А., 1910 г.р., Иссл.: Кременская В.Ю.).

Мужчины и женщины совместно обеспечивали семью одеждой. Ткани все чаще покупали на средства, вырученные от продажи зерна и скота. Одежда из них с конца XIX в. быстро вытесняла домотканую. «Белье большею, а свиты меньшею частью населения приготавлиются из холста и сукна домашнего изделия, а затем, как на белье, так и на верхнюю одежду и обувь приобретаются материалы покупкою на ярмарках». Но станичники продолжали прясть и ткать. Вплоть до послевоенного периода женщины чаще всего сами шили одежду для себя и членов своей семьи. «Сами мамки шили нам в школу все одевание, материал покупали – шось та продадут из хозяйства» (Черный 1883: 422; Матвеев 2024: 94; 2025: 58-59).

Относительно легкую работу выполняли дети и подростки: «Мальчики и дрова носылы, и щепочки собирали. Маленькие воды прынысуть. Цыплят загонялы, телят загонялы» (ПМ КФЭЭ-1991. а/к 174. ст. Баракаевская. Инф.: Светлякова А.М., 1913 г.р., Иссл.: Мануйлов А.Н.); «Раньше и с 12 и с 10 лет работать начинали. Телят па́сли, гусят па́сли» (ПМ КФЭЭ-1991. а/к 172. ст. Баракаевская. Инф.: Филиппова П.П., 1908 г.р., Иссл.: Сук А.В.).

В целом основными добытчиками пропитания и товара на рынок были семьи (родственные коллективы выживания). Но этим занимались и территориальные сети коллективов, коммерческие производные от них.

Так, распространенным явлением старожилы называли объединение усилий, предоставление друг другу скота или техники для какой-либо производственной деятельности, особенно связанной с сельским хозяйством (вспашки земли, обмолота зерна и пр.). Такая форма взаимной поддержки осмыслялась старожилыми как значимый символ прежних времен, ушедшего уклада жизни. «Землю обрабатывали товариществом. Спрягались и начинали работать. Охранялы. Ночами не спали. Набеги были из-за Кубани». «А у меня сосед ничего не имел (не имел рабочего скота). Сад у него был и пчелы. Подходит весна – надо вспахать. Приходит. – Кум Чирва, дай мне быков, лошадей! Вспаху делянку свою. – Выбирай! Берет, вспашет. Потом приводит лошадей. – Спасибо, кум! – Пожалуйста! Бесплатно помогали друг другу! Ни каких денег так и не платили». «У меня лошадка, а у тебя тоже лошадка. Мы с тобой спрягались. И пашем твою землю, мою землю». «Я ж тебе рассказывал, как табак сажали. На быках, на коровах. Сажали, коров спрягали. Ты хозяин, и я хозяин. У тебя есть коровка. И у меня есть. Мы так спряжем. И зерно так вывозили». «Единолично жили. Не у каждого была молотилка, шо молотэ пшеницу. Када молотыть – спрягались. Соединялись несколько семей. Поезжай, до второго, до третьего. Но все вместе» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4217. ст. Платнировская. Инф.: Гришко С.П., 1922 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3980. ст. Саратовская. Инф.: Чирва И.Г., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; КФЭЭ-2008. а/к. 3902. ст. Бакинская. Инф.: Згура Н.Н., 1926 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3923. ст. Бакинская. Инф.: Василенко И.А., 1930 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 233. ст. Платнировская. Инф.: Саночкина В.М., 1922 г.р.).

Соседи могли объединяться и для рыбной ловли. «–А с кем обычно ловили рыбу? Семья сама себе ловила? – Знакомый со знакомым, по знакомству. Кумовья там называются, знакомы, соседи. Кто есть. А можно и семьей». С ними также могли делиться уловом. «Наловлю, поотдаю. Каракаям, Петрусенкам. Всем же ж тоже рыбы хочется» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3967. ст. Имеретинская. Иссл.: Щербатюк Р.С.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4209. ст. Платнировская. Инф.: Гришко С.П., 1922 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

В начале XX в. на Кубани большое развитие получила хозяйственная кооперация «современного типа», которая была представлена различного рода кооперативами, ссудо-сберегательными товариществами

и пр. К 1908 г. в казачьих станицах уже действовало 40 ссудо-сберегательных кооперативов с оборотом капиталов около 5 млн. руб. К 1905 г. в станицах действовало 5 потребительских обществ, в 1908 г. их было уже 61 (Ратушняк 2011: 34). Порой такие объединения действовали столь эффективно, что могли принимать участие в развитии местной инфраструктуры. «Общество было, вот как кооператив. Они сложились, и создали такое общество – ссудосберегательное товарищество. Они так работали хорошо, что имели возможность построить у нас Дом культуры. Ссыпка была, принимали зерно. Чтоб людям не возить на переправу своей лошадкой... Амбра были, а потом большой навес, там стояли веялки, триера́. Нужно просеять зерно на посев – туда шли. В Доме культуры у нас библиотека была чудесная. Малый зал – это библиотека была. Причем стеллажей не было, были шкафы. Книги были все в таком переплете твердом. Они ставили спектакли. Магазинчик был небольшой. Там продавали запчасти на сеялки, на веялки, на плуги. Их называли баклуши. И вот они имели возможность построить Дом культуры! В окружающих станицах ничего такого не было. Даже в Уманской, там маленькая хатка была. У нас в единственной из станиц, Челбасской, Платнировской, был дом культуры с паровым отоплением. Там библиотека, спектакли ставила наша интеллигенция. Кружки были мой отец ходил в хор – кружок» (ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 330. ст. Крыловская. Инф.: Пентюх А.В., 1909 г.р. Иссл.: Зуб Е. В., Макаров А.Г.).

При этом заработная плата с начала XX столетия играла в жизни кубанцев все большую роль. Но в среде казачества ее получали преимущественно самые бедные (батраки) и, наоборот, представители элиты (офицеры, чиновники). Основой жизнеобеспечения оставались продукты, произведенные в своем хозяйстве, и прибыль от их продажи.

Таким образом, родственные коллективы выживания кубанских казаков (семьи) обеспечили на рубеже XIX-XX вв. достаточно высокий уровень развития сельского хозяйства, в т.ч. экспорт зерна за рубеж, что говорит об уровне эффективности, превышающем обеспечение выживания коллектива. Помимо этого семьи в той или иной степени обеспечивали себя тканями, одеждой. Промышленные товары покупались на средства, вырученные от продажи выращенного совместными усилиями родственников.

Важность «производственной составляющей» казачьих семей проявилась в их многолюдности (несколько поколений под одной крышей), строгой иерархии, большом количестве детей, возрастном и гендерной разделении труда, значимости трудолюбия. Все это было необходимо для нормального ведения хозяйства силами коллектива выживания с минимальным использованием техники.

В производстве были задействованы не только родственные коллективы выживания, но и их территориальные сети. Например, владельцы тяглового скота и сельскохозяйственного инвентаря объединялись для обработки земли, соседи совместно ловили рыбу. В начале XX в. начали развиваться различные виды кооперации (ссудная, потребительская), которая основывалась

ЛИТЕРАТУРА

- Матвеев 2024 - Матвеев О.В. Традиционная материальная культура // История, этнография, фольклор Кубани. Т. VI. Ленинградский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Ростов-на-Дону, 2024.
- Матвеев 2025 - Матвеев О.В. Традиционная материальная культура // История, этнография, фольклор Кубани. Т. VII. Павловский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Краснодар, 2025.
- Нищеретов 2017 - Нищеретов И.В. Аграрный сектор Кубани в конце XIX – первой четверти XX в.: сравнительная характеристика // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 65-68.
- ПМ КФЭЭ - Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.
- Ратушняк 2011 - Ратушняк В.Н. Социально-экономическое развитие кубанского казачества в 1900-1913 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 33-38.
- Черный 1883 - Черный К.Н. Ейский уезд (статистическое описание) // Кубанский сборник. Труды Кубанского статистического комитета, издаваемые под ред. Е.Д. Фелицына. Т. 1. Екатеринодар, 1883.

REFERENCES

- CHernyj 1883 - CHernyj K.N. Ejskij uezd (statisticheskoe opisanie) [Yeisk District (statistical description)], in: Kubanskij sbornik. Trudy Kubanskogo statisticheskogo komiteta, izdavaemye pod red. E.D. Felitsyna [The Kuban collection. Proceedings of the Kuban Statistical Committee, edited by E.D. Felitsyn], Vol. 1, Ekaterinodar, 1883 [in Russian].
- Matveev 2024 - Matveev O.V. Tradicionnaya material'naya kul'tura [Traditional material culture], in: Istoriya, etnografiya, fol'klor Kubani. T. VI. Leningradskij rajon (materialy Kubanskoj fol'klorno-etnograficheskoy ekspedicii) [History, ethnography, folklore of Kuban. Vol. VI. Leningrad region (materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition)], Rostov-na-Donu, 2024 [in Russian].
- Matveev 2025 - Matveev O.V. Tradicionnaya material'naya kul'tura [Traditional material culture], in: Istoriya, etnografiya, fol'klor Kubani. T. VII. Pavlovskij rajon (materialy Kubanskoj fol'klorno-etnograficheskoy ekspedicii) [History, ethnography, folklore of Kuban. Vol. VII. Pavlovsky district (materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition)], Krasnodar, 2025 [in Russian].
- Nishcheretov 2017 - Nishcheretov I.V. Agrarnyj sektor Kubani v konce XIX – pervoj chetverti XX v.: sravnitel'naya harakteristika [Kuban agricultural sector at the end of the 19th – first quarter of the 20th century: comparative characteristics], in: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture], 2017, № 6, pp. 65-68 [in Russian].
- PM KFEE - Polevye materialy Kubanskoj fol'klorno-etnograficheskoy ekspedicii [Field materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition] [in Russian].
- Ratushnyak 2011 - Ratushnyak V.N. Social'no-ekonomicheskoe razvitie kubanskogo kazachestva v 1900-1913 gg. [Socio-economic development of the Kuban Cossacks in 1900-1913], in: Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought], 2011, № 5 (10), pp. 33-38 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev

– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

В 2022 году журнал «Исторический формат» запустил масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси. Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя.

БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XIV-XV СТОЛЕТИЙ

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

e-mail: mail@histformat.com

Researcher ID: C-5151-2018

<https://orcid.org/0000-0001-9063-6544>

SPIN-код: 1390-8096

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются результаты сравнительного исследования различных версий русских фольклорных сказаний, посвященных отражению татаро-монгольского нашествия. Исследуемый материал включает как записи фольклорных преданий, сделанные в XIX-XX веках, так и средневековые летописи и литературные переработки устных сказаний. К ним относятся произведения различных жанров, каждое из которых по-своему отражает непосредственные впечатления от национально-освободительной борьбы XIV-XV веков. Особый интерес представляют героические сказания – образные и эмоционально насыщенные повествования, основанные на реальных событиях. Именно эти сказания оказали значительное влияние на былины, посвященные отражению татаро-монгольского нашествия. Установлено, что основным источником для них послужили более древние былины, затрагивавшие ту же тему. В XIV-XV веках эти былины подверглись переработке под влиянием более поздних исторических событий. Эти события первоначально нашли отражение в народной повествовательной традиции, на основе которой и происходило обновление старых былин. Высказывается надежда, что представленные в статье наблюдения внесут вклад в решение дискуссионного вопроса о характере взаимосвязи былин и исторических фактов (аннотация составлена самим С.Н. Азбелевым).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: былины, исторические песни, исторические предания, Куликовская битва.

BYLINY AND HISTORICAL EVENTS OF THE 14th–15th CENTURIES

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS

4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia

e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

This article looks at the results of a comparative study of various versions of Russian folklore oral legends reflecting the resistance to the Tatar-Mongol invasion. The material analyzed includes both folk legend recordings from the 19th and 20th centuries and medieval chronicles and literary adaptations of oral traditions. These sources represent a variety of genres, each reflecting in its own way the immediate impressions of the national liberation struggle of the 14th and 15th centuries. Of particular interest are heroic oral legends-vivid and emotionally charged accounts rooted in real historical events. It was these very legends that had a significant influence on the byliny (oral epic poems) devoted to the resistance to the Tatar-Mongol invasion. The study establishes that the primary source for these epics were older byliny addressing the same subject. In the 14th and 15th centuries, these older epics were reworked under the influence of later historical events. These events were initially reflected in the folk narrative tradition, which in turn provided the basis for the renewal and transformation of the older byliny. The author expresses the hope that the observations presented in the article will contribute to resolving the debated question of the nature of the relationship between «byliny» and historical facts (the abstract was prepared by S.N. Azbelev himself).

KEYWORDS: byliny, historical songs, historical traditions, Battle of Kulikovo.

Публикация статьи подготовлена М.И. Жихом по машинописи из архива С.Н. Азбелева. На статье стоит дата 31.10.1974

Русские былины, известные нам приблизительно в трех тысячах записей, принадлежат к тек разнообраз-

ностям устного эпоса, которое отразили многовековую эволюцию народных представлений. В былинах

с полным основанием обнаруживают реалии целого ряда этапов формирования древнерусской народности и русской нации; хронологический диапазон этих реалий составляет более тысячи лет. Но одно дело – отражение в эпосе общих условий и частных проявлений развития определенной этнической общности, а другое дело – отражение влиявших на ее развитие исторических событий.

Вполне ясно, что для некоторых более или менее поздних былиных источниками послужили сказки и близкие им устные (а иногда, по-видимому и письменные) прозаические произведения, явившиеся плодом художественного вымысла. Если оставить этот материал в стороне, то остается основная масса былин – героических и отчасти новеллистических, – относительно которых уже несколько десятилетий ведется спор: восходят эти былины к историческим фактам или нет.

Важно уточнить прежде всего само понятие «исторические факты» в применении к отражению таких фактов фольклором вообще. Исторические события и события «неисторические» – в сущности явления одного порядка. Любой факт частной жизни любого члена общества может оказаться фактом историческим. Достаточно иногда случайного сцепления обстоятельств, чтобы малозначительное в своем существе событие получило широкий общественный резонанс. Один факт из ряда ему подобных таким образом выступает как особенно яркое проявление породившей множество аналогичных фактов исторической закономерности,

По отношению к истории минувших эпох, сведения о которых ограничены, историческими событиями признаются практически те, о которых сообщают сохранившиеся письменные источники (прежде всего – источники нарративные: летописи, хроники, жизнеописания и т.д.).

Но при тогдашнем состоянии средств общественной информации круг сведений, которыми могли располагать авторы таких источников, был довольно узок. Отбор данных, которые попадали в дошедший до нас источник, был неизбежно субъективен. Совершенно очевидно, что очень многие важные исторические факты далекого прошлого письменными источниками вообще не отражены. Кроме того, многое упомянуто настолько глухо или освещено настолько пристрастно, что нет возможности получить теперь более или менее четкое представление о существе таких событий.

Эта общая неполнота письменных повествовательных источников – следствие неполного использования ими источников устных. Можно с уверенностью утверждать, что в устных источниках получал освещение каждый факт, привлекавший внимание его современников. Наиболее универсальные в данном отношении источники – устные рассказы непосредственных участников и очевидцев событий. Затем – пересказы этих рассказов другими лицами и возникавшие таким путем слухи. Далее – предания, сказания и легенды, т.е. рассказы, перешедшие в устойчивую устную традицию и трансформированные соответственно ее жанровым закономерностям. Традиция закрепляла повествования далеко не о всех событиях. Критерием «естественного отбора»

служила устойчивость интереса к ним в той или иной общественной среде.

Не может быть сомнений, что устные источники фиксировали историю народа несравненно полнее, чем источники письменные. Но, в отличие от последних, рассказы, не вошедшие в традицию, существовали всегда недолго. Поэтому конкретное представление о них можно получить только в тех редчайших по отношению к общей массе случаях, когда современниками такие рассказы были записаны. Записи их, а несравненно чаще сокращенные и обработанные письменные пересказы, как раз и составляют основу летописей и подобных им письменных источников – неизбежно неполных и тенденциозных.

Определение «историчности» события или его «неисторичности», строго говоря, вообще не должно ставиться в исключительную зависимость от такого случайного обстоятельства как упоминание или упоминание в дошедших до нас средневековых текстах. С обнаружением неизвестных ранее письменных памятников расширяется почти всегда и круг таких упоминаний. Устные источники в принципе должны быть признаны не менее существенным материалом для определения степени историчности фактов прошлого. Если событие настолько запечатлелось в сознании его современников и их потомков, что повествования о нем хранятся в памяти поколений и передаются изустно на протяжении сотен лет, то это может оказаться более надежным удостоверением значительности самого факта, чем упоминание его одним летописцем, рукопись которого (или чаще список с нее) случайно дошла до нас в отличие от множества рукописей погибших.

Бесспорное преимущество письменных источников в том, что они способны сохранять в неизменном виде подробную индивидуальную интерпретацию факта его современником. Но, может быть, не менее важное преимущество источников устных в сохранении ими той обобщенной интерпретации событий, которая прочно отложилась в сознании более или менее широкой общественной среды.

Достаточно полный учет этих обстоятельств мог бы помочь разрешению спора о соотношении былин и исторических фактов.

Сторонники одного направления, за которым закрепилось название исторической школы, направляли и направляют свои усилия прежде всего на то, чтобы отыскивать в письменных источниках упоминания собственных имен и связанных с этими именами фактов, которые могли бы расцениваться если не как совпадение, то как более или менее приемлемая аналогия именам и сюжетным мотивам, которые встречаются в былинах. Такие совпадения и аналогии интерпретируются обычно как свидетельства того, что былины возникали сначала в виде исторических песен об этих лицах и событиях¹. Сторонники противоположного направления, которое можно было бы назвать школой эстетической, утверждают, что былины создавались изначально

1 Главные труды основоположника этого направления собраны в издании: Миллер 1897-1924. Последние крупные работы данного направления: Плисецкий 1963; Рыбаков 1963.

как художественный вымысел и что разыскания исторической школы даже тогда, когда они дают видимый результат, в принципе не могут доказать восхождение былины к описанию исторического факта: такие результаты свидетельствуют не более как о случайно занесенных в былинку (гораздо позже ее возникновения) отголосках каких-то впечатлений относительно исторических лиц и конкретных событий, отголосках, совершенно не влиявших на сюжет былины. Аргументация сторонников этого направления может быть сведена к тезису, что всякая былина – художественный организм, появившийся и живущий соответственно закономерностям жанра и его поэтики; вследствие этого былина не могла появиться путем постепенного искажения песни, которая отражала конкретные впечатления от исторического факта².

Не вдаваясь сейчас в теоретическое рассмотрение проблемы, остановимся коротко на результатах недавнего изучения цикла былин и прозаических устных повествований, посвященных отражению татарского нашествия.

В записях фольклористов XIX–XX вв. и в средневековых записях и обработках зафиксировано значительное число различных по жанру устных рассказов, посвященных национально-освободительной борьбе русского народа за уничтожение татаро-монгольского владычества в XIV–XV веках. В этих повествованиях речь идет главным образом о событиях, связанных с успешным отражением происходивших в то время нашествий вражеских войск. Центральным из этих событий была знаменитая победа на Куликовом поле над армией Мама в 1380 г. Подробный рассказ участника этого сражения составил основу обширной повести, вошедшей в летописи. Из рассказов подобного рода в устной традиции создавались украшенные, эмоционально приподнятые героические сказания. Одно из них, довольно подробное, в устном бытовании сохранялось около пяти столетий и было записано в XIX в. Другие версии этого же сказания сохранились в средневековых записях и обработках. Еще несколько таких сказаний отражены только средневековыми записями. Собираателями фольклора в XIX и XX вв. записан и ряд сравнительно кратких преданий, связанных главным образом с Куликовской битвой и предшествовавшей ей битвой на реке Воже. Удалось выяснить, что фольклористические записи нового времени отражают многовековую устную традицию, которая не восходит сама к средневековым записям или их литературным обработкам (подробно см.: Азбелев 1968; 1970; 1970а; 1971в; 1972а; 1974; 1974а).

Былины об отражении вражеского нашествия принципиально отличаются от всех этих рассказов не только своей поэтической системой, но рядом весьма устойчивых реалий: центром действия является Киев, а не Москва, русский князь – Владимир, а не Дмитрий Донской и т.д. Однако иногда упоминается Куликово поле, предводитель вражеского войска иногда именуется Мамаем; только сами противники Руси почти во всех случаях на-

званы татарами. Эти обстоятельства побуждали даже представителей исторической школы полагать, что былины данного цикла усвоили лишь внешне некоторые отголоски борьбы за уничтожение татарского владычества.

К иным результатам привело текстологическое изучение этих былин путем поэпизодного сличения всех записей, выявления архетипных эпизодов и последующего сравнения их с реальным ходом исторических событий, зафиксированным в летописях.

Наиболее любопытна оказалась былина, имеющая в вариантах название «Камское побоище» (иногда – «Мамаево побоище»). Обнаружилось, что в ней одиннадцать главных эпизодов. Все эти эпизоды (и почти все в такой же последовательности) имеют прямые аналогии в засвидетельствованных письменными источниками XIV–XV вв. главных событиях борьбы с татарами в 1380–1382 гг. Преимущественно это эпизоды, связанные с самой Куликовской битвой. Ученые исторической школы в свое время полагали, что исторической основой былины послужило сражение на реке Калке в 1223 г. Но их вывод базировался на изучении небольшого числа существовавших в то время записей. Более 20 записей, известных в настоящее время, убеждают, что события 1223 г. несравненно менее сходны с содержанием былины, чем события 1380–1382 гг. Однако некоторые данные позволяют думать, что дошедшая до нас в записях былина появилась некогда как переделка несохранившейся былины, действительно отзывавшейся на события 1223 г.

Другая особенность произведений этого цикла наиболее ярко обнаружилась в ходе текстологического изучения более распространенной былины «Илья Муромец и Калин-царь» (сейчас известно около 50 ее записей). Почти все главные эпизоды этой былины не только имеют аналогии в летописи. Гораздо более близкие аналогии былинным эпизодам обнаруживаются в устных героических сказаниях и преданиях о событиях национально-освободительной борьбы XIV–XV вв. Реальный эпизод, сухо упомянутый летописью, в героическом сказании описан более развернуто и украшенно, иногда – с элементами гиперболизации, но, как правило, с сохранением исторических имен и других реалий. В былине этот же эпизод оказывается облеченным в обычные для нее поэтические формулы, уснащен обычными для нее гиперболами и т.д., а действующими лицами оказываются уже именно те богатыри, образы которых прочно связаны в эпосе с героической тематикой. Если попытаться изъять из этой былины те эпизоды, которые особенно близко напоминают реальные события XIV в., зафиксированные летописью, то легко видеть, что былина в целом является переделкой былины «Данила Игнатьевич и сын». На этот источник указывали еще А.Н. Веселовский и В.И. Чичеров (Веселовский 1881: 47 и сл.; Чичеров 1947: 33–35), но они не сравнивали переработанную былинку с летописью и героическими сказаниями, поэтому причины переработки старой былины оставались не вполне выясненными.

Сопоставления со средневековыми письменными источниками, практиковавшиеся исторической

² Первая крупная работа, направленная против исторической школы, но отчасти разделявшая ее принципиальные позиции: Скафтымов 1924. Основной труд эстетического направления: Пропп 1958. См. также: Пропп 1968.

школой уже давно, должны, по-видимому, проводиться, во-первых, с преимущественным вниманием не к именам, а к историческому смыслу основных эпизодов и на основе полного текстологического сличения всех вариантов самой былины. Во-вторых, следует учитывать в достаточной мере структуру былинного сюжета, и те ограничения, которые она неизбежно налагает на принципиальную возможность аналогий между эпизодами былины и реальным ходом исторических фактов. При соблюдении этих условий параллели между былинами и сообщениями средневековых письменных памятников могут давать достаточно доказательный материал.

Однако параллели подобного рода обнаруживаются в достаточной мере не для всех былин, посвященных борьбе против татарского нашествия. Это, разумеется, не дает оснований думать, будто исторические события повлияли только на те былины, соответствия содержанию которых есть в средневековых текстах. Гораздо естественнее признать, что все или почти все былины этого цикла приблизительно одинаково соотносятся с историческими фактами, но далеко не все такие факты отражены письменными источниками (точнее – той частью их, которая дошла до нас). Подтверждением этого являются случаи сходства былин и с теми эпизодами устных преданий, которые в письменных средневековых текстах не отразились.

Характерный пример – освещение фольклорной традицией крупного сражения с вторгшейся в русские пределы татарской армией на реке Воже (вблизи г. Рязани) в 1378 г. Летописи говорят об этом событии очень кратко. Но от жителей местности, где оно происходило, было записано предание, позволяющее дополнить летописные данные. Оно сообщало, что исход боя решил находившийся в засаде отряд под предводительством юноши Ермака, который сам в конце этого сражения погиб. Позднее на севере Европейской части России была записана былина о битве с вторгшимися на Русь татарами, где решающая роль принадлежит юному богатырю Ермаку, гибнущему в конце боя. В обоих случаях причиной гибели героя оказывается его горячность и недостаток боевого опыта. Имя Ермак, судя по письменным и устным источникам, было в XIV-XVI вв. довольно распространено. В фольклоре есть сведения о нескольких персонажах, носивших это имя. Из них наиболее известен историкам крупный военачальник XVI столетия, о походах которого в Сибири сообщают и летописи. Но о Ермаке, участвовавшем за двести лет до того в сражении на реке Воже, в письменных источниках известий не обнаружено.

Былина о Ермаке, по справедливому мнению А.Н. Веселовского и других исследователей, является переделкой более древней былины о малолетнем богатыре Михаиле Даниловиче. Но причина переработки ее оставалась невыясненной³. Этой причиной, очевидно, и явилось в XIV-XV вв. новое историческое событие, от-

разившееся сначала в предании (а может быть и в героическом сказании), которое повлияло затем на былинку в период своей наибольшей популярности.

Могут быть приведены и другие примеры того, как предания и героические сказания о событиях национально-освободительной борьбы XIV-XV вв. вступали в контаминации с более ранними, но близкими по теме былинами и вызвали их творческие переработки. Выясняется, что на былины влияли именно устные источники, а не посвященные этим событиям литературные произведения, которые, как теперь обнаруживается, сами восходили к тем же устным источникам (подробно см.: Азбелев 1971; 1971а; 1971б; 1972; 1973; 1975).

Было бы, конечно, неосмотрительно на основании полученных данных делать слишком широкие выводы, полагая, что выяснен универсальный механизм взаимодействия былин и исторических фактов. Полученные результаты объясняют появление в XIV-XV вв. новых былин определенного цикла на основе былин, ранее уже существовавших. Но достаточно очевидно, что эти данные свидетельствуют не о появлении былин путем постепенного искажения созданных по свежим следам событий исторических песен. По-видимому, жанровая специфика былин, по крайней мере уже в эту эпоху, была достаточно стабильна. Исторические события оказывали в то время воздействие на сюжеты былин не непосредственно. Посредствующим звеном служила фольклорная традиция, представленная устными рассказами различного жанра. Преимущественным источником исторической актуализации былин являлись, насколько позволяет судить материал, героические сказания, т.е. та разновидность прозаического фольклора, которая была ближе других к былинам по своей художественной системе.

Изложенные наблюдения относятся к былинам, которые так или иначе отразили события достаточно крупного общественного масштаба. Но характерные для социальных отношений любой этнической общности события частной жизни, как уже говорилось, тоже могли быть по своей объективной сущности историческими. Подобные факты могли соотноситься с былинами в принципе так же, как и рассмотренные.

3 Высказывались гадательные предположения о влиянии фольклорных произведений, отразивших деятельность Ермака, завоевавшего Сибирское ханство в XVI в., – но с оговорками, что персонаж былины очень мало походит на исторического Ермака (Миллер 1869: 697).

ЛИТЕРАТУРА

- Азбелев 1968 - Азбелев С.Н. Куликовская битва в славянском фольклоре // Русский фольклор. Т. XI. М.; Л., 1968.
- Азбелев 1970 - Азбелев С.Н. Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого Русского государства // Русская литература и фольклор. Л., 1970.
- Азбелев 1970а - Азбелев С.Н. Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре // Советское славяноведение. 1970. № 6.
- Азбелев 1971 - Азбелев С.Н. Былины об отражении татарского нашествия // Русский фольклор. Т. XII. Л., 1971.
- Азбелев 1971а - Азбелев С.Н. Две былины Сборника Кирши Данилова и южнославянский эпос // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971.
- Азбелев 1971б - Азбелев С.Н. Мотивы убийства вражеского царя а былинах и косовских песнях // Славянский и балканский фольклор. М., 1971.
- Азбелев 1971в - Азбелев С.Н. Устные героические сказания о Куликовской битве // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971.
- Азбелев 1972 - Азбелев С.Н. Былина о свержении татарского ига, ее источники и обстоятельства появления // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы. М., 1972.
- Азбелев 1972а - Азбелев С.Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Т. XIII. Л., 1972.
- Азбелев 1973 - Азбелев С.Н. Алтайская версия былины о Сухане и Сказание о Мамаевом побоище // Эпическое творчество народов Сибири. Улан-Удэ, 1973.
- Азбелев 1974 - Азбелев С.Н. Изобразительные средства героических оказаний // Русский фольклор. Т. XIV. Л., 1974.
- Азбелев 1974а - Азбелев С.Н. Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974.
- Азбелев 1975 - Азбелев С.Н. Оппозиционные мотивы в былинах и историческая действительность XIV-XV вв. // Русский фольклор. Т. XV. Л., 1975.
- Веселовский 1881 - Веселовский А.Н. Южнорусские былины // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXII. № 2. СПб., 1881.
- Миллер 1869 - Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
- Миллер 1897-1924 - Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. I. М., 1897. Т. II. М., 1910. Т. III. М.; Л., 1924.
- Плисецкий 1963 - Плисецкий М.М. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963.
- Пропп 1958 - Пропп В.Я. Русский героический эпос. Издание второе, исправленное. М., 1958.
- Пропп 1968 - Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Ученые записки Ленинградского университета. № 339. Л., 1968.
- Рыбаков 1963 - Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Скафтымов 1924 - Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924.
- Чичеров 1974 - Чичеров В.И. Об этапах развития русского героического эпоса // Историко-литературный сборник. М., 1947.

REFERENCES

- Azbelev 1968 - Azbelev S.N. Kulikovskaya bitva v slavyanskom fol'klore [The Battle of Kulikovo in Slavic folklore], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Vol. XI, Moscow; Leningrad, 1968 [in Russian].
- Azbelev 1970 - Azbelev S.N. Literatura perioda nacional'no-osvoboditel'noj bor'by i stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva [Literature of the period of the national liberation struggle and the formation of the united Russian state], in: Russkaya literatura i fol'klor [Russian literature and folklore], Leningrad, 1970 [in Russian].
- Azbelev 1970a - Azbelev S.N. Otvuki Kulikovskoj bitvy v serbskom i russkom fol'klore [Echoes of the Battle of Kulikovo in Serbian and Russian folklore], in: Sovetskoe slavyanovedenie [Soviet Slavic Studies], 1970, № 6 [in Russian].
- Azbelev 1971 - Azbelev S.N. Byliny ob otrazhenii tatarskogo nashestiya [Epics about the reflection of the Tatar invasion], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Vol. XII, Leningrad, 1971 [in Russian].
- Azbelev 1971a - Azbelev S.N. Dve byliny Sbornika Kirshi Danilova i yuzhnoslavyanskij epos [Two epics from Kirsha Danilov's Collection and a South Slavic epic], in: Fol'klor i literatura Urala [Folklore and literature of the Urals], Perm, 1971 [in Russian].
- Azbelev 1971b - Azbelev S.N. Motivy ubieniya vrazheskogo carya a bylinah i kosovskih pesnyah [The motives of the assassination of the enemy king in epics and Kosovo songs], in: Slavyanskij i balkanskij fol'klor [Slavic and Balkan folklore], Moscow, 1971 [in Russian].
- Azbelev 1971v - Azbelev S.N. Ustnye geroicheskie skazaniya o Kulikovskoj bitve [Oral heroic tales about the Battle of Kulikovo], in: Sovremennye problemy fol'klora [Modern folklore problems], Vologda, 1971 [in Russian].
- Azbelev 1972 - Azbelev S.N. Bylina o sverzhenii tatarskogo iga, ee istochniki i obstoyatel'stva poyavleniya [The epic about the overthrow of the Tatar yoke, its sources and the circumstances of its appearance], in: Problemy idejno-esteticheskogo analiza hudozhestvennoj literatury [Problems of ideological and aesthetic analysis of fiction], Moscow, 1972 [in Russian].
- Azbelev 1972a - Azbelev S.N. Skazanie o pomoshchi novgorodcev Dmitriyu Donskomu [The legend of the Novgorodians' help to Dmitry Donskoy], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Vol. XIII, Leningrad, 1972 [in Russian].
- Azbelev 1973 - Azbelev S.N. Altajskaya versiya byliny o Suhane i Skazanie o Mamaevom poboishche [The Altai version of the epic of Sukhan and the Legend of the Mamaev Massacre], in: Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri [Epic creativity of the peoples of Siberia], Ulan-Ude, 1973 [in Russian].

- Azbelev 1974** - Azbelev S.N. Izobrazitel'nye sredstva geroicheskikh okazaniy [Pictorial means of heroic service], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Vol. XIV, Leningrad, 1974 [in Russian].
- Azbelev 1974a** - Azbelev S.N. Otrazhenie dejstvitel'nosti v predaniyah, legendah, skazaniyah [Reflection of reality in legends, legends, tales], in: Prozaicheskie zhanry fol'klora narodov SSSR [Prose genres of folklore of the peoples of the USSR], Minsk, 1974 [in Russian].
- Azbelev 1975** - Azbelev S.N. Oppozitsionnye motivy v bylinah i istoricheskaya dejstvitel'nost' XIV-XV vv. [Oppositional motives in epics and historical reality of the XIV-XV centuries], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Vol. XV, Leningrad, 1975 [in Russian].
- CHicherov 1974** - CHicherov V.I. Ob etapah razvitiya russkogo geroicheskogo eposa [About the stages of development of the Russian heroic epic], in: Istoriko-literaturnyj sbornik [Historical and literary collection], Moscow, 1947 [in Russian].
- Miller 1869** - Miller O. Il'ya Muromec i bogatyrstvo kievskoe [Ilya Muromets and the heroism of Kiev], Saint-Petersburg, 1869 [in Russian].
- Miller 1897-1924** - Miller V.F. Ocherki russkoj narodnoj slovesnosti [Essays on Russian folk literature], Vol. I, Moscow, 1897, Vol. II, Moscow, 1910, Vol. III, Moscow; Leningrad, 1924 [in Russian].
- Pliseckij 1963** - Pliseckij M.M. Vzaimosvyazi russkogo i ukrainskogo geroicheskogo eposa [The interrelationships of Russian and Ukrainian heroic epics], Moscow, 1963 [in Russian].
- Propp 1958** - Propp V.YA. Russkij geroicheskij epos. Izdanie vtoroe, ispravlennoe [The Russian heroic epic. Second edition, revised], Moscow, 1958 [in Russian].
- Propp 1968** - Propp V.YA. Ob istorizme russkogo fol'klora i metodah ego izucheniya [About the historicism of Russian folklore and methods of its study], in: Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta [Scientific notes of Leningrad University], № 339, Leningrad, 1968 [in Russian].
- Rybakov 1963** - Rybakov B.A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. The legends. Epics. The Annals], Moscow, 1963 [in Russian].
- Skaftymov 1924** - Skaftymov A.P. Poetika i genezis bylin [Poetics and genesis of epics], Moscow; Saratov, 1924 [in Russian].
- Veselovskij 1881** - Veselovskij A.N. YUzhnorusskie byliny [South Russian epics], in: Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences], Vol. XXII, № 2, Saint-Petersburg, 1881 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич

– Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Sergey Azbelev

– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

mail@histformat.com

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc., .docx., .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.
4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслите-

рирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

6. При упоминании в тексте физических лиц и организаций автор статьи обязан соблюдать требования Минюста России и Росфинмониторинга и самостоятельно проверять соответствие текста этим требованиям.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2026, № 1

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 15.10.2026

Формат 210x297

Электронный файл PDF

Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

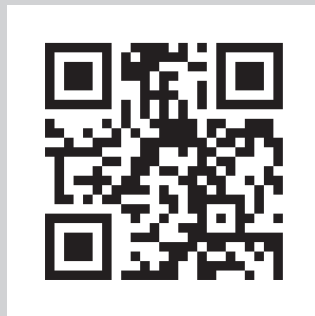
Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2026
ISSN 2411-9415

<http://histformat.com/>